

ISSN 0132-5159

**ПОВОЛЖСКИЙ
КРАЙ**

Выпуск 12

АРХЕОЛОГИЯ, ИСТОРИЯ
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ ПОВОЛЖЬЯ

Издательство
Саратовского
университета

СОДЕРЖАНИЕ

АРХЕОЛОГИЯ	
<i>Малов Н.М.</i> (Саратов). Литейные формы с нижневолжских поселений срубной культурно-исторической области	3
<i>Лопатин В.А.</i> (Саратов). Элементы содрюструктуры позднепервобытных видонранских обществ Центральной Евразии	22
<i>Сергеева О.В.</i> (Энгельс). Пространственные связи поселений эпохи поздней бронзы левобережных районов Нижнего Поволжья	34
ИСТОРИЯ	
<i>Булычев М.В.</i> (Саратов). Эволюция транспортной системы Поволжья в конце XVII — начале XX века	51
<i>Артамонова Л.М.</i> (Самара). Реализация школьной реформы Екатерины II в поволжских губерниях	65
<i>Емельянов А.В.</i> (Саратов). Внутренняя жизнь Казанского военного округа в первые годы его существования (1864—1868)	74
<i>Мурашов Д.Ю.</i> (Пенза). Создание и деятельность Пензенского губернского комитета по улучшению быта помещичьих крестьян	82
<i>Назаров В.В.</i> (Балашов). К истории развития здравоохранения в Саратовском Поволжье в 20-е годы XVIII века — начале 60-х годов XIX века	90
<i>Барнинова Е.П.</i> (Самара). Стратификация дворянства в начале XX века	96
<i>Жилкин В.А.</i> (Саратов). Социалистические партии в дни падения монархии в России (по материалам Нижнего Поволжья)	105
<i>Новиков А.П.</i> (Саратов). Родом из Поволжья: видный политический деятель России В.М. Чернов	115
<i>Воронихин А.В.</i> (Саратов). Исторический портрет без парадного глянца (страницы биографии саратовского губкомиссара П.А. Лебедева)	126
<i>Гуменюк А.А.</i> (Саратов). Саратовская деревня накануне перехода к напу	132
<i>Кузнецова Н.В.</i> (Волгоград). Состояние пищевой и легкой промышленности Нижнего Поволжья в послевоенный период (1945—1952)	145
<i>Матвеев М.Н.</i> (Самара). Власть и общество в системе местных Советов народных депутатов Поволжья в 70-е — начале 90-х годов XX века	160
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ	
<i>Ведель фон К.А.В.</i> История одного офицера в войну против России в 1812 году, в русском плену в 1813—1814 годах, в походе против Наполеона в 1815 году: Воспоминания (перевод с немецкого А.Н. Галямичева, комментарии В.П. Тотфалушина)	169
<i>Гусарова Е.В.</i> (Москва). «Английский шпион» в Астрахани первой четверти XVII века (к вопросу об источниках «Северной и Восточной Тартарии» Николааса Витсена)	186
<i>Кубанкин Д.А.</i> (Саратов). Неопубликованная рукопись А.А. Кроткова «Увек-Саратовский по данным истории и археологии»	200
Условные сокращения	213

УДК [9 + 930.26] (470.44) (082)
ББК 63.3 (235.54) я 43 + 63.4 (235.54) я 43
П 42

Редакционная коллегия :

*М. В. Булычев (отв. секретарь), А. А. Герман,
В. Н. Данилов (отв. редактор), П. С. Кабытов, Н. М. Малов,
И. Р. Плева, А. С. Скрипкин*

Поволжский край: Межвуз. сб. науч. тр. — Саратов: Изд-во Сарат.
П42 ун-та, 2005. — Вып. 12. История, источниковедение и археология Повол-
жья. — 216 с.: ил.

Сборник содержит статьи и сообщения по проблемам поволжской археологии эпохи бронзы, по истории экономики, социально-культурной и политической жизни региона в XVIII–XX вв. Публикуются также страницы биографий видных деятелей края и документальные находки.

Для научных работников, аспирантов, учителей школ, гимназий и лицеев, студентов гуманитарных факультетов, всех интересующихся историей края.

Печатается по решению
редакционно-издательского совета
Саратовского государственного университета
(тематический план 2004 года)

УДК [9 + 930.26] (470.44) (082)
ББК 63.3 (235.54) я 43 + 63.4 (235.54) я 43

ISSN 0132-5159

© Саратовский государственный
университет, 2005

Н.М. Малов

ЛИТЕЙНЫЕ ФОРМЫ
С НИЖНЕВОЛЖСКИХ
ПОСЕЛЕНИЙ
СРУБНОЙ
КУЛЬТУРНО-
ИСТОРИЧЕСКОЙ
ОБЛАСТИ

Первые фрагменты литейных форм и льячка эпохи поздней бронзы обнаружены в Нижнем Поволжье археологами СУАК А. Н. Минхом, В. Ф. Ореховым и М. А. Радицевым в 1909–1915 годах. П. С. Рыков, проанализировавший нижеволжские материалы эпохи поздней бронзы, пришел к выводу о том, что «перед нами, хотя и в общих, довольно грубых очертаниях, сложный комплекс древнего хозяйства срубно-хвалынской культуры»¹. Исследователь указал на находки каменных молотов и пестов, слитков меди, льячек и литейных форм, починку деревянной посуды бронзовыми заплатками и широкое распространение бронзовых орудий. В итоге ученый заключил, «что выделка бронзовых орудий могла иметь место в Нижнем Поволжье. Нельзя предполагать, что все изделия из бронзы поступали сюда лишь посредством обмена. Скорее обмен давал нужное для изготовления орудий сырье. Несомненно, обмен этот уже имел достаточно развитые формы, но все же не в такой степени, чтобы объяснять поступление бронзовых орудий в Нижнее Поволжье исключительно им»².

В последующие годы нижеволжские отдельные находки литейных форм, характеризующие срубную металлообработку, базировавшуюся на привозном сырье, неоднократно привлекались исследователями³. Тем не менее далеко не все нижеволжские

¹ Рыков П. С. Нижнее Поволжье. Саратов, 1936. С. 43.

² Там же.

³ См.: Шилов В. П. О древней металлургии и металлообработке в Нижнем Поволжье // Материалы и исследования по археологии СССР. 1959. № 60. Т. I. С. 24, 33–34, рис. 10; Синицын И. В. Археологические исследования Заволжского отряда // Материалы и исследования по археологии СССР. 1959. № 60. Т. I. С. 195; Ханин И. Я. К вопросу о древней металлургии и металлообработке на территории Нижнего Поволжья // Труды СОМК. Саратов, 1960. Вып. 3; Качалова Н. К. Периодизация срубных памятников Нижнего Поволжья // Срубная культурно-историческая общность. Куйбышев, 1985; Черных Е. Н., Кузьминых С. В. Древняя металлургия северной Евразии. М., 1989; Малов Н. М. Покровско-абашевские украшения Нижнего Поволжья // АВЕС. Саратов, 1992. Вып. 3. С. 22–54; Лопатин В. А. Срубные поселения степного Волго-Уралья. Саратов, 2002; Малов Н. М. Литейные формы и предметы литейного производства с нижеволжских поселений срубной культурно-исторической области // Чтения, посвященные 100-летию деятельности в Государственном историческом музее В. А. Городцова: Теа. конф. М., 2003. Ч. 1. С. 129–131; Malov N. Moulds from

литейные формы известны широкому кругу специалистов и должным образом опубликованы. Это касается не только новых, но и старых находок. Вероятно, по этим причинам нижеволжские предметы литейного производства крайне редко используются исследователями при общей характеристике металлообработки срубной культурно-исторической области и ее бытовых памятников. Основной целью данной статьи является составление наиболее полной сводки находок литейных форм эпохи поздней бронзы Нижнего Поволжья.

Нами учтено 20 бытовых нижеволжских памятников срубной культурно-исторической области, содержащих находки литейных форм, сопел, тиглей, обломки «лома» и «сплески» бронзы⁴. О большинстве предметов материальной культуры, связанных с литейным производством, и условиях их обнаружения имеются определенные сведения в публикациях и архивных источниках, а также в музейных собраниях. С большинством рассматриваемых предметов мы познакомимся непосредственно в местах их хранения.

1. Перед станцией Дурасовка (Юная) Аткарского района Саратовской области, рядом с. Нестеровка, при рытье железнодорожного карьера находили кости человека, каменные стрелы и черепки глиняной посуды. Часть их происходит с дюнного поселения. В 1909 г. А. Н. Минх передал в музей СУАК найденный здесь обломок, размером 6х6 см, от угла матрицы составной двусторчатой керамической формы (рис. 1). Она предназначалась для отливки втульчатого вислобушного топора (Саратовский областной музей краеведения, № 579). Таким образом, именно у Нестеровки была сделана в 1909 г. первая находка литейной формы эпохи бронзы в Нижнем Поволжье. Излом изделия трехцветный, в середине серый, внешняя поверхность светло-коричневая. В глине примесь шамота. На фрагменте есть угол негатива от обушной части изделия и округлого отверстия для вкладывания глиняного стержня в проушину. Судя по нему, отверстие для насада топора имело диаметр более 8 см и длину более 4 см. Верхняя часть обуха более массивна и дугообразна, чем у топоров, отливавшихся на Мосоловском поселении. По очертаниям обуха это изделие напоминает топоры более ранних типов⁵, распространенные в блоке культур предшествующих классическим андроновско-срубным древностям. Поэтому можно полагать, что в нестеровской форме отливались топоры, более близкие к катакомбно-полтавкинским и абашевско-покровским.

2. Створка литейной формы из песчаника с матрицей для ножа найдена в 1914 г. В. Ф. Ореховым на многослойной Черемшанской стоянке. Она расположена на берегу Волги, близ окраины г. Хвалынска⁶. Керамические материалы стоянки относятся к

the monuments of the Timber – grave cultural-historical region of the Lower Volga // 8th EAA Annual meeting, Abstracts Book. Thessaloniki, Hellas, 2002. S. 182–183.

⁴ Малов Н. М. Литейные формы... Если же рассматривать хвалынское селище – городище № 17 (по М. М. Радищеву) и селище в Липовом Долу (С. А. Агапов, А. Ю. Иванов) как два самостоятельных памятника, тогда всего учтено 21 поселение.

⁵ Корневский С. Н. Металлические втульчатые топоры Уральской горно-металлургической области // Советская археология. 1973. № 3. С. 45, рис. 4; С. 50, рис. 9, группы 3 и 5.

⁶ Спицын А. А. Саратовские стоянки медного века // Труды Общества Ист. Арх. Эт. 1923. Вып. 34, ч. 1. С. 35–36.

энеолиту, срубной и городищской культурам (Хвалынский музей краеведения, № 1388/3296).

3. В 1915 г. М. А. Радищев нашел в одной из построек селища — «городища № 17» в Липовом долу, близ с. Старая Яблоновка Хвалынского района Саратовской области, «половинку глиняной литейной формы» от втульчатого наконечника копья с двумя ушками, «литок с отломанной ручкой для заливания меди в формочку», большие кварцитовые молоты с перехватом, обломки шлифованных молотов, ложило из «железистой массы», «точилки из песчаника», костяные шилья, наконечники, лопаточку, пряслица, крюк от узкого серповидного орудия⁷. Поселение, расположенное высоко от уровня Волги, на склоне Хвалынских гор, занимало площадь около 7–10 тыс. кв. м. Кроме того, около села в пашне был найден кусок медного шлака. Методом подвижной траншеи М. А. Радищев исследовал здесь три прямоугольных материковых постройки. Материалы его раскопок введены в научный оборот фрагментарно. Известно, что в трех местах имелись прослойки обожженной глины толщиной до ¼ аршина, длиной 2–3 аршина; куски 3–4 камней со следами золы, угля и черепками; два углубления с очагами, одно искусственное до 2-х саженей ширины.

Обломок литейной формы представляет собой часть половинки от двусторчатого изделия (рис. 1,1). От него сохранился фрагмент прямоугольного керамического бруска длиной 12 см, шириной 6 см и толщиной 3,5 см⁸ (Саратовский областной музей краеведения, № 38578). Излом трехслойный. Цвет внешней поверхности светло-коричневый. Имеются следы от дополнительной обработки твердым и острым предметом, а также заглаживания и, возможно, дополнительной обмазки. В глине примесь шамота. Вдоль длинной оси, на лицевой стороне бруска, сохранилась часть негатива длиной 11,5 см от короткого втульчатого наконечника копья с двумя ушками-петлями и округлым стержнем листовидного пера. Литник шириной 1,1 см размещен со стороны основания втулки. Здесь же имелся выступ для вставки сердечника диаметром 3–4 см. Длина втулки до основания пера 7–7,5 см. Внешний диаметр ее основания 3,5 см. В 1,5 см выше края втулки располагалось одно, а в 2 см — другое округлое ушко. Боковые ушки-петли размещены не симметрично, одно выше другого. Из-за трещин и излома негатив пера и его острие просматриваются не полностью. Наибольшее расширение пера — 4 см. Оно приходится на его основание. Длина пера составляла более 5 см. Иногда негатив наконечника копья на данной литейной форме воспроизводится не совсем точно и с одним ушком⁹.

Находки литых наконечников копий с двумя ушками крайне редки на археологических памятниках эпохи бронзы северной и степной Евразии. Наиболее древнее из них, также с двумя асимметрично расположенными в основании втулки ушками, но вильчатым пером, найдено в погребении № 8 Ростовкинского могильника и на р. Иртыш¹⁰.

⁷ Радищев М. А. 1914–1916. Отчет о раскопках в Хвалынском у. Саратовской губернии // Архив Института истории материальной культуры РАН, ф.1, № 320; Сплицын А. А. Указ. соч. С. 35; Круглов А. П., Подгаецкий Г. В. Родовое общество степей Восточной Европы // Известия ГАИМК. М.; Л., 1933. Вып. 119. С. 113–116.

⁸ Ханин И. Я. Указ. соч. С. 171, рис. 28-2.

⁹ Черных Е. Н., Кузьминых С. В. Указ. соч. С. 87, рис. 48-3.

¹⁰ Матющенко В. И., Синицына Г. В. Могильник у деревни Ростовка вблизи Омска. Томск, 1988. С. 19, рис. 18-5.

Он происходит с азиатской территории распространения сейминско-турбинских памятников алтайской зоны и изготовлен из оловянистой бронзы¹¹. Поскольку двухушковые наконечники типа Старо-Яблоновского отсутствуют в восточно-европейских сейминско-турбинских памятниках, а также среди матриц литейных форм Мосоловского поселения, то следует полагать, что они получили наибольшее распространение здесь тогда, когда покровские, покровско-срубные, ранние срубные и синташтинско-аркаимские памятники прекратили бытовать. Можно полагать, что наконечники Старо-Яблоновского типа начинают распространяться в Волго-Урале в конце развитого, или до валикового этапа срубной культуры.

На это же время указывает створка литейной формы от наконечника копья с двумя ушками с Подборновского поселения развитого этапа поздняяковской культуры, датированного XIV–XIII вв. до н. э.¹² Хотя здесь ушки имеют другую форму, расположенны симметрично и гораздо выше — под пером. Двустворчатая литейная форма с поселения Крохалева I для «наконечника пики» с тремя «ложными» ушками, расположенными около пера, относится к более позднему времени, чем поселение Самусь-4¹³. В целом, создается впечатление, что у наиболее поздних евразийских наконечников ушки располагаются ближе к перу, а не к основанию втулки. По морфологическим признакам, старо-яблоновский наконечник копья наиболее близок также к азиатским экземплярам с двумя ушками в основании втулки и округлым стержнем пера.

Сотни подобных предметов известны в иньских воинских комплексах из района Аньяна в Китае¹⁴. Они датируются XIV–XIII вв., или 1300–1027 гг. до н. э.¹⁵ Учитывая эти находки, вероятнее всего, и следует синхронизировать Аньян с развитым этапом срубной культуры, а не с находками Бородино, Сеймы, Турбино, Покровского, Ростовки и Синташты.

Скорее всего, на этом же селище срубной культуры в Липовом овраге располагалось пока единственное в Нижнем Поволжье специализированное срубное поселение, где функционировала мастерская металлургов-литейщиков. Именно оно, вероятно, повторно исследовалось самарскими археологами. Авторы раскопок датировали мастерскую по традиционной хронологии не позже XIV в. до н. э.¹⁶ Здесь было найдено 120 фрагментов плавильных чаш и тиглей, 46 обломков от глиняных и каменных литейных форм, их модели и крышки, медные капли металла. Также обнаружен кусок шлака и каменные предметы, обычно используемые при металлообработке: молоты, молоточки и

¹¹ Черных Е. Н., Кузьминых С. В. Указ. соч. С. 67, 71, рис. 31-2.

¹² См.: Попова Т. Б. Металлообработка у племен подняковской культуры // Новые материалы по истории племен Восточной Европы в эпоху камня и бронзы. Труды ГИМ. 1985. Вып. 60. С. 122, рис. 1-15; Бадер О. Н., Попова Т. Б. Подняковская культура // Археология СССР. Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М., 1987. С. 133, 135, 227, рис. 65-27.

¹³ Молодин В. И., Глушков И. Г. Самусьская культура в Верхнем Приобье. Новосибирск, 1989. С. 51, рис. 25-1, с. 99–100.

¹⁴ Gimbutas M. Bronze Age cultures in central and Eastern Europe. P.; L., 1965. S. 103, fig. 63 – 1–3.

¹⁵ Варенов А. В. Древнекитайский комплекс вооружения эпохи развитой бронзы. Новосибирск, 1989; Он же. Копья иньского времени и выявление инокультурных памятников. Новосибирск, 1989.

¹⁶ Агапов С. А., Иванов А. Ю. Металлообрабатывающий комплекс поселения Липовый овраг // Поселения срубной общности. Воронеж, 1989. С. 133–143.

многочисленные абразивы. Изучение куска старо-яблоновского шлака позволило установить, что температура плавки руды из кварцевой породы была около 1360° и он близок к некоторым образцам селища «сусканского культурного типа» Попово Озеро¹⁷. На всех глиняных и на одной каменной форме есть следы каолиновой обмазки. На одной целой форме имеется метка. Обнаруженные на поселении литейные формы служили для производства ножей, втульчатых наконечников копий, тесел, шильев, а также, возможно, серпов и топоров (рис. 2, 1-7). Они встречены по всей площади раскопа, но значительная их часть обнаружена в постройке № 2. По мнению авторов раскопок, в качестве профессиональной кузнечно-литейной мастерской использовалось только сооружение № 1. Об этом свидетельствуют остатки теплотехнического сооружения, находки литейных форм, плавильных чаш, медных капель, а также другие кузнечно-литейные инструментов, обнаруженные в этой постройке.

Для изготовления четырех предметов (двух шильев, ножа и долота) использовалась только одна матрица (рис. 2, 2) с общим литником. Кроме того, есть обломки от сложной составной формы с двумя негативами на противоположных сторонах (рис. 2, 3). В собранном, так называемом «батареинном», виде она имела не менее трех створок. Каменные литейные формы изготовлены из опоковых пород (рис. 2, 6, 7). Учитывая весь материал из данного раскопа, а также вышеприведенные аналоги для литейной формы наконечника копья с двумя ушками, поселение в Липовом Долу следует относить к довалковому памятникам развитого этапа срубной культуры XIV–XIII вв. до н. э. Оно обособлено от других селищ срубной культуры этого микрорайона, размещенных вдоль поймы Волги. Это подтверждает особый кланово-производственный статус проживавших на нем металлургов. Следует отметить, что по своим размерам, взаимному расположению и ориентировке котлованы (№ 2–4), раскопанные в 1975 г., очень близки постройкам, исследованным М. А. Радищевым¹⁸. Поэтому нельзя исключать, что некоторые постройки могли раскапываться здесь дважды, первоначально, в 1915, — М. М. Радищевым, а позже — самарскими исследователями.

4. Селище срубной культуры на восточном берегу озера Калач, в Пугачевском районе Саратовской области, расположено около бывшего Спасо-Преображенского монастыря. Памятник исследовался К. И. Журавлевым в 1921–1924 гг. В отличие от основной массы срубных поселений этого микрорайона, занимающих высокую надпойменную террасу правого берега, данное селище расположено обособленно — в левобережной пойме Б. Иргиза¹⁹. Селище раскапывалось К. И. Журавлевым при участии П. И. Пеньковского, Е. И. Кореневского, П. И. Кутафьева и А. Тереножкина со своими товарищами — учащимися в 1921 г. Тогда исследовалось понижение и утопленные культурного слоя, жилище — землянка № 1. В 1924 г. К. И. Журавлевым при раскопках этой же землянки, на ее дне, найден обломок под прямоугольной створкой

¹⁷ Григорьев С. А. Древние металлургические шлаки степного Поволжья // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 2001 году. Саратов, 2003. Вып. 5. С. 94–102.

¹⁸ Круглов А. П., Подгаецкий Г. В. Указ. соч. С. 114–115, рис. 18–19.

¹⁹ Журавлев К. И. Отчет заведующего Пугачевским музеем местного края К. И. Журавлева об археологических разведках и раскопках, произведенных в Пугачевском уезде Самарской губ., 1923 г. Приложение I, II // Научный архив Пугачевского музея краеведения, инв. № 30.

глиняной литейной формы (рис. 1, 2) для изготовления двух предметов²⁰. В том же месте, где и литейная форма, на 6-м штыке обнаружены фрагменты керамики срубной культуры, развал и днище сосуда, кости животных (преимущественно лошади, коровы, овцы), позвонки рыбы, 2 ложки из челюстей коровы, кусочки кремня, зола. Развал сосуда лежал на боку, на самом материке.

Из текста отчета следует: «Немного севернее сосуда, вершками 2–3-мя выше его, найден обломок глиняной литейной формы. Форма из черной с песком глины, слегка обожжена с поверхностей (до серовато-желтого цвета). Стороны ее прямые (кроме одной, дающей дугу), гладкие. Толщина 2,6 см. Орудие, отливавшееся в этой форме, имело закругляющееся острие шириною 3 см, отходя от острия, суживалось в ширине и утолщалось. Форма служила для отливки нескольких орудий: в продольном изломе заметны следы другого подобного же углубления»²¹.

От прямоугольного бруска составной формы сохранился фрагмент размером 5x7 см (Пугачевский музей краеведения, № 1903/63-105). Внешняя поверхность светло-коричневая, излом трехцветный. На одной стороне формы имеется часть матрицы, где в большем негативе отливался, скорее всего, висло-обушный топор, от которого на длину до 6 см сохранилась только нижняя часть прямого клина. Внизу он более широкий — 3 см, кверху сужается — 2 см. При этом вдоль внешнего края клина глубина негатива больше, чем вдоль внутреннего, что в целом характерно для литейных форм таких изделий. От второго неопределенного предмета остался лишь один край длинной стороны негатива (4 см), а основная его часть отломана. Сейчас форма, по недоразумению, числится в коллекции Пугачевского музея краеведения как обнаруженная К. И. Журавлевым в 1923 г. на селище близ Долгого Озера, около с. Канаевка. Отчеты автора раскопок и керамическая коллекция с данного селища срубной культуры (Пугачевский музей краеведения, № 31856) не опубликованы.

5. Селище близ с. Успенка Пугачевского района Саратовской области расположено на высокой коренной надпойменной террасе правого берега Б. Иргиза²². Из раскопок И. В. Сеницына 1939 г. происходят два песта, две наковальни из известнякового песчаника. Материалы раскопок Успенского селища, осуществленных И. В. Сеницыным, хранятся в Саратовском областном музее краеведения, а раскопок К. В. Журавлева — в Пугачевском музее краеведения. В землянке №3 И. В. Сеницыным выявлены остатки очага или теплотехнического сооружения (очаг №2). На месте этого очага встречены «остатки медного литья в виде небольших шариков и бронзовых обломков металла, утерянных в процессе отливки на месте очага, что свидетельствует о местном литейном производстве»²³. Следует согласиться с И. В. Сеницыным в том, что здесь осуществлялись литейные операции. Скорее всего, этот очаг №2 представлял собой какое-то кузнечно-литейное теплотехническое сооружение, типа горна. От него сохранилась ок-

²⁰ Журавлев К. И. Отчет заведующего Пугачевским музеем местного края К. И. Журавлева об археологических исследованиях в Пугачевском уезде Самарской губ. за 1924 год // Научный архив Пугачевского музея краеведения, инв. № 31. С. 55–59, чертежи.

²¹ Там же. С. 59.

²² Галкин А. А., Дремов И. И., Железчиков Б. Ф. и др. Памятники срубной культуры. Волго-Уральское междуречье // Археология России. САИ. Саратов, 1993. Вып. В 1–10. С. 72, № 41.

²³ Сеницын И. В. Древние памятники в бассейне Иргиза по раскопкам 1938–1939 гг. (Предварительное сообщение) // Учен. зап. Саратов. ун-та. 1947. Т. 17, вып. ист. С. 148–149, рис. 3.

руглая яма диаметром 60 см и глубиной 15–20 см. В ней встречено 30 небольших камней, зольная масса и обожженная на глубину 5–10 см красная земля. Среди камней и зольной массы найдены четыре небольших медных шарика и два металлических обломка.

6. Дюнное поселение – на берегу озера Сарайдин (Сор-Айдын), близ с. Джангала (Новая Казанка), Джангалинского р-на Уральской области²⁴. В 1948–1950 гг. И. В. Синицыным здесь встречены: фрагменты срубно-хвалынской и андроновской керамики, глиняные крышки и цилиндрические пряслица²⁵. По мнению И. В. Синицына, целые кубковидные с поддоном и круглодонные сосуды аналогичны карасукским и дандыбаевским. В коллекции Саратовского областного музея краеведения (№ 1786) с этого поселения есть сильно окатанный обломок длиной 4,5 см. Он, вероятно, принадлежит цилиндрическому керамическому соплу диаметром 2,5 см (рис. 1, 5). Цвет изделия светло-коричневый. Диаметр канала отверстия 7–8 мм.

7. Селище № 1 близ с. Бережновка Николаевского района Волгоградской области находилось на левом, высоком берегу надпойменной террасы Еруслана, на расстоянии 300 м к северо-востоку от первого Бережновского могильника. Остатки практически разрушенного памятника были частично исследованы в 1952 г. И. В. Синицыным²⁶. В первом раскопе на одном уровне (глубина 55 см) найдены: фрагмент глиняной литейной формы (Саратовский областной музей краеведения, № 38588. 2068/1), а на расстоянии 1 м от нее – глиняное сопло (Саратовский областной музей краеведения, № 38593. 2068/2) и мелкие обломки меди. Предметы литейного производства группировались здесь достаточно компактно и не случайно, вероятно, были спрятаны. Наиболее крупная форма изготовлена из пластинчатого трапециевидного бруска толщиной 1,7 см, предназначавшегося для изготовления двух предметов (рис. 1, 9). Длина сохранившейся части 6,5 и ширина 6–8,5 см. На лицевой ее части два негатива: для отливки округлого в сечении стержня диаметром 1 см, а также, вероятно, острья шила диаметром 3–4 мм. Форма подмазана светло-серым веществом. На тыльной стороне есть следы оплавленности.

Сопло имеет форму цилиндра высотой 5,3 см, расширяющегося к одному концу (рис. 1, 3). Здесь выходит более крупная часть сквозного внутреннего канала, образующая частично обломанное расширяющееся уступчатое отверстие диаметром 2 см. Глубина этого отверстия до внутреннего уступа 1,5 см. Остальная и большая часть канала имеет диаметр 8–9 мм. Меньший, внешний диаметр сопла – 2,7 см, а больший – 3,8 см. Излом изделия трехцветный, с примесью шамота. Внешняя поверхность светло-коричневая, также со следами оплавленности, расположенными узкой полоской. В публикации И. Я. Ханина воздуходувное сопло воспроизведено не точно, без внутреннего уступа. Кроме того, в коллекции есть еще небольшой обломок от угла второй литейной формы (рис. 1, 13).

²⁴ Галкин Л. А., Дремов И. И., Железчиков Б. Ф. и др. Памятники срубной культуры. С. 99, № 195.

²⁵ Синицын И. В. Археологические исследования в Саратовской области и Западном Казахстане // Краткие сообщения ИИМК. 1952. Вып. 45. С. 62–73.

²⁶ Синицын И. В. Археологические исследования Заволжского отряда // Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1959. № 60. Т. I. С. 119–128, рис. 38-4; Ханин И. Я. Указ. соч. С. 171, рис. 28-1, 3.

8. Селище близ с. Скатовка Ровенского района Саратовской области, с двумя простроенными впадинами, располагалось на высокой надпойменной террасе, слева от устья р. Тарлык²⁷. Сейчас оно почти полностью разрушено р. Волгой²⁸. Сотрудниками археологической лаборатории СГУ в 1980-е гг. здесь найдены обломки от двух прямоугольных глиняных литейных форм, с негативами для крестовидных подвесок (рис. 1, 7, 10), бытовавших в покровских и срубных памятниках²⁹. Обе изготовлены из небольших пластинчатых брусков толщиной 1,5 см, с негативами около самого края створок. Меньшая из них, размером 2,4х3,4 см, составная имела два штифтовых отверстия, на месте которых створка обломана. Диаметр отверстий для совмещения со второй половиной формы около 0,5 см (рис. 1, 7). Негатив этой подвески, размером 1х1 см, сохранился полностью. При этом края лопастей креста и их сечение закругленные, а в центре изделия, вероятно, было отверстие, или углубление.

Ближайшие подвески встречены в погребении 7 кургана 6 могильника Колобовка IV в Заволжье³⁰. Литейная форма для изготовления крестовидных подвесок происходит с поселения срубной культуры Таранцево³¹, содержащего не только срубную, но и покровскую керамику.

Негатив другой скатовской подвески такого же размера, но с прямым крестом, сохранился фрагментарно. Он нанесен на более крупную створку размером 3,5х4,3 см. Учитывая аналогичные находки в синхронном блоке культур, а также происходящие с территории срубной культурно-исторической области, можно ограничить верхнюю границу существования таких подвесок позднепокровскими-раннесрубными памятниками.

9. Новопокровское селище II расположено близ с. Новая Покровка Вольского района Саратовской области, на второй надпойменной террасе левого берега р. Терешки и полностью раскопано в 1981–82 гг.³² Остатки культурного слоя содержали материалы от эпохи энеолита до позднего средневековья. В основном он был насыщен срубной керамикой, хотя есть несколько фрагментов покровской и срубно-хвалынской. Здесь вместе со срубной посудой встречен обломок от красноглиняной прямоугольной литейной формы (кв. 72, пласт 20–40 см) для изготовления небольшого предмета толщиной 2 см (рис. 2, 13). Излом черепка одноцветный. Ширина и толщина бруска 3,5 см. От негатива изделия сохранилась только узкая торцовая часть, верхний край которой закруглен и имеет диаметр 1,5 см (хранится в археологической лаборатории СГУ).

²⁷ См.: Синицын И. В. Археологические исследования Заволжского отряда. С. 176–177; Галкин Л. Л., Дремов И. И., Железчиков Б. Ф. и др. Памятники срубной культуры. С. 75, №58.

²⁸ Кочерженко О. В., Малов Н. М. Работы Приволжской экспедиции // Археологические открытия. 1982. М., 1984. С. 153–154.

²⁹ Малов Н. М. Покровско-абашевские украшения... С. 31, рис. 2–10, 11.

³⁰ Кляшко А. В., Малов Н. М., Дьяченко А. Н. Новые данные по эпохе средней бронзы степного Заволжья // Нижневолжский археологический вестник. Волгоград, 2002. Вып. 5. С. 192, рис. 7–4.

³¹ Берестнев С. И. Поселения срубной культуры Таранцево на Харьковщине // Вісник Харківського університету. Харків, 1980. Історія. Вип. 201. С. 103, рис. 3–12.

³² Кочерженко О. В., Малов Н. М. Работы Приволжской экспедиции // Археологические открытия. 1982. М., 1984. С. 153–154.

10. Селище срубной культуры близ окраины с. Терновка Энгельсского района Саратовской области располагалось на мысу высокой надпойменной террасы левого берега Волги³³. Оно почти полностью смыто водохранилищем. В 1983 г. во время раскопок Терновской курганной группы здесь найдены на отмели: окатанная керамика срубной культуры, без каких-либо покровских и валиковых проявлений, створка керамической литейной формы (рис. 1, 11) и бронзовый серп (рис. 3, 1). Максимальная ширина серпа в средней части — 3,7 см, максимальная длина от угла крюка до острия по прямой — 21,5 см, минимальная ширина перед крюком — 1,5 см.

Литейная форма изготовлена из трапециевидного пластинчатого бруска размером 4х4,5х5 см, толщиной 1,5х2 см (хранится в Энгельсском музее краеведения). Боковые грани закруглены. На лицевой стороне имеется негатив ромбовидной подвески размером 1 х 1,5 см, орнаментированной косою решеткой. Нам известны еще две керамические литейные формы для изготовления аналогичных подвесок, происходящие из северо-восточного Приазовья (Ильичевское и Андреевское поселения). Подобные подвески, сделанные из сурьмы, встречаются на памятниках срубной культурно-исторической области, расположенных в степях и пограничье с лесостепью, от Приазовья до Заволжья. Поэтому следует полагать, что именно здесь был самостоятельный центр распространения и производства таких ювелирных изделий.

Нами учтено 16 погребений данного ареала с сурьмяными подвесками. В отличие от других исследователей³⁴, из этого перечня мы исключили Максютовские курганы, поскольку в них есть сурьмяные бусы, а не подвески. По керамике и другим украшениям культурная атрибуция большинства из учтенных нами комплексов в основном срубная, лишь у некоторых позднепокровская и позднемноговаликовая. Поэтому нижняя граница их бытования может быть ограничена временем существования позднепокровских и позднемноговаликовых памятников. Верхняя может определяться ранним и началом развитого периода срубной культурно-исторической области.

Финальные катакомбные и каякентско-хорчевские памятники иногда синхронизируются с покровскими и потаповскими, а также с периодом А2 среднего европейского бронзового века и датируются XXI–XIX вв.³⁵ Однако эти даты могут условно претендовать лишь на уточнение нижней границы распространения таких изделий, поскольку аналогичные сурьмяные подвески встречаются и гораздо позже. Например, они известны и в собственно срубных (Кашпирский могильник к.11 п. 4, раскопки А. П. Ватазиной и В. И. Пестриковой 1976 г.), и синхронных с ними закрытых комплексах других культур. Следует подчеркнуть, что ромбовидные подвески срубной культурно-исторической области близки по своей форме не только к некоторым каякентско-харачевским, но и к андроновским украшениям. Остальные украшения, происходящие из восточно-европейских срубных погребений с сурьмяными подвесками, — овалы височные желобчатые подвески, узкие желобчатые браслеты и прутковые,

³³ Кочерженко О. В., Малов Н. М. Раскопки в Саратовском Заволжье // Археологические открытия. 1983. М., 1985. С. 156–157.

³⁴ См.: Шилов В. П. Курганный могильник у села Цаца // Древности Калмыкии. Элиста, 1985; Литвиненко Р. А. Сурьмяные подвески в памятниках степной бронзы и их кавказские аналоги // Между Азией и Европой. Кавказ в IV–I тыс. до н.э. СПб., 1996. С. 98–101.

³⁵ Трифонов В. А. Поправка к абсолютной хронологии культур эпохи энеолита — бронзы северного Кавказа // Между Азией и Европой. Кавказ в IV–I тыс. до н.э. СПб., 1996. С. 43–49.

прямоугольные в сечении, браслеты с загнутыми концами. В основном эти украшения встречаются не в самых ранних памятниках андроновской культурно-исторической области.

11. Селище Смеловка-1, близ с. Смеловка Энгельсского района Саратовской области, на левом берегу Волги³⁶. В верхней части заполнения построечного срубно-хвалынского котлована № 3, над краем его ЮЗ стенки (кв. 332 пл. 20–40 см), найден маленький обломок составной керамической литейной формы. Сохранилась часть негатива для изготовления втульчатого предмета (рис. 1, 8). В этом же пласту соседнего квадрата (№ 331), на расстоянии 1,5 м от обломка формы, но уже за краем котлована, встречены четыре небольших кусочка обожженной глины размером не более 4 см. На этом же уровне, над краем стенки северо-восточного угла котлована (кв. № 376), обнаружен кремневый шлифованный пест. Таким образом, все эти предметы, которые могли быть связаны с литейным производством, найдены не на дне котлована, а в заполнении, около его краев.

Литейная форма изготовлена из пластинчатого бруска толщиной 1,5–2,3 см. От нее сохранился обломок одной, слегка закругленной с торца створки размером 2,5–3,5 см. Тыльная сторона имеет следы заглаживания. На лицевой стороне сохранилась часть негатива. Здесь имеется полукруглый уступ высотой 3 мм и шириной 1 см, характерный для литейных форм, в которых изготавливались втульчатые наконечники копий или вислообушные топоры. В него вставлялся сердечник. Судя по уступу, диаметр втулки изделия был более 2,5 см. Глина имеет примесь толченых раковин.

На противоположном склоне размываемого мыса оврага этого же селища встречен обломок толстой керамической плитки (Энгельсский музей краеведения, № НВСП 5502) с оттисками штампа (рис. 2, 14). Автор находки обозначил этот памятник как поселение Смеловка II³⁷. Плитка, скорее всего, представляет собой часть крышки от литейной формы.

12. Преображенское селище №1 срубной культуры близ с. Преображенка Пугачевского района Саратовской области расположено на краю надпойменной террасы правого высокого берега р. Б. Иргиз³⁸. В котловане постройки № 3 встречены: «шлаки», фрагменты от керамического сопла (рис. 2, 8), тигля, пластинчатого бруска литейной формы с частью негатива тесла (рис. 2, 11) и металлической посуды (рис. 2, 10, 12). В. А. Лопатин полагает, что все постройки были сооружены в одно «покровское время», поскольку здесь есть «типично покровская посуда», а третья представляла собой литейную мастерскую³⁹. С этим утверждением вряд ли можно согласиться.

³⁶ См.: Малов Н. М. Работы в Заволжье // Археологические открытия. 1984. М., 1986. С. 139; Галкин Л. А., Дремов И. И., Железчиков Б. Ф. и др. Памятники срубной культуры. С. 75, № 57.

³⁷ Дремов И. И. Разведки в Саратовской области // Археологические открытия. 1981. М., 1983. С. 145–146.

³⁸ См.: Галкин Л. А., Дремов И. И., Железчиков Б. Ф. и др. Памятники срубной культуры. С. 71, № 40; Лопатин В. А. Срубные поселения степного Волго-Уралья. Саратов, 2002.

³⁹ Лопатин В. А. Построечные комплексы периода становления срубной культуры степного Волго-Уральского междуречья // Охрана и исследование памятников археологии Саратовской области в 1995 году. Саратов, 1996. С. 151, рис. 6.

Дело в том, что единичная «покровская» керамика встречена только в котловане № 2, где есть также более поздний хвалынский валиковый фрагмент. Кроме того, подобные поздние «покровские венчики» присутствуют среди срубных керамических материалов типа селищ Гуселка II и Мосоловское. За исключением этих единичных находок, а также хвалынских с валиками и «жемчужными» вдавлениями, остальные фрагменты от 600 преображенских сосудов относятся к срубной культуре⁴⁰, а не к покровской. Уровень значимости единичных покровских фрагментов, а также степень достоверности и доля данных признаков, во всем объеме совокупности керамики селища, не заслуживают существенного доверительного интервала. Поэтому они не могут служить основанием для отнесения всего памятника, не являющегося единым закрытым комплексом, а также материалов из постройки № 3 к «покровскому времени». Возможно, в Преображенский котлован № 2 частично попали какие-то керамические материалы, являющиеся на данном селище самыми ранними.

Что же касается третьего котлована, то, судя по публикации, в нем нет «покровских черепков». Кроме того, профилировка металлических фрагментов из этого котлована близка не только к некоторым группам хвалынской керамики, но и к металлической посуде киммерийско-скифского времени. Поэтому нет оснований для синхронизации постройки № 3 с покровскими памятниками. Хотя данное материковое углубление и расположено на склоне террасы, тем не менее, оно не имеет каких-либо других признаков, характерных именно для литейных мастерских. Обломки металлической посуды, скорее всего, представляют собой литейное сырье, или «лом», предназначенный к переплавке.

13. Селище № 2 срубной культуры близ с. Долгий Буерак Саратовского района Саратовской области находится в 2 км к ЮЗ от шоссе Саратов – Усть-Курдюм, на второй надпойменной террасе левого берега небольшой речки Гуселка-II (правый приток Волги). Сборы С. И. Четверикова в 1986 г. (материалы хранятся в археологической лаборатории СГУ). Вместе с фрагментами срубной и, вероятно, покровско-срубной посуды в подъемном материале есть обломок керамической створки от двусоставной литейной формы для изготовления вислообушного топора (рис. 2, 9).

14. Селище Шипово-I, к востоку от с. Кузнецово Каменского района Уральской области, на краю первой надпойменной террасы р. Деркул (правый приток р. Урал). Материалы хранятся в археологической лаборатории СГУ. На памятнике произведен сбор подъемного материала Н. М. Маловым в 1986–1988 гг. За исключением находок энеолита, остальные предметы можно отнести к финальной бронзе. Это обломки крупных абразивных камней, светло-коричневой лепной посуды с примесью шамота и песка, один из которых имеет на внутренней стороне «жемчужину», а также, вероятно, сопла (рис. 1, 6). По общему облику керамика близка к хвалынской и к так называемой нурской. От глиняного сопла сохранился цилиндрический фрагмент высотой и внешним диаметром по 3 см, внутренний диаметр канала 1,3 см.

15. Усть-Курдюмское селище срубной культуры. Расположено на окраине с. Усть-Курдюм, Саратовского района Саратовской области, на берегу речки Курдюмки (правый приток Волги). Селище в разные годы исследовалось В. И. Мельником и

⁴⁰ *Допатин В. А.* Классификация керамики Преображенского поселения // АВЕС. Саратов, 1991. Вып. 2. С. 42–52.

О. В. Кочерженко. В результате раскопок остатков поселения в 1995–1998 гг. Д. А. Хоркиным выявлена подпрямоугольная часть «производственно-ритуальной постройки ремесленников» с боковым помещением. В одной из его материковых ям найдены: каменная плита-наковальня, три песта, а также две целые керамические створки-крышки (рис. 2, 14, 15) от сложных, односторонних и составных литейных форм⁴¹. Обломок от третьей керамической створки литейной формы для изготовления серповидных орудий (рис. 2, 16), встречен в боковой части постройки. Кроме того, в ней прослежены четыре материковых ямы, интерпретируемые автором раскопок как алтарь – жертвенник с кусочками охры, пережженными костями, глиняным колесиком, вотивным «хлебцем», алычками и некоторыми орудиями производства.

Все формы уже использовались в литейном производстве. Находка двух створок форм и каменных орудий кузнечного производства в специальной яме позволяет рассматривать данный закрытый комплекс как клад или склад инструментов мастера кузнеца-литейщика. Они были специально спрятаны в силу каких-то обстоятельств, возможно, связанных с запретными обычаями и обрядами. Обе прямоугольные створки имели аналогичные параметры, служили друг для друга крышками. Об этом свидетельствуют отпечатки нагара на тыльных поверхностях с контурами изделий, вырезанных на лицевой части матриц. Для более точного совмещения на боковых гранях этих литейных форм нанесены метки.

Одна створка служила для изготовления пяти предметов (рис. 2, 15). Три из них пластинчатые: тесло, двулезвийный ножичек и нож с ребром, а два – прутковые стержни. Обратная сторона данной створки одновременно служила крышкой для другой створки, в которой отливало три предмета: заготовка для долота, тесло и двулезвийный нож (рис. 2, 14). Судя по литникам, металл заливался сверху, в вертикально поставленные формы. В этих двух формах отливало всего 8 предметов, в основном встречаемых на поздних покровских и ранних срубных памятниках (все формы хранятся в Саратовском областном музее краеведения, № 68922). Наиболее показательны параметры и трапециевидная форма тесел на Усть-Курдюмских матрицах. Они отличаются от тесла, происходящего из покровско-синташтинского погребения Покровского кургана № 35. Это покровское изделие более характерно для покровско-синташтинско-абашевского блока культур, а не для срубно-алакульского. Поэтому его боковые грани почти параллельны, а соотношение ведущих линейных параметров также иное, чем в Усть-Курдюме.

16. Селище срубной культуры около с. Алексеевка Хвалынского района Саратовской области. Сборы В. А. Непочатых в 1970-х гг. на берегу Волги. Одна створка

⁴¹ См.: Лопатин В. А., Хоркин Д. А. Срубный металлообрабатывающий комплекс на поселении Усть-Курдюм в Саратовском Правобережье // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей. Саратов, 1997. С. 93–95; Они же. Керамические литейные формы с поселения срубной культуры у села Усть-Курдюм // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1996 году. Саратов, 1997. С. 71–78; Хоркин Д. А. Производственно-ритуальная постройка на срубном поселении Усть-Курдюм под Саратовом // Научное наследие А. П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. М., 1999. С. 29–30; Сергеева О. В., Хоркин Д. А. Охранные археологические исследования Саратовского областного центра дополнительного образования "Поиск" в 1998–2001 гг. // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1998–2000 годах. Саратов, 2001. Вып. 4. С. 86–107.

(рис. 1, 12) от керамической формы для отливки топора (?) обнаружена в осыпи культурного слоя селища, рядом с разрушенным погребением (хранится и экспонируется в Хвалынском музее краеведения). По словам автора находок, «костяк помещался на левом боку, в слабо скорченном положении, ориентирован в северном направлении, с отклонением. Керамика с селища относится к «классической» срубной культуре, без покровских и валиковых проявлений». Цвет формы светло-коричневый, со следами действия высоких температур. На тыльной стороне створки есть следы заглаживания, а также вырезана узкая длинная полоска — канал. Вероятно, створка одновременно служила крышкой для другой формы. Форма трапециевидная, самая узкая сторона — разрушена. Размер сохранившейся части 5 x 8,5 x 13 см. Толщина бруска 3,5 см. Сохранилась часть негатива, вероятно, от лопасти топора. Обушная часть разрушена.

17. Поселение срубной культуры Макаровская речка, близ села Владыкино Ртищевского района Саратовской области (бассейн р. Хопер)⁴². В культурном слое встречен обломок керамической створки от формы для отливки двух серповидных орудий (рис. 2, 17). Цвет серый с коричневыми пятнами. На тыльной стороне есть следы от заглаживания. Толщина бруска 2–2,3 см. Литейная форма передана на хранение в Саратовском областном музее краеведения.

18. Селище срубной культуры Потьма III, около с. Потьма, Ртищевского района Саратовской области (бассейн р. Хопер). Раскопки М. И. Изотовой 2003 г. Найдены две каменные составные створки от одной формы с двумя прямоугольными отверстиями для вставных штифтов — совмещения. Самое крупное и крайнее отверстие сквозное — через две створки. В форме отливались два предмета: пластинчатый черенковый нож и прорезная рукоять для крупного кинжала с примыкающей частью широкого клинка. Створки литейной формы не опубликованы, переданы на хранение в Саратовский областной музей краеведения.

19. Поселение в урочище Мартышкино, на правом берегу Волги, к юго-востоку от с. Ахмат Красноармейского района Саратовской области⁴³. Исследуется с 1911 г. многими археологами, а с 1992 г. — В. А. Лопатиным. Поселение содержит керамические материалы неолита, энеолита, ранней, средней, поздней и финальной бронзы, раннего железного века и эпохи Золотой Орды (материалы хранятся в Саратовском областном музее краеведения и археологической лаборатории СГУ). В. А. Лопатин выделяет на сохранившейся части памятника два стратиграфических горизонта: верхний — эпохи Золотой Орды и нижний — эпохи развитой срубной культуры и хвалынской культуры валиковой керамики. В. А. Лопатин не исключает, что со срубной культурой связаны одна «изложница» и фрагмент от другой. К этой же культурно-хронологической группе автор раскопок относит обломки от двух керамических форм: для отливки вислообушного топора (?) и серповидного изделия (косарь?), происходящие из слоя (рис. 3, 3, 4).

⁴² Изотова М. А. Ритуальные комплексы поселения эпохи поздней бронзы «Макаровская речка» // Срубная культурно-историческая общность в системе древностей эпохи бронзы Евразийской степи и лесостепи: Материалы междунар. науч. конф. Воронеж, 2000. С. 118–124. Выражаю искреннюю признательность М. А. Изотовой за возможность познакомиться с находкой литейной формы с поселения Потьма III.

⁴³ См.: Спицын А. А. Указ. соч. С. 34, № 6; Лопатин В. А. Культурно-хронологические комплексы поселения в урочище Мартышкино (материалы эпохи поздней бронзы) // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 2001 году. Саратов, 2001. Вып. 5. С. 10–31.

Фрагментарность находок не позволяет достаточно бесспорно реконструировать категории изделий, отливавшихся в этих формах.

20. Селище срубной культуры Милорадовка-1 («Глиняное Озеро») близ с. Милорадовка Краснопартизанского района Саратовской области⁴⁴. Согласно полевому отчету И. И. Дремова за 2003 г., Энгельсскому музею краеведения была передана коллекция, собранная на селище краеведом Ф. И. Сайгиным. В коллекции есть глиняные черепки срубной культуры, фрагмент створки от угла керамической литейной формы, различные бронзовые (крюкастый серп, нож и др.) и костяные предметы. Судя по рисунку И. И. Дремова, в форме сохранилась только часть негатива, вероятно, от прорезной рукояти ножа-кинжала (рис. 3, 2).

Картирование находок показывает, что на поселениях, расположенных в пустынной и полупустынной зонах, не обнаружены следы литейного производства, за исключением дюн около озера Сарай-Дин. Вероятно, к этому роду производственной деятельности население этих безлесных регионов обращалось в случае крайней необходимости, предпочитая получать значительную часть нужных им изделий в порядке обмена, поскольку здесь не было источников топлива — древесины.

Все предметы, указывающие на существование специализированного литейно-кузнечного производства, происходят из северных степных и лесостепных регионов Нижнего Поволжья. При этом содержащие их бытовые памятники расположены вдоль поймы Волги, ее притоков и в бассейне Хопра и Медведицы, являвшихся древними средствами коммуникации, а также путями обмена металлургическим сырьем и готовыми металлическими изделиями. Иргизские поселения находятся относительно недалеко от Общего Сырта, где имеются выходы металлургического сырья. В большинстве случаев предметы литейного дела происходят из открытых комплексов или культурных слоев поселений. На некоторых из учтенных селищ, где осуществлены крупные раскопки, находки теплотехнических сооружений и литейные формы единичны. Поэтому можно полагать, что чаще всего литейное производство производилось в особых укромных и сакральных местах, расположенных за пределами основного поселка.

Предметы кузнечно-литейного производства представлены в основном уже бывшими в употреблении керамическими литейными формами, плавильными чашами, льячками и тиглями, а также каменными пестами и абразивами. Большая часть керамических форм пришла в негодность, раскололась или треснула. Иногда встречаются сплески металла, шлаки и металлический «лом». Каменные формы единичны: Черемшанская стоянка, Старая Яблоновка, Потьма. Сланцевая литейная форма, хранящаяся в Волгоградском музее краеведения⁴⁵, скорее всего, поступила сюда с территории Украины.

Преобладают простые и односторонние керамические формы, бывшие в употреблении, поэтому большая их часть пришла в негодность, раскололась и треснула. Глиняные створки изготавливались из пластинчатых брусков прямоугольных очертаний. Для сложных составных форм заготавливались керамические бруски одного размера. Види-

⁴⁴ Галкин А. Л., Дремов И. И., Железчиков Б. Ф. и др. Памятники срубной культуры. С. 77, № 77.

⁴⁵ Мамонтов В. И. Литейная форма срубной культуры из фондов Волгоградского областного краеведческого музея // Советская археология. 1977. № 2. С. 221–223.

мые примеси в глинах литейных форм – шамот, песок и толченая раковина. На не затвердевшем керамическом бруске по шаблону вырезался негатив изделия и литник. Затем брусок обжигался. Перед отливкой на форму наносилась каолиновая обмазка. Небольшие предметы чаще отливались в простых односторонних формах. Для отливки крупных втульчатых предметов между двумя створками вставлялся сердечник. На сложных составных формах имеются метки и отверстия для точного совмещения створок. Есть керамические створки с негативами на двух сторонах от сложных форм «батарейного вида», в которых одновременно отливалась значительная серия предметов. Осуществлялось формообразующее литье и литье заготовок, из которых затем путемковки изготавливались долота, браслеты, височные подвески и другие предметы.

Чаще всего встречаются односторонние, но есть двухсоставные и «батарейные» формы. Последние – наиболее экономичны и производительны, поскольку позволяли одновременно отлить значительную серию предметов. Более мелкие изделия обычно изготавливались в односторонних формах, имевших матрицу для одного предмета.

В нижевожских литейных формах чаще всего изготавливались орудия труда (двулезвийные черенковые ножи с ребром жесткости, тесла, заготовки долот), украшения (подвески) и просто стержни – заготовки дляковки различных предметов. На их производстве и специализировались определенные «кланы» нижевожских кузнецов-литейщиков. Более металлоемкие изделия: наконечники копий, вислобушные топоры и серповидные орудия – отливались реже. Среди орудий труда преобладают предметы по обработке дерева, которые, вероятно, пользовались наибольшим спросом. Наличие литейных форм для украшений позволяет полагать, что какая-то часть позднепокровских и раннесрубных мастеров специализировалась на производстве определенной ювелирной продукции. При этом для изготовления скатовской крестовидной подвески использован один из самых ранних в Восточной Европе способов совмещения негативов с помощью пары вертикальных штифтов. В нижевожских формах осуществлялось не только формообразующее литье, но и литье заготовок, придание формы которым затем достигалось путемковки. Так, в некоторых формах отливались прутковые и долотовидные заготовки. Затем из них изготавливались различные предметы с применениемковки и других операций.

Закрытыми комплексами следует признать сооружение № 1 в Старой Яблонке, представлявшее собой кузнечно-литейную мастерскую, а также две створки форм и каменных орудий из ямы Усть-Курдюмского селища, являвшиеся кладом или складом инструментов мастера кузнеца-литейщика. К полузакрытым комплексам можно условно отнести теплотехническое сооружение – очаг № 2 из постройки № 3 Успенского селища и предметы литейного производства с Бережновского поселения.

Обзор и анализ предметов нижевожского литейного производства срубной культурно-исторической области (СКИО) будет неполным без определения его динамики. Культурно-хронологическая модель СКИО представляется нам в следующем виде⁴⁶. Самое раннее место в ней занимают памятники покровской культуры, их сменяют

⁴⁶ Малов Н. М. Культуры эпохи бронзы в Нижнем Поволжье // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. К столетию периодизации В. А. Гордцова бронзового века южной половины Восточной Европы: Материалы междунар. науч. конф. Самара, 2001. С. 199–202.

древности срубной культуры, а финал связан с хвалынской культурой валиковой керамики. С ранней покровской культурой может быть связана литейная форма топора из Нестеровки, а с поздними покровскими и ранними срубными памятниками — две скастовских и терновкая створки для изготовления крестовидных и ромбовидных подвесок. Вероятно, к этому же времени сосуществования поздних покровских и ранних срубных древностей следует отнести литейную форму с селища около Долгого Буерака.

Большинство же предметов литейного производства происходит с поселений развитого периода СКИО, когда в Нижнем Поволжье отмечается расцвет литейного дела и обработки цветных металлов. Выявленные на нижеволжских памятниках срубной культуры материалы указывают на достаточно высокий уровень местного литейного производства, рассчитанного на мощное специализированное и массовое изготовление металлических предметов. Оно предназначалось как для широкого обмена и торговли, так и для удовлетворения нужд своего поселка. Наиболее массовое единовременное и серийное литейное производство пока отмечается по материалам правобережных срубных селищ пограничья степи-лесостепи. Хвалыньские памятники уже не содержат такого количества предметов кузнечно-литейного производства, что, вероятно, указывает на его резкий спад.

Известно, что литейное дело относится к категории достаточно сложных и опасных производств, которым могли заниматься только специалисты кузнецы-литейщики. В данном регионе СКИО литейное дело было также связано с деятельностью профессиональных мастеров кузнецов-литейщиков. Скорее всего, они занимали особый, кланово-производственный и индивидуально-семейный социальный статус в структуре сложных комплексных обществ той эпохи. Поскольку наряду с керамическими предметами литейного дела на поселениях часто встречаются каменные песты и абразивы, то можно предположить, что погребениями кузнецов-литейщиков СКИО могут быть могилы, содержащие песты и абразивы. Вероятно, в погребальном обряде также отмечалась их профессиональная специализация, но ее знаком являлись предметы, связанные не с металлургическим литьем, а с вторичной кузнечной обработкой металлов. Если это предположение верно, то, судя по погребальным памятникам, социальный статус кузнецов-литейщиков СКИО далеко не всегда был высоким.

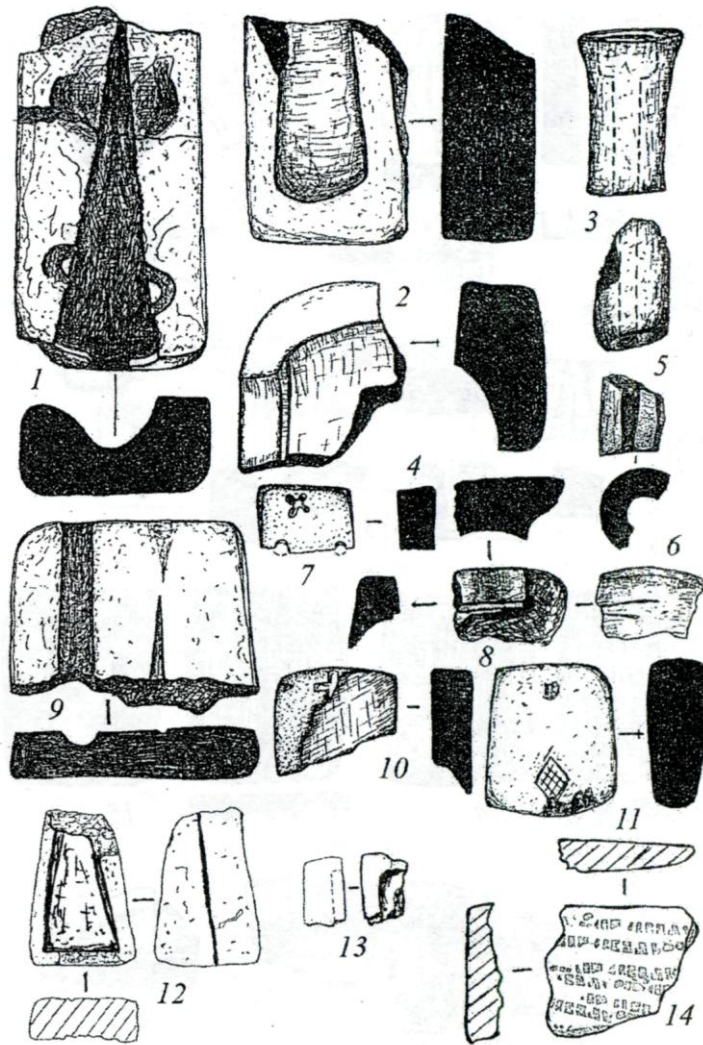

Рис. 1. Керамические предметы литейного производства: 1 - Старая Яблоновка (Липовый овраг); 2 - Калач; 3, 9, 13 - Бережновка; 4 - Нестеровка; 5 - Сарайдин; 6 - Шипово-I; 7, 10 - Скитовка; 8, 12 - Смеловка; 11 - Терновка, 14 - Алексеевка

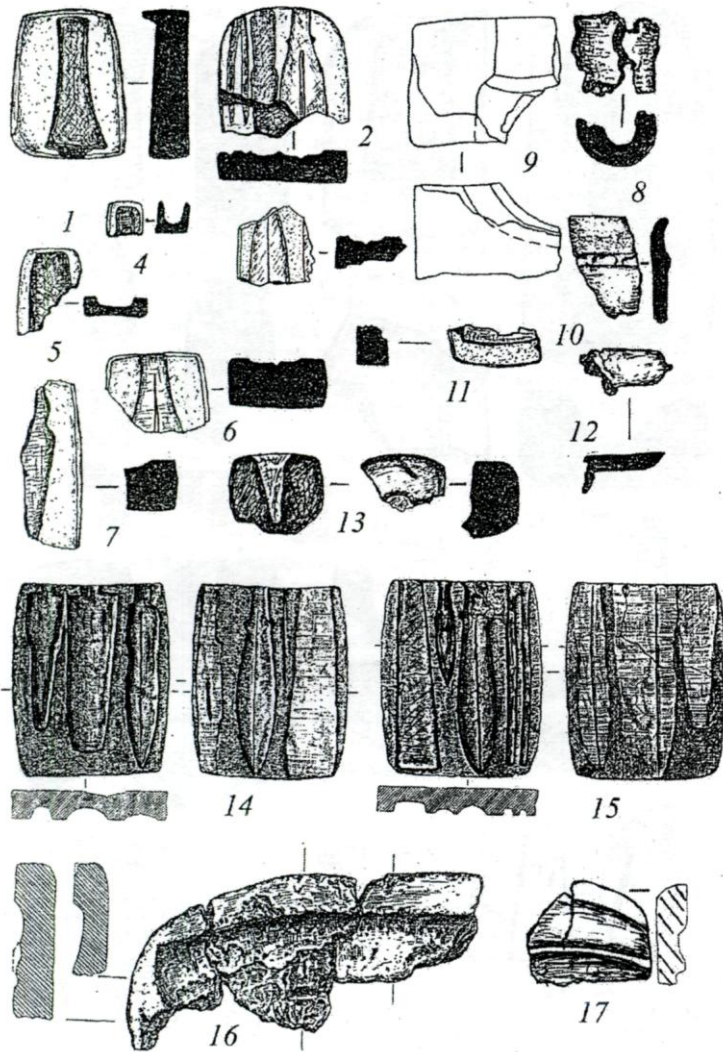

Рис. 2. Лигейные формы и металлический лом (10, 12): 1-7 - Старая Яблоновка (по С.А. Агапову и А.Ю. Иванову); 8, 10-12 - Преображенка (по В.А. Лопатину); 9 - Гуселка; 13 - Новая Покровка I; 14-16 - Усть-Курдюм (по Д.А. Хоркину); 17 - Макаровская речка

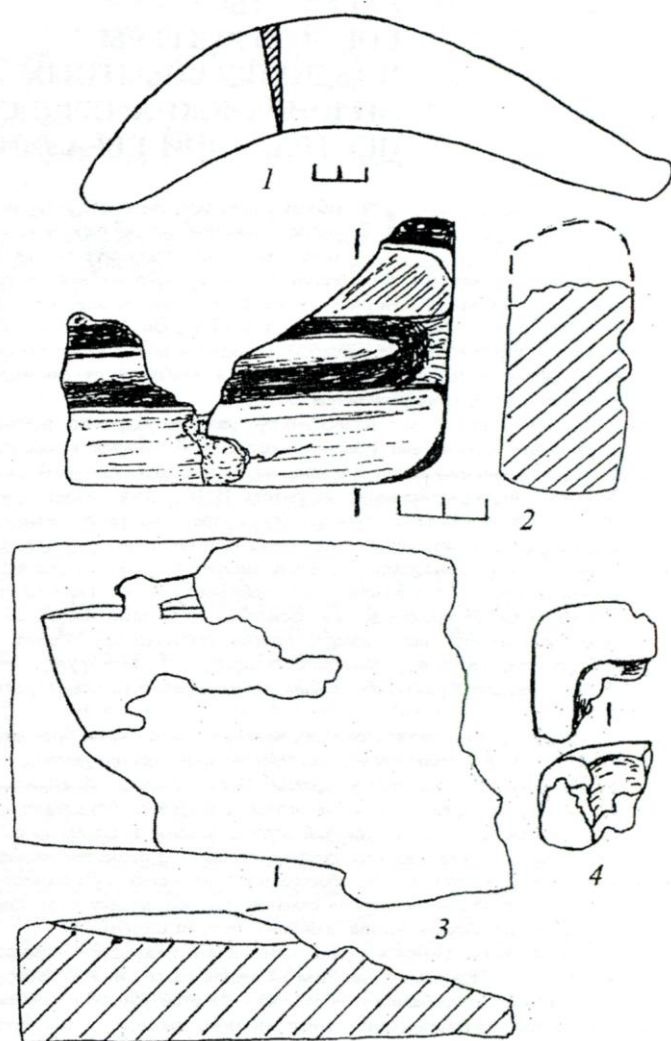

Рис. 3. Керамические литейные формы и бронзовый серп (1) — Терновка; 2, 3 — Мидорадовка I (по И.И. Дремову); Мартышкино (по В.А. Лопатину)

В.А. Лопатин

**ЭЛЕМЕНТЫ
СОЦИОСТРУКТУРЫ
ПОЗДНЕПЕРВОБЫТНЫХ
ИНДОИРАНСКИХ ОБЩЕСТВ
ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРАЗИИ**

Проблема предклассовых обществ вновь в центре внимания российских историков и археологов, она подвергается активному обсуждению в связи с феноменальными открытиями по бронзовому веку в Южном Зауралье, Самарском Поволжье и Северном Казахстане. Современный этап дискуссии, активизированный исследованиями Синташтинских могильников, курганов в Потаповке и руин Аркаима, характеризуется попытками создания новых понятийных категорий, иной терминологии и сознательным стремлением к отказу от формационной основы в изучении истории первобытного общества.

Формационное «квантование» исторического процесса, в общем-то, всегда было поводом для дискуссий. Изначально сформулированная К. Марксом как рабочий вариант теории общественно-экономических формаций в социологической полемике 20–30-х гг. XX века под воздействием авторитета В. В. Струве вдруг приобрела незыблемую форму «пятичленного» постулата. Неудобство этой схемы неоднократно приводило к возобновлению дискуссии о соотношении первобытного общества с рабовладельческой и феодальной формациями. Предпринимались попытки творческой доработки формационной системы в духе Маркса, что пробудило к жизни гигантскую литературу об «азиатском способе производства». Всякий раз, начиная новую полемику, сторонники разных направлений, выступающие против «пятичленной» схемы, единодушно декларировали, что «в прокрустово ложе концепции В. В. Струве, которая в свое время не была должным образом обоснована, не укладываются новые факты, добытые наукой»¹.

К концу XX столетия в отечественном ирановедении и археологии бронзового века сложилась концепция о своеобразии культуругенетических процессов в волго-уральском регионе, в результате которых в середине II тыс. до н. э. образовался срубно-андроновский культурный ареал. Тогда же началось широкое обсуждение проблем так называемых «комплексных феноменов» как особых категорий позднепервобытных обществ Старого Света. В «комплексном» позднепервобытном обществе градации социального характера и соответствующее обособление различных субэтнических или производственных групп — это закономерное явление, которое, наряду с прочими признаками, демонстрирует своеобразие именно данной категории социума².

В археологии чрезвычайно сложная задача выявления и фиксации «социофактора» не может быть решена без тщательного анализа наличной базы данных, прежде всего той ее части, что отражает погребальную обрядность. В этой работе попытаемся заполнить пространственно-хронологический аспект анализа, выявить и систематизиро-

¹ Никифоров В. Н. Восток и всемирная история. М., 1977. С. 12.

² Елимахов А. В. Комплексные общества и возможности их диагностирования по археологическим материалам // Комплексные общества Центральной Евразии в III–I тыс. до н. э. Челябинск, 1999. С. 64.

вать социально выраженные комплексы, рассмотреть их на уровне знаково-символических характеристик обряда. «Социальное» проявляется не только в ярких погребальных комплексах, но и в массовых поселенческих материалах и вообще в совокупностях всех объектов археологических культур (могильники, поселения, клады, случайные находки). Поэтому воспроизвести отдельные элементы в системе социоструктуры комплексного индоиранского общества Центральной Евразии, возникшего во II тыс. до н. э., возможно лишь на основе всех имеющихся данных и, что весьма существенно, вряд ли усилиями одного исследователя.

Для конкретизации социально выраженных погребальных комплексов принципиально важной представляется идея В. С. Бочкарева об отражении в погребальном обряде некоторых археологических культур информации о прижизненной специализации умерших³. В частности, было высказано предположение, что хранители наиболее престижных ремесел, социально значимые при жизни, после смерти также окружались особыми знаками обряда. В комплекс канонизированных элементов (тип погребального сооружения, поза, ориентировка, стандартный инвентарь) вводили знаковый признак высокого и всеми почитаемого профессионализма. Это были особо ценные личные инструменты, иногда образцы готовых изделий.

В свое время эта идея в большей степени касалась погребений мастеров-литейщиков, а также прочих выделившихся в бронзовом веке профессий. Но, думается, она вполне применима и в анализе социоструктуры, особенно если учитывать, что в эпоху бронзы ремесленники-металлурги уже были престижно ранжированы. В литературе фигурируют комплексы захоронений вождей и военачальников, отмеченные инсигниями власти и почетным оружием (булавы и копья). Погребения воинов маркированы колчанными наборами, топорами, кинжалами. В захоронениях колесничих и возничих присутствуют боевые одноосные колесницы или их элементы, детали сбруи (псалии, бляхи ременных перекрестий) и сопутствующий инструментарий (средства стимуляции упряжных лошадей — стрекала разных типов). Причем чаще всего признаки вождей и воинов представлены с признаками колесничих в единых комплексах. Несколько особняком стоят чрезвычайно редкие погребения мастеров (литейщики, стрельники, косторезы), которые в публикациях также всегда причисляются к рангу престижных.

Акцентируя внимание именно на социоструктуре степных скотоводческих комплексных обществ, сформировавшихся в недрах Волго-Уральского очага культурогенеза, мы все же исходим из того, что круг источников, связанных с проблемой генезиса социофактора, в действительности значительно шире. Поэтому в рамках пространственно-хронологического анализа следует рассмотреть материалы многих археологических культур, развивавшихся на широком пространстве (от степного Поднепровья до Южного Зауралья) в достаточно мощном хронологическом диапазоне. Полученная выборка составлена из 80 комплексов с признаками возможной принадлежности умерших к элитным сословиям воинов и колесничих⁴.

³ Бочкарев В. С. Погребения литейщиков эпохи бронзы // Проблемы археологии. М., 1978. Вып. 2. С. 52–53.

⁴ Волков В. А. Боевые колесницы в археологических комплексах лесостепной и степной Евразии // Археологія та етнологія східної Європи: матеріали і дослідження. Т. 3. Збірка наукових праць. Одеса, 2002. С. 98–99.

Наиболее архаичны в данной выборке донецкие и среднедонские погребения катакомбной культуры. Прежде всего отметим боевой характер древнейшей одноосной колесницы из Нижнего Поднепровья (Марьевка), где раннекатакомбный комплекс датирован рубежом III–II тыс. до н.э. Два двусосных варианта (из Болотного и Екатериновки) рассмотрены как переходные формы от ямно-катакомбных хозяйственных повозок к боевым колесницам⁵. Инвентарь, как и в большинстве раннекатакомбных могил, небогат, и лишь наличие ножей и шильев с одним притупленным концом, которые в последнее время часто квалифицируются в качестве стрел, позволяет предварительно выделять их как погребения воинов, а не возжей или воинов, поскольку ни оружие, ни инсигнии власти здесь не отмечены.

В трех курганах из Нижнего Подонья (Хрящевский, Покровский, Хохлач) признаки соответствия погребенных элитной группе выражены более четко. Здесь обнаружены каменные булавы и топоры, колчаные наборы, бронзовые ножи, а возле могил зафиксированы черепа или остовы коней⁶. Из деталей конской упряжи в данном блоке артефактов известен лишь один фрагмент псаля (правда, весьма позднего облика), выявленный в материалах катакомбной культуры на Животинном городище⁷.

По-видимому, это было время, когда в военной практике степных евразийских племен, скорее всего, не без влияний ближневосточных традиций, только начинали формироваться основы колесничной тактики ведения боевых действий. Объективно это явление было возможно лишь на фоне динамичного оформления ранжированной структуры патриархального скотоводческого общества, с которым можно ассоциировать огромную общность катакомбных культур. Стихийно выделяющиеся ранги не только мастеров, воинов, колесничих, но и жрецов, со временем становятся закрытыми системами (кланами, кастами), и в дальнейшем некогда выборные племенные привилегии и общественные должности навсегда остаются привилегиями этих закрытых систем.

Указанные процессы углубляются в синстадиальных постшнуровых и посткатакомбных образованиях. Нам неизвестны погребения культуры многоваликовой керамики, которые можно было бы с уверенностью считать колесничными. Но на поселениях ее ареала нередки находки псаляев (Проказино, Поляны, Трахтемирово, Каменка, Подгоровка, Капитаново, Шилово). Погребальный обряд КМК выглядит абсолютно унифицированным, его сложно диагностировать с целью выявления социальных признаков. Но находки предметов воинского вооружения, в том числе престижного оружия и инсигний, где особняком стоит такой феномен, как Бородинский клад, красноречиво свидетельствуют о достаточно сложной, глубоко ранжированной социальной структуре посткатакомбного общества.

Еще более информативны в данном смысле материалы абашевской культуры. В доно-волжском варианте ее распространения известны 12 памятников с находками псаляев, а по наличию или отсутствию в этих комплексах оружия можно предполагать

⁵ Черданченко Н. Н., Пустовалов С. Ж. Боевые колесницы и колесничие в обществе катакомбной культуры (по материалам раскопок в Нижнем Поднепровье) // Советская археология. 1991. № 1. С. 213.

⁶ Братченко С. Н. Колесницы Евразии эпохи поздней бронзы // Энеолит и бронзовый век Украины. Киев, 1976. С. 148.

⁷ Пряхин А. Д. Поселения катакомбного времени лесостепного Подонья. Воронеж, 1982. С. 102, рис. 31, 13.

здесь отражение сословно-кастового ранжирования на воинов-колесничих и возничих. Так, наряду с деталями конской упряжи, в могильниках Власовский I и Филатовка, Введенка, Староюрьевский II курган, в Кондрашкинском комплексе зафиксирована яркая воинская атрибутика: бронзовые ножи, каменные навершия булав, кремневые и костяные наконечники стрел, оригинальные втульчатые лопаточки, изготовленные из кости⁸.

Костяные лопаточки, эта своеобразная категория инвентаря, всегда сопутствующая престижным, чаще всего колесничным комплексам, на наш взгляд, до сих пор не получила еще убедительной трактовки. Авторы раскопок, отмечая частое сочетание этой категории инвентаря с палиями и престижным оружием, все же склонны считать их вотивными навершиями. Короткие костяные стержни с выступами на краю интерпретируются в качестве булавок. Но, поскольку эти навершия и булавки составляют единые комплексы с элементами колесниц или их знаковой символикой, уместно, видимо, соответственно конкретизировать их функциональность. Скорее всего, они являлись разновидностями стрекал. Наряду с металлическими стержневидными, они входили в арсенал возничего как мягкие, щадящие средства стимуляции, предназначенные для особо ценных, высокопородных лошадей, к которым погонщики относились более бережно, опасаясь травмировать их жестким металлом.

Детали конской упряжи отмечены на многих абашевских поселениях, расположенных в широкой полосе лесостепи от Дона до Южного Приуралья. Вкладах и некоторых особо выдающихся погребальных комплексах зафиксированы бронзовые втульчатые наконечники копий. Эта категория воинского инвентаря является крайне редкой для катакомбных культур и посткатакомбных образований. В связи с этим особый интерес вызывает уникальное погребение с бронзовым наконечником копья из приволжской Сторожовки⁹. Своеобразие этого комплекса заключается в сочетании катакомбных черт с абашевскими. Наиболее рельефно этот симбиоз выразился в технологии металлообработки. Нетрудно заметить, как на сторожовском копье необычно сочетаются абашевская раскованная втулка и типично катакомбный способ формовки лезвия. Погребальный комплекс из Сторожовки явно отражает определенные результаты взаимной аккультурации племен постшнурового и посткатакомбного миров, сложных миксационных процессов, которые, видимо, следует рассматривать как локальный эпизод культурогенеза.

Материалы потаповских памятников, маркирующие в Волго-Уралье рубеж средней и поздней бронзы, демонстрируют уже вполне сформировавшийся воинско-колесничный контингент. Особенно показательны в этом смысле семь погребальных комплексов из Потаповского и Утевского VI могильников. Они содержали характер-

⁸ См.: Сичюк А. Т., Козмирович И. А. Некоторые аспекты изучения абашевской культуры в бассейне Дона (по материалам погребений) // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н. э.). Самара, 1995. С. 37–72; Сичюк А. Т., Килейников В. В. Курган у села Введенки на Дону // Советская археология. 1976. № 1. С. 159–169; Прякин А. Д. Курганы поздней бронзы у с. Староюрьево // Советская археология. 1972. № 3. С. 235–237; Прякин А. Д., Беседин В. И., Левых Г. А. и др. Кондрашкинский курган. Воронеж, 1989. С. 15–18.

⁹ Ляхов С. В. Уникальное погребение средней бронзы из кургана у пос. Сторожовка // Охрана и исследование памятников археологии Саратовской области в 1995 году. Саратов, 1996. Вып. 1. С. 77–84.

ный инвентарь, связанный с соответствующими социофакторами: костяные дисковидные псалли, кремневые наконечники стрел, бронзовые ножи, тесла, наконечник копья, каменные булавы, костяную лопаточку — стрекало, металлические крюкастые стержни — функциональный аналог костяных стрекал из Филатовки. Выявлен здесь и отпечаток колеса на стенке одной из могил. В погребениях и рядом с ними встречаются черепа и полные костяки иногда взнузданных лошадей, которые являлись наиболее яркими и престижными знаковыми символами¹⁰.

Знаковые системы в погребальной обрядности — это отдельная тема исследования, мало изученная и достойная особого внимания. Кратко отметим, что варианты «знак — артефакт» наиболее выразительны в тех колесничных комплексах, где присутствуют останки лошади. Сам по себе этот знак также поливариантен (целая туша лошади; шкура с головой и ногами; голова и ноги; голова). Объективно все варианты знака направлены на идею колесницы. Колесница — это также знак, который может быть представлен как целым изделием, так и какой-либо одной деталью, чаще всего колесом. Иногда символ знака переносится на другой объект. Например, символической колесницей может выступать могильная яма, но лишь в том случае, если рядом присутствует конская символика (остов или голова с ногами). Возможны самые различные наборы признаков, символизирующие степень полноты идеи колесницы непосредственно при отправлении культа. В обряде могут присутствовать целые колесницы, положенные на края могил лошади, только колеса от повозки, головы и ноги лошадей на краю ямы, конские псалли, стрекала, прочая атрибутика лошади или возничего. В любых комбинациях они выражают знаковую символику боевой колесницы, соответствующей определенному социофактору. Очевидно, именно неодинаковые прижизненные характеристики носителей различных социофакторов являлись основной причиной столь ярко выраженной поливариантности знаковой символики погребального обряда.

Наиболее представительны в интересующем нас вопросе петровско-синташтинские материалы, близкие по своему характеру потаповским памятникам. В погребальном обряде петровско-синташтинских племен социально обособленное положение привилегированных представителей общества, вероятно, было очень четко зафиксировано священной традицией. Особенно ярко, множеством комплексов, представлен социофактор воинско-колесничной знати. Анализ 25 захоронений из могильников Синташта, Каменный Амбар V, Берлик II и Кенес¹¹ показал наиболее явно выраженную сословность именно южноуральской воинской элиты. В могилах присутствовали остатки колесниц, отпечатки колес, целые скелеты лошадей и их фрагменты, щитковые и желобчатые псалли, стрекала-лопаточки, престижное оружие и инсигнии воинской власти, и все это позволяет считать, что в указанном регионе погребальная обрядность была максимально приближена к прижизненному статусу тех представителей общества, которые посвятили себя войне.

¹⁰ Васильев И. Б., Кузнецов П. Ф., Семенова А. П. Потаповский курганный могильник индоиранских племен на Волге. Самара, 1994.

¹¹ См.: Генкин В. Ф. Могильник Синташта и проблема ранних индоиранских племен // Советская археология. 1977. № 4; Зданович Г. Б. Бронзовый век урало-казахстанских степей. Свердловск, 1988.

В соседнем Волго-Уральском регионе, из 17 учтенных комплексов покровского типа, несмотря на более жесткое кодирование обряда знаковой символикой, находят такие яркие предметы, отражающие социофактор, как щитковые псалми, жесткие металлические стрела, бронзовые наконечники копий, тесла, колчаные наборы, каменные и металлические навершия булав, признаки лошади. До настоящего времени в ареале покровских памятников погребений с наконечниками копий зафиксировано более чем где бы то ни было (Покровск, Карамыш, Медяниково, Березовка). Отмечено, что в знаковой символике данной категории артефактов совмещаются принципы инстинктивной власти, престижного оружия и средоточия военной магии¹².

Но наличие в погребальном комплексе наконечника копья не всегда маркирует его как вождеское. Более того, создается впечатление, что признак верховной власти в погребальном обряде всегда скрыт, завуалирован в общей массе воинских погребений. Таким образом, по данным погребальной обрядности можно зафиксировать сословие знати, но нельзя с полной уверенностью выявить в нем высшее должностное лицо.

В процессе своего развития престижная обрядность все более приобретает знаковый характер. Отдельные виды инвентаря становятся сакральными знаками определенных сословных групп и даже воинских специализаций. Знаками возникшего являются стрела и элемент узды. Лучника отличает колчаный набор или даже один наконечник стрелы. Копья, топоры, булавы маркируют лучших воинов, но в их среде может находиться вождь или военачальник. Любые виды вооружений, в комплексе со знаковой символикой колесницы, означают их принадлежность колесничему воину, а также вождю или военачальнику.

С окончательным становлением срубной и алакульской культур в погребальной обрядности степных скотоводов происходят существенные перемены. Обряд приобретает строго канонизированные черты, его главные культуурообразующие признаки унифицируются, и традиция сооружения помпезных, героических по своему характеру некрополей исчезает. Возможно, именно в срубном обряде наиболее демонстративно укоренился знаково-символический принцип *pars pro toto*, когда сложные конструкции упрощались, полные формы подменялись деталями, а оставшиеся в живых присваивали вещи умерших. Так идеологически был закреплен патриархальный принцип позднеперодового общества, достигшего высокопродуктивного производства, принцип аккумуляции избыточного продукта в рамках большесемейных общин и наследования его по мужской линии. Распыление накопленных богатств, пусть даже посредством введения какой-то их части в погребальный обряд, становится признаком дурного тона. Напротив, похвальным стало стремление обогащаться, умножая поголовье стад и накапливая металл.

С другой стороны, демографическая обстановка середины II тыс. до н. э. была сопряжена с необходимостью расширения ареала. Этот процесс имел место на протяжении всего культуургенеза и в виде шлейфовой инверсии некоторое время продолжался после окончательного становления двух мегакультур. Результатом указанных культуургенетических процессов стало освоение гигантской территории в центре Евразии племе-

¹² Malov N. M. Spears — Signs of Archaic Leaders of the Pokrovsk Archaeological Culture // Regional Specifics in Light of Global Models. Journal of Indo-European Studies Monograph Series 45. Washington D.C., 2002. P. 314–336.

нами единого хозяйственно-культурного типа. Восточное крыло этого ареала соотносится с центром формирования исторических индоариев, а западное — с прародиной индоиранцев¹³. Не исключено, что первые волны исхода ранневедических ариев приходятся как раз на тот период, когда в степи исчезают героические сословия, хранившие неприкосновенность архаических обрядов. Очевидно, коренным образом меняются в это время очень многие условия, определявшие развитие культуросогенеза: климат и природно-географическая среда, принципы ведения хозяйства, политическая ситуация. Сформированная в обществе ранжированная социоструктура, уже готовая к переходу от персистентного состояния к динамичному историческому развитию, не могла оставаться в тесных рамках первобытных производственных отношений.

Вместе с тем строительство предцивилизации в комплексном обществе Центральной Евразии могло продолжаться лишь до некоторого предела. В середине II тыс. до н.э. здесь складывались реальные предпосылки, предвосхищавшие образование централизованной раннегосударственной системы, и были достигнуты весьма впечатляющие успехи в развитии общественных отношений. Особенно показателен в этом смысле уникальный район Южного Зауралья, где богатейшие меднорудные залежи достаточно рано позволили создать искусную технологию металлообработки и планомерно развивать военное дело. Компактный в географическом отношении микрорайон, получивший в литературе образное название «Страны городов», в связи с впечатляющими фортификационными сооружениями, вероятно, являлся административно-политическим и ремесленным центром. К нему тяготели хозяйственные скотоводческие провинции, отношения с которыми у центральной власти были неодинаковыми. В тех регионах, где автохтонный этнокультурный фон был слабо или слишком мозаично выражен, там, под мощным культурно-технологическим влиянием зауральского центра, формировались дериватные феномены, аналогичные памятникам потаповского типа.

Иными, скорее всего военно-союзническими, были контакты с теми окраинами, где локальные процессы культуросогенеза уже зашли достаточно далеко и сформировали общественные структуры, вполне цельные в культурном и политическом отношении. Таким выглядит, например, ареал распространения памятников покровского типа, куда, наряду с нижневолжским бассейном, очевидно, следует включать и часть лесостепного Подонья.

Механизм практической жизнедеятельности комплексного общества центральной Евразии некоторыми признаками уже напоминал функционирование ранних государственных образований, причем именно восточнодеспотического типа. Некоторые черты азиатских деспотий, отмеченные К. Марксом в его разработках по азиатскому способу производства, поразительно четко совпадают с параметрами помпезных комплексов Аркаима, Синташты, Покровска, Утевки, Потаповки, Золотой Горы.

Прежде всего поражают воображение гигантские трудовозатраты, которые требовались на сооружение «городов» и «усыпальниц». Ни в какие исторические эпохи общественное сознание, не направляемое централизованной волей, не в состоянии было осознать насущную необходимость крупномасштабных трудовых действий. Комплекс больших общественных работ неизбежно предполагает прочную связь общества и центральной власти. На эту связь весьма недвусмысленно указывает сам характер укреп-

¹³ Кузьмина Е. Е. Откуда пришли индоари. М., 1994.

ленных поселений Южного Зауралья. Ряд данных свидетельствует в пользу того, что они не предназначались для постоянного проживания.

Ярко выраженная оборонительная функция этих сооружений, отсутствие мощных культурных отложений и следов перестройки указывают на временный, периодический характер их эксплуатации. Главная задача использования крепостей заключалась в сохранении населения и поголовья скота в случае внешней военной угрозы. Глубоко продуманная инфраструктура крепостей была направлена на отражение агрессии и выдерживание длительной осады. В каждой полуземлянке, рассчитанной на проживание одной большесемейной общины, устроены автономный колодезь и стационарный очаг, на котором производились и бронзолитейные операции. Круглая планировка и мощные стены более всего соответствовали оборонительной тактике. Высокопродуктивный скот, согнанный на центральную площадь, вовремя обеспеченный фуражом, служил для защитников «города» долговременным источником мясной и молочной пищи.

Роль древнего южноуральского центра заключалась прежде всего в организации комплекса больших общественных работ по сооружению жизненно необходимых оборонительных объектов. Реальными исполнителями данных мероприятий могли быть только жители окрестных поселений, где изучены комплексы археологической петровской культуры. Это были различные специализированные категории свободного населения, занятые в сфере комплексного производящего хозяйства (земледелие и отгонно-пастушеское скотоводство) с заметной долей мелкого придомного ремесла, направленного на переработку сельхозпродукции. Но те ремесленники, которые исторически были ориентированы на войну, уже выделились из массового производства и организовались в престижные профессиональные кланы. Уместно предполагать наличие в комплексном обществе достаточно широкого спектра свободных профессий, уже давно окруженных тайнами мастерства, суеверным страхом и всеобщим почитанием. Это могли быть металлурги и кузнецы, мастера по изготовлению луков, каменных и костяных наконечников стрел, плотники и столяры, строившие на заказ повозки и боевые колесницы.

Исторические формы родовой организации комплексного общества объективно могли быть только поливариантными. Это было обусловлено, во-первых, неодинаковыми природно-географическими условиями, в которых развивались локальные варианты культурогенеза, во-вторых, различием в природных и технических ресурсах, которыми обладали местные племена. Представляется, что население южноуральского и североказахстанского регионов, которое контролировало богатейшие меднорудные источники и центральный отрезок Великого нефритового пути, по уровню социально-экономических отношений несколько опережало своих соседей в степном Волго-Урале и, возможно, в лесостепном Среднем Поволжье. Материалы изучения бытовых памятников в этих областях позволяют предполагать, что в самой «Стране городов» на больших поселениях уже могли развиваться сообщества малых семей, подобные патронимиям, а возможно, и ранние формы соседских общин. На волго-уральской периферии нам известны только небольшие поселения хуторского типа, где проживали большесемейные общины. Лишь в позднерубное время здесь появляются относительно крупные поселения, но это могло быть связано уже с возросшей активностью федоровской культурной диффузии.

Насколько тесно взаимодействовали формирующаяся централизованная власть и различные по своему типу позднерубежные общины ближних и дальних провинций, можно судить по многочисленным артефактам, представляющим инокультурные влияния и контакты. Воздействие передовых технологий Южного Урала на степную скотоводческую периферию было значительным. Археологически это прослеживается в некоторых комплексах синкретичного характера (Покровск, Бородаевка, Золотая Гора, Смеловка), где сочетаются покровские и петровско-новокумакские элементы¹⁴. Это позволяет хотя бы частично синхронизировать памятники покровского типа с комплексами круга Синташты — Потаповки — Филатовки, в отличие от высказанного ранее мнения по поводу их хронологической преемственности¹⁵.

Характер централизованной власти в евразийском комплексном обществе остается пока весьма расплывчатым. Прямых археологических свидетельств на этот счет не имеется, поскольку идею верховной власти нельзя соотнести с полной уверенностью ни с одним известным престижным археологическим комплексом. Вряд ли в это время была возможна узурпация высшей административной должности. Ни экономических, ни политических оснований для этого, по-видимому, еще не имелось. Верховная власть могла быть только выборной, без права передачи по наследству, с относительно весомыми полномочиями.

Но идея полубожественного владыки уже начинала идеологически оформляться. Наиболее выраженные свидетельства тому имеются в некоторых самусьских орнаментах, где просматривается универсальная космогоническая мифологема с антропоморфной персонализацией центральной фигуры культурного героя (демиурга, владыки среднего мира). Главная, бросающаяся в глаза особенность самусьских антропоморфных рисунков — это удивительное единство деталей их формы, характеризующееся устойчивыми изобразительными инвариантами. Такое свойство изобразительного языка принято называть стилем, и в данном случае это так называемый «биконический стиль», наиболее характерный для южных древнеземледельческих культур¹⁶. Столь малая вариативность самусьских антропоморфных изображений позволяет предполагать, что это устоявшийся во времени иконографический канон и что данная канонизация не случайна. Она основана на определенных космогонических представлениях, связанных, в частности, с мифом первотворения. Запечатлен именно первоначальный вариант мифа, еще не пере-

¹⁴ См.: Памятники срубной культуры. Волго-Уральское междуречье // САИ. Саратов, 1993. Вып. В 1–10, т. 1; Юдин А. И., Матюхин А. Д., Захариков А. П., Касанкин Г. И. Раннесрубные курганные могильники «Золотая Гора» и «Кочетное» и проблемы формирования срубной культуры Нижнего Поволжья // Охрана и исследование памятников археологии Саратовской области в 1995 году. Саратов, 1996. Вып. 1. С. 119–139; Лопатин В. А. Смеловский грунтовый могильник (к проблеме формирования срубной культуры в степном Заволжье) // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей. Саратов, 1997. С. 73–75.

¹⁵ Васильев И. Б., Кузнецов П. Ф., Семенова А. П. Дно-Волго-Уральская лесостепь на рубеже среднего и позднего бронзового века // Древности Волго-Донских степей в системе восточноевропейского бронзового века: Материалы междунар. науч. конф. Волгоград, 1996. С. 36–40.

¹⁶ См.: Шер А. Я. Алгоритм распознавания стилистических типов в петроглифах (к теории стиля в первобытном искусстве) // Математические методы в историко-экономических и историко-культурных исследованиях. М., 1977. С. 138; Он же. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М., 1980. С. 205; Матющенко В. И. О южном компоненте в составе самусьской культуры // Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. М., 1977.

груженный деталями среднего мира. Вселенная конкретизирована овальной сферой, в которой помещен культурно-исторический герой, разделяющий небо и землю. Он стоит на широко расставленных ногах и упирается полусогнутыми руками в небесный свод. Причем земная твердь и небесная сфера графически не разделены, вселенная представлена в виде яйца, что дополнительно символизирует всеобщее начало. Известен также пластический вариант подобного изображения, выполненный из бронзы¹⁷.

В целом идеология имеет ярко выраженный предтеистический облик. В сложном сплетении анимистических и магических представлений древнеиранского общества в середине II тыс. до н. э. начинают проявляться признаки культа предков, покровителей живых сородичей. В археологических материалах это особенно хорошо заметно на примере грунтовых могильников, где планиграфически лучше, чем в курганах, группируются родовые участки кладбищ. Кроме того, здесь прослеживается обычай подхоронения детей в могилы «пращуров», что следует рассматривать как священный обряд трансферной коммуникации живых с мертвыми. В таком случае многочисленность детских погребений в курганах и грунтовых могильниках объясняется особым статусом детей и подростков в сложной погребальной обрядности этого времени¹⁸.

Культовое почитание древними индоариями умерших предков косвенно подтверждается некоторыми фрагментами Ригведы¹⁹, где подчеркнуто отношение к ним как равным богам:

Агни, увозящий трупы,
Должен принести жертву отцам, укрепляющим правду.
Да провозгласит он жертвоприношения
И богам, и отцам!
(Ригведа, X, 16, 11).

О том, что в стране мертвых предки покровительствуют вновь приходящим туда близким людям, повествуется в одном из похоронных гимнов (X, 18, 13):

Я укрепляю землю вокруг тебя.
Да не поврежу я тебе, кладя этот ком земли!
Пусть отцы держат тебе этот столб!
Пусть Яма построит тебе здесь дом!

Даже в сложном теизме нового общества Индии, как мы видим в окончательном варианте ведического источника по истории ариев, роль культа, посвященного предкам,

¹⁷ Молодин В. И. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. Новосибирск, 1977. С. 76, табл. LXI, 6.

¹⁸ Лопатин В. А. Культовые сооружения Смеловского могильника // Взаимодействие и развитие древних культур южного пограничья Европы и Азии. Саратов, 2000. С. 100; Он же. Северо-восточная периферия Смеловского могильника // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1998–2000 годах. Саратов, 2001. Вып. 4. С. 81–85.

¹⁹ Ссылки на этот источник взяты из текста издания «Ригведа. Избранные гимны» (пер., коммент. и вступ. статья Т. Я. Елизаренковой. М., 1972).

значительна. Надо полагать, что в культуре евразийских народов этот уровень идеологической зрелости должен был маркировать этап перехода общества от первобытности к преддверию цивилизации.

Историческая судьба комплексного индоиранского общества степных скотоводов была преддetermined объективными закономерностями эпохи поздней бронзы. Для завершения предцивилизационных процессов этому обществу не хватало двух основополагающих факторов. Во-первых, наблюдаемые здесь типы общин не были сельскохозяйственными, а уровень развития производительных сил той эпохи позволял создавать значительные объемы избыточного продукта исключительно на основе высокоэффективного пашенного земледелия. Кроме того, это было возможно лишь в определенных природно-географических условиях с мягким субтропическим климатом, где сравнительно небольшие трудовозатраты и искусственное орошение позволяли получать большие урожаи зерновых. Именно это обстоятельство в дальнейшем формировало поступательную динамику производства, демографические изменения, умножение и эволюцию позднепервобытных общин. Движение избыточного продукта, с оживлением товарного обмена превращение его в прибавочную категорию максимально усложняли социальные отношения вмешательством имущественного фактора. Урегулировать возникавшие сложности могла только сильная власть. Ее исторические формы на Востоке известны, но они вряд ли могли возникнуть в центре Евразии в том виде, в котором зафиксированы в классических деспотиях.

Во-вторых, социальное ранжирование комплексного социума не могло быть доведено до конца, до той черты, за которой резко обостряются внутренние противоречия и общество превращается из позднепервобытного в раннеантагонистическое. Не хватало питательной среды для возникновения самого приниженного сословия, пригодного для эксплуатации. Закабаление соплеменников было невозможно, поскольку традиция приравнивала подобные поступки к преступлениям, единодушно порицаемым. Известным источником «объектов внеэкономического принуждения» была война, но территории потенциально враждебных племен были слишком далеки. Постепенно, по мере освоения дальней периферии, затем контактных территорий, определилось направление экспансии. Оно было акцентировано на юг, в сторону среднеазиатских древнеземледельческих оазисов, Припамирья, Иранского нагорья, Индостана. Эти территории были населены абсолютно другими народами, чуждыми по внешней соматике, традиционной культуре, языку. На развалинах хараппской цивилизации воинственные арии нашли такие этносы, которые не были защищены ни законами внутриплеменной неприкосновенности, ни сословно-варновыми привилегиями.

Другими словами, создание цивилизации государственного типа в Центральной Евразии на базе комплексного общества степных скотоводов в бронзовом веке объективно было невозможно. Вместе с тем такие яркие черты этого общества, как развитые формы позднепервобытных общин, их консолидация силами централизованной власти, в том числе в рамках комплекса больших общественных работ, развитая воинская ин-

фраструктура, где главной силой был колесничный контингент, представительные сословные ранги, супрематеистическая идеология, возможно, даже зачатки письменности, — характеризуют его как яркую евразийскую предцивилизацию. Самые активные представители этого феномена, сменив ландшафт обитания, уже в Индии и Иране воплотили то, что было начато в сердце Евразии. Но это был уже новый виток истории индоиранских народов.

О.В. Сергеева

**ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ
СВЯЗИ ПОСЕЛЕНИЙ
ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ
ЛЕВОБЕРЕЖНЫХ РАЙОНОВ
НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ**

Изучение и анализ системы срубных поселений в рамках определенного географического региона является одной из актуальных задач археологического исследования. Это означает переход на качественно новый методологический уровень исследования: от формального картографирования памятников и их субъективного сопоставления к изучению археологических карт путем создания проверяемых моделей пространственной археологии, под которой подразумевается научное направление, ориентированное на получение исторической информации методом выявления пространственных связей между археологическими объектами¹. Этому способствуют широкомасштабные археологические разведки, проводимые в нижеволжском регионе в 1980-е – начале 90-х годов, составление археологической карты Саратовской области. Полученный материал создал весомую источниковедческую базу, требующую интерпретации.

Этому способствуют и поиски методических приемов изучения пространственных связей археологического материала с помощью количественных и статистических процедур анализа.

Основная цель такого подхода заключается в том, чтобы исторические концепции, базирующиеся на пространственном распределении археологического материала, могли быть объяснены с большой степенью объективности путем создания проверяемых математических моделей, характеризующих пространственное поведение в прошлом.

Настоящая работа является продолжением начатой ранее². Она построена на более расширенном материале и посвящена исследованию пространственных связей поселений эпохи поздней бронзы левобережных районов Нижнего Поволжья.

В работе использованы материалы бытовых памятников срубной культуры, расположенных в долинах рек Малый Иргиз и Камелик. Географически они охватывают две степные подзоны: северную и южную³, а в меридиональном направлении следуют одна за другой.

Малый Иргиз (левый приток Волги) находится в подзоне северных степей, протекая по ней в широтном направлении. Ранее он не имел постоянного течения и с середины лета пересыхал, превращаясь в цепочку отдельных озерков. На шестидесятики-

¹ См.: *Афанасьев Г. Е.* Иерархия салтовских долговременных поселений лесостепного Приосколья // *Советская археология*. 1990. № 4. С. 51.

² См.: *Сергеева О. В.* Пространственные связи срубных поселений бассейна реки Малый Иргиз // *Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация*: Тез. науч. конф. Самара, 2001.

³ См.: *Мильков Ф. Н.* Природные зоны СССР. М., 1977. С. 163–164; *Алексеевская Н. К., Крылова А. И.* Физическая география Поволжья. Саратов, 1991. С. 29.

лометровом участке его долины, охватывающем среднее и нижнее течение, открыто 35 поселений эпохи поздней бронзы.

Камелик — более южная и степная река. Он начинает свое течение в подзоне южных степей и впадает в р. Большой Иргиз, являющийся границей между двумя подзонами. Хочется отметить, что часть географов проводят по Иргизам границу между лесостепной и степной зонами⁴. Протяженность Камелика в пределах Саратовской области немногим более 100 км. Он очень извилист, протекает в широкой долине. В его пойме много староречий, озер, в нижнем течении участки пойменного леса. В отличие от Малеого Иргиза Камелик имеет много притоков, впадающих в него со стороны левого берега. В его долине разведками обнаружено 33 селища срубной культуры.

Таким образом, в работе использованы данные 59 из 68 поселений эпохи поздней бронзы. Шесть камеликских и три малоиргизских памятника исключены из анализа ввиду недостаточности сведений о них. Все селища тяготеют к речным берегам. Долина каждой из рек образует свой компактный район.

Прежде чем перейти непосредственно к анализу, следует сказать о хронологическом соотношении памятников. Совершенно очевидно, что, приступая к исследованию системы населенных пунктов региона, необходимо установить одновременность этой системы. Мы имеем дело с памятниками, известными лишь по археологическим разведкам и небольшим шурфовкам, где основным подъемным материалом является керамика. А так как на сегодняшний день не существует хронологической шкалы керамики, которая позволила бы надежно установить узкие рамки бытования поселений, мы вынуждены допустить, что все они существовали приблизительно одновременно и относились к развитому этапу срубной культуры эпохи поздней бронзы, периоду так называемого демографического взрыва.

Поселения срубной культуры бассейна р. М.Иргиз

№ памятника	Название памятника	Площадь, тыс. кв. м
1	2	3
1	Ивантеевка III	3,7
2	Ивантеевка II	3,0
3	Ивантеевка I	4,2
4	Арбузовка	0,25
5	Плюстовка I	3,5
6	Плюстовка II	4,8
7	Мальцев I	2,4
8	Мальцев II	3,5
9	Федоровка I	7,0
10	Федоровка	1,5
11	Раевка	1,0
12	Раевка III	2,8
13	Раевка I	7,0
14	Раевка IV	2,5
15	Александровка I	1,6
16	Раевка II	15,0
17	Александровка	0,4
18	Подпibalовка II	10,4
19	Подпibalовка	7,7
20	Дороговиньовка	0,9

⁴ Мильков Ф. Н. Указ. соч. С. 22–24.

Окончание		
1	2	3
21	Шиншиновка	3,0
22	Акимвское	3,8
23	Петровское	0,7
24	Ружьевка	4,4
25	Ружьевка I	0,9
26	Селевника II	0,8
27	Надеждинка II	6,0
28	Надеждинка I	3,0
29	Кутузовское	0,8
30	Полыводинское	1,2
31	Новозахаркино I	4,0
32	Новозахаркино II	?
33	Малый Иргиз I	6,0
34	Малый Иргиз IV	?
35	Малый Иргиз	?

Тем не менее из общего числа вошедших в выборку выделяются два поселения первого периода — Ружьевка на реке М. Иргиз и Малая Тарасовка на Камелике. Их керамический комплекс недоразвит, что выражается в подавляющем большинстве баночных и полном отсутствии остроресберных форм, примитивной орнаментации, а также в наличии так называемых реликтовых элементов⁵. Кроме этого, на поселении Ружьевка найден бронзовый нож раннего облика⁶.

Поселения срубной культуры бассейна р. Камелик

№ памятника	Название памятника	Площадь, тыс. кв. м
1	2	3
1	Каменка	29,4
2	Марьевка	0,5
3	Кучумбетово II	8,5
4	Кучумбетово I	1,2
5	Харитоновка	8,0
6	Целинный	4,4
7	Нижняя Покровка II	3,9
8	Нижняя Покровка	0,6
9	Нижняя Покровка I	4,9
10	Кузябаево	0,6
11	Кунакбаево II	3,6
12	Плотина	2,0
13	Калинин	0,9
14	Еремино I	?
15	Еремино II	?
16	Максютово III	?
17	Максютово II	10,5
18	Максютово I	11,0
19	Максютово IV	7,2

⁵ Лопатин В. А. Срубные поселения степного Волго-Уралья. Саратов, 2002. С. 47–48.

⁶ Памятники срубной культуры Волго-Уральское междуречье // Свод археологических источников. Саратов, 1993. Вып. В 1–10, т. 1. Табл. 33.

Окончание		
1	2	3
20	Макситово	?
21	Муравли	4,0
22	Муравли-Кордон	2,7
23	Молодежный	8,4
24	Рахмановка II	3,0
25	Рахмановка I	?
26	Рахмановка	?
27	Мал. Тарасовка	5,0
28	Бол. Тарасовка I	1,5
29	Бол. Тарасовка	0,9
30	Клевенка I	3,0
31	Клевенка II	4,7
32	Клевенка III	0,9
33	Клевенка I	2,5

Проведенный пространственный анализ сопряжен с применением ряда методов, заимствованных у географов и прошедших апробацию на базе археологического материала⁷. Мы рассматривали населенные пункты как сложную совокупность взаимосвязей между людьми, и этот принцип лежит в основе используемых моделей. Значение физико-географических условий при этом уменьшается, так как упор делается на социально-экономические факторы.

Основополагающим вопросом темы является определение размера порядка поселений. В 1913 г. немецкий географ Ф. Ауэрбах установил следующую зависимость: население n -го по размеру города составляет $1/n$ числа жителей самого большого из городов. Эта зависимость, названная правилом Ципфа или правилом «ранг-размер», была в дальнейшем подтверждена большой серией практических наблюдений, вновь суммированных на теоретическом уровне в работах П. Хаггета⁸. Правило размера порядка, базирующееся на предположении о существовании взаимосвязи между размерами поселений и их рангом-значением среди других в данном регионе, подразумевает, что изменения в величине поселений есть результат экономических, политических и других явлений.

В исследованиях географов величина поселения соответствующего ранга исчисляется по формуле, в которую входят численность населения самого крупного города и ранг данного города в последовательности населенных пунктов исследуемого региона,

$$P = P_1 / R,$$

где P — население соответствующего ранга, P_1 — население самого крупного города, R — ранг данного города в последовательности населенных пунктов, анализируемого региона. В эту исходную формулу часто вводят константу b , что позволяет учесть возможные отклонения от правила «ранг-размер»⁹.

⁷ Афанасьев Г. Е. Указ. соч.

⁸ Хаггет П. География: синтез современных знаний. М., 1979. С. 410–415.

⁹ Хаггет П. Указ. соч. С. 411–412.

На сегодняшний день существуют методики определения численности обитателей жилища, поселка, той или иной территории или археологической культуры¹⁰, однако такой подсчет, часто опирающийся на этнографические данные, не всегда объективен и точен. Тем не менее численность населения прямо отражается в количестве, длительности существования, в размерах и насыщенности культурного слоя поселений¹¹. И. Ходдером было предложено использовать в указанной формуле площадь (S) вместо численности населения (P)¹². Таким образом, была сохранена основная идея правила, что площадь поселения n -го порядка является $1/n$ площади самого большого населенного пункта в регионе. В археологии данное модифицированное правило «ранг-размер», введенное Г. Гиббоном, используется исследователями¹³.

Описанным методом были проанализированы срубные поселения бассейнов рек Малый Ирғиз и Камелик, так как именно они имеют наиболее полную необходимую информацию. Величина поселения условно определялась для всех случаев как имеющая прямоугольную форму. Такой подход приводит к некоторому завышению площади, но его применение ко всем памятникам делает достаточно надежными устанавливаемые относительные различия между ними¹⁴.

В пределах каждого бассейна населенные пункты были распределены в порядке уменьшения размера их площади. В итоге все поселения распределились на 25 (М. Ирғиз) и 23 (Камелик) ранга, начиная с самых крупных (Раевка 2–15 тыс. кв. м и Каменка – 29 тыс. кв. м) и заканчивая небольшими, площадью до 500 кв. м.

На основании проделанной дифференциации памятников в арифметической системе координат были построены графики действительного распределения «размера-порядка» срубных поселений и теоретического распределения рангов селищ (рис. 1). Теоретические графики дали правильное J -образное распределение рангов и показали, что действительное распределение значительно отличается от теоретического более крупными размерами поселений на всех рангах. Так, если в идеальном случае иргизское поселение 2-го ранга должно иметь площадь в 7,5 тыс. кв. м, 3-го – 5 тыс. кв. м и т.д., то в действительности мы имеем поселение 2-го ранга площадью 10,400 кв. м, 3-го –

¹⁰ См.: Массон В. М. Экономика и социальный строй древних обществ. Л., 1976. С. 100–105; Агеев Б. Б. Пьяноборский союз племен // Материалы по хозяйству и общественному строю племен Южного Урала. Уфа, 1981. С. 107–108; Пряхин А. Д. Мосоловское поселение эпохи поздней бронзы. Воронеж, 1993. Кн. 1. С. 71; Иванов И. В., Васильев И. Б. Человек, природа и почвы Рын-песков Волго-Уральского междуречья в голоцене. М., 1995. С. 47–60 и др.

¹¹ См.: Сидоров В. В. Оценка численности населения лесной зоны в неолите // Теория и методика исследований археологических памятников лесостепной зоны: Тез. науч. конф. Липецк, 1992. С. 74.

¹² Hodder J. Some New Directions in the Spatial Analysis of Archaeological Data at the Regional Scale (Macro) // Spatial Archaeology. L., 1977. С. 220; Афанасьев Г. Е. Указ. соч. С. 67.

¹³ См.: Афанасьев Г. Е. Указ. соч.

¹⁴ См.: Массон В. М. Динамика развития трипольского общества в свете палео-демографических оценок // Первобытная археология: поиски и находки. Киев, 1980. С. 204.

7,800 кв. м и т.д. Причем на М. Иргизе эта разница несколько больше. И лишь на уровне 25 (М.Иргиз) и 19 (Камелик) ранга графики пересекаются. Здесь теоретическое и действительное соотношения «размера-порядка» полностью согласуются и определяются размеры площади поселений в 400 кв. м (М. Иргиз) и в 1500 кв. м (Камелик).

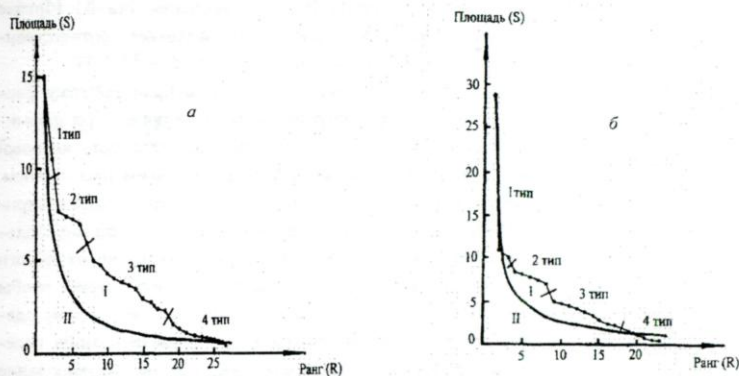

Рис. 1. Графики распределения поселений по «размеру-порядку»: а — долина р. Малый Иргиз; б — долина р. Камелик; I — действительное распределение, II — теоретическое распределение

Все это говорит о том, что для бытовых срубных памятников исследуемого района характерен такой тип распределения населенных пунктов, при котором 2–3 крупных поселения каждого региона доминируют над системой довольно крупных селищ большего размера, чем должно быть при нормальном распределении. Б. Гарнер, произведя учет данных по 72 странам мира, находящимся на разных уровнях политического и экономического развития, установил, что населенные пункты в совокупности образуют правильную последовательность по схеме «ранг-размер», отклонение же от правила обуславливает особенности того или иного района¹⁵.

Ряд исследователей полагают¹⁶, что правило «ранг-размер» можно использовать не только для изучения распределения «размера порядка» поселений, но и для построения их типологии. Действительно, если мы вновь обратим внимание на графики распределения «размера-порядка» срубных поселений, то заметим, что их изогнутая кривая в зависимости от наклона на том или ином участке делится на 4 отдельных отрезка, которые могут соответствовать 4 типам поселений. Границы типов оказались практически одинаковыми для бассейнов обеих рек. Первый тип включает в себя поселения 1–3

¹⁵ См.: Гарнер Б. Дж. Модели географии городов и размещения населенных пунктов // Модели в географии. М., 1971. С. 55.

¹⁶ См.: Хазгет П. Указ. соч. С. 412; Афанасьев Г. Е. Указ. соч.

ранга площадью свыше 9,5 тыс. кв. км. Второй тип отражен отрезком кривой, охватывающей поселения 3–8 рангов площадью от 9,5 до 5,5–6 тыс. кв. км. Третий тип характеризуется отрезком кривой с населенными пунктами 8–18 ранга площадью от 5,5–6 до 2 тыс. кв. км и четвертый тип объединяет поселения, расположенные в самом нижнем конце кривой площадью менее 2 тыс. кв. км (см. рис. 1). В процентном соотношении самой многочисленной является 3 группа (тип) памятников. На М. Иргизе она составляет 40,6 %, на Камелике – 40,7 %. Первый тип составляет соответственно 6,2 и 11,1 %, второй тип – 18,7 и 14,8 %, четвертый тип – 34,3 и 33,3 %.

Далее, располагая типологией срубных поселений, мы предприняли попытку рассмотреть их путем моделирования и оценки транспортной сети в регионе. При формировании путей сообщений наиболее оптимальным вариантом считается тот, который позволяет объединять населенные пункты по прямой, самым кратчайшим расстоянием. Отклонения от прямой между двумя поселениями могут быть положительными и отрицательными. Положительными считаются те отклонения, которые обеспечивают большую интенсивность использования транспортного пути (например, недалеко от дороги находится промежуточный населенный пункт и дорога делает небольшой изгиб, чтобы его охватить). К отрицательным относятся такие отклонения, которые вынуждена сделать дорога для того, чтобы обойти естественные преграды. Учитывались лишь населенные пункты 1–3 типа, так как именно они оказывали влияние на формирование транспортной сети районов. Поселения 4 типа ввиду своего малого размера были исключены из анализа, поскольку они, вероятно, являлись сателлитами более крупных поселков.

В процессе реконструкции сети путей сообщения срубных поселений долин рек М. Иргиз и Камелик были оценены вероятности как положительных, так и отрицательных отклонений. Моделируя предполагаемую транспортную линию между двумя парами селищ первого-третьего типа, мы учитывали также расположение между ними мелких поселков четвертого типа, которые гипотетически должны тяготеть к дорогам, являясь тем самым положительными отклонениями. Сочетание археологической карты поселений с особенностями рельефа местности позволило смоделировать транспортную сеть обоих районов (рис. 2). Она состоит из 28 (М. Иргиз) и 19 (Камелик) отрезков, объединяющих соответственно 21 и 18 поселений первого-третьего типа и все поселки четвертого типа.

Реконструированная дорожная сеть была оценена рядом критериев и индексов. Для ее исторической интерпретации наиболее важна «мера центральности» того или иного населенного пункта. Она устанавливалась двумя методами. Первый – это определение ассоциативного номера каждого из группы поселений, который представляет собой самое длинное расстояние до любого другого одновременного селища в данном регионе. Наиболее связанным поселением, т. е. более центральным, будет считаться то, у которого обнаружится самый маленький ассоциативный номер.

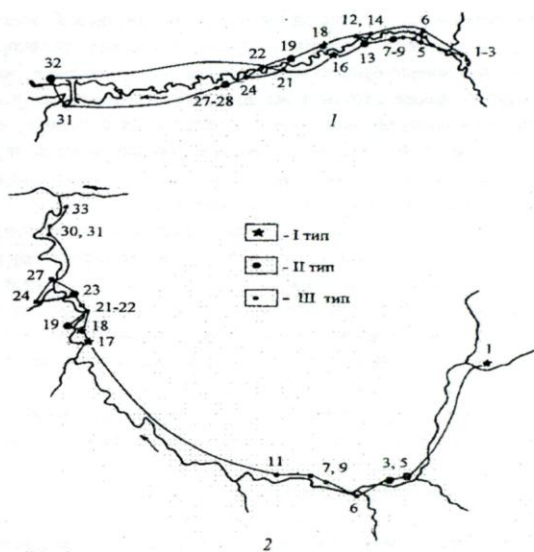

Рис. 2. Реконструкция транспортной сети: 1 - р. Малый Иртыш, 2 - р. Камелик

Второй способ, используемый в экономической географии, — это исчисление отрезков пути, отделяющих каждый населенный пункт от другого в регионе, или числа Кенига¹⁷.

В ходе работы по каждому району были составлены матричные таблицы с помещенными в них расстояниями между каждой парой поселений, измеренных в соответствии с реконструируемой транспортной сетью. Данные, полученные нами, свидетельствуют, что самый большой ассоциативный номер имеют самые крайние селища исследуемых речных долин — Ивантеевка III и Малониргизское I (М. Иртыш), а также Каменка и Клевенка IV (Камелик). Наиболее связанными, т. е. имеющими самый малый ассоциативный номер, являются поселения Раевка II — самое крупное на М. Иртыше и поселение Максютово II — третье по величине на Камелике.

В первом случае мы использовали абсолютную величину расстояния. Далее, по второму методу нами было рассчитано количество путей между поселениями по парам и также составлены матричные таблицы. Они дали следующие результаты: самое низкое число Кенига приходится на селища Раевка II, IV, Подшибаловка II (М. Иртыш) и Максютово II и III (Камелик). Причем по камеликским поселениям было составлено две матричные таблицы. В первую помещены бытовые памятники 1-3 типа, а также поселения, площадь которых неизвестна. Из второй таблицы памятники с неизвестной

¹⁷ Хазетт П. Указ. соч. С. 479.

площадью были исключены. Тем не менее обе дали одинаковый конечный результат. Можно сказать, что в аспекте развития и функционирования транспортной сети в регионах названные населенные пункты занимают ведущее положение (как наиболее связанные). Подчеркнем также, что эти же крупные поселения концентрируют вокруг себя наибольшие по количеству населенных пунктов и их величине микрорегионы или кусты памятников. Таким образом, эти комплексы поселенческих памятников, наиболее связанные дорожными артериями региона, и являются, вероятно, общим центральным местом для всего бассейна каждой из исследуемых рек.

Следующим и заключительным этапом работы стало определение степени взаимодействия между населенными пунктами 1–4 типа и на ее основе группировка поселений, имеющих между собой связи определенной силы. Данный анализ позволил распределить памятники М. Иргиза и Камелика на отдельные группы из иерархически соподчиненных поселений, образующих отдельные микрорегионы, а также в той или иной мере отразить социально-экономическое и административное районирование исследуемых речных долин эпохи поздней бронзы.

Для определения взаимосвязей мы использовали так называемую гравитационную модель, в которой, как и в случае с ранжированием поселений, вместо численности населения использовали площадь поселков.

Величина связи исчислялась по формуле

$$M = S_1 S_2 / D^2,$$

где M — величина связи между населенными пунктами, S_1 — площадь одного пункта, S_2 — площадь второго пункта, D^2 — расстояние между сопоставляемыми поселениями в квадрате.

Расстояния между парами селищ первого-четвертого типов измерялись в соответствии с реконструированной транспортной сетью. Полученные данные занесены в матричную таблицу. В результате были построены графы, в которых коэффициенты гравитационных связей выделены в 4 уровня: слабые, средние, сильные и очень сильные.

Данные графы позволили разделить малоиргизские и камеликские памятники на группы из иерархически соподчиненных поселений, образующие по 6 микрорегионов или упоминаемых в литературе кустов памятников, которые отражают в той или иной степени социально-экономическое и административное районирование.

Рассмотрим микрорегионы М. Иргиза (рис. 3, I).

Первый микрорегион включает в себя три поселения III типа. Два из них, Ивантеевка I и II, имеют между собой среднюю степень связи и слабую связь с Ивантеевкой III. Это единственный микрорегион, в основе которого не лежит крупное поселение I–II типа. Располагается он в нижнем течении р. Чернава, левого притока р. Малый Иргиз.

Центральным поселением второго микрорегиона является селище II типа Федоровка I. Она имеет очень сильные связи со своим поселением-сателлитом — Федоровкой (IV тип), сильные связи с поселком третьего типа Мальцев II и слабые связи с остальными населенными пунктами микрорегиона. Поселение III типа Плюстовка II имеет очень сильные и сильные связи с двумя другими поселениями III типа — Плюстовка I и Мальцев I и среднюю степень связи с селищем — Мальцев II (III тип), располо-

женными от нее на расстоянии до 1,5 км. На Плюстовке II разведками зафиксированы две земляночные западины.

Третий, центральный микрорегион всего бассейна Малого Иргиза включает в себя семь памятников, расположенных в радиусе 4–5 км. Два из них — самые крупные в малоиргизском регионе. В его основе лежит самый большой и наиболее связанный с другими поселками данного микрорегиона населенный пункт — Раевка II, площадью 15 тыс. кв.м. Она имеет очень сильные связи со вторым поселением первого типа Подшибаловка II, расположенным на противоположном берегу реки на расстоянии около 2 км от центрального, и своим сателлитом — селищем IV типа Александровка I, а также слабую степень связи со всеми остальными населенными пунктами микрорегиона. Поселение второго типа Раевка I имеет очень сильные связи с селщами III типа Раевка III и Раевка IV, находящимися от нее в радиусе до 1,5 км. Раевка IV, в свою очередь, сильно связана с селищем IV типа Александровка I. На обоих крупных поселениях разведками зафиксированы следы земляночных котлованов.

Центральным поселением четвертого микрорегиона является поселок II типа Подшибаловка. Он имеет очень сильную степень связи с населенным пунктом третьего типа Шиншиновка и селищем четвертого типа Дороговиновка, а также слабую связь с Акимовским поселением третьего типа. Шиншиновка также слабо связана с Акимовским и Дороговинским поселками. Селище Петровское не имеет связей ни с одним из поселений, но, тем не менее, территориально тяготеет к четвертому микрорегиону. На поселениях Шиншиновка и Подшибаловка разведками зафиксировано по две земляночные западины.

В основе пятого микрорегиона лежит Надеждинка II, относящаяся к поселениям II типа. Она имеет очень сильную связь с населенным пунктом III типа Надеждинка I, расположенным в 0,8–1,0 км от центрального и слабую степень связи с селщами Ружьевка (III тип) и Ружьевка I (IV тип). Поселение Ружьевка в свою очередь слабо связано с поселком четвертого типа Селезниха II.

Два поселения IV типа Кутузовское и Полеводинское не имеют связей ни с одним из населенных пунктов и, вероятно, не составляют микрорегиона. Территориально они удалены примерно на 6,5 км от пятого и на 10 км от шестого микрорегиона. Расстояние между ними около 2,5 км.

Условно основу шестого микрорегиона составляет поселение II типа Малый Иргиз I. Оно имеет среднюю степень связи с селищем III типа Новозахаркино I. Площади остальных трех поселков, входящих в микрорегион, неизвестны, тем не менее они составляют компактную группу, расположенную на берегу затопленной поймы низовий Малого Иргиза. Малоиргизское I поселение подвергалось раскопкам. Исследованное жилище дало свидетельства металлообработки, а возможно, и металлургии. Здесь были обнаружены каменная литейная форма для отливки украшений, кусочки медной руды, шлаки и сплески металла.

На многих поселениях региона помимо земляночных западин обнаружен культурный слой мощностью от 0,5 до 0,8 м.

Рассмотрим далее микрорегионы бассейна Камелика (рис. 3, II).

В основе первого микрорегиона лежит поселение Каменка — самое крупное на Камелике, площадью 29 тыс. кв.м. К нему тяготеет селище IV типа Марьевка. Оба

населенных пункта имеют сильную степень связи. Они расположены обособленно в верховьях реки Камелик на значительном, более 20 км, удалении от других микрорегионов. В шурфе, заложенном на поселении Каменка, обнаружено большое скопление шлаков.

Центральным поселением второго микрорегиона является селище II типа — Харитоновка. Оно наиболее связано с другими населенными пунктами данного микрорегиона. Имеет сильную степень связи со вторым крупным поселением — Кучумбетово II, расположенным на расстоянии 2,5 км от центрального, и слабую степень связи с селищем III типа — Цединный. Оба крупных поселка имеют среднюю связь с поселением IV типа — Кучумбетово I. Микрорегион расположен между реками Таловая и Солдатка — левобережными притоками Камелика.

В третьем микрорегионе центральным поселением выступает Нижняя Покровка I, относящаяся к поселениям III типа. Она имеет очень сильные связи со своим сателлитом — селищем IV типа Нижняя Покровка, которое расположено на расстоянии 1,5 км от нее и сильную степень связи со вторым населенным пунктом III типа — Нижняя Покровка II. Селище Кузябаево не имеет связей ни с одним из поселений микрорегиона, но территориально к ним тяготеет. Границами микрорегиона являются левобережные притоки Камелика Солдатка и Камышлак.

Далее следуют пять населенных пунктов, вероятно, не составляющие микрорегионов. Они сгруппированы по парам, между которыми лежит селище IV типа — Калинин, расположенное на расстоянии около 16 км от каждой пары. При этом каждая пара поселений значительно удалена от близлежащих микрорегионов. Южные населенные пункты Кунакбаево II (III тип) и Плотина (IV тип) не имеют между собой связи и находятся на расстоянии около 4 км друг от друга. Площадь северной пары селищ Еремину I и II неизвестна, поэтому выделение их в некоторую группу достаточно условно. Они расположены на расстоянии 2,5 км друг от друга и на расстоянии 10–11 км от четвертого микрорегиона.

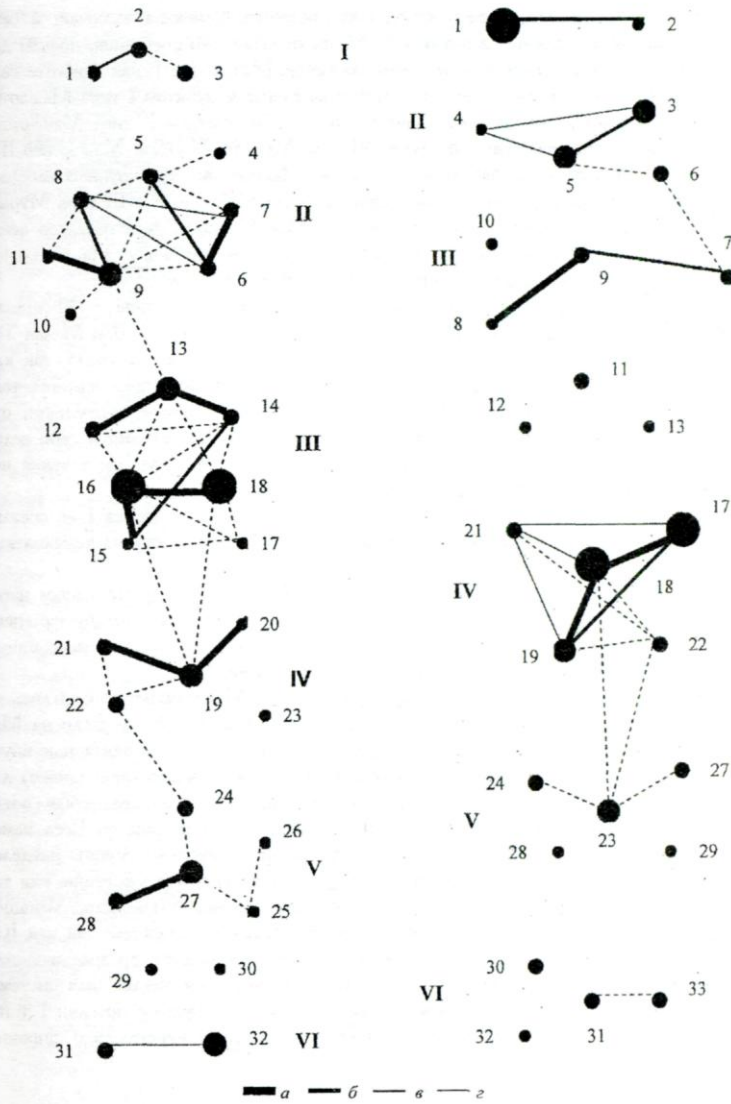

Рис. 3. Граф гравитационной связи поселений I-IV типов: *a* — очень сильная связь, *б* — сильная связь, *в* — средняя связь, *г* — слабая связь. I-VI — блоки-микрорегионы

Четвертый — центральный микрорегион всего бассейна Камелика включает в себя семь памятников, расположенных в радиусе 3–3,5 км от основного поселения, причем два из них относятся к I типу. В его основе лежит поселение Максютово I, как наиболее связанное. Оно имеет очень сильные связи со вторым населенным пунктом I типа Максютово II, расположенным от него на расстоянии около 2 км, и селищем II типа Максютово IV, а также слабую степень связи с поселком III типа Муравли-Кордон. Максютово II в свою очередь сильно связано с Максютово IV. Таким образом, все три крупных населенных пункта имеют сильные и очень сильные связи между собой. Селище III типа Муравли имеет с ними среднюю степень гравитационных связей. Площадь двух поселков неизвестна, однако территориально они относятся к данному микрорегиону. На поселении Максютово II было раскопано две землянки площадью 54 и 48 кв. м¹⁸.

Вероятно, основу пятого микрорегиона составляет поселение II типа — Молодежное. Оно имеет слабую степень связи с селищами IV типа Рахмановка II и Малая Тарасовка. Отнесение населенных пунктов Рахмановка и Рахмановка I условно, так как площадь их неизвестна. Однако правомерность такого включения оправдывается тем, что они расположены между селищем Рахмановка II и центральным поселением, отстоящим от них на расстоянии 2,5–3 км. Данный микрорегион включает в себя селища, находящиеся непосредственно на берегах Камелика, а также нижнего течения небольшой речки Лагунихи, впадающей в Камелик.

Селища четвертой группы Большая Тарасовка и Большая Тарасовка I не составляют микрорегиона. Они не имеют гравитационных связей ни с одним из камеликских поселений.

Шестой микрорегион расположен в низовьях р. Камелик. Его центральным населенным пунктом выступает поселение III типа Клевенка II. Оно имеет слабую степень связи с селищем III типа Клевенка IV. Клевенка III и I не имеют связей ни с одним из поселений микрорегиона, но территориально к ним тяготеют.

Таким образом, мы получили следующие результаты. Микрорегионы оказались не одинаковы по своему качественному составу в пределах двух бассейнов. Если на Малом Иргизе мы имеем разные по количественному составу, но хорошо связанные внутри блоки памятников (микрорегионы), в основе которых (за исключением одного) лежат крупные поселения I–II типа, то на Камелике наряду с таковыми выделяются блоки, внутри которых либо вообще отсутствуют связи, либо они слабые. Весь камеликский граф как бы разделен на две части, где хорошо связанные группы разделены блоком, в котором связи отсутствуют и вообще отсутствуют микрорегионы как таковые. Сложно определенно сказать, чем это обусловлено. Возможно, меньшей информативностью этого региона, возможно, географическим положением, так как Камелик более степная река, а возможно, административным делением в древности.

Проведенный нами анализ показал, что общим центральным местом для системы срубных поселений каждого исследуемого бассейна являются крупные поселки I типа. Они в силу своего высокого положения, по-видимому, обладали максимально широким

¹⁸ См.: Синицын И. В. Древние памятники в бассейне Иргиза по раскопкам 1938–39 гг. // Учен. зап. Саратов. ун-та. Саратов, 1947. Т. 27. С. 138–143; Он же. Поселения эпохи бронзы степных районов Заволжья // Советская археология. 1949. № 11. С. 198–205.

набором административных функций. Центральные поселения микрорегионов выступают как населенные пункты более низкого порядка, чем общее центральное место региона. Мысль об иерархическом подчинении одновременных древних поселков различной величины, отражающем определенным образом реальную структуру общества, была высказана В. М. Массоном. По его мнению, крупные поселения выступали как важнейшие центры общества ранних земледельцев и скотоводов¹⁹.

Полученные региональные центры, вероятно, также сопоставимы с хозяйственно-культурными центрами, выделенными В. С. Горбуновым. Они, как считает исследователь, занимали важное место в системе организации власти и функционировании властных структур в срубной культурно-исторической общности, и подразумевает под ними крупные стационарные поселки, в планировке и строительстве которых просматриваются элементы упорядоченности и наличие довольно сложной инфраструктуры. В. С. Горбунов высказывает предположение о возможности рассматривать их как своего рода региональные «столицы» не урбанизированной модели обществ континентальной периферии степной и лесостепной Евразии²⁰.

С. С. Березанская указывает на скопления срубных поселений в бассейне Северского Донца, а также в других районах, которые образуют своеобразные микрорайоны. Она не только предполагает, что такие скопления были объединены общим управлением, единым названием, возможно, какими-то общими крупными празднествами, но и составляли одно племя²¹.

По данным этнографии, в обычную структуру этнографического племени входит от 4 до 12 локальных групп, под которыми подразумевается хозяйственная единица, состоящая из нескольких компактно расположенных поселений и стоянок, отделенная от другой такой группы неосваиваемым пространством²². Вероятно, можно предположить, что такой локальной группой является выделенный нами в ходе исследования микрорегион. Группа микрорегионов, расположенная в бассейне одной реки, возможно, составляла племя. В центральном месте региона, обладающем, как говорилось выше, наибольшим числом административных функций, были сосредоточены племенные органы управления.

Существование подобных скоплений бытовых памятников отмечается и в ряде других культур эпохи бронзы: среднеднепровской²³, катакомбной²⁴, андроновской²⁵, сабатиновской²⁶ и др.

¹⁹ Массон В. М. Указ соч. С. 205.

²⁰ См.: Горбунов В. С. О методике выделения хозяйственно-культурных центров эпохи бронзы Волго-Уральской лесостепи // Теория и методика исследований археологических памятников лесостепной зоны: Тез. науч. конф. Липецк, 1992. С. 127–128; Он же. Об оценке социально-экономических и организационных структур срубной культурно-исторической общности // Срубная культурно-историческая область: Тез. науч. конф. Саратов, 1994. С. 6–7.

²¹ Березанская С. С. Усово озеро. Поселение срубной культуры на Северском Донце. Киев, 1990. С. 95.

²² Сидоров В. В. Указ соч. С. 74.

²³ Бондарь Н. Н. Поселения Среднего Поднепровья эпохи ранней бронзы. Киев, 1974. С. 47.

²⁴ Прякин А. Д. Поселения катакомбного времени лесостепного Подонья. Воронеж, 1982. С. 25.

²⁵ Потемкина Т. М. Степное Притоболье в эпоху бронзы. М., 1985.

²⁶ Клошинцев В. Н. Сабатиновская культура в Побужье (поселения и жилища) // Сабатиновская и срубная культуры: проблемы взаимосвязей востока и запада в эпоху поздней бронзы. Киев; Николаев; Южноукраинск, 1997. С. 50.

Что же представляли собой в социально-экономическом отношении отдельные поселения срубной культуры и их скопления? Затрагивая этот вопрос, исследователи реконструировали такие формы социальной организации на срубном поселении, как типичный родовой поселок²⁷, патриархально-семейная община²⁸, патриархально-родовая община²⁹, большесемейный общинный поселок или хутор³⁰, соседская община, состоящая из одной или нескольких патронимий³¹.

Вряд ли возможно дать здесь сколько-нибудь исчерпывающий ответ, опираясь главным образом на материалы разведок, без крупномасштабных раскопок не только отдельных поселений, но и куста памятников в целом, без привлечения широкого круга этнографических аналогий. Кроме этого, в современной этнографической и исторической науке отсутствуют четкие однозначные термины, обозначающие те или иные социальные организмы, в частности термин «община», хотя по ее типологии существует обширная литература³². В связи с вышеизложенным хотелось бы коротко высказать следующее предположение.

По археологической периодизации на поздний неолит и век металла приходится заключительный этап первобытнообщинного строя³³. По Бутинову, в это время существовала семейно-родовая или гетерогенная община, которая состояла из нескольких семейных, или домовых общин, каждая из которых имела свое обособленное хозяйство и была неравна по своему имущественному и социальному положению³⁴. Возможно, полученные нами микрорегионы, являвшиеся семейно-родовыми общинами, объединенные затем в более крупные образования — племена. Если наше предположение, верно, то поселение, включавшее, как правило, одну—три³⁵ жилые и хозяйственные постройки

²⁷ Сидицын И. В. Памятники бронзовой эпохи в районе Кольшлея // Известия Нижневолжского института краеведения. Саратов, 1932. Т. 5. С. 23; Грязнов М. Ф. Землянки бронзового века близ хутора Ляпичева на Дону // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. М., 1953. Вып. 60. С. 148.

²⁸ Он же. Древние памятники... С. 153.

²⁹ Степанов П. Д. Из истории земледелия в Нижнем Поволжье // Труды Саратовского областного музея краеведения. Саратов, 1959. Вып. 1. С. 86.

³⁰ См.: Морозов Ю. А. Тавлыкаевское поселение срубной культуры // Поселения и жилища древних племен Южного Урала. Уфа, 1983. С. 39; Лопатин В. А. Постройки срубных поселений степного Заволжья // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 1992. Вып. 3. С. 69–70; Он же. Построечные комплексы периода становления срубной культуры степного Волго-Уральского междуречья // Охрана и исследование памятников археологии Саратовской области в 1995 году. Саратов, 1996. С. 150.

³¹ Березанская С. С. Указ. соч. С. 94–95.

³² См.: Бутинов Н. А. Первобытнообщинный строй (основные этапы и локальные варианты) // Проблемы истории докапиталистических обществ. М., 1968; Проблемы истории докапиталистических обществ. М., 1968; Социальная организация народов Азии и Африки. М., 1975; Семеев Ю. И. О стадийной типологии общины // Проблемы типологии в этнографии. М., 1979. С. 75–91.

³³ Бутинов Н. А. Указ. соч. С. 143.

³⁴ Там же. С. 148–149.

³⁵ См.: Обыденнов М. Ф., Обыденнова Т. Г. Северо-восточная периферия срубной культурно-исторической общности. Самара, 1992. С. 47; Сергеева О. В. Опыт социологической реконструкции

ки, представляло собой домовую или семейную общину. На поселении с большим количеством землянок могло проживать несколько домовых общин. Одна из домовых общин (микрорегиона) выступает в качестве главной, из ее среды выбирается вождь всей гетерогенной общины. Она самая большая по числу членов и участкам земли³⁶. Поэтому различия в площади поселков, входящих в микрорегион, могут говорить об их неравенстве и подчиненном положении по отношению к самому крупному в кусте селу.

В. Т. Ковалева, рассматривая общинные структуры древних обществ начала бронзового века Среднего Зауралья по раскопкам жилищ и поселений, реконструирует такую форму социальной организации, как соседская община, имея в виду, вероятно, гетерогенную общину. Она указывает на неординарный социальный статус родственных экзогамных групп, входящих в ее состав³⁷. О социальном неравенстве родов индоиранского общества упоминает и Е.Е.Кузьмина³⁸. Разные размеры поселков также могли быть связаны с неординарным сроком их существования.

Хочется отметить также, что в каждом регионе обнаружены поселения со свидетельствами металлообработки: Малоиргизское I и III, Лагуниха, Надеждинка, Каменка. В настоящее время высказывается предположение о реальной возможности существования в Волго-Уральских степях в позднем бронзовом веке такой модели организации хозяйства, которая основана на специализации разных групп населения в конкретных хозяйственных отраслях и широком обмене между ними³⁹. Существовало в регионе и специализированное литейно-кузнечное производство, которое базировалось на привозном сырье⁴⁰.

Восточные районы Заволжья примыкают к западным и южным отрогам Общего Сырта. Здесь берут свое начало реки Б. и М. Ирғизы, Камелик. Именно к берегам этих рек приурочена основная масса заволжских поселений со следами металлургии и металлообработки. Их картографирование показало возможные пути поступления руды и металла в Нижнее Поволжье из Южного Приуралья. Сосредоточением наиболее богатых выходов руд является широко известное Каргалинское месторождение, расположенное в 300–500 км от заволжских памятников. Вероятно, оттуда масса добывав-

жилищ эпохи поздней бронзы Нижнего Поволжья // Взаимодействие и развитие древних культур южного пограничья Европы и Азии: Тез. науч. конф. Саратов, 2000. С. 118; Халяпина О. А. Картографический и формально-типологический анализ поселений эпохи поздней бронзы из Западного Оренбуржья // Проблемы изучения неолита и бронзового века Южного Урала. Орск, 2000. С. 85.

³⁶ Бутинов Н. А. Указ. соч. С. 149–150.

³⁷ Ковалева В. Т. О реконструкции общинных структур древних обществ Среднего Зауралья по раскопкам поселений и жилищ (неолит – начала бронзового века) // Вопросы археологии Урала. Екатеринбург, 1993. С. 21–22.

³⁸ Кузьмина Е. Е. Сложение скотоводческого хозяйства в степях Евразии и реконструкция социальной структуры общества древнейших пастушеских племен // Материалы по хозяйству и общественному строю племен Южного Урала. Уфа, 1981. С. 35.

³⁹ Антипина Е. Е. Об организации хозяйства у населения степей Южного Приуралья в позднебронзовом веке // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей: Тез. науч. конф. Саратов, 1997. С. 102.

⁴⁰ См.: Малов Н. М. Литейные формы и предметы литейного производства с нижневожских поселений срубной культурно-исторической области // Чтения, посвященные 100-летию деятельности Василия Алексеевича Городцова в Государственном Историческом музее: Тез. конф. М., 2003. Ч. 1.

шейся медной руды развозилась как сухопутным, так и водным путем по громадным пространствам Волго-Уралья. По мнению Е. Н. Черных, обитатели Каргалов, распространяя руду по обширным пространствам, тем самым рассредоточивали плавку медной руды по многим мелким мастерским, что в значительной мере ослабляло риск от экологической антропогенной нагрузки, с которой этот обедненный древесной растительностью край мог бы не справиться⁴¹. Подобная картина наблюдается в эпоху поздней бронзы и в бассейне р. Самара, правобережье которого примыкает к поселению Горный. Здесь выстраивается целая цепочка памятников со свидетельствами металлообработки⁴².

Можно предположить, что микрорегионы, во главе которых стояли поселения со свидетельствами металлургии и металлообработки, были специализированными центрами, обслуживавшими значительные прилегающие районы.

⁴¹ Черных Е. Н. Каргалы. Забытый мир. М., 1997. С. 68–69.

⁴² Кузнецов П. Ф., Мочалов О. Д. Самарская долина в бронзовом веке // Материальная культура населения бассейна реки Самары в бронзовом веке. Самара, 2003. С. 77.

ИСТОРИЯ

М.В. Булычев

ЭВОЛЮЦИЯ ТРАНСПОРТНОЙ СИСТЕМЫ ПОВОЛЖЬЯ В КОНЦЕ XVII – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Отдельные аспекты развития транспорта и транспортных коммуникаций Российской империи уже привлекали внимание исследователей. Среди публикаций выделяются работы общероссийского характера, освещающие стадии развития водного, железнодорожного транспорта¹. Несомненно, в период, когда растет научный интерес к истории становления и эволюции империи, подобные темы по-прежнему будут востребованы, так как становление общеимперского единого правового пространства было немислимо без повышения проницаемости географической среды, формирования и уплотнения разветвленной сети путей сообщения². Но в столь обширной континентальной державе, каковой являлась Российская империя, постоянно сохранялись, разумеется, эволюционируя, региональные различия. Поэтому актуальной становится проблема взаимоотношения центра и периферий, в том числе влияния имперской политики на трансформацию транспортной инфраструктуры регионов, в частности такой своеобразной «внутренней окраины» империи, как Поволжье.

Функционирование механизма народного хозяйства Поволжья в значительной мере зависело от состояния транспортной инфраструктуры. Уровень ее развития во многом обусловил и степень безопасности государства на юге и юго-востоке. Обладая общегосударственным характером, пути сообщения и транспорт подвергались постоянному административно-правовому регулированию.

В развитии транспортной инфраструктуры Поволжского региона изучаемого периода можно выделить два этапа. Отсчет первого идет с конца XVII в. и завершается 30-ми гг. XIX в. В это время центральная власть начинает активно вмешиваться в регулирование условий, порядок функционирования путей сообщения и состояние самого транспорта. Развивающиеся торговые отношения, возрастание емкости внутреннего и

¹ См.: *Виргинский В. С.* Начало парового судоходства в России. М., 1948; *Он же.* Возникновение железных дорог России: до начала 40-х годов XIX века. М., 1949; *Истомина Э. Г.* Водные пути России во второй половине XVIII – начале XIX веков. М., 1982; *Она же.* Водный транспорт России в дореформенный период. М., 1991; *Родин Ф. Н.* Бурлачество в России. М., 1975; *Соловьева А. М.* Железнодорожный транспорт России во второй половине XIX века. М., 1975.

² *Ильин М. В.* Геохронополитика – соединение времен и пространств // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12, Политические науки.* 1997. № 2. С. 42.

внешнего рынков также стали оказывать влияние на структурирование и усовершенствование сухопутных и особенно речных транспортных систем.

Второй этап выделяется техническим переворотом, начавшимся в 40-х гг. XIX в. вначале на волжских путях сообщения, которые являлись фундаментом транспортной сети региона, но неизбежно вторгшимся в дальнейшем и в более консервативный сухопутный транспорт. Паровая машина, рельсовая дорога, постоянное возрастание спроса на транспортные услуги, расширение географии путей сообщения способствовали заметной эволюции экономического облика региона и в значительной степени ускорили слияние своеобразной «внутренней окраины» государства — Поволжья с экономическим центром империи.

Административная связь политического центра страны с Поволжским регионом производственные и торговые отношения, выполнение стратегических задач, передвижение населения — все это требовало в условиях огромной континентальной державы грандиозной по масштабам сети сухопутных дорог. Размещение этой сети по территории региона было крайне неравномерным. Это было следствием разной плотности населения по губерниям, исторически сложившихся направлений миграционных потоков, экономической и географической специфики отдельных районов. Насыщенность дорогами понижалась по направлениям с севера на юг, и особенно на юго-восток. Но, по мере заселения и освоения Симбирско-Саратовского Заволжья в конце XVIII — первой половине XIX в., на этой территории наблюдалось появление новых гужевых дорог. Распределение перевозок между волжским и гужевым транспортом также оказывало существенное влияние на формирование сухопутной сети. Часто гужевые дороги стягивались к волжским пристаням, выполняя роль подъездных путей.

Предназначение сухопутных дорог были неодинаковым. В конце XVIII — первой половине XIX в. в Поволжском регионе выделяются два тракта, имевших всероссийское значение. Оба начинались от Москвы. В направлении на Тамбов — Царицын и далее по волжскому берегу на Кизляр и Моздок пролегал Астраханский тракт длиной в 1972 версты. Он связывал Центр с Нижним Поволжьем и имел множество ответвлений к разным городам. Знаменитый Сибирский тракт (1784 версты), также начинавшийся в Москве, вел на Нижний Новгород, Казань, Пермь и далее на Екатеринбург. От него также имелись ответвления к Симбирску, Оренбургу³.

Выделялись дороги поволжского значения. Почти параллельно Волге от Астрахани до Саратова и далее на Симбирск и Казань, пересекая все значительные населенные пункты правого берега, пролегал почтовый и торговый тракт, известный еще в XVI — XVII вв. как Ардабазарная дорога. Дублировалась она и по левому берегу Волги. Кроме того, зимой замерзшая Волга сама по себе служила удобной дорогой, соединившей приволжские губернии. От губернских городов, лежащих по правобережному тракту, отходили свои дороги, направленные в Центр. Два известных торговых тракта были проложены из Саратова. Так, старинная Московская дорога шла на Пензу и далее к Москве. Вторая, более новая, через Аткарск, Балашов, Новохоперск и Воронеж, разветвляясь, связывала Волгу с Украиной и все той же древней столицей. По этим дорогам, как и Астраханскому тракту, во многие губернии центра страны поступали с Волги соль, рыба, скот, шерсть, а позже и хлеб. Обрато, главным образом из

³ Истомина Э. Г. Указ. соч. С.25.

Москвы, привозились самые разнообразные промышленные и продовольственные товары. Движение по этим дорогам было оживленным, особенно зимой.

Крупнейшим связующим звеном между Волгой и Доном, главным образом в период навигации, являлась дорога от посада Дубовки Царицынского уезда до Качалинской пристани на Дону. До 12 тысяч возчиков с волами собирались в Дубовке для транспортировки грузов. С 1814 по 1831 гг. с Волги на Дон ежегодно перевозилось различных коммерческих грузов на 3–6 млн руб. Основными транзитными грузами с волжского бассейна являлись лес, железо, а с начала XIX века и хлеб. В количестве 2–3 млн пудов через Дубовский посад осуществлялись поставки соленой рыбы на Украину⁴. В 30–40-е гг. XIX в. в товарообороте Дубовки все больше стали появляться промышленные товары⁵. В немалом количестве по этой дороге проходили казенные грузы для Черноморского флота и Кавказской армии.

В Заволжье, в слабозаселенных степях, в начале XVIII в. дороги были редки. Но по мере его заселения здесь также формировались торговые пути, ведущие в основном к волжским пристаням. Крупнейшими по значению были два казенных соляных шляха от Эльтонского озера до слободы Николаевской (напротив Камышина) и слободы Покровской (напротив Саратова). В широтном направлении пересекала степь длинная дорога, начинавшаяся от Уральска и тянувшаяся в направлении Вольска и Сызрани. По этому пути уральские товары, главным образом рыба, могли поступать на волжские пристани, а скот — в центр страны. В самом низовье Волги от Сеитовской слободы, неподалеку от Астрахани, начиналась караванная дорога на Оренбург⁶. Эти тракты и их ответвления дополнялись сложной системой переплетающихся меридиальных и широтных дорог местного значения, тесно связанных с водными путями Волжско-Камского и Донского бассейнов.

Пропускная способность дорог региона, как и всей России, зависела от природных факторов: рельефа местности, состава грунта, водных препятствий, погодных условий. Рабочее состояние дорожного полотна поддерживалось натуральной повинностью жителей, периодически подтверждаемой указами Сената, суть которых сводилась к ремонту дорог жителями тех населенных пунктов, по землям которых они пролегли. Повинность считалась современниками тягостной, особенно в тех местах, где дороги затоплялись реками во время половодья. «Починка и исправление дорог идет медленно; для крестьянина эта обязанность бывает иногда не только что тяжелым грузом, а нередко разорением, а между тем для проезжающего такая починка мало полезна: первый хороший ливень — и вновь дороги растапливаются, и вновь он вязнет как в болоте» — сетовал современник⁷. Большая часть деревянных мостов обыкновенно снималась перед «растополью» — для сохранности, прочие, хотя и оставались, но требовали постоянных исправлений. Критическое состояние дорог, мостов и переправ вызывало постоянные нарекания со стороны центральной власти. Министр внутренних дел Блу-

⁴ Морловцев Д. А. Впечатления Камышина, Дубовки, Царицына // Саратовские губернские ведомости. 1858. 21 июня.

⁵ Терещенко А. Царицын и Дубовский посад. СПб., 1848. С.23.

⁶ Любомиров П. Г. Хозяйство Нижнего Поволжья в начале XIX века. Саратов, 1928. С.61.

⁷ Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Казанская губерния. СПб., 1861. С. 96.

дов, указывая в 1836 г. саратовскому губернатору А. П. Степанову на наиболее вопиющие недостатки в благоустройстве губернии, отмечал, что все дороги «в очень плохом состоянии, мосты многие неисправны или ветхи, небезопасны для передвижения, особенно в ночное время»⁸.

Лучшим временем для сухопутных перевозок считалась зима, когда многие крестьяне, завершив рабочий цикл на полях, принимались за извоз. Этим объясняется заметное оживление транзитного движения в зимний период. Так, из доставлявшихся в Казань в конце 50-х гг. XIX в. сухопутных грузов 80 % приходилось именно на это время года⁹. Оживлялось гужевое движение и после уборки урожая — во время ярмарок.

Отсталость гужевого транспорта на фоне роста внутренней и внешней торговли неоднократно ставила перед правительством проблемы пересмотра всей системы организации транспортной сети. Но лишь в 1833 г. были изданы «Основные правила об устройстве и содержании дорог в государстве». Все дороги империи были поделены на пять классов по их важности. Наиболее значительными признавались дороги южного направления и шедшие к западным и юго-западным границам. При этом в Поволжье, которое уже не являлось столь заметным в военно-стратегическом отношении как южные и западные границы, даже не предусматривалась прокладка дорог ни первого, ни второго классов. Но и этот план являлся лишь благим пожеланием. К 1840 г., кроме шоссе между столицами, в России было устроено лишь 780 км шоссейных дорог, все за пределами изучаемого региона.

Существенным недостатком гужевого транспорта была медлительность и дороговизна перевозок. Поэтому передовые инженеры и экономисты России уже в 30-х гг. XIX в. предлагали правительству различные проекты усовершенствования сухопутного транспорта России, в том числе в Поволжье. Так, в 1812 г. П. К. Фролов, строитель первой значительной конно-рельсовой дороги в России, по поручению Департамента горных и соляных дел обследовал Эльтонско-Николаевский солевозный тракт и предложил грандиозный по тем временам план строительства здесь конно-железной дороги. Проект был отклонен из-за его дороговизны и интриг частных владельцев соляных промыслов, которые, опасаясь удешевления и увеличения казенных поставок, использовали свое влияние в правительственных кругах для срыва строительства¹⁰. В последующие годы неоднократно выдвигались проекты усовершенствования солевозного тракта, в том числе строительства на его месте железной дороги. Все они были отклонены по той же причине, что и проект Фролова.

В эти же годы российские инженеры разрабатывали планы усовершенствования Дубовского тракта. Один из них был воплощен в жизнь. 10 апреля 1846 г. состоялось открытие здесь железно-конной дороги длиной в 64 версты. Постройка обошлась акционерному обществу более чем в 372 тыс. руб. Однако существенного влияния на улучшение связи Волги с Доном дорога не оказала из-за неудобства расположения, малой пропускной способности (в редкий год до одного ман пудов грузов) и неисправ-

⁸ ГАСО, ф. 1, оп. 1, д. 199, л. 5.

⁹ Материалы для географии и статистики России... С. 407.

¹⁰ Виргинский В. С. Возникновение железных дорог России: до начала 40-х годов XIX века. С. 71.

ности более половины из 300 имевшихся вагонов. Акционеры несли убытки, дорога была заброшена¹¹.

Таким образом, какого-либо заметного прогресса в развитии сухопутного транспорта региона даже в 40-х гг. XIX в. достигнуто не было. Государственное регулирование в функционировании транспортной сухопутной сети ограничивалось лишь поддержанием рабочего состояния дорожного полотна и мостов.

Яркой особенностью торгово-транспортной системы региона является наличие Волги и ее судоходных и сплавных притоков. Эта крупнейшая из естественных речных транспортных сетей Европы простирается от Валдая и Среднерусской возвышенности на западе до Уральских гор на востоке. Каналы соединили ее с Балтийским и Белым морями. Разветвленная волжская дорога длиной более чем в 13 тыс. верст проходила по 17 губерниям России. Водные пути Волго-Камского бассейна замыкали на себе важнейшие тракты в основном широтного направления, создававшие, совместно с постоянно густевшей (до развития стальных магистралей) сетью гужевых дорог, сложную транспортную систему, обслуживавшую транзитную торговлю и движение пассажирских потоков между Центром и Сибирью.

По возможностям судоходства Волга делилась на верхнюю и нижнюю. Нижней частью называли участок от Рыбинска до Каспийского моря. Этот участок, более полноводный и глубоководный, давал возможность передвижения всем типам речного транспорта. Однако даже здесь условия плавания были нелегкими. Многочисленные мели (их от Рыбинска до границ Саратовской губернии насчитывалось 35), часто меняющиеся фарватеры Волги и ее притоков, мелководье устья, отсутствие хороших лоцманских карт и образованных лоцманов существенно затрудняли транспортную доставку грузов и пассажиров¹². Частым явлением в XVII — начале XIX вв. были разбойные нападения на волжские суда. Отдельные случаи грабежей встречались и позже. Так, в 1838 г. объединившиеся в шайку беглые крепостные и рекруты, базировавшиеся в лесах Вольского уезда, грабили не только проезжих на почтовом Саратовском тракте, но и товарные суда¹³. Правительство было вынуждено принимать решительные меры для борьбы с речным пиратством. Уже в конце XVIII в. по Волге курсировали мелкие легкие суда — гардкоты, имевшие на борту по 12 солдат и выполнявшие полицейские функции. В 1841 г. еще имелось 18 таких судов и они были разделены на три команды¹⁴. Но к этому времени нужда в них отпала, и в 1843 г. решено было заменить их казачьими пикетами на легких лодках. Несмотря на все эти трудности, именно волжская речная система осуществляла транспортировку основного количества грузов региона вплоть до господства эры железных дорог. Грузовой объем перевозок по Волге и ее притокам в 40-х гг. XIX в. составлял ориентировочно 70–80 млн пудов¹⁵.

¹¹ Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. 5, ч. 4. Саратовская губерния. СПб., 1852. С. 41.

¹² См.: Бутыркин В. Р. Рассказы из службы на Волге // Морской сборник. СПб., 1863. Т. 69, № 12. Ч. 3. С. 101–102.

¹³ См.: Мордовцев Д. А. Накануне воли: архивные силуэты // Полн. собр. соч. Т. 45. СПб., 1910. С. 173–175.

¹⁴ Записка П. П. Мельникова «Поездка на Волгу» // Красный архив. 1938. Т. 4–5. С. 313.

¹⁵ Родич Ф. Н. Указ. соч. С. 108.

В структуре грузопотоков Волги и ее притоков выделялись хлеб, соль, рыба, железо, чугун и изделия из них, лес. Кроме того, по всей территории волжского бассейна постоянно транспортировались различные продовольственные и промышленные товары. Первое место по объему перевозок принадлежало хлебу. География грузоформирующих территорий постепенно расширялась или изменялась. Еще во второй половине XVIII в. самой нижней волжской пристанью, куда стекались хлебные грузы, была Казань, а в первые десятилетия XIX в. особое значение в отправке хлеба уже имели Саратов, Самара, Симбирск, а также Балаковская, Екатериненштадтская, Покровская и некоторые другие пристани нижеволжских селений. В первой половине XVIII столетия большое количество красной и частиковой рыбы вывозилось с пристани Саратовского края, но по мере угасания здесь рыбного промысла основной грузопоток пошел с низовьев Волги¹⁶. Водный путь позволял осуществлять ежегодную перевозку многих миллионов пудов соли с промыслов Прикамья, астраханских соляных озер, а с конца 40-х гг. XVIII в. в возрастающем количестве и с Эльтона в центральные губернии и на северо-запад. Весь грузопоток железа и чугуна формировался на Урале, откуда исключительно водным путем, притоками Камы попадал на Волгу, а затем расходился в разные регионы страны. Основными лесозаготовительными территориями были Казанская, Тамбовская, Пензенская, Костромская, Пермская, Вятская, отчасти Тверская и Симбирская губернии. Отсюда лес по волжской системе расходился в двух направлениях. Основной сплав осуществлялся в степные районы Нижней Волги, а также через Дубовскую пристань — на Дон и далее — в Приазовье. Частично лес и лесоматериалы поступали в Петербург по системе каналов. Крупнейшим портом не только Средней и Нижней Волги, но и Каспийского моря была Астрахань, поставлявшая в центральные губернии не только грузы нижеволжского формирования: рыбу и рыбную продукцию, тюлений жир, соль, но и восточные товары, поступавшие из Персии, Средней Азии, Индии и Закавказья. В свою очередь именно по Волге Астраханская губерния получала почти все необходимые товары для ее жизнеобеспечения и восточного экспорта через Каспийское море и караванные дороги.

Внимание центральной власти к волжской транспортной системе начинает проявляться довольно рано — уже в конце XVII в. В 1695 г. молодой царь Петр с частью своей армии проплыл по Волге до Царицына, направляясь в поход на Азов. После взятия этой крепости в 1698 г. началось строительство канала от верховьев речки Камышинки, впадавшей в Волгу, до речки Иловли, притока Дона. Это была уже вторая попытка соединить две речные системы¹⁷. В обоих случаях строящимся каналам придавалось прежде всего военно-стратегическое значение, поскольку они могли обеспечить переброску войск и военных припасов с Волги на Дон, к Азову или обратно. В течение двух лет здесь кипела работа, но за это время вектор внешней политики России переместился с юга на северо-запад, и строящийся канал потерял свою привлекательность как стратегический объект. Работы на нем были приостановлены в 1701 г., в

¹⁶ Бульчев М. В. Рыбный промысел на Нижней Волге и Северном Каспии в XVII — первой половине XIX в. // Великий волжский путь: История формирования и развития. Казань, 2002. Ч. 2. С. 315–316.

¹⁷ Впервые попытались рыть канал почти в том же месте турки во время своего похода на Астрахань в 1569 г.

связи с начавшейся Северной войной, а в дальнейшем уже и не возобновлялись. Зато вскоре развернулось строительство Вышневолоцкой водной системы, которое завершилось в 1709 г. Теперь Волжско-Каспийский бассейн был связан с Балтийским морем.

Постоянный рост объемов перевозок от Поволжской транспортной системы на северо-запад, к Балтике, куда сместился не только политический, но и торговый центр страны, потребовал дальнейшего совершенствования водного сообщения. В 1810 г. была построена Марининская водная система, через год — Тихвинская, которые, как и Вышневолоцкая, замыкались на Петербурге. В навигацию 1852 г. начал действовать Онежский обводной канал, освободивший суда от сложного прохода по Онежскому озеру.

С 1828 г. эксплуатировался канал имени герцога А. Вюртембергского, соединивший систему шлюзов Шексны (бассейн Волги) с Кубенским озером (бассейн Северной Двины), что дало выход волжским товарам на русский север, к Белому морю.

В те же 20-е гг. XIX в. в правительственных кругах вновь проявился интерес к идее соединения Волги и Дона. В 1824 г. главноуправляющему путями сообщения герцогу А. Вюртембергскому были представлены поручиком Н. О. Крафтом¹⁸ четыре варианта возможных трасс канала от Царицына до Дона, один из которых поражает смелостью технического замысла — построить полностью подземный канал протяженностью в 50 верст¹⁹. Но все предложения были отклонены как трудновыполнимые. Наиболее реальным вновь было признано соединение Илавинской и Камышинской речных долин посредством системы шлюзов. А. Вюртембергский представил уже одобренный Советом путей сообщения доклад императору. Вскоре император ответил герцогу, что рассмотрел доклад «с истинным удовольствием и совершенной Вашему Высочеству благодарностью». Лестный отзыв Александра I открывал дорогу строительству, смета которого составляла 6 млн руб.²⁰ В течение 1825—1826 гг. Крафтом (уже капитаном) проводились исследовательские работы. Но неожиданно стали раздаваться голоса против строительства канала. Первым на эту тему высказался наиболее прогрессивный журнал того времени «Отечественные записки», в котором в январе 1826 г. была опубликована статья П. Свинына о Таганрогском порте. Автор, отмечая падение торговых оборотов порта, указал и на экономическую нецелесообразность постройки Волго-Донского канала. По расчетам Свинына, его строительство обошлось бы казне, по меньшей мере, в 30 млн руб. Идею, заложенную в этой статье, подхватил и развил уволенный от службы генерал-лейтенант Козачковский, представивший особую записку начальнику Генерального штаба. О ее содержании стало известно новому царю Николаю I. И хотя герцог Вюртембергский уверял царя в экономической обоснованности проекта, обращая его внимание не только на торговое, но и военное значение канала, император не поддержал родственника. Проект соединения Волги и Дона вновь был отложен до лучших времен.

Возникали проекты усовершенствования и самого волжского водного пути. Так, Главная соляная контора, осуществлявшая транспортировку соли казенными судами от Саратова и Камышина, в 1763 г. подняла вопрос о прорытии канала через опасную

¹⁸ В дальнейшем известный сторонник развития парового транспорта в России.

¹⁹ РГИА, ф. 206, оп. 1, д. 524, л. 98.

²⁰ Там же. Л. 117.

для судоходства Самарскую Луку, что также позволило бы значительно сократить маршрут перевозок. Но отсутствие необходимых финансовых средств и техническая недоработка проекта заставили Сенат воздержаться от его реализации²¹. Такая же судьба постигла и проект 1828 г. о проведении искусственного фарватера в устье Волги — от Каспийского моря до Астрахани²². И в 50-х гг. мелководье этого участка Волги представляло серьезную опасность судоходству.

Активная эксплуатация разнообразных водных путей Волжско-Камского бассейна обусловила наличие чрезвычайно пестрого состава транспортных средств. Разнокалиберные и разноцелевые суда — ладьи, беляны, коломенки, суряки, мокшаны, барки, подчалки и многие другие были заметны или по всей Волге, или на отдельных ее участках или притоках. Большинство этих примитивных судов употреблялось лишь на одно плавание до низовьев Волги²³. Укрепление транспортно-экономических связей, повышение требовательности к качеству плавучих средств и их функциональности способствовали с начала XIX в. определенной унификации волжских судов, что проявилось в широком распространении конструкций барочного типа²⁴. Из них наибольшую известность приобрели расшивы, воплотившие в себе лучшие качества многоцелевого речного и морского судна²⁵. Передвижение многочисленных типов судов, кроме силы реки и паруса, обеспечивалось бурлаками.)

Только крепкие люди могли выдержать каторжный труд бурлака, жизнь в самых плохих условиях. Когда баржа шла вверх, на каждого бурлака полагалось 300 пудов груза, когда шла вниз, то груз увеличивался раз в пять.) Бурлацкий промысел находился в руках предпринимателей-судовладельцев. Уже с ранней весны в городах Волжского бассейна открывались «бурлацкие базары», на которых происходил наем бурлаков обычно на всю путину. Способы найма были разнообразны: иногда артели бурлаков выбирали из своей среды «ходоков», которые отправлялись зимой на торговые пункты, где и заключали с судовладельцами сделки. Бывали случаи, когда наймы бурлацких артелей происходил в селах по принуждению местных властей. Договора найма были письменными и защищали исключительно интересы нанимателей: «Идти с поспешением, не усыпая утренних и вечерних зорей, обыкновенною волжскою работою в коей быть нам на каждья 900 пуд по 3 человека»²⁶. Большая часть бурлаков принадлежала к государственным крестьянам. Занимались этим промыслом русские, татары и чувашки.)

²¹ Истомина Э. Г. Указ. соч. С. 101.

²² Бабст Н. Речная область Волги // Магазин земледения и путешествий. М., 1852. Т. 1. С. 527.

²³ По мнению современников, до 90 % судов, приплывающих к Астрахани, шло на слом (см.: Березин И. Н. Путевые впечатления // Москвитянин. 1844. № 8, ч. 4. С. 367–368).

²⁴ Истомина Э. Г. Указ. соч. С. 27.

²⁵ Строили ее из соснового или елового леса с отвесными бортами, приподнятым носом и несколько закругленным днищем. Длина по дну достигала 25 сажен, а грузоподъемность составляла до 15 и более тыс. пудов. Для хода вверх по Волге такому судну требовалось 20–55 бурлаков. Наиболее крупные расшивы ходили между Нижним Новгородом и Астраханью.

²⁶ ГАСО, ф. 15, оп. 1, д. 165, л. 3.

В 30-х гг. XIX в. речной флот Волги и ее притоков обслуживало не менее 600 тыс. судорабочих²⁷. Перевозки осуществлялись медленно. Из Астрахани до Саратова суда плыли около 6 недель, от Саратова до Нижнего Новгорода — 6–7 недель. Нередко хлеб из Поволжья или железо с Урала доставлялись в Петербург только во вторую навигацию, прозимовав по дороге. Под влиянием технического прогресса на Волге стали появляться коноводные суда²⁸. Но качественных изменений в судоходстве появление этого типа судов не внесло. Фрахты оставались высокими, а труд судорабочих тяжелым. Требовалось радикальное техническое переоснащение флота паровыми машинами.

В 1816–1817 гг. два парохода, построенные на Пожевском металлургическом и механическом заводе В. А. Всеволожского (в 150 км выше Перми), прошли испытания на Каме и Волге. Но строительство пароходов в России было приостановлено на ряд лет из-за политики правительства, выдавшего монопольную привилегию на постройку пароходов петербургскому заводчику К. Н. Берду. Лишь единичные, малосильные пароходы в 20–30-х гг. плавали по отдельным участкам величайшей водной системы Восточной Европы. В 1840 г. известный инженер П. П. Мельников смог увидеть на Волге всего три парохода. После этой поездки Мельников предложил правительству проект развития парового судоходства, где отменялась монополия и давалась свобода частным лицам в организации пароходного сообщения²⁹. Подталкивало правительство к решительным действиям и стремительное развитие волжской торговли, требовавшей механизации транспорта. В 1843 г. только что вступивший в должность главноуправляющего путями сообщения П. А. Клейнмихель, рассматривая дело о создании пароходного общества «По Волге», предложил прекратить выдачу привилегий и разрешить учреждать пароходства всем желающим. Второго июня 1843 г. император Николай I подписал соответствующий указ. С этого времени процесс переоснащения водного транспорта Волжско-Камского бассейна уже не прекращался.

В 1848 г. В. В. Скрипицын и Н. А. Жеребцов организовали общество срочного пароходства по Волге, Оке, Каме под названием «Меркурий». В 1858 г. это общество, путем слияния с обществом «Кавказ», осуществлявшим перевозки по Каспийскому морю, было преобразовано в крупнейшую тогда в России компанию «Кавказ и Меркурий». К 1860 г. это общество, располагая 20 пароходами, организовало ряд регулярных пассажирских и буксирно-грузовых сообщений в бассейне Волги. Возникли и другие пароходные компании.

Предпринимательство в пароходном деле поощрялось правительством выдачей субсидий, привилегий. Это обуславливало мобилизацию денежного капитала через акции. Так, основной капитал акционерного общества «Самолет» с 1853 по 1860 гг. возрос более чем в 10 раз, а паровой флот — в 7 раз³⁰. Характерной особенностью раз-

²⁷ Родич Ф. Н. Указ. соч. С. 128.

²⁸ Движение зависело от завола якоря вперед судна. Канат, прикрепленный к якорю наматывался на вал, который вращали лошади. На палубе большегрузной коноводки могло находиться до 200 лошадей, что увеличивало габариты и осадку судна. Коноводка могла вести за собой подчалки общей грузоподъемностью до 120 тыс. пудов. Но скорость движения оставалась медленной — 20–30 верст в сутки. Если подобное судно садилось на мель, то могло надолго перегородить волжский фарватер.

²⁹ Виргинский В. С. Начало парового судоходства в России. С. 36.

³⁰ Шубин И. А. Волга и волжское пароходство. М., 1927. С. 430.

вития волжского судоходства являлось то, что оно происходило за счет отечественных капиталов.

Пароходство позволяло быстро наращивать грузопоток. Если в 40-х гг. XIX в. годовой объем перевозок по Волге и ее притокам, по Вышневолоцкой, Тихвинской и Марининской системам составлял 70 — 80 млн пудов, то в 1871—1875 гг. паровой флот Поволжья перевозил в среднем уже 184 млн пудов грузов³¹. Сократилось время на доставку грузов, повысилась производительность труда, снизились цены на перевозки. Так, в 1841 г. провоз пуда хлебного груза из Саратовской губернии до Рыбинска стоил 65—70 коп., а в 1865 г. лишь 17—12 коп. Техническое переоснащение речного транспорта имело широкие социальные последствия для всего поволжского региона. Быстро сокращалась численность бурлаков. Уже в начале 50-х гг. их осталось менее 300 тыс., а в конце 60-х гг. бурлачество на коренной Волге прекращает свое существование, задержавшись на Марининской системе до 90-х гг. Одновременно росла потребность в специалистах речного транспорта. В конце XIX — начале XX в. в Казани, Перми, Астрахани и других городах открываются речные училища. Важным итогом модернизации волжского транспорта можно считать и более равномерное распределение цен и товаров на огромной территории региона, что повлекло за собой и более рентабельное размещение производства, а следовательно, и дальнейшее территориальное разделение труда. Быстрые изменения на волжском водном транспорте, а вскоре и остальной речной системе России дали толчок и техническому переоснащению отсталого сухопутного транспорта.

В период промышленного подъема конца 60 — начала 70-х гг. развернулась широкая организация железнодорожных акционерных обществ, где известную роль играла государственная система стимулирования притока капитала, хотя и ранее частный капитал начинал проникать в железнодорожное строительство. Так, в 1858 г. крупным предпринимателям В. А. Кокореву и Н. А. Новосельскому была разрешена концессия на организацию общества для постройки железной дороги от Царицына до хутора Качалач-на-Дону длиной всего в 74 версты. Это строительство диктовалось необходимостью удешевления перевозок сплавного леса, рыбы и других грузов с Волги на Дон и далее — рекой к азовско-черноморским портам. Постройка пути завершилась в 1862 г. Эта была первая железная дорога в Поволжском регионе, которая привела к постепенному угасанию знаменитой Дубовско-Качалинской переправы. Правительственная политика, несомненно, способствовала созданию к середине 70-х гг. первой железнодорожной сети России, которая имела и выходы к Волге³². В 1868 г. была выдана концессия на постройку Тамбово-Саратовской линии протяженностью в 354 версты на средства Саратовского губернского земства, Кирсановского уездного земства (Тамбовская губерния) и Саратовского городского общества. В июле 1871 г. дорога до Саратова была достроена. В том же году было открыто движение по дороге от Царицына к Орлу, которая давала кратчайший выход нижеволжским грузам к рижскому порту. В последующие годы железнодорожными станциями стали Сызрань и Самара. В становлении Самары как железнодорожного узла, важного транзитного центра, сыграло роль

³¹ Родин Н. Ф. Указ. соч. С. 108, 174.

³² Соловьева А. М. Указ. соч. С. 118.

строительство казенных дорог — на Оренбург (1877 г.) и особенно на Челябинск (1892 г.), которая впоследствии соединилась с Транссибирской магистралью.

Железнодорожная сеть начинает успешно конкурировать с давно сложившейся речной системой в транспортировке основных грузов, чему в немалой степени способствовала политика ведомства путей сообщения, проявлявшая резкий «железнодорожный уклон». В основе «уклона» лежала притягательность железнодорожного строительства для частного капитала в 60–70-х гг. Железнодорожные деятели, среди которых было немало лиц, близких ко двору и даже члены императорской фамилии, диктовали транспортную политику правительства.

Начиная с 1882 г. казна приступила к выкупу железных дорог, находившихся в частных руках, но и это не меняло общей картины. Казенные железные дороги также были заинтересованы в перевозке грузов главным образом в западном направлении, к балтийским портам, что нашло отражение и в льготных тарифных ставках в противовес интересам судовладельцев.

В начале 90-х гг. в правительственных кругах получило поддержку мнение министра финансов И. А. Вышнеградского, а затем и С. Ю. Витте о необходимости развития рельсовых путей на восточной окраине России не за счет казны, у которой не хватало средств, а за счет частных инвесторов, как прежде. Началась организация в регионах страны железнодорожных акционерных обществ монопольного типа, в которых государственные средства переплелись с частным капиталом. Всего было создано восемь акционерных обществ, четыре из них действовали в той или иной степени в Поволжском регионе. Получив в долгосрочную аренду казенные дороги, железнодорожные монополии развернули собственное строительство. Так, Рязано-Уральская железная дорога, наиболее влиятельное акционерное общество региона, в течение первых пяти лет (1892–1897) соорудила линии общей длиной в 1205 верст: Тамбов–Камышин, Покровск–Уральск и другие. В начале XX в. была построена железная дорога от Саратова до Астрахани и от Уральска до Илецка. Последняя связала Нижнее Поволжье со Средней Азией.

Юг Саратовской губернии оказался в сфере влияния сразу двух обществ — Юго-Восточной железной дороги, проложившей магистраль от Харькова до Балашова, и Владикавказской железной дороги, построившей в 90-х гг. более 1,4 тыс. верст новых дорог, в том числе такую важную линию, как Тихорецкая–Царицын (1899 г.), которая дала удобный выход грузам с Нижней Волги к Новороссийску на Черном море, на Северный Кавказ и в Закавказье.

Четвертая транспортная монополия Поволжья — Московско-Казанская дорога, возникнув в начале 90-х гг., увеличила за 10 лет свою железнодорожную сеть в 9 раз — с 232 верст до 2,4 тыс. верст. Были выстроены такие линии, как Рязань–Казань, Пенза–Сызрань–Батраки, Инза–Симбирск и другие.

В 90-х гг. XIX — начале XX в. окончательно складывается сеть железных дорог Поволжья, включенная в общую систему стальных магистралей России. При проектировании многих железных дорог была учтена сложившаяся и проверенная практикой конъюнктура хлебной торговли. Железные дороги внесли громадные перемены в дело передвижения грузов. Под их влиянием гужевое движение сократилось, а по некоторым направлениям почти совсем прекратилось. Так, в пределах Саратовской губернии

влияние железных дорог на перевозке грузов особенно отразилось по трактам, соединяющим восточные и юго-восточные приволжские центры с западными (Саратов — Аткараск — Кирсанов, Камышин — Рудня — Балашов и др.) и юго-восточные с северо-западными (Вольск — Кузнецк, Балаково — Вольск — Кузнецк и др.). Между конечными пунктами этих дорог гужевое движение возобновлялось только во время значительных ярмарок. Обычно же оно наблюдалось только между соседними селениями и от селений к станциям. Наиболее устойчивыми оказались гужевые тракты, соединявшие северный промысловый Кузнецкий уезд с юго-западными и южными земледельческими районами. Причина столь разной устойчивости транзитных гужевых путей в Саратовской губернии, как и остальных районах Поволжья, в основном заключалась в неодинаковых условиях производства и сбыта товаров общественного потребления. Предмет гужевых перевозок из Кузнецкого и Хвалынского уездов почти полностью составляла кустарная и другая местная продукция. В степные уезды с севера отправляли деревянную посуду, другие изделия из дерева, смолу, рогожи, мочало, лапти, древесный уголь и др. Обратное везли шерсть для суконных предприятий Кузнецкого уезда и ближайших территорий соседней Пензенской губернии, сырые кожи и овчины, разные иные грузы местного потребления, что вполне окупалось из-за дешевизны провоза.

Таким образом, с постройкой сети железных дорог складывается единая система железнодорожного, гужевого и водного транспортов. Наибольшая часть железнодорожных грузов приходилась на те станции, которые являлись и крупными портами: Царицын, Саратов, Сызрань, Самара, Казань.

Кризисная ситуация, сложившаяся на волжском транспорте в 70-х гг. XIX в., стала меняться к лучшему в 80-х гг., когда пароходы начали использовать в качестве топлива дешевые тогда нефтепродукты, что дало огромный экономический эффект. Уже в 1900 г. 93 % волжского флота работало на нефти. Нефть становится и одним из основных транспортных грузов Каспия и Нижней Волги, оттеснившим на задний план роль Астраханского порта во внешней торговле с Персией и другими странами Востока. В 1880 г. на Волгу вышли первые в мире металлические баржи для перевозки керосина. В дальнейшем их число быстро растет. За полтора десятка лет перевозка нефтяных грузов увеличилась почти втрое, дойдя в 1890 г. до 330 млн пуд.³³ Это способствовало оживлению волжского пароходства, сумевшего найти свою нишу в транспортной системе региона.росло количество речных судов и их тоннаж. Накануне Первой мировой войны на Волге насчитывалось 2,3 тыс. паровых судов (средней мощностью 63 лошадиных силы), в том числе около 2 тыс. металлических. Число несамоходных судов достигало 7 тыс., а их средняя грузоподъемность составила 1152 тонны. Успешно справлялся речной транспорт и с перевозкой пассажиров. В 1912 г. число пассажирских пароходов и теплоходов достигло 164, грузопассажирских — 267. Речной транспорт на участке между устьем Камы и Царицыном работал с интенсивностью шестиколесной железной дороги.³⁴ Речной транспорт, уступая железным дорогам сезонностью функционирования, медленностью перевозок, имел и определенные преимущества, среди которых такие, как рассрочка платежей, расчеты по векселям, почти

³³ Берсенева С. Н. 100 лет пароходства на Волге (1817–1917). Царицын, 1917. С. 9.

³⁴ Шубин И. А. Указ. соч. С. 749–753.

бесплатное хранение грузов на пристанях и ответственность судовладельцев за их сохранность. Эти льготы появились как следствие конкуренции между пароходствами. Одним из итогов острой конкуренции, а также очередного удара, нанесенного по волжскому судоходству вздорожанием нефти в начале XX в., стало разорение мелких обществ, концентрация капиталов речных компаний и их переход под контроль столичных банков и нефтяных монополий. В 1909 г. сложился синдикат крупнейших волжских пароходств — «Русь», «Самолет», «Кавказ и Меркурий», «По Волге», «Восточное общество товарных складов» и «Купеческое пароходство по Волге». К концу навигации 1913 г. 25 % акций общества «Кавказ и Меркурий» принадлежали трем банкам: Волжско-Камскому, Петербургскому международному и Международному коммерческому. Почти 75 % акций «Восточного общества товарных складов» также являлись собственностью этих же банков. Уже в ходе мировой войны, в 1916 г., «Кавказ и Меркурий» и «Восточное общество ...» по инициативе банков объединились в трест «КАМВО», во главе которого был поставлен представитель Петербургского международного банка. В том же году под контролем треста оказалось несколько пароходных компаний бассейнов других рек и Черного моря с громадным флотом — около 800 речных и морских судов. «КАМВО» был не единственным волжским пароходным трестом. В трест превратилось «Товарищество бр. Нобель», которое завело собственный флот на Каспии и Волге. Другая нефтяная монополия «Мазут» приобрела в 1900 г. флот общества «Ока», а в 1915 г. скупала все акции старейшего общества «По Волге».

Соперничество двух видов транспорта Поволжского региона привело к перераспределению объема и содержания грузопотоков. Доля водных путей в перевозках снизилась в 1900—1913 гг. до 27,5 %. Основными грузами, транспортируемыми как по речным, так и по железнодорожным линиям, являлись хлеб, нефть и нефтепродукты, лес, соль — самые объемные и весомые грузы. Но по рекам перевозилось нефти в 2,5 раза больше, чем по рельсовым путям, леса — в 8,5 раза больше³⁵. На железной дороге важнейшим грузом становится хлеб. В 1913 г. в пределах трех губерний Поволжья: Самарской, Саратовской, Симбирской — железные дороги перевезли 67 % всех хлебных грузов региона³⁶. Объемы хлебоперевозок колебались в зависимости от урожайности. И все же наблюдался устойчивый рост перевозок хлеба. Так, по линии Саратов—Козлов в 1884 г. на Москву было отправлено 57 тыс. т хлебных грузов, в 1901 г. — 75 тыс., а в 1913 г. — 246 тыс.³⁷

Таким образом, в пореформенный период в транспортной инфраструктуре региона происходят кардинальные перемены. Технический переворот, сначала на водном транспорте, а затем и сухопутном, дал основу для модернизации в 80-х гг. XIX — начала XX в. всей транспортной системы Поволжского региона, как, впрочем, и всей России³⁸. Эти изменения происходили при активном участии государственных структур

³⁵ Куханович Г. Д. Волга — главная водная магистраль России. М., 1980. С. 51.

³⁶ Клейн Н. А. Экономическое развитие Поволжья в конце XIX — начале XX века. Саратов, 1981. С. 29.

³⁷ Петрусевич Г. И. История развития железнодорожных грузовых потоков с 80-х годов. М., 1930. С. 62.

³⁸ Опыт российских модернизаций XVIII—XX века. М., 2000. С. 116.

(особенно это проявилось в железнодорожном строительстве) и крупнейших столичных банков.

В свою очередь, обновление транспорта, в частности железнодорожного, создавало подлинно революционные условия для модернизации экономики региона. Стимулируя развитие межрегиональных экономических связей, создавая новые возможности комбинаций основных факторов производства, железные дороги превращались в важнейший инструмент, посредством которого изменялись районирование, динамика промышленности и шла дальнейшая эволюция сельского хозяйства. Прокладка железнодорожных путей через слабо развитые в экономическом отношении территории и города часто давала толчок их бурному развитию. Так, Царицын, прежде один из малозаметных уездных городков Саратовской губернии, благодаря своему выгодному географическому размещению и становлению развитой транспортной сети, соединившей его с Уралом, Московским регионом, Балтикой, Донбассом, черноморско-азовскими портами и Кавказом, превратился в начале XX в. в один из наиболее динамично растущих городов Поволжья (в 1913 г. — 132 тыс. жителей), в крупнейший на юго-востоке страны центр металлообрабатывающей и лесопильной промышленности.

Наконец, модернизация транспортной системы позволила «втянуть» в единый народохозяйственный центр империи практически весь Поволжский регион. Не теряя своеобразия, оставаясь в общественном сознании «хлебной житницей» и центром рыбного промысла, восток и юго-восток Европейской России уже не казался столь далеким и захолустным, как в начале XVIII века.

Л.М. Артамонова

**РЕАЛИЗАЦИЯ
ШКОЛЬНОЙ РЕФОРМЫ
ЕКАТЕРИНЫ II
В ПОВОЛЖСКИХ
ГУБЕРНИЯХ**

Начиная с Петра I и до Екатерины II развитие системы образования в стране происходило главным образом путем создания учебных заведений, необходимых для скорой подготовки специалистов, чиновников и военных, в которых испытывало потребность государство. Такие заведения вынуждены были брать на себя функции общеобразовательных школ, из-за отсутствия которых трудно было получить подготовленное пополнение для специальных училищ, академий, Московского университета. Только с серьезными оговорками их появление в провинциальных городах, в том числе Поволжья, можно считать началом складывания здесь системы народного просвещения, поскольку с повседневной жизнью этих городов они оставались малосвязанными, обслуживая прежде всего нужды отдельных ведомств и учреждений¹.

Первой планомерной попыткой создать сеть общеобразовательных учебных заведений явилась школьная реформа Екатерины II. Ее подготовительный этап начался с создания Комиссии об учреждении училищ (сентябрь 1782 г.), первого в истории всероссийского органа управления народным образованием, и закончился утверждением «Устава народным училищам в Российской Империи» (август 1786 г.), законодательно оформившего систему начальных и средних школ в рамках государства и его отдельных территорий.

В настоящей статье ставится задача — показать результаты основного этапа школьной реформы, начавшегося с повсеместного открытия народных училищ в сентябре 1786 г. и завершившегося в самом конце XVIII в. В дополнение к уже известным в литературе источникам по теме были привлечены доклады и рапорты Комиссии об учреждении училищ, ее текущее делопроизводство, другие неопубликованные материалы как общероссийского содержания, так и содержащие сведения по школам отдельных губерний, в том числе поволжских.

В литературе, затрагивающей политику Екатерины II в области народного просвещения, основное внимание с дореволюционных времен уделялось обсуждению проектов

¹ См.: Рабинович М. Д. К истории просвещения в России в конце XVIII в. (Саратовская солдатская гарнизонная школа в 1793 г.) // Исторический архив. 1958. № 1; Артамонова Л. М. Калмыцкая школа в Ставрополе // Самарская область. Этнос и культура // Информационный вестник. 1996. №2; Смирнов Ю. Н. Изучение языков народов Поволжья в школах Оренбургской комиссии // Там же.

этой реформы, ее законодательной базе, осуществляемым верховной властью и центральными органами управления мерам. Ход воплощения предложений, законов, административных усилий в жизнь и их реальные результаты, особенно в провинции, не получили должного освещения. Сведения о числе школ, учащихся и учащихся приводятся в краткой справочной форме в целом по стране без выделения отдельных территорий. Исследователи, впервые опубликовавшие их в конце XIX в., признавали, что имевшиеся у них источники дают «далеко не достоверные цифры»², но это не мешало большинству последующих авторов просто повторять эти сведения. Можно назвать лишь единичные попытки проверить точность упомянутых цифр за некоторые годы и выделить данные по отдельным территориям³.

Комиссия об учреждении училищ уделила большое внимание изданию учебных пособий по всем предметам, изучавшимся в школах, разработала «Правила для учащихся народных училищ» и «Руководство учителям первого и второго разряда народных училищ Российской империи». В документах, выработанных Комиссией, главным было то, что они нацеливали на создание законченной школьной системы с единой методикой преподавания и учебными планами. Малое народное училище соответствовало двум первым классам главного народного училища, причем каждый класс был рассчитан на два года обучения. Окончившие малое могли продолжать учебу в двух старших классах главного (четырёхклассного) училища. Выпускники последнего имели возможность продолжить свое образование в университете.

Одним из самых трудных вопросов была подготовка учителей. При обсуждении проектов реформы было выдвинуто предложение, чтобы будущих преподавателей светских школ «набрать из разных духовных семинарий», т. е. школ церковного ведомства, дать им необходимую подготовку «на казенном иждивении и назначить их всех к заступлению учительских мест». Комиссия об учреждении народных училищ реализовала это предложение. Под руководством светских учителей бывшие воспитанники семинарий занялись изучением единого «способа учения», т. е. методики и организации учебной деятельности в массовой школе. В 1783 г. открылось Петербургское главное народное училище, являвшееся не только образцом для создания общеобразовательных школ в столице и провинции, но одновременно выполнявшее роль педагогического учебного заведения⁴.

К лету 1786 г., согласно докладу Комиссии на имя императрицы, были подготовлены «100 человек студентов, кои поступить могут учителями к составлению двадцати пяти главных народных училищ по губерниям собственно от Вашего Величества назначенным, и коим при сем прилагается реестр. В каждое училище назначает Комиссия по 4 человека, кои обучать будут всем положенным в оных наукам». В число первых двадцати пяти наместничеств и губерний, в административных центрах которых открыва-

² Дальборк Г., Чарнолуцкий В. Народное образование в России. СПб., 1900. С.18.

³ См.: Белявский М. Т. Школа и система образования в России в конце XVIII в. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Историко-филологическая. 1959. № 2.

⁴ Архив СПб ИИ РАН, ф. 36, оп.1, д. 1161, л. 583; РГАДА, ф.17, оп.1, д. 67, л. 14 об.

лись главные народные училища, вслед за Санкт-Петербургской губернией, где новые школы были созданы несколькими годами раньше, вошли наместничества: Новгородское, Тверское, Олонецкое, Архангельское, Псковское, Смоленское, Тульское, Калужское, Орловское, Курское, Ярославское, Вологодское, Владимирское, Костромское, Нижегородское, Пензенское, Казанское, Вятское, Симбирское, Саратовское, Воронежское, Рязанское, Тамбовское, Пермское и Московская губерния. «Для снабдения прочих шестнадцати губерний учителями» Комиссия просила Императрицу «о повелении выслать из духовных семинарий» дополнительно «сто человек учащихся для обучения и образования их в Санкт-Петербургском главном народном училище». Генерал-губернаторы должны были позаботиться «о приуготовлении домов заблаговременно для училищ» к 22 сентября 1786 г. На этот день, в который отмечалась годовщина коронации императрицы, было назначено открытие всех 25 новых главных училищ⁵.

Народные училища поступали в ведение приказов общественного призрения, имевшихся в составе губернской администрации. Было решено «поручить главное на месте об училищах попечение Губернаторам, яко председателям приказов общественного призрения, а особенное над училищами смотрение Директорам народных училищ, бессменно в приказах заседать имеющим». Должность директора, для которого дело народного образования становилось прямой обязанностью, вводилась в структуру местного управления, «поелику столь обширное и неусыпного бдения требующее заведение необходимо требует и особых надзирателей, которые бы не сменяясь могли вникнуть в свою должность и могли быть определяемы Генерал Губернаторами из людей по знаниям своим к отправлению сего служения способных»⁶.

На главные училища других городов, как и на столичное, возлагались функции не только общеобразовательной школы, но и подготовки учителей «нижних двух классов для малых училищ, кои по примеру Санктпетербургских каждый Генерал Губернатор по учреждении главного училища может завести без затруднений в короткое время в уездных городах и других селениях»⁷. Заботы о материальном обеспечении малых народных училищ, как и об учительских кадрах для них, полностью отдавались на усмотрение местных властей, и далеко не все губернские администрации, как показано ниже, были озабочены устройством школ данного типа, требовавших для своего появления дополнительных административных усилий и денежных средств.

Первые итоги усилий властей и общества в деле развития народного образования одних регионов или бездействия в других отражены в докладе Комиссии об учреждении народных училищ, поданном на имя императрицы в октябре 1788 г. К нему был приложен перечень школ, подведомственных Комиссии, с указанием числа учеников и учителей в них, включая официально признанные домашние училища и пансионы (табл. 1).

⁵ РГАДА, ф. 17, оп. 1, д. 67, л. 96об.—98об.; 100 и об.

⁶ Там же. Л. 98об.—99.

⁷ Там же. Л. 97об.

Таблица 1
 Данные о пансионах и училищах по ряду губерний России на 1788 год

Типы и местонахождение училищ	Число училищ	% от числа народных училищ	Кол-во учителей, чел.	% от числа учителей народных училищ	Кол-во учащихся, чел.	% от числа учеников народных училищ
Народные училища, всего	135	100	307	100	10170	100
В том числе:						
В губерниях и наместничествах с наибольшим числом народных училищ						
Санкт-Петербургской губернии*	24	17,8	79	25,7	2801	27,5
Московской губернии	14	10,4	22	7,5	945	9,6
Новгородском наместничестве	8	6,0	13	4,5	624	6,3
Тверском наместничестве	7	5,2	13	4,5	507	5,1
Рязанском наместничестве	12	9,0	19	6,5	458	4,6
Курском наместничестве	7	5,2	11	3,8	358	3,6
Тамбовском наместничестве	6	4,5	11	3,8	345	3,5
Ярославском наместничестве	9	6,7	18	6,2	411	4,2
Вологодском наместничестве	6	4,5	10	3,4	221	2,2
В наместничествах Поволжья	9	6,6	21	7,2	683	7,0
Пензенском	2	1,5	5	1,7	235	2,4
Симбирском	5	3,7	8	2,7	213	2,2
Казанском	1	0,7	4	1,4	154	1,6
Саратовском	1	0,7	4	1,4	81	0,8
Пансионы и домашние училища	30		87		988	
Учебные заведения под ведением или контролем Комиссии об учреждении народных училищ	165		394		11158	

Примечание. Сост. по: РГАДА, ф. 17, оп. 1, д. 67, л. 80–86.

* Включая водохранилище и Главное Немецкое училища в Санкт-Петербурге.

В докладе Комиссии справедливо указывалось на то, что «паче прочих процветают училища в губерниях Новгородской и Тверской, Рязанской и Тамбовской, а за оными в Ярославской, Вологодской и Курской; во-первых, старанием управляющих сими губерниями, а потом и тщанием избранных от них к училищам директоров»⁸. По нашим подсчетам, это действительно были губернии с наивысшими, не учитывая столичные регионы, показателями для страны: в каждой от 6 до 12 народных училищ, в них от 10–19 учителей.

Комиссия обращала внимание и на очевидные недостатки в организации училищ «в губернии Московской, изо всех богатейшей», где «едва и в половине городов оные заведены, да и в самой Москве малых и народных училищ, да и то не самым лучшим

⁸ РГАДА, ф. 17, оп. 1, д. 67, л. 77.

образом содержимых, считается только шесть; число ни пространству, ни многолюдству города не соответствующее⁹. Еще менее удачным был опыт ряда других регионов, в том числе поволжских. Единица в графе «число школ» указывает на отсутствие инициативы местной администрации и городских обществ, поскольку означает существование только главного училища, открытого по прямому указанию верховной власти и усилиями прежде всего столичной училищной Комиссии. В Поволжье лишь Симбирское наместничество приближалось по показателям числа училищ и учителей к тем, что считались среди лучших в России, например, в Вологодском или Тамбовском. По этим двум позициям оно опережало своих соседей, немногим уступая Пензенскому наместничеству по количеству учащихся (табл. 2).

Таблица 2

Список народных училищ Поволжских губерний

Тип и местонахождение училища	Количество, чел.	
	учителей	учащихся
Главное, Саратов	4	81
Главное, Пенза	4	190
Малое, Саранск	1	45
Главное, Симбирск	4	125
Малое, Сызрань	1	18
Малое, Алатырь	1	34
Малое, Ставрополь	1	14
Малое, Тагай	1	22
Главное, Казань	4	154

Положительный опыт первой волны массового устройства училищ позволил распространить реформу еще на 15 губерний (Выборгская, Ревельская, Рижская, Полоцкая, Могилевская, Новгород-Северская, Черниговская, Киевская, Харьковская, Екатеринославская, Кавказская, Уфимская, Колыванская, Тобольская, Иркутская), а также Таврическую область и землю донских казаков. Как и планировалось, для главных народных училищ этих регионов было подготовлено еще 100 учителей¹⁰.

В свою очередь новые главные училища создавали возможность увеличения числа малых, что, впрочем, не всегда реализовывалось даже в губерниях, включенных в школьную реформу еще в 1786 г., например в Саратовской. Новые шаги реформы отражены в ведомости, приложенной к рапорту Комиссии, представленном императрице в январе 1791 г. (табл. 3).

Таблица 3

Данные о народных училищах по ряду губерний России

Типы и местонахождение училищ (на начало 1791 г.)	Число училищ	% от числа училищ в 1788 г.	Кол-во учителей, чел.	% от числа учителей в 1788 г.	Кол-во учащихся, чел.	% от числа учащихся в 1788 г.
Народные училища, всего	231	171	511	166	15354	151
В том числе в губерниях, где народные училища открыты в 1786 г. или раньше	193	143	397	129	12583	124

⁹ РГАДА, ф. 17, оп. 1, д. 67, л. 78.

¹⁰ Там же. Л. 78 и об., 87.

Окончание табл. 3

1	2	3	4	5	6	7
Из них в губерниях с наибольшим числом народных училищ:						
Санкт-Петербургской*	28	117	94	119	3106	111
Московской	28	200	49	223	1899	201
Новгородской**	13	163	20	154	606	97
Тверской***	8	114	15	115	589	116
Курской	7	100	13	118	338	94
Тамбовской	7	117	12	109	301	87
Рязанской	12	100	18	95	460	100
Ярославской	11	122	22	122	372	91
Вологодской	6	100	10	100	217	98
Пермской	9	450	19	158	755	180
Орловской	9	300	13	186	672	199
Смоленской	6	200	9	150	404	151
В губерниях Поволжья	10	111	24	114	629	92
Пензенской	2	100	6	120	185	79
Симбирской	5	100	8	100	139	65
Казанской	2	200	6	150	164	106
Саратовской	1	100	4	100	141	174
Пансионы и домашние училища	38	127	118	136	1171	119
Учебные заведения под ведением или контролем Комиссии об учреждении народных училищ	269	163	629	160	16525	148

Примечание. Подсчитано по: РГАДА, ф. 17, оп. 1, д. 67, л. 67–73. Сведения о суммарном числе учеников в ряде губерний уточнены в ходе подсчетов и расходятся с приведенными в тексте рапорта и ведомости.

*Включая водоходное и Главное Немецкое училища в Санкт-Петербурге.

**Включая сельские училища в различных уездах.

***Включая мастеровое училище в Вышнем Волочке.

Налицо несомненные успехи, проявившиеся в увеличении числа народных училищ на 71 %, учителей в них — на две трети, а учащихся — более чем в полтора раза. Заметны успехи в деле образования в ряде губерний, в том числе Московской, Смоленской, Орловской, Пермской, чьи результаты за 1786–1788 гг. выглядели скромно. Выросло количество пансионов и домашних училищ, которые открывались не только в столичных, но и в губернских городах: Рязани, Твери, Курске, Новгороде-Северском.

Вместе с тем выявлялись и некоторые отрицательные тенденции. Рост количества учащихся происходил в основном за счет открытия новых школ и особенно на только что приступивших к реформе территориях. Прирост учащихся в губерниях, открывших первые народные училища в 1786 г. или раньше, составил по сравнению с ведомостью 1788 г. 24 %, а 27 % в общероссийское увеличение числа учеников дали регионы, где школы появились позже. В ряде губерний, где реформа началась в 1786 г., при сохранении и даже некотором увеличении числа школ и учителей снизилось количество учащихся, в том числе Новгородской, Курской, Тамбовской, Ярославской, Вологодской, Пензенской, Симбирской. В двух последних это сокращение в относительных показателях оказалось наибольшим, составив в одной — около четверти, в другой — более

трети от количества учеников в 1788 г. Снизилась и относительная доля поволжских народных училищ в общероссийских показателях числа школ (по сравнению с 1788 г.) до 4,3 %, в них учителей — до 4,7 %, учеников — до 4,1 % (табл. 4).

Таблица 4

Список народных училищ в Поволжье на начало 1791 года

Тип и местонахождение училища	Количество, чел.		% учащихся к 1788 г.
	учителей	учащихся	
Главное, Саратов	4	141	174,1
Главное, Пенза	5	149	78,4
Малое, Саранск	1	36	80,0
Главное, Симбирск	4	65	52,0
Малое, Сызрань	1	15	83,3
Малое, Алатырь	1	9	26,5
Малое, Ставрополь	1	12	85,7
Малое, Карсун	1	38	Вновь открыто
Малое, Тагай			Упразднено
Главное, Казань	5	121	78,6
Малое, Чебоксары	1	43	Вновь открыто

За первые пять лет (1786–1790) осуществления школьной реформы произошли серьезные изменения в народном образовании к лучшему, главным из которых можно считать создание в России и ее регионах системы начальных и средних учебных заведений, обеспечение их педагогическими кадрами, основными учебниками и пособиями. Конечно, для огромной страны число училищ, преподавателей и учащихся оставалось явно недостаточным. Однако, добившись даже таких скромных результатов, молодая русская школа столкнулась с серьезными трудностями, не только тормозившими ее развитие, но и грозившими свести на нет первые успехи. Причинами негативных явлений стали три основные проблемы, которые выявились в ходе проведения реформы: кадровая, материального обеспечения, равнодушие к делу народного образования со стороны значительной части общества. Уходили неоправданные ожидания стремительного шествия просвещения по России.

Потенциал реформы, в том виде как она была обеспечена средствами и кадрами, оказался исчерпанным в самые первые годы ее проведения. За последующее десятилетие произошло очень незначительное увеличение числа народных училищ, преподавателей и школьников в них. Властям хватало настойчивости, а обществу — внутренней потребности практически только на поддержание школьного дела в стране на уровне, достигнутом в конце 1780-х гг. Несомненные успехи, достигнутые на отдельных территориях (например, Курский край или восточная Белоруссия), нивелировались в среднем по России явными отступлениями назад в уровне образования по другим губерниям (Новгородской, Пермской и др.), о чем наглядно свидетельствует табл. 5.

Таблица 5

Данные о народных училищах по ряду губерний России

Тип и местонахождение училищ (на начало 1800 г.)	Число учи- лищ	% от числа училищ в 1791 г.	Учите- лей, чел.	% от числа учителей в 1791 г.	Уча- щихся, чел.	% от числа учащихся в 1791 г.
Народные училища, всего	236	102	540	106	16495	107
В том числе в губерниях с наибольшим числом народных училищ:						
Санкт-Петербургской*	28	100	88	94	3973	128
Московской	27	96	61	124	1981	104
Новгородской (вместе с б. Олонецкой)**	12	71	19	73	496	65
Тверской***	9	113	17	113	535	91
Курской	8	114	13	100	580	172
Рязанской	12	100	18	100	467	102
Ярославской	10	91	15	68	418	112
Пермской****	7	78	11	58	269	36
Орловской	9	100	15	115	688	102
Смоленской	8	133	12	133	357	88
Белорусской	9	450	24	240	524	238
Тобольская	8	114	12	109	316	92
В губерниях Поволжья	11	110	23	96	739	117
Пензенской	2	100	5	83	168	91
Симбирской (без Саранска)	3	60	6	75	200	144
Казанской	5	250	8	133	248	151
Саратовской (без Пензы)	1	100	4	100	123	87
Пансионы и домашние училища, всего	45	118	181	153	1103	94
В том числе:						
в Симбирске	1		5		23	
в Саратове	1		1		17	
Учебные заведения под ведением или контролем Комиссии об учреждении народных училищ	281	104	721	115	17598	106

Примечание. Подсчитано по: РГАДА, ф. 1239, оп. 3, ч. 80 (1), д. 38145, л. 4–9.

*Включая Учительскую гимназию и Главную Немецкую школу в Санкт-Петербурге.

**Включая школу в с. Черное.

***Включая школу при конторе водяных коммуникаций в Вышнем Волочке.

****Включая школу в с. Ильяинское.

В поволжских губерниях, на долю которых тогда приходилось 3,9% народных школ России (в границах 1791 г.), 3,2% их учителей и 4,2% учеников, ситуация в образовании была схожей с общероссийской, о чем свидетельствуют данные табл. 6.

Список народных школ на начало 1800 года

Тип и местонахождение училища	Количество, чел.		% учащихся 1791 г.
	учителей	учащихся	
Главное, Саратов	4	123	87,2
Главное, Пенза	4	118	79,2
Малое, Саранск	1	50	138,9
Главное, Симбирск	4	136	209,2
Малое, Сызрань	1	25	166,7
Малое, Алатырь	1	39	433,3
Малое, Ставрополь			Упразднено
Малое, Карсун			Упразднено
Главное, Казань	4	130	107,4
Малое, Чебоксары	1	61	141,9
Малое, Козмодемьянск	1	12	Вновь открыто
Малое, Ядрин	1	31	Вновь открыто
Малое, Чистополь	1	14	Вновь открыто

Несколько более высокий по сравнению со средним по стране рост числа школ и учеников в Поволжье достигнут, прежде всего, за счет появления новых народных училищ Казанской губернии. В Симбирской губернии некоторый прирост учащихся происходил на фоне закрытия ранее существовавших школ и уменьшения числа учителей. Стагнация наблюдалась в Саратовской и упраздненной Пензенской губернии, на территории которых действовали только три народные школы, открытые еще в 1786—1787 гг., число учащихся в которых было меньше, чем в 1791 г. (Саратов), и даже чем в 1788 г. (Пенза).

Возможности реформы, в том виде как ее задумала Екатерина II, оказались ограниченными. Чтобы осознать это, властям понадобился пятнадцатилетний опыт 1786—1800 гг., накопленный как в России в целом, так и на отдельных ее территориях, включая Поволжье. Стало ясно, что деятелям образования предстоит новые тяжелые труды, властям — поиски действенных рычагов для достижения целей школьной политики, обществу — более глубокое осознание необходимости училищ и знаний. Император Александр I и его окружение с самого начала его правления приступили к разработке плана новых преобразований в области народного просвещения.

А. В. Емельянов

**ВНУТРЕННЯЯ ЖИЗНЬ
КАЗАНСКОГО
ВОЕННОГО ОКРУГА
В ПЕРВЫЕ ГОДЫ
ЕГО СУЩЕСТВОВАНИЯ
(1864–1868)**

Внутренние военные округа, созданные в Российской империи в период с 1864 по 1868 гг., должны были выполнять определенные цели. По замыслу Военного министерства, возглавляемого Д. А. Милютиним, они являлись как местом обучения молодых солдат, так и местом их воспитания. Однако в условиях, когда военно-окружная реформа в России находилась еще в начальной стадии своего развития, неизбежны были ошибки и просчеты. Как происходило внутреннее формирование военных округов, можно проследить на примере Казанского военного округа.

В первые годы образования Казанского военного округа (1864–1868) на его территории располагались 2-я, 40-я и 37-я пехотные дивизии, Астраханское казачье войско и Уральский горнозаводской батальон¹. В дальнейшем, к началу 70-х гг. XIX в., на территории округа остались 2-я пехотная дивизия, состоявшая из 4-х полков (5-го Калужского, 6-го Либавского, 7-го Ревельского, 8-го Эстляндского) и 40-я пехотная дивизия четырехполкового состава (157-го Имеретинского, 158-го Кутаисского, 159-го Гурийского, 160-го Абхазского). Каждая дивизия насчитывала по 11160 человек личного состава. Дивизиям были приданы две артиллерийские бригады, по 6 батарей в каждой.

В округе были сформированы местные войска, в состав которых вошли Казанский и Самарский местные батальоны; Вятский, Пермский, Симбирский, Астраханский губернские батальоны²; две местные команды Пензы и Саратова, преобразовывавшиеся в военное время в батальоны³.

Сравнить общее количество личного состава войск во всех военных округах Российской империи помогут данные табл. 1.

¹ РГВИА, ф. 1720, оп. 7, д. 16, л. 37–37 об.

² Там же. Ф. 400, оп. 2, д. 2731, л. 2–5 об.

³ Там же. Л. 98–107 об.

Состав военнослужащих в военных округах (1872 г.)

Военный округ	Генералов	Штаб- и обер-офи- церов	Нижних чинов		Молодых солдат, нахо- дившихся в резервных эскадронах
			На службе	В бессрочном и временном отпусках	
Петербургский	84	2824	70278	37166	353
Финляндский	12	465	13380	293	—
Виленский	44	2481	75104	60405	146
Варшавский	70	2902	98864	16712	—
Киевский	32	1681	49804	54020	104
Одесский	36	1801	54408	31127	143
Харьковский	38	2142	59138	105848	2487
Московский	48	2749	76330	177189	2318
Казанский	22	996	32145	125805	4202
Оренбургский	5	240	9327	9370	45
Туркестанский	8	659	23462	1372	—
Западно-Сибирский	7	271	12153	13949	43
Восточно-Сибирский	10	346	12922	4038	776
Кавказский	94	3502	131827	4499	—
Всего	510	23059	719124	641793	10617

Примечание. Сост. по: РГВИА, ф. 1720, оп. 7, д. 16, л. 37–37 об.

Данные табл. 1 наглядно показывают, какая именно роль отводилась Московскому, Казанскому и Харьковскому военным округам — трем внутренним округам России.

Самое большое количество молодых солдат, проходивших обучение в резервных батальонах, находилось именно в трех внутренних округах (4202 чел. — в Казанском; 2487 чел. — в Харьковском; 2318 чел. — в Московском военном округе). В этих же округах количество нижних чинов, находившихся в бессрочных и временных отпусках, в 2–4 раза превышало количество нижних чинов, находившихся на военной службе. Следовательно, главной обязанностью трех внутренних округов в мирное время было обучение молодых рекрутов военному искусству, а также предоставление возможности

отдыха от несения воинских обязанностей как можно большему количеству нижних чинов.

Совершенно противоположная ситуация была в таких приграничных округах, как Кавказский, Туркестанский, Варшавский и Финляндский. Здесь не было времени заниматься обучением молодых солдат, поэтому в этих округах их просто не было, а число нижних чинов, находившихся в бессрочных и временных отпусках, было во много раз меньше находившихся на срочной службе.

Количественное распределение дивизий между пограничными и внутренними военными округами в первые годы существования военных округов (с 1865 по 1871 г.) колебалось между 70 % в пограничных и 30 % во внутренних в 1865 г.; однако к 1871 г. это соотношение изменилось — 60 % в пограничных и 40 % во внутренних военных округах. Эти изменения произошли в результате некоторого улучшения международного положения России и относительной стабилизации в Польше. О размещении дивизий по отдельным военным округам можно судить по данным табл. 2.

Таблица 2

Количество пехотных и кавалерийских дивизий по военным округам

Военный округ	Начало 1865 г.	Начало 1871 г.
Петербургский	4 пех. + 2 кав.	5 пех. + 2 кав.
Финляндский	1 пех.	1 пех.
Московский	5 пех. + 1 кав.	5 пех. + 1 кав.
Харьковский	2 пех. + 1 кав.	4 пех. + 2 кав.
Казанский	1 пех.	1 пех.
Варшавский	10 пех. + 2 кав.	7 пех. + 2 кав.
Виленский	9 пех. + 1 кав.	7 пех. + 2 кав.
Киевский	4 пех. + 1 кав.	4 пех. + 1 кав.
Одесский	4 пех. + 1 кав.	4 пех. + 1 кав.
Кавказский	7 пех. + 1 кав.	5 пех. + 1 кав.
Итого по 10 округам	47 пех. + 10 кав.	43 пех. + 12 кав.

Примечание. Сост. по: Исторический очерк военного управления в России. СПб., 1871. Т. IV. Прил. 62.

Личный состав пехотных дивизий находился в постоянном движении, особенно во внутренних военных округах. Эти округа выполняли задачу обучения вновь прибывших молодых рекрутов для пополнения ими войск других военных округов. Так, при формировании Оренбургского военного округа для создания Эмбенской, Иргизской и Тургайской уездных команд и Карабутакской местной команды Военное министерство приказало выделить 2-й и 40-й пехотным дивизиям 336 нижних чинов вместе с ко-

мандным составом⁴. Причем было рекомендовано привлекать к этому уроженцев ближайших к Оренбургу губерний. Было также приказано не назначать в состав нижних чинов, отправляемых в Оренбургский военный округ, лиц магометанского вероисповедания и штрафованных. Военное министерство, естественно, не хотело, чтобы основу вновь сформированных команд составляли люди, уже провинившиеся перед законом.

Что же касается обустройства двух пехотных дивизий непосредственно в Казанском военном округе, то необходимо было в первую очередь позаботиться о личном составе расположенных в округе войск. С начала формирования Казанского военного округа и вплоть до середины 70-х гг. XIX в. положение со строительством казарм для военнослужащих было крайне неудовлетворительным, особенно по сравнению с другими военными округами. Об этом свидетельствуют данные табл. 3.

Таблица 3

Размещение нижних чинов войск Казанского военного округа в 1873 году

Наименование войск	Количество военнослужащих, чел.					
	В казармах ведомств			Казармено в домах по найму	По обывательским квартирам	Штатская численность
	артиллерийского и военного	инженерного	гражданского			
Всего полевых войск	508	—	1602	4439	7825	14445
В том числе: Полевые войска пехоты	—	—	1238	3018	6947	11248
Войска полевой артиллерии	508	—	319	1421	878	3197
Местные войска	1338	958	6509	2485	3260	14450
Всего	1864	968	8111	6924	11085	28995

Примечание. Сост. по: РГВИА, ф. 400, оп.3, д. 64, л. 1-2, 7-8, 30-33.

В других же военных округах положение с расположением нижних чинов было значительно лучше, о чем свидетельствуют данные табл. 4.

Таблица 4

Размещение нижних чинов войск Петербургского и Московского военного округов в 1873 году

Тип помещений	Количество военнослужащих, чел.	
	Петербургский военный округ	Московский военный округ
Казармы инженерного ведомства	58236	5471
Казармы гражданского ведомства	3500	23820
Дома по найму от города	351	19353
Обывательские квартиры	1728	22529
Всего	63815	69048

Примечание. Сост. по: РГВИА, ф. 400, оп. 3, д. 64, л. 1-2, 7-8, 30-33.

⁴ РГВИА, ф. 1720, оп. 2, д. 9, л. 1-3.

Как видно из приведенных выше таблиц, в Казанском военном округе самое большое количество нижних чинов было расквартировано не в армейских казармах, а по обывательским квартирам, что вело к снижению воинской дисциплины. Это подтверждают и доклады штаба местных войск начальнику штаба округа: «Главная причина увеличения нарушений военной дисциплины — распространение пьянства среди нижних чинов из-за близкого сношения нижних чинов, по их расквартированию, с местными жителями-пьяницами»⁵.

Казанский военный округ, являвшийся внутренним округом, был местом не только обучения молодых солдат, но и местом перевоспитания присылавшихся из других военных округов оштрафованных нижних чинов и политических преступников. Так, в 1868 г. из Оренбургского военного округа в Казанский было прислано 794 человека (204 чел. — во 2-ю дивизию; 121 чел. — в 37-ю дивизию; 469 чел. — в 40-ю дивизию). Всего же в Казанском военном округе в 1867 г. оштрафованных нижних чинов было 1567 человек, а в 1868 г. — 1144 человека⁶. Еще одной обязанностью, возложенной на Казанский округ как на внутренний, было сосредоточение на его территории и учет бессрочно и временно отпускных нижних чинов. Так, из отчетов Командующего войсками Казанского в.о. за 1868 г. следует, что к декабрю 1867 г. в округе находилось 31197 чел. бессрочно отпускных и 43767 чел. временно отпускных нижних чинов, в общей сложности — 74964 человек. К декабрю же 1868 г. состояло 69019 человек нижних чинов, находившихся в бессрочных отпусках, и 20646 чел. нижних чинов, находившихся во временных отпусках. Их общая численность в 1868 г. составила 89665 человек⁷. То есть за один год число временно- и бессрочноотпускных нижних чинов в округе увеличилось на 14701 человека. Такая тенденция к увеличению сохранялась в округе и в последующие годы. Об этом свидетельствуют сравнительные данные по всем военным округам Российской империи за 1872 и 1873 гг. (табл. 5).

Таблица 5

Численность нижних чинов, находившихся в бессрочных и временных отпусках

Военный округ	Нижние чины, находящиеся в бессрочном и временном отпусках	
	1872	1873
1	2	3
Петербургский	37166	39971
Финляндский	293	346
Виленский	60405	68667
Варшавский	16712	23525
Киевский	54020	59013
Одесский	31127	35871
Харьковский	105848	116040

⁵ РГВИА, ф. 1720, оп. 7, д. 16, л. 15–16 об.

⁶ Там же. Л. 3, 5–5 об.

⁷ Там же.

1	2	3
Московский	177189	188108
Казанский	125805	142137
Оренбургский	9370	10440
Туркестанский	1372	1630
Западно-Сибирский	13949	18154
Восточно-Сибирский	4038	4858
Кавказский	4499	7410
Всего	641793	716170

Примечание. Сост. по: РГВИА, ф. 400, оп. 2, д. 2445, л. 3–5; д. 2932, л. 5–5 об.

Как видно из табл. 5, более половины всех бессрочно- и временноотпускных нижних чинов приходилось на три внутренних военных округа — Харьковский, Московский и Казанский. В 1872 г. — это 408842 чел. из общего количества в 641793, в 1873 г. — 446285 человек из 716170.

Что же касается непосредственно Казанского военного округа, то количество вышеупомянутых нижних чинов опять-таки возросло за год на 16332 человека (с 125805 чел. — в 1872 г. до 142137 — в 1873 г.). Итак, если при создании Казанского военного округа в нем находилось всего 3548 нижних чинов, будучи во временных и бессрочных отпусках⁸, то к 1874 г. их число составляло уже 142137 человек.

Естественно, что такое резкое увеличение штрафованных, политических преступников, временно- и бессрочноотпускных нижних чинов в округе, который находился в периоде становления, не могло не отразиться на жизни Казанского военного округа. Так, во всеподданнейших отчетах командующего округом прямо указывалось: «Отношение числа преступлений к общей численности нижних чинов в Округе...: 1:63,2; 1:61,2... Причины, влияющие на дисциплину: 1) увеличение числа штрафованных в войсках; 2) увеличение числа бессрочно- и временноотпускных нижних чинов»⁹.

Представление о количестве обвиняемых и подсудимых в войсках Казанского военного округа в первые годы его существования¹⁰ дают следующие данные:

Воинские чины	1864	1865	1866	1867
Находившиеся под следствием	180	2284	2415	3132
Находившиеся под судом	1507	1891	2308	2379

⁸ РГВИА, ф. 1720, оп. 7, д. 16, л. 36–37 об.

⁹ Там же. Л. 17.

¹⁰ Там же. Л. 19.

Приведенные данные свидетельствуют о постоянном увеличении в округе подсудимых и подсудимых. Такая же ситуация сохранилась и в 1868 г.: под следствием находилось 2959 офицеров и нижних чинов (21 штаб-офицер, 103 обер-офицера, 30 нижних чинов из дворян и 2805 нижних чинов не из дворян). В то же время под судом находилось 2256 военнослужащих (7 штаб-офицеров, 48 обер-офицеров, 88 нижних чинов из дворян и 2113 нижних чинов не из дворян)¹¹. О характере правонарушений можно судить по данным из рапорта Командующего войсками Казанского военного округа, составленного к всеподданнейшему отчету в 1868 г. (табл. 6).

Таблица 6

Данные о нарушениях воинской дисциплины офицерами и нижними чинами Казанского военного округа (1868 г.)

Воинское звание обвиняемых	Характер правонарушений	Количество находившихся под судом
Штаб и обер-офицеры	Преступления против правительства	1
	Преступления по службе	48
	Преступления против безопасности и против прав общественного состояния лиц	3
	Подлоги	3
Нижние чины из дворян	Государственные преступления (оскорбление на словах царя)	1
	Преступления по службе	47
	Преступления против безопасности и против прав общественного состояния лиц	2
	Противозаконные удовлетворения страсти и развратное поведение	18
	Преступления против прав на имущество	16
	Подлоги и лживые поступки	4
Нижние чины не из дворян	Преступления против веры	16
	Государственные преступления	3
	Преступления против правительства	72
	Преступления по службе	980
	Преступления против безопасности и против прав общественного состояния лиц	164
	Преступления против прав семейного состояния	2
	Противозаконные удовлетворения страсти и развратное поведение	173
	Преступления против прав на имущество	649
	Подлоги и лживые поступки	54

Примечание. РГВИА, ф. 1720, оп. 7, д. 16, л. 20—21.

Как видно из приведенных данных, в Казанском военном округе чаще всего совершались преступления, связанные со служебными нарушениями (неповиновение старшим по званию, нарушение караульной службы и т. п.). Подавляющее количество преступлений в округе приходилось на долю нижних чинов недворянского сословия. Объяснить это можно разницей воспитания дворян и представителей других сословий.

¹¹ РГВИА, ф. 1720, оп. 7, д. 16, л. 19.

Однако, несмотря на увеличивающееся из года в год количество преступлений, совершавшихся военными в Казанском военном округе, они не несли в себе особой угрозы существующим порядкам. Об этом свидетельствует перечень наказаний, наложенных на подсудимых по итогам судебных разбирательств 1868 года¹².

Наказания	Количество военнослужащих, подвергшихся наказаниям, чел.
Смертная казнь	1
Лишение всех прав состояния и ссылка на каторжные работы	10
Лишение всех прав состояния и ссылка в Сибирь на поселение	2
Исключение со службы с лишением чина, но без лишения прав состояния	1
Ссылка в военно-исправительные роты на различные сроки	250
Телесные наказания	330
Перевод в разряд штрафованных	223
Различные штрафы	324

Кроме нарушения закона военнослужащими военные суды были вынуждены разбирать дела с участием гражданских лиц. Это произошло ввиду упразднения Аудитората ведомства путей и сообщения (приказ Военного министра от 11 августа 1866 г. №99), а также Межевого, Лесного, Горного и Телеграфного ведомств (приказ от 11 июля 1866 г. №206). Все дела этих ведомств и дела о поджигательстве перешли в ведение военного ведомства округа¹³. В 1868 г. под судом в Казанском военном округе находилось 319 гражданских лиц, главным образом это были дела об убийствах, поджогах и незаконной вырубке лесов¹⁴. В результате такого объединения судебных дел воинские начальники были вынуждены тратить время на судебные разбирательства. Естественно, судебные дела затягивались. Нередко их продолжительность составляла более трех лет. Это означало, что лица, обвиняемые в преступлении, а также подсудимые, продолжительное время находились под арестом.

Необходима была срочная реформа военно-окружной судебной системы. Хотя разработка нового Военно-судебного устава была завершена в 1867 г., это нововведение на местах утверждалось постепенно, по мере завершения судебных дел в старых аудиторских учреждениях. Так, в Казанском военном округе новые военно-окружные суды были открыты только в 1871 г. (позже это было сделано только в Туркестанском и Сибирском военных округах).

¹² РГВИА, ф. 1720, оп. 7, л. 16, л. 35.

¹³ Там же. Л. 37. об.

¹⁴ Там же. Л. 37.

Д.Ю. Мурашов

**СОЗДАНИЕ
И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
ПЕНЗЕНСКОГО
ГУБЕРНСКОГО КОМИТЕТА
ПО УЛУЧШЕНИЮ БЫТА
ПОМЕЩИЧЬИХ КРЕСТЬЯН**

Реформа 1861 г., освободившая крестьян от крепостной зависимости, является одним из самых значимых событий в российской истории. Поэтому она постоянно привлекает внимание отечественных исследователей, в том числе пензенских краеведов, которые изучают региональную специфику крестьянской реформы.

В большинстве работ пензенских краеведов, среди которых следует отметить работы В. А. Шварева, А. Ф. Дергачева, А. В. Тюстина и В. П. Догаевой, речь идет преимущественно о реализации основных положений реформы в Пензенском крае и отношении к ним местных крестьян¹. Процесс же подготовки крестьянской реформы изучен менее полно. Единственная статья П. Лукиной, опубликованная еще в 1953 г., специально посвящена вопросу подготовки крестьянской реформы в Пензенской губернии². Кроме того, в исследовании саранского историка А. Е. Кильмишкина³ содержится сравнительный анализ обязательных проектов улучшения быта помещичьих крестьян, подготовленных в Пензенском, Симбирском и Тамбовском губернских комитетах.

Как известно, начало крестьянской реформы 1861 г. было положено знаменитой речью Александра II перед представителями московского дворянства 30 марта 1856 г. В этот день московский генерал-губернатор А. А. Закревский, владевший, кстати, в Мокшанском уезде Пензенской губернии двумя тысячами душ крепостных крестьян, попросил прибывшего в Москву Александра II развеять носившиеся в столичном дворянском обществе слухи о скорой отмене крепостного права. В своей речи Александр II заявил, что лучше отменить крепостное право сверху, чем оно само собой отменится снизу⁴. Спустя некоторое время в Министерстве внутренних дел началась

¹ Шварев В. А. Кандиевское восстание. Пенза, 1955; Дергачев А. Ф. Крестьянское движение в Пензенской губернии накануне реформы 1861 г. Пенза, 1958; Тюстин А. В. Реформа 1861 года в Пензенской губернии: по материалам сел, расположенных на территории Луинского района // Земство. Пенза, 1996. № 1. С. 62–77. Догаева В. П. Реализация реформы 1861 года в Пензенской губернии // Историография и история социально-экономического и общественно-политического развития России (вторая половина XX вв.). Пенза, 1997. С. 3–9.

² Лукина П. Подготовка крестьянской реформы 1861 года в Пензенской губернии // Сборник студенческих научных работ. Пенза, 1953. Вып. 1. С. 5–22.

³ Кильмишкин А. Е. Подготовка крестьянской реформы в губернских комитетах (Пензенской, Симбирской и Тамбовской губерний) // Исследования по истории Мордовской АССР. Саранск, 1971. Вып. 40. С. 182–212.

⁴ Зайончковский П. А. Отмена крепостного права в России. М., 1968. С. 66–67.

работа по подготовке крестьянской реформы. Ее результатом стало открытие в Петербурге 3 января 1857 г. Секретного комитета, созданного для решения крестьянского вопроса. Дискуссии в Секретном комитете были бурными и упорными, но к положительному результату не привели. Общие условия освобождения крестьян от крепостной зависимости не были выработаны. И только после встречи императора с прибалтийским генерал-губернатором В. И. Назимовым работа Секретного комитета ускорилась. За основу своей программы Секретный комитет взял проект министра внутренних дел С.С. Ланского, в соответствии с которым крестьяне освобождаясь от крепостного права, получали личную свободу, а помещики сохраняли за собой право собственности на все принадлежавшие им земли. Крестьяне, кроме того, выкупали у помещиков свои усадьбы и образовывали сельские общества, в которых власть, однако, была сосредоточена в руках того же помещика. В течение 10–15 лет после начала реформы крестьяне не имели право покидать места своего постоянного проживания, если на то не было особого разрешения их бывшего владельца, т. е. оставались «крепкими земле».

Эта программа была одобрена Александром II и включена в царский рескрипт на имя В. И. Назимова, изданный 20 ноября 1857 г. В рескрипте российский император предлагал дворянам литовских губерний создать особые дворянские комитеты для обсуждения предлагаемого проекта реформы. Состав каждого губернского комитета выбирался местным дворянством и включал в себя представителей от каждого уезда, а также двух дворян, назначенных губернатором. Председателем такого комитета был губернский предводитель дворянства. «Обнародование рескрипта, — писал в своих воспоминаниях славянофил А. И. Кошелев, — произвело сильнейшее действие во всей империи: одни страшно перепугались, были, так сказать, ошеломлены; другие обрадовались; многие и весьма многие просто не поняли значение этого события. Из Петербурга и Москвы тревога перешла в губернии, и там недоумениям и страхам не было границ: все спрашивали друг друга: «Что же теперь делать?»⁵. 5 декабря 1857 г. такой же рескрипт был издан и на имя Петербургского генерал-губернатора Н. П. Игнатьева. С опубликованием царских рескриптов подготовка крестьянской реформы вступила в новую фазу своего развития. Теперь центр ее тяжести был перенесен из столицы в провинцию, в том числе и в Пензенский край.

Начало подготовки крестьянской реформы на пензенской земле следует отнести к первой половине декабря 1857 г., когда главные лица губернии-губернатор А. А. Панчулидзе и губернский предводитель дворянства А. Н. Арапов познакомились с текстами царских рескриптов и составили о них определенное представление. О его сути нам известно из письма Ланского, в котором министр внутренних дел приводил мнение Арапова, что «дворяне Пензенской губернии опасаются желать изменения существующего устройства крестьянского быта»⁶. Причины этих опасений заключались, по словам Арапова, во-первых, в том, что прибалтийские и Петербургская губернии находятся совсем в другом положении, чем Пензенская, а, во-вторых, изменение настоящего положения дел может привести к «беспорядкам» в Пензенской губернии.

Обычно письмо Арапова в переложении Ланского историки используют как документ, подтверждающий принципиальное нежелание пензенского дворянства приступить

⁵ Русское общество 40–50-х годов XIX века. М., 1991. Ч. 1. Записки А. И. Кошелева. С. 99.

⁶ ГАПО, ф. 198, оп.1, д. 4, л. 1,1 об.

к освобождению крепостных крестьян⁷. Однако представляется, что дело обстояло несколько иначе.

А. Н. Арапов вовсе не был принципиальным противником освобождения крестьян. Он только опасался негативных последствий крестьянской реформы в Пензенском крае. Позицию Арапова, изложенную в письме к Ланскому, по большей части следует рассматривать как выражение его сомнения в эффективности правительственной программы освобождения крестьян⁸.

16 января 1858 г. А. Н. Арапов получил еще одно письмо С. С. Ланского. Министр внутренних дел критиковал позицию губернского предводителя дворянства и опровергал его аргументы против разрабатываемой реформы. Ланской еще раз напомнил Арапову, что император призывает дворян содействовать правительству в деле освобождения крестьян и «желает, чтобы первый шаг был сделан дворянством». Последние слова в письме С. С. Ланского звучали для Арапова как приказ (несмотря на мягкость формулировки): «я покорнейше прошу ваше превосходительство время от времени уведомлять меня, какие меры вы и вообще дворянство Пензенской губернии будете предпринимать к исполнению неперменной воли государя императора»⁹.

А. Н. Арапов, получив внушение, не стал возражать начальству и назначил на 12 февраля 1858 г. собрание дворянских депутатов и уездных предводителей дворянства, на котором следовало выяснить отношение пензенских дворян к царским рескриптам и принять соответствующее решение.

Точно в назначенный срок собрание дворянских депутатов и уездных предводителей было открыто. На нем присутствовало 13 человек (из 20 полагавшихся по списку), т. е. 65% от общего числа депутатов и уездных предводителей пензенского дворянства. Ими было принято решение о проведении в каждом уезде дворянских собраний «для предварительных совещаний в отношении улучшения быта помещичьих крестьян»¹⁰, чтобы затем просить разрешения у верховной власти об открытии в губернии комитета по улучшению быта помещичьих крестьян.

Судя по сохранившимся документам, уездные собрания дворян были простой формальностью, ибо на прошедшем дворянском собрании была достигнута принципиальная договоренность о составлении «в одинаковых выражениях от дворян каждого уезда»¹¹ соответствующего прошения на имя императора.

Вот образец такого решения, составленный краснослободским дворянством: «1858 г., февраля 26 дня. Дворянство Краснослободского уезда, сердечно сочувствуя священной для него воли Его Императорского Величества, положило: всеподданнейше просить Всемилостливейшего соизволения разрешить Пензенскому Дворянству учредить Комитет для составления положения об улучшении быта помещичьих крестьян

⁷ См.: *Лукина П.* Указ. соч. С. 22; *Дергачев А. Ф.* Указ. соч. С. 85–95; *Шварев В. А.* Указ. соч. С. 30–35.

⁸ Ср.: «Все почти признавали своевременность и неизбежность реформы, но не было губернии, где бы дворянство вполне сочувствовало содержанию рескрипта, — той правительственной программе, которая в нем была выражена» (*Корнилов А. А.* Курс истории России XIX века. М., 1993. С. 211).

⁹ ГАПО, ф. 198, оп.1, д. 4, л. 2 об.

¹⁰ Там же. Л. 3.

¹¹ Там же. Л. 7 об.

сообразно местности и выгодам губернии. Положение сие препроводить к г. Губернскому Предводителю Дворянства для зависящего с его стороны распоряжения»¹².

В феврале — марте 1858 г. состоялись уездные собрания дворян Пензенской губернии. Первое собрание было открыто в Городищенском уезде (22 февраля), а последнее в — Нижнеломовском (3 марта)¹³. Остальные собрания дворян состоялись в следующие сроки: в Краснослободском и Пензенском уездах — 26 февраля, в Саранском — 27 февраля, в Мокшанском, Инсарском, Керенском, Наровчатском, Чембарском — 1 марта¹⁴.

Решение дворянских собраний были представлены А. Н. Арапову, а затем губернатору А. А. Панчулидзеву, который направил прошение об открытии Комитета министру внутренних дел, а тот доложил об этом императору.

22 апреля 1858 г. губернатор А. А. Панчулидзеv получил из Петербурга пакет, в котором находился царский рескрипт на его имя об открытии в Пензенской губернии Комитета по улучшению быта помещичьих крестьян. В рескрипте говорилось: «Дворянство Пензенской губернии испрашивает дозволения учредить в этой губернии особый Комитет для составления положения об улучшении быта помещичьих крестьян оной. Принимая с удовольствием это доказательство стремления Пензенского дворянства к улучшению положения своих крестьян, соответственно Моим видам и намерениям, Я (т. е. Александр II. — Д. М.) предоставляю сему Дворянству приступить к составлению проекта положения об улучшении и устройстве быта помещичьих крестьян Пензенской губернии на тех же главных началах, как указаны уже Мною дворянству других губерний...»¹⁵. И далее в рескрипте шло изложение принципов крестьянской реформы, уже известных пензенскому дворянству по царскому рескрипту на имя прибалтийского генерал-губернатора В. И. Назимова.

О получении рескрипта А. А. Панчулидзеv сообщил губернскому предводителю дворянства А. Н. Арапову, и тот, не мешкая, назначил на 10 мая новое собрание выбранных представителей пензенского дворянства. 14 мая, с опозданием на несколько дней, оно было открыто в Пензе¹⁶. На этом собрании депутаты и уездные предводители выслушали царский рескрипт и на его основании приняли решение об открытых уездных собраниях дворян для избрания членов и кандидатов в Пензенский губернский комитет по улучшению быта помещичьих крестьян. Они рассмотрели также вопрос о жалованье членам комитета и канцелярских расходах.

В июле—августе 1858 г. состоялись назначенные собрания пензенских дворян. Как и в феврале, первое собрание дворян было проведено в Городищенском уезде. Оно состоялось 2 июля¹⁷. Остальные собрания прошли в Пензенском уезде — 16 июля, в Мокшанском — 18 июля, в Инсарском — 24 июля, в Саранском — 26 июля, в Нижнеломовском — 31 июля, в Керенском — 3 августа, в Наровчатском — 7 августа, в Краснослободском — 9 августа¹⁸. В баллотировочные списки каждого уезда было вне-

¹² ГАПО, ф. 198, оп. 1, д. 4, л. 9.

¹³ Там же. Л. 31, 35.

¹⁴ Там же. Л. 9, 14, 21, 41, 45, 68, 86, 128.

¹⁵ Там же. Д. 5, л. 10.

¹⁶ Там же. Д. 3, л. 2, 3.

¹⁷ Там же. Л. 9.

¹⁸ Там же. Л. 23, 25, 26, 27, 31, 41, 47, 51, 67, 77, 78.

сено несколько претендентов. В Городищенском уезде в списке значилось 7 кандидатов, в Пензенском, Саранском и Краснослободском — 4, в остальных уездах по 3 претендента¹⁹.

По итогам выборов в комитет по улучшению быта помещичьих крестьян были избраны: от Пензенского уезда — Н. П. Бекетов и И. В. Сабуров; от Саранского — Н. К. Кузьмин и А. И. Карачаров; от Мокшанского — М. П. Обухов и Н. Г. Потулов; от Наровчатского — Н. Г. Горн и И. Т. Шишкин; от Керенского — П. А. Рандов и Э. И. Никифоров; от Краснослободского — Н. Н. Дивлет-Кильдеев и Д. А. Макулов; от Инсарского — М. А. Литвинов и В. А. Юшков; от Нижнеломовского — Н. П. фон Берг и К. К. Селунский; от Чембарского — И. Н. Горсткин (бывший декабрист) и Л. И. Владыкин.

Позднее в комитет вошли еще два человека — П. Н. Дубенский и А. Н. Арапов (родной брат губернского предводителя дворянства). Они были назначены губернатором и считались членами комитета от правительства. Председателем комитета по своей должности губернского предводителя дворянства стал А. Н. Арапов. Его заместителем — М. А. Литвинов²⁰. Таким образом, комитет состоял из 23 человек.

Каким же было имущественное положение членов комитета? Чтобы ответить на этот вопрос, следует обратиться к «Своду сведений о числе душ и земель по каждому помещичьему имению Пензенской губернии»,²¹ который был составлен самими членами комитета. По данным Свода (в процентном отношении), имущественное положение дворян, входивших в комитет было таким: мелкопоместных дворян (до 20 душ крепостных крестьян) — 4,8 %, среднепоместных дворян (от 21 до 100 душ) — 19 % и крупнопоместных (свыше 100 душ) — 76,2 %²². Таким образом, в Пензенском комитете преобладали крупнопоместные дворяне.

Открытие комитета состоялось 2 сентября 1858 г. В этот день члены комитета после литургии и молебна в кафедральном соборе Пензы отправились в дом Дворянского собрания. Здесь перед членами комитета выступил губернатор А. А. Панчулидзе. Он пожелал им «успеха в предстоящем деле» и выразил надежду, что «благо помещиков и благо крестьян будут неразлучны в мыслях и действиях»²³ комитета. Выступивший вслед за Панчулидзевым А. П. Арапов поблагодарил губернатора «за желание и предсказание успеха» и заверил его, «что комитет будет одушевлен искренним желанием исполнить священную волю» императора и стремлением «оправдать доверие» избравших его дворян «с честью и пользою выполнить свою обязанность»²⁴.

С 2 сентября 1858г. (дня открытия комитета) и по 3 марта 1859г. (дня его закрытия) комитет собирался 34 раза²⁵. Заседания проходили 2 раза в неделю. Решения

¹⁹ ГАПО, ф. 198, оп. 1, д. 3, л.11об., 15, 15 об., 25, 28, 31, 41, 48, 57, 67, 76.

²⁰ Там же. Ф. 5, оп. 1, д. 3508, л. 34.

²¹ Там же. Л. 34.27; ф. 198, оп. 1, д. 2. 8 об. 10 об., 11, 18, 193 об., 26 об., 38, 41, 48, 53 об., 63 об., 68 об., 70 об., 73 об., 83 об., 88 об., 229 об., 236 об., 242 об., 264 об., 265 об., 267 об., 376 об.

²² Стратификация дворянства дана по Б. Н. Миронову (см.: *Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.)*. СПб., 2000. Т. 1. С. 86).

²³ ГАПО, ф. 5, оп.1, д. 3508, л. 18,19

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

принимались большинством голосов. Все суждения и решения членов комитета заносились в особый журнал. Два раза в месяц члены комитета направляли губернатору отчеты о своей деятельности.

Работу комитета следует разделить на два этапа. На первом этапе (сентябрь — октябрь 1858 г.) члены комитета собирали сведения о помещичьих имениях Пензенской губернии. Они были необходимы для составления общего Свода о помещичьих имениях Пензенского края. Работа над Сводом не была закончена в установленный срок и продлилась до весны 1859 г. Сведения же о помещичьих имениях края были взяты из документов Пензенской казенной палаты. На втором этапе (ноябрь 1858 г. — март 1859 г.) члены комитета обсуждали обязательный проект освобождения крестьян. Он подготавливался на основе правительственной программы освобождения крестьян. Члены комитета охарактеризовали свою работу над ним так: «Мы исполняли свою работу не по убеждению, а следуя данной нам руководством программе, стараясь сколь возможно применить ее к нашему быту... новый порядок обязательных отношений землевладельцев с хлебопашцами равно неблагоприятен и губителен для обеих сословий. Не улучшение в быт крестьян, не благосостояние он им принесет, но общее разорение, которое отзовется на всех сословиях и во всех делах»²⁶.

Помимо обязательного проекта на втором этапе членами комитета был составлен и необязательный, так называемый выкупной проект. Работа над ним составила особый период деятельности комитета (с ноября 1858 г. по март 1859 г.). Судя по документам, составленный выкупной проект отражал настоящую, а не вынужденную позицию большинства его членов в крестьянском вопросе, потому оценка выкупного проекта членами комитета была иной: «Разрешение не стесняться составлением проекта выкупного положения открыло комитету возможность просто и удовлетворительно развязать вековой узел. Рама программы обязательной, по которой комитет вынужден был составить проект обязательного положения, заслоняла возможность достигнуть столь успешного окончания Великого дела, по которому оба сословия миролюбиво расходятся, благословляя царя»²⁷.

Впервые вопрос о выкупном проекте освобождения крестьян был поднят на заседании комитета 9 декабря 1858 г. Представляется, что его постановка оказалась возможной по двум причинам. Во-первых, Пензенскому комитету стало известно, что Тверской комитет, возглавляемый А. М. Унковским, добился от правительства разрешения на альтернативный проект, а во-вторых, в адрес комитета поступила записка инсарского помещика И. М. Потулова, в которой предлагалось освободить крестьян за выкуп с земель²⁸. Тем самым комитет получил возможность, ссылаясь на мнение дворян губернии, просить у правительства разрешение на альтернативный проект. Примечательно, что за его создание выступило 18 членов комитета. «Они просят моего ходатайства, — писал А. Н. Арапов А. А. Панчулидзеву, — о дозволении комитету составить положение, чтобы освобожденным крестьянам были отведены усадьбы и некоторая часть полевой земли в потомственную собственность за полное по оценке комитета, денежное следующее помещикам вознаграждение, посредством какой-либо кре-

²⁶ ГАПО, ф. 132, оп. 1, д. 237, л. 72.

²⁷ Там же. Ф. 198, оп. 1, д. 7, л. 206 об.

²⁸ Там же. Ф. 5, оп. 1, д. 3508, л. 205, 205 об.

дитной меры, которая совершенно отстранила бы все обязательные и стеснительные столкновения между помещиками и крестьянами»²⁹. 30 декабря 1858 г. разрешение на создание альтернативного проекта освобождения крестьян было получено, и 5 февраля 1859 г. комитет приступил к его обсуждению. В конце февраля (28 числа) оба проекта, обязательный и выкупной, были созданы³⁰. Под обязательным проектом стояли подписи 21 члена комитета, а под выкупным — 17. Таким образом, каждый из проектов был поддержан большинством комитета. Обязательный — по необходимости, выкупной — по убеждению.

Сравним обязательный и выкупной проекты освобождения крестьян³¹. Каждый из них состоял из 10 глав. Обязательный проект включал в себя 254 параграфа, а выкупной — только 84. Оба проекта охватывали широкий круг вопросов, связанных с освобождением крестьян от крепостной зависимости. В соответствии с выкупным проектом (глава II, § 9) крестьяне и дворовые люди получали возможность приобретения усадебной и полевой земли «в полную потомственную собственность покупкой их у помещиков, с пособием от правительства». Обязательный же проект оставлял полевую землю в собственности помещиков, наделяя крестьян и дворовых людей лишь возможностью ею пользоваться. «Помещики сохраняют неприкосновенное право полной собственности на всю землю», — говорилось в главе III § 11 обязательного проекта. А «крестьянам для обеспечения их быта и доставления средств исполнять возложенные на них разного рода повинности, отводиться на все время переходного состояния (12 лет. — Д. М.) помещичья земля в пользование...», — констатировалось в § 53 главы V. В соответствии с обязательным проектом, крестьяне получали право выкупа усадебной земли.

Выкупной проект (глава VI, § 27) предлагал крестьянам и дворовым людям комплексное (нераздельное) приобретение усадебной и пахотной земли: «... крестьяне и дворовые приобретают усадебные земли в собственность посредством покупки их у помещиков нераздельно с полевыми угодьями». Надел продаваемых крестьянам земель (глава V, § 31) определялся в размере 2,25 десятины «удобной земли» на ревизскую душу. За это количество земли (глава V, § 33) крестьяне должны были заплатить помещику 150 руб.

Обязательный же проект (глава IV, § 26) назначал за одну квадратную сажень усадебной земли цену в 10 копеек серебром. Учитывая, что крестьянские усадьбы в Пензенском крае занимали приблизительно десятину земли каждая, то, выкупая усадебную оседлость, крестьянин был обязан отдать своему помещику около 240 руб.

Стоимость одной десятины заселенной земли в Пензенской губернии была в среднем 55 руб. Таким образом, при выкупном проекте крестьяне переплачивали помещикам около 27 руб. за каждый земельный надел. При обязательном же проекте — 185 руб. Однако обязательный проект не привязывал стоимость крестьянской усадьбы к стоимости земли (глава II, § 26) и устанавливал первую «на основании капитализации доходов с конопляников», которые включались в крестьянскую усадьбу.

²⁹ ГАПО, ф. 5, оп. 1, д. 3508, л. 205, 205об..

³⁰ Там же. Д. 35 об., л. 325.

³¹ Проекты освобождения крестьян подготовлены Пензенским комитетом (ГАПО, ф. 198, оп. 1, л. 7).

Выкупной проект предоставлял крестьянам чуть больше одной десятины пахотной земли на ревизскую душу, оставляя около двух десятин земли, которой пользовались крестьяне до отмены крепостного права, в руках помещика. Обязательный проект предлагал крестьянам по две десятины пахотной земли на ревизскую душу, оставляя у помещика около одной десятины.

По выкупному проекту крестьяне оставались «крепкими земле» на все время, предшествующее окончанию выкупной сделки (глава II, § 10). По обязательному проекту крестьяне оставались «крепкими земле» в течение 12 лет (глава II, § 7).

И по выкупному, и по обязательному проекту крестьяне после освобождения от крепостного права приобретали права податных сословий и образовывали сельские общества. Контроль над сельскими обществами по обоим проектам находился в руках помещика³².

Примечательно, что как по обязательному, так и по выкупному проекту крестьянская реформа совершалась под контролем особого губернского комитета, выбранного из числа местных дворян (глава X обязательного и выкупного проектов).

Итак, выкупной проект освобождения крестьян был для членов комитета, а в их лице и пензенского дворянства в целом, более предпочтительным, чем обязательный, так как в ходе его реализации появлялся крестьянин-собственник, который в глазах пензенского дворянства был «единственным и верным стражем государства от всяких смут и волнений»³³. В условиях постоянного роста крестьянских бунтов это было чрезвычайно важно для пензенских дворян. Грозные времена пугачевщины еще сохранились в памяти, а возврата к ним пензенское дворянство не желало. Уступка же крестьянам усадеб без пахотной земли (т. е. реализация обязательного проекта) была бессильна, по мнению членов комитета, «предупредить бродяжничество крестьян»³⁴, т. е. их пролетаризацию. А пролетарий, как пронизательно заметил мокшанский дворянин Н. П. Волчков, — «это природный враг всякого существующего порядка в государстве»³⁵, главным хранителем которого в XIX в. как раз и было дворянство.

³² **Обязательный проект.** Глава I. § 1. По утверждении сего положения прекращаются: личное крепостное право на деле и во всех актах; наименование помещичьих крестьян крепостными и продажа их без земли и с землею. § 2. Крестьянам предоставляется права податных сословий: А) Вступать в брак по своему усмотрению. Б) Приобретать в собственность движимое и недвижимое имущество. В) Истужать с казною и частными лицами в подряды и договора. Выдавать и принимать долговые обязательства и совершать условия. Г) Объявлять свои капиталы и торговать в городах и селах. Д) Избирать из своей среды выборных и сельских начальников для суда и расправы.

Выкупной проект. Глава I. § 1. Крепостные права помещиков на крестьян и дворовых отныне всегда прекращаются. § 2. Помещичьи крестьяне и дворовые люди получают наименование «свободных крестьян», водворенных на собственных землях. § 3. Крестьяне и дворовые, водворенные на собственных землях, приобретают все права, присвоенные прочим податным сословиям в государстве.

³³ ГАПО, ф. 198, оп. 1, д. 1, л. 3 об.

³⁴ Там же. Ф. 132, оп. 1, д. 237, л. 73 об.

³⁵ Там же. Ф. 198, оп. 1, д. 1, 3 об.

В.В. Назаров

К ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В САРАТОВСКОМ ПОВОЛЖЬЕ В 20-е ГОДЫ XVIII ВЕКА – НАЧАЛЕ 60-х ГОДОВ XIX ВЕКА

В дореформенный период Саратовский край находился в достаточно тяжелом положении в отношении оказания медицинской помощи населению. До 20-х гг. XVIII в. квалифицированная медицинская помощь в Саратовском Поволжье не осуществлялась, а функции врачей выполняли костоправы, цирюльники, повивальные бабки. По свидетельству голландского путешественника Де-Бруина, посетившего в 1703 г. Саратов, он не обнаружил здесь ни одного врача¹. Подобное положение было типичным для провинциальной России.

В крупных городах Нижнего Поволжья первые врачи появились только в 20-е гг. XVIII в. О развитии здравоохранения в Астраханской губернии, в состав которой в 1717–1870 гг. входило Саратовское Поволжье, свидетельствуют следующие данные: в 1725 г. в Астрахани учреждаются аптека и госпиталь; к 1728 г. относится первое упоминание о лекаре в г. Царицыне; в 1757 г. в Астрахани вступил в должность губернский доктор; к 1763 г. относится упоминание о врачах и аптекарях при поволжских немецких колониях; в 1764 г. в Саратове организуется лазарет и аптека для обслуживания воинских чинов².

Принципиальное значение для развития здравоохранения имело издание императрицей Екатериной II в 1775 г. «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи»³. Документ впервые в законодательном порядке устанавливал государственную систему общественного призрения всех гражданских сословий. В соответствии с ним в каждой губернии под председательством губернаторов предусматривалось создание приказа общественного призрения, на который возлагались обязанности по организации и содержанию сиротских домов, больниц, аптек, богаделен, домов для неизлечимых больных, домов для сумасшедших⁴. Для организации и содержания указанных учреждений каждому приказу общественного призрения из государственной казны было выделено в качестве первоначального капитала по 15 тыс. руб. Сумма могла быть увеличена за счет пожертвований частных лиц и выдачи денежных средств под проценты.

¹ Хованский Н. Ф. К истории организации врачебного дела в Саратовской губернии // Труды СУАК. Саратов, 1894. Т. 4, вып. 2. С. 3.

² Там же. С. 3, 5.

³ ПСЗ-II. СПб., 1830. Т. 20, № 14392. С. 229–304.

⁴ Там же.

Кроме того, городам, обществам, селениям и частным лицам предоставлялось право создавать собственные благотворительные и медицинские учреждения, а в изданном в 1785 г. «Городовом положении» содержалось требование, чтобы города из своих доходов отчисляли часть средств приказам общественного призрения⁵.

По «Учреждениям для управления губерний Всероссийской империи» 1775 г. в каждый уезд назначался доктор, лекарь, два подлекаря и два лекарских ученика. Уездные врачи были обязаны также проводить противоэпидемические мероприятия⁶.

Однако на практике имело место формальное отношение к санитарной деятельности. Работу медицинского персонала осложняло отсутствие удобных дорог, нежелание сельского населения идти на контакт с врачами⁷. В условиях чиновничье-бюрократической системы Российской империи врачи не имели ни материальных средств, ни юридических прав для проведения санитарно-эпидемических мероприятий. Городовые и уездные врачи во многом зависели от произвола военных, административных и полицейских властей. Зачастую их деятельность ограничивалась лишь подачей санитарно-просветительских советов.

7 ноября 1780 г. был издан указ об учреждении Саратовского наместничества в составе девяти уездов⁸ и введены должности уездных врачей⁹. Однако из-за недостатка специалистов в первые годы после образования Саратовского наместничества невозможно было обеспечить врачебной помощью все города и уезды Саратовской губернии. По сведениям за 1781–1790 гг., врачи имелись только в Саратове, Вольске, Кузнецке, Хвалынске и Аткарске¹⁰.

В 1797 г. в Саратовской губернии была учреждена врачебная управа, осуществлявшая руководство над деятельностью всех уездных, городских, вольнопрактикующих и военных врачей. Управа контролировала работу медицинских учреждений, расположенных на территории губернии. В случае появления эпидемии она использовала весь имеющийся в губернии медперсонал. Кроме того, в обязанности врачебной управы входило регулярное медико-топографическое описание губернии, составленное на основе наблюдений врачей¹¹.

С начала XIX в. в Саратовской губернии начинается интенсивное развитие промышленности. Наиболее развитой была промышленность, основанная на местном сельскохозяйственном сырье: винокуренная, кожевенная, салотопная, табачная, суконная¹². Развитие промышленности, торговли, соляного извоза и судоходства способствовало

⁵ ПСЗ-I. СПб., 1830. Т. 22, № 16187. С. 383.

⁶ ПСЗ-II. СПб., 1830. Т. 20, № 14392. С. 232.

⁷ Об общественном призрении в России. СПб., 1818. С. 83.

⁸ Аткарский, Балашовский, Вольский, Камышинский, Кузнецкий, Петровский, Саратовский, Сердобский и Хвалынский уезды, позднее был образован еще один уезд с центром в г. Царицыне см.: Очерки истории Саратовского Поволжья. Саратовское Поволжье с древнейших времен до отмены крепостного права / Под ред. И. В. Пороха. Саратов, 1993. Т. I. С. 121.

⁹ См.: Очерки истории Саратовского Поволжья. Т. I. С. 121; Хованский Н. Ф. К истории организации врачебного дела... С. 6–7.

¹⁰ Хованский Н. Ф. К истории организации врачебного дела... С. 6–7.

¹¹ Петров Б. Д. Медико-топографические описания в России (до 1861 г.) // Советское здравоохранение. 1960. № 1. С. 48.

¹² Очерки истории Саратовского Поволжья. Т. I. С. 142.

увеличению численности населения Саратовской губернии, которое в 1830 г. составило 1113627 человек¹³. При этом наметилось существенное отставание в организации медицинской помощи населению. По данным известного дореволюционного саратовского историка А. Леопольдова, в 1830 г. в Саратовской губернии насчитывалось 13 больниц и 18 врачей¹⁴. Иными словами, на каждую больницу в Саратовской губернии приходилось 85664 человек населения, а на каждого врача — 61868 чел.

Крупнейшим лечебным заведением в Саратове являлась Александровская больница на 45 коек (30 муж. и 15 жен.), построенная в 1806 г. на благотворительные пожертвования местного дворянства и купечества и переданная в ведение приказа общественного призрения¹⁵. Помимо Александровской больницы в Саратове существовали дом умалишенных и больница для рабочих речных судов¹⁶. В уездных городах и посаде Дубовка действовало по одной больнице приказа общественного призрения. Большинство из них было рассчитано на 10 коек, за исключением больниц в Царицыне и Дубовке, располагавших соответственно 20 и 13 койками¹⁷.

Состояние этих учреждений не отвечало даже самым элементарным требованиям медицинской науки. Каждый врач вынужден был обслуживать в среднем в день по 60–80 больных, в терапевтических отделениях, за отсутствием отдельных палат, лежали сифилитики, хирургические и душевнобольные. Прямым следствием антисанитарных условий являлись госпитальная гангрена и рожистые воспаления¹⁸.

Больницы приказа общественного призрения размещались в плохо приспособленных помещениях. Их техническое оснащение находилось на очень низком уровне. При этом деятельность медицинского персонала была жестко регламентирована. Так, чтобы выписать необходимый инвентарь и медицинские инструменты, врачам приходилось месяцами вести переписку с вышестоящими инстанциями. Большинство уездных больниц заведовали городские или уездные врачи. Среди уездных врачей нередки были случаи совмещения должностей, когда одно и то же лицо заведовало медицинской частью двух уездов. Например, по данным за 1814 г., один врач обслуживал Вольский и Хвалынский уезды¹⁹. Вследствие частых разъездов врачей в больницах постоянно находился лишь младший медицинский персонал²⁰.

Фельдшерский персонал отличался очень низким уровнем профессиональной подготовки. Нередко больницы прибегали к услугам ротных фельдшеров — бывших солдат, прошедших краткие фельдшерские курсы при военных госпиталях²¹.

В неудовлетворительном состоянии находилась амбулаторная помощь населению. Единственный в уезде врач заведовал городской больницей и выполнял медико-полицейские функции. В его обязанности входило оказание медицинской помощи на

¹³ Леопольдов А. А. Статистическое описание Саратовской губернии. СПб., 1839. Ч. 1. С. 37.

¹⁴ Там же. С. 157–158, 160.

¹⁵ Хованский Н. Ф. К истории организации врачебного дела... С. 8–9.

¹⁶ Леопольдов А. А. Указ. соч. С. 157–158.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Жбанков Д. Н. Итоги земской медицины // Врач. 1894. № 19. С. 546–547.

¹⁹ Хованский Н. Ф. Указ. соч. С. 14.

²⁰ Жбанков Д. Н. Указ. соч. С. 546–547.

²¹ Еришов А. К вопросу о реорганизации губернских больниц // Саратовская земская неделя. 1904. № 2. С. 67.

дому во время служебных поездок по уезду, носившее, таким образом, совершенно случайный характер²².

Лишенное полноценного медицинского обслуживания население прибегало к помощи всевозможных знахарей, колдунов, шептунов и т. п. Известный во второй половине XIX в. писатель и историк, а ранее чиновник Саратовского губернского правления Д. Л. Мордовцев свидетельствовал: «...народ лечился толченым стеклом, принимаемым внутрь с крепкою водкой; ел ртуть; крестьянские бабы рожали, подвешенными к балкам в банях; представление о лекаре не отделялось от представления о человеке, исключительно поставленном затем, чтоб вместе с становым (приставом. — В. Н.) поднимать и потрошить мертвые тела; больница считалась преддверием кладбища»²³.

Естественным результатом тяжелых социально-экономических условий жизни населения, частых неурожаев и голода, низкого уровня медицинской помощи была высокая заболеваемость и смертность. Санитарное неблагополучие страны являлось причиной эпидемий, особенно чумы и холеры.)

1807–1808 гг. отмечены появлением в Саратовском крае чумы, занесенной из соседней Астраханской губернии. Властями были срочно приняты строгие меры, благодаря которым удалось значительно снизить масштабы распространения эпидемии. Случаи заболевания отмечались в городах Саратове, Царицыне, Камышине и нескольких селах Саратовской губернии. В результате эпидемии умерло всего 153 человека²⁴.

Одна из крупнейших эпидемий холеры в Саратовской губернии разразилась в 1830–1831 гг. Губернская администрация и медицинский персонал оказались неподготовленными к борьбе с эпидемией такого масштаба. Врачи были незнакомы с характером данного заболевания, поэтому борьба с холерой осуществлялась теми же способами, что и с чумой: оцеплением зараженных местностей, введением карантинных мер, обработкой помещений хлористой известью. Для предохранения от болезни и при появлении первых случаев заражения рекомендовалось для очистки воздуха сжигать кучи навоза, поскольку считалось, что болезнь передается по воздуху, а дым обезвреживает болезнетворные начала. Холера считалась простудным инфекционным заболеванием и поэтому ее рекомендовалось лечить сильными потогонными средствами и теплыми ваннами²⁵. Естественно, что перечисленные меры были не в состоянии предотвратить развитие эпидемии.

Непосредственный свидетель эпидемии лютеранский священник И. С. Губер писал в своем дневнике: «Сначала всякого заболевшего из простонародья, не давая опомниться, тащили в госпиталь. Госпитальный доктор находился в командировке; заменивший его врач был незнаком с расположением больницы, мало что смыслил; не было ни помощников, ни фельдшеров, ни даже приготовленных медикаментов, наконец, не хватало и помещений для ежеминутно прибывавшего числа заболевших. Врачи, вероятно, знали самый род болезни, но в том виде, в каком она появилась у нас и как ее

²² Жбанков Д. Н. Итоги земской медицины... С. 546–547.

²³ Мордовцев Д. Л. Десятилетие русского земства (1864–1875). СПб., 1877. С. 10.

²⁴ Леопольдов А. А. Исторический очерк Саратова и пугачевщины. Саратов, 1874. С. 47–48.

²⁵ Щепетова Г. А. К истории холерной эпидемии в г. Саратове в 1830 году // Здоровье населения Саратовской области. Саратов, 1976. С. 129–130.

лечить, это было для них темно, потому что средства, помогавшие в других случаях больным, тут не имели никакого действия»²⁶.

По официальным данным, эпидемия унесла жизни 10289 человек²⁷, что составило 51,7 % от общего числа заболевших.

Значительные масштабы приобрела также холерная эпидемия 1847–1848 гг., когда в Саратовской губернии умерло 45886 человек (49,3 % заболевших)²⁸.

Вопросы здравоохранения в первой половине XIX в. нашли отражение в деятельности некоторых общественных организаций. Широкое развитие общественная медицина²⁹ получила на рубеже 50–60-х гг. XIX в. Только в период с 1858 по 1863 гг. в России возникло девятнадцать медицинских обществ³⁰, многие из них организовали поликлиники, в которых немущие пациенты бесплатно получали медицинскую помощь и лекарства. В этой связи следует отметить деятельность общества русских врачей в Москве, общества ярославских врачей, общества врачей Восточной Сибири в Иркутске, Харьковского медицинского общества и др.³¹

В конце 50-х гг. XIX в. в Саратове образовался кружок врачей и аптекарей, члены которого собирались ежемесячно, обсуждая медицинские вопросы и наблюдения из медицинской практики. Учредители и первые члены этого кружка устраивали беседы поочередно в своих квартирах. 27 сентября 1860 г. министром внутренних дел был утвержден устав нового общества под названием «Беседа саратовских врачей» (7 мая 1896 г. было переименовано в «Физико-медицинское общество»), а 1 декабря 1860 г. состоялось первое заседание общества³².

С начала своего возникновения «Беседа саратовских врачей» поставила своей задачей организацию медицинского обслуживания населения. В 1863 г. по инициативе «Беседы» в Саратове была открыта амбулатория. До этого амбулаторных приемов не было, а тяжелые больные получали помощь в Александровской больнице приказа общественного призрения. В том же году состоялось открытие родильного дома со шко-

²⁶ [Губер И. С.] Дневник пастора Губера // Русская старина. 1878. № 8. С. 582.

²⁷ Хованский Н. Ф. О прошлом города Саратова. Саратов, 1891. С. 30–31; Он же. К истории организации врачебного дела... С. 17; Щепетова Г. А. Указ. соч. С. 132.

²⁸ Хованский Н. Ф. К истории организации врачебного дела... С. 18.

²⁹ Наиболее точно понятие «общественная медицина» раскрыл, на наш взгляд, известный историк медицины М. М. Левит: «Общественная медицина — это деятельность медицинских работников и представителей заинтересованных слоев общества, направленная на улучшение медико-санитарного обслуживания населения, на борьбу с массовыми заболеваниями, осуществляемая по их инициативе в дополнение или вместо соответствующей работы государственных учреждений или самоуправлений. Эта деятельность находит отражение в содержании и направлении медицинской периодической печати, в работе как медицинских, так и других обществ, медицинских съездов, специальных комиссий» (Левит М. М. Общественная медицина в России в период революционной ситуации 1859–1861 годов: Очерки истории отечественной медицины середины XIX века. М., 1963. Вып. 2. С. 7).

³⁰ Левит М. М. Указ. соч. С. 38–39.

³¹ Там же. С. 45–48.

³² Гольдштейн А. Н., Иванов Н. Р., Солун Н. С. О возникновении научно-медицинских обществ в г. Саратове // Здоровье населения Саратовской области. Саратов, 1976. Ч. 2. С. 120.

лой для подготовки сельских повивальных бабок. Амбулатория, родильный дом и школа существовали благодаря безвозмездному труду врачей и преподавателей³³.

Необходимо обратить внимание на тот факт, что инициатива в данном случае исходила непосредственно от врачебной общественности, а не от представителей государственных властей. Принцип бесплатности оказания медицинских услуг получил свое дальнейшее развитие в земской медицине.

Таким образом, анализ дореформенного состояния здравоохранения в Саратовской губернии позволяет сделать вывод, что медицинские учреждения не соответствовали научным требованиям, фактически отсутствовала система санитарных мероприятий, ощущалась острая нехватка квалифицированного медицинского персонала. Врачебная управа оказалась неспособной реагировать на изменяющиеся социальные запросы региона, поддерживать необходимый уровень организации здравоохранения.

Своеобразной реакцией на неспособность государственной администрации создать полноценную систему учреждений здравоохранения явилось развитие общественной медицины, нашедшее отражение в деятельности медицинского общества «Беседа саратовских врачей».

³³ Шамарин П. И. Из истории научных медицинских обществ в г. Саратове // Здоровье населения Саратовской области. Саратов, 1976. Ч. 2. С. 113.

Е.П. Баринава

**СТРАТИФИКАЦИЯ
ДВОРЯНСТВА
В НАЧАЛЕ XX ВЕКА**

К началу XX в. дворянство России представляло собой сложное неоднородное социальное образование. В нем выделялись различные слои и подгруппы. Существует множество стратификационных критериев, по которым можно разделить любое общество. С каждым из них связаны особые способы детерминации и воспроизводства социального неравенства. Характер социального расслоения и способ его утверждения в своем единстве образуют стратификационную систему. Любое конкретное общество состоит из комбинаций стратификационных систем и их переходных форм.

Дворянство возникло в XII–XIII вв. как военно-служилое сословие. Во второй половине XVIII в. окончательно сложились дворянские привилегии, и был кодифицирован его статус как «первенствующего сословия». За дворянством было закреплено право владения землей, крепостными крестьянами, оно заняло особое положение в механизме государственной власти. Но, несмотря на завершившийся процесс консолидации, дворянское сословие так и не стало единым.

Статья 15 «Свода законов Российской империи» определяет дворянство как «...следствие, истекающее из качества и добродетели, начальствовавших в древности мужей, отличивших себя заслугами, чем, обращая самую службу в заслугу, приобрели потомству своему нарицание благородное. Благородными разумеются все те, кои или от предков благородных рождены, или монархами сим достоинством пожалованы»¹. «Первенствующее» сословие России состояло из двух основных групп — потомственного и личного. Численность личного дворянства определить точно невозможно, так как статистические сборники приводят общую численность личных дворян и классовых чиновников. К тому же категория личных дворян может быть отнесена к дворянскому сословию только условно, поскольку они не имели права участвовать в корпоративных организациях. Юридически лишь потомственное дворянство располагало рядом льгот и привилегий личного и корпоративного порядка. Российским законодательством оно подразделялось на различные слои, то есть стратификационным критерием служит источник получения сословия. С этой точки зрения выделяются следующие группы²:

- 1) дворянство жалованное или действительное;
- 2) военное;
- 3) полученное путем выслуги определенного чина на гражданской службе или в результате награждения российским орденом;
- 4) иностранные дворянские роды;
- 5) титулованное;
- 6) древние благородные роды.

¹ ПСЗ-III. Т.9. Законы о состояниях. СПб., 1899. Ст. 15.

² Там же. Ст. 17.

К началу XX в. деление на разряды практически утратило свое значение, принадлежность к любому из них не давало особых привилегий. Оно учитывалось лишь при записи в дворянские губернские родословные книги, в которые должны были заноситься все дворянские фамилии³. Благодаря этому можно определить происхождение дворянских родов и получить представление о соотношении численности разрядов дворянства. Однако зачастую родословные книги не отражали изменений, которые происходили в составе сословия: они не регистрировали рождения и смерти, часть дворян не была внесена в эти книги по разным причинам.

Некоторые дворяне числились в родословных книгах нескольких губерний, где имели недвижимую собственность. Анализ родословных книг и дворянских списков показывает, что большую часть сословия в губерниях Европейской России составляли получившие дворянское достоинство по военной или гражданской службе⁴. Однако на основании этих данных невозможно составить представление о реальном положении дворянина в обществе.

Численность дворянства в определенной степени регулировалась государством. Самодержавию были необходимы квалифицированные кадры гражданских и военных чиновников, что привело к значительному росту численности дворянства. «К рюриковичам по происхождению, к богачам по состоянию, к потомкам столпов государства, думцев, великих князей и царей московских все присоединялись и присоединялись плебеи по крови, бедняки по состоянию, потомки советников губернских правлений, пехотных прапорщиков или кавалерийских корнетов и составляли с ними одну общественную группу с теми же правами и преимуществами»⁵.

По первой всеобщей переписи населения 1897 г. к потомственным дворянам центральных районов Российской империи и Поволжья причисляло себя 248833 человек. Численность сословия выросла с 1858 г. в 1,2–2,2 раза в зависимости от губернии⁶. Наиболее быстро росла численность дворянства в столичных губерниях. Они обладали особой притягательностью для разных слоев дворянства, так как в них имелась возможность для повышения социального статуса. Необходимо отметить, что данные цифры отражают только приблизительную тенденцию к возрастанию численности сословия. Первая всеобщая перепись 1897 г. проводилась методом личного опроса, что вело к завышению численности сословия. Это объяснялось тем, что каждый, считавший себя представителем высшего сословия, мог утвердительно ответить на этот вопрос. Так, в Воронежской губернии, согласно переписи 1897 г., было 7685 потомственных дворян, а, по данным Памятной книжки, за 1898 г. насчитывалось только 5689. Такая же картина была и в других губерниях⁷.

³ Алфавитный список родоначальникам потомственным дворян, внесенных в родословную книгу Казанской губернии с 1787 по 1895 г. Казань, 1896.

⁴ Корелин А. П. Дворянство в пореформенной России, 1861–1904 гг.: Состав, численность, корпоративная организация. М., 1979. С. 50.

⁵ Рубакин Н. А. Российское дворянство в цифрах // Трудовой путь. 1907. № 11–12. С. 50.

⁶ Общий свод по империи результатов разработки данных переписи населения, произведенной 29 января 1897 г. СПб., 1905. Т. 1. С. 164.

⁷ См.: Памятная книжка Воронежской губернии 1900 год. Воронеж, 1899. С. 70; РГИА, ф. 1263, оп. 2, д. 5554, л. 403; Памятная книжка и адрес-календарь Орловской губернии за 1905 г. Орел, 1905. С. 310–311.

По данным переписи 1897 г., потомственное дворянство составляло малую часть населения России. На его долю приходилось 0,2–0,6 % всей численности населения. Численность потомственного дворянства Центрально-Черноземного района была вдвое больше, чем дворянства Поволжья и Центрального Нечерноземья. Это объясняется близостью региона к столицам, сосредоточием в нем крупных «дворянских гнезд» и высоким удельным весом мелкопоместного дворянства в Курской и Тульской губернии. Глубокие исторические корни и консервативные традиции дворянства региона определили его место в общероссийском масштабе и оказывали влияние на весь духовный облик дворянства, его сословную сплоченность. В Поволжье и Центрально-Нечерноземном районе низкий процент дворян объяснялся и тем, что в этих регионах наряду с помещичьим землевладением существовало весьма значительное землевладение казны и удела.

Точных данных о численности дворянства в начале XX века нет. По мнению Н. А. Рубакина, в 1905 г. в Московской губернии численность дворянства не изменилась по сравнению с концом XIX в. (около 40 тыс.), а во всех остальных губерниях Центрально-Промышленного района уменьшилась почти в полтора раза и составила около 17000 человек⁸. В центрально-черноземных губерниях к 1914 г. количество дворян резко снизилось (в 6 раз по сравнению с 1897 г.), что было связано с массовым аграрным движением, развернувшимся в период первой российской революции, и, как следствие этого, перемещением потомственного дворянства в столицы и другие города страны. Большие численные потери дворянство понесло в период Русско-японской и Первой мировой войн. В 1913 г. Постоянный Совет Объединенных дворянских обществ собирал сведения о численности потомственного дворянства и количестве земли ему принадлежащей. Далеко не все губернские предводители сообщили эти данные, кроме того они были не всегда точны⁹.

Но важна не столько численность дворянства, сколько степень его участия в политической, культурной и экономической жизни страны. Основой дифференциации может выступать род занятий и квалификация. Дворянство возникло как сословие, обязанное нести военную и государственную службу. Таким образом, за ним закреплялось две социальные роли — роль слуги государства и роль помещика.

Русское дворянство было сословием землевладельческим. Лишь небольшая часть дворян из верхнего слоя, преимущественно аристократического или связанного с династией Романовых родственными узами, могла непосредственно влиять на внутреннюю и внешнюю политику. Традиционно позиции дворянства были особенно сильны в армии и флоте, в государственных органах управления. В пореформенный период дворяне вынуждены были искать нетрадиционные для них формы и виды службы — поступать на работу в банки, становиться управляющими заводов и т. д. Реформа 1861 г. подвергла сословие суровому испытанию. Далеко не все выдержали его, многие поспешили расстаться с землей. Несмотря на широкую протекционистскую политику правительства (положение о временнообязанных крестьянах, предоставление долгосрочных кредитов на льготных условиях), они не сумели перестроить свое хозяйство на капиталистический лад. Стали раздаваться голоса о близящейся гибели сословия посредством

⁸ Рубакин Н. А. Российское дворянство в цифрах. С. 48.

⁹ ГАРФ, ф. 434, оп.1, д. 31, л. 1-7.

мобилизации земли. В губерниях Европейской России существовали все виды землевладения — поместное, казны и удела, церковные земли, наделное и частное купцов, мещан и крестьян. В начале XX в. на долю частных владельцев приходилась треть общего количества земли, причем большая ее часть была собственностью дворянства.

Для пореформенного периода было характерно нарастание процесса убыли дворянского землевладения, постепенного формирования буржуазной собственности на землю. Буржуазные отношения властно вторгались в «святыя святых» феодального общества. Особое совещание по делам дворянского сословия было вынуждено констатировать: «Частная земельная собственность утратила характер постоянства. Ныне имения продаются, покупаются, дробятся с небывалой прежде легкостью, земля стала предметом гражданского оборота на одинаковых со всеми прочими товарами основаниях»¹⁰. С 1877 по 1914 гг. дворянство потеряло почти две трети своего земельного фонда. Особенно активно дворянские земли распродавались в 1906—1909 гг., убыль помещичьего землевладения в это время составила в Воронежской губернии — 253,1 тыс. дес.; в Орловской — 212,9 тыс. дес., в Тамбовской — 263,6 тыс. дес.¹¹ Активная распродажа земли помещиками Центрально-Черноземного района и Поволжья была связана с характером и силой массового аграрного движения. Еще дореволюционные историки отмечали прямую зависимость количества проданных земель от характера аграрного движения и накала классовой борьбы¹². Поместное дворянство Поволжья к 1914 г. сохранило в своих руках 2661,9 тыс. дес. земли. Удельный вес дворянского землевладения в общей массе частновладельческой земли составлял свыше 40 % (за исключением Самарской губернии)¹³.

Усиление распродажи земли было вызвано также резким повышением к началу XX в. цен на землю и интенсивным внутрисословным перераспределением дворянского земельного фонда. Во всех регионах Европейской России существовали широкие дворянско-межсословные и узкие корпоративные дворянские поземельные торговые отношения. Более высокие цены при продаже земли дворянами другим сословиям и более низкие при корпоративных покупках земли тормозили эволюцию сословных земельных отношений в единый бессословный земельный рынок¹⁴. Кроме того, большая часть дворянства еще не приспособилась к новым условиям хозяйства и «запустение их поместий, разорение их гнезд, долги и бедность дворянства явились лишь логическими последствиями их неприспособленности»¹⁵. На мобилизацию помещичьей земли оказывало влияние и неудовлетворительная хозяйственная конъюнктура, приводившая к огромной задолженности помещиков различным поземельным банкам. Дворянство было

¹⁰ РГИА, ф.1283, оп. 1, д. 6, ч.1, л. 214.

¹¹ Подсчитано по: Материалы по статистике землевладения в России. СПб., 1911. Вып. 25. С. 63—65.

¹² См.: Дроздов И. Г. Судьбы дворянского землевладения в России и тенденции к его ликвидации. Пг., 1917. С.14, 28—29.

¹³ Кабытов П. С. Аграрные отношения в Поволжье в период империализма (1900—1917). Саратов, 1982. С. 58.

¹⁴ Литцев В. Н. Движение дворянского землевладения в Нечерноземье в эпоху капитализма (опыт количественного анализа) // История СССР. 1973. № 2. С. 97.

¹⁵ Цит. по: Хохонин О. М. Помещичье хозяйство Воронежской губернии в конце XIX — начале XX века // Изв. Воронеж. гос. пед. ин-та. 1976. Т. 157. С. 36.

не в силах выпутаться из критического положения. Сокращалась доля дворянских земель в общем земельном фонде страны и в частном землевладении, что определило наибольшую активность дворянских обществ, требовавших принятия мер к упрочению позиций дворянского землевладения.

Стратификационным критерием могут выступать размеры доходов и собственности. С этой точки зрения поместное дворянство подразделялось на три страты — низшую, среднюю и высшую. С отменой крепостного права главным показателем богатства поместного дворянства стала земля. В специальной статистической литературе начала XX в. приняты новые основания для разделения дворян-землевладельцев на три страты — мелкопоместные, среднепоместные и крупнопоместные. К низшей страте относились собственники 1–100 дес., к средней — 100–500 дес., к высшей — собственники более чем 500 дес.¹⁶ Число мелких помещиков постоянно возрастало, а средних и крупных — уменьшалось. Дворяне-землевладельцы перемещались в другие социальные и профессиональные группы. Особенно болезненно этот процесс происходил в низшей страте.

Мелкопоместное дворянское землевладение преобладало в Курской, Рязанской, Тульской губерниях. Здесь 2/3 дворянских владений имели размер до 100 десятин земли (5537 имений)¹⁷. Их положение было «весьма тяжелое», фактически они превращались в простых хлебопашцев или пауперизировались. Особое соображение по делам дворянского сословия отмечало: «Фактически существуя при тех же условиях, что и крестьяне, экономически многие из них (дворянских семей. — Е. Б.) беднее крестьян, но тем не менее и земства, и администрация отказывают им в помощи, обращая их к дворянским сословным органам. Дворянские же общества помочь им не могут»¹⁸.

Среднепоместное дворянство размещалось более равномерно и составляло половину всей численности владений во Владимирской, Воронежской, Орловской, Тульской, Нижегородской и Тамбовской губерниях и 25 % — в Курской и Ярославской губерниях. Необходимо отметить, что среднепоместное дворянство было наиболее политически и социально активно, принимало деятельное участие в работе дворянских собраний, земских учреждений. Крупные же помещики, как правило, не участвовали в жизни губернии.

Большая часть дворянских земель находилась в руках помещиков-латифундистов, владевших землей в нескольких губерниях России. В Воронежской губернии на их долю приходилось 75% дворянской земли, в поволжских губерниях — свыше 70 %, в других центрально-черноземных губерниях удельный вес латифундий достигал 60 %¹⁹. Крупнейшими помещиками были гр. Орловы-Давыдовы (67 тыс. дес. в центрально-черноземных губерниях и свыше 160 тыс. дес. в поволжских), гр. С. Д. и А. Д. Шереметьевы (75 тыс. дес.), кн. Юсупова (38 тыс. дес.), кн. Барятинские, кн. В. Н. Орлов, кн. Васильчиков, гр. А. А. Мордвинов, гр. Клейнмихель, дворяне На-

¹⁶ Стратификацию дворянства по этому критерию в указанный период см.: *Миронов С.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.). СПб., 1999. Т. 1. С. 95–96.

¹⁷ См.: Статистика землевладения 1905 г. Свод данных по 50 губерниям Европейской России. СПб., 1907. Вып. 4, 20, 35.

¹⁸ РГИА, ф. 1283, оп.1, д. 13, л. 15–16.

¹⁹ *Проскурякова Н. А.* Размещение и структура дворянского землевладения в Европейской России в конце XIX — начале XX века // *История СССР.* 1973. № 1. С. 66, 72.

рышкины, Воронцовы-Шуваловы, Волконские, Строгановы, Раевские и другие²⁰. Эти помещики владели имениями в поволжских и центрально-промышленных губерниях, что способствовало сближению их интересов. Огромные владения в центрально-черноземных губерниях принадлежали великому князю Михаилу Александровичу Романову. В его собственности находилось имение «Брасово» Севского уезда Орловской губернии размером 100 тыс. дес. и имение в Курской губернии. Крупное и среднее поместное дворянство было наиболее устойчиво экономически.

Гражданская и военная государственная служба, получение ордена, высшего образования по закону давали право на личное или потомственное дворянство. Внутрисословная и межсословная мобильность в среде дворянства была достаточно интенсивной. Поэтому сословие было открыто для представителей других сословий. Государственная служба была основным каналом восходящей социальной мобильности для чиновников, имевших статус личного дворянства. Она предоставляла широкие возможности для приобретения потомственного дворянства после 20–30 лет службы. Кроме того, гражданская служба давала реальную возможность потомственным дворянам — офицерам и чиновникам — переместиться в высшую страту дворянства.

Земельная мобилизация была одним из главных каналов нисходящей социальной мобильности поместного дворянства. Число крупных и средних помещиков постоянно уменьшалось, а мелких неуклонно росло. Переход дворянского землевладения в руки других сословий, ухудшение его благосостояния снижало престиж сословия в обществе²¹.

Дворянские губернские собрания неоднократно обсуждали условия приобретения прав потомственного дворянства для предотвращения сокращения численности сословия. Воронежское и Орловское дворянские собрания рассмотрели вопрос о распространении на личных дворян некоторых льгот, поощрявших их участие в дворянском обложении. Подавляющим большинством собрания высказались против этого предложения. Дворянство сочло «крайне нежелательным» предоставление права голоса личным дворянам на дворянских собраниях²². Дворянство опасалось того, что непосредственное участие личных дворян в разрешении дворянских дел при их численном перевесе совершенно изменит характер и направление деятельности дворянских собраний. На очередных губернских дворянских собраниях (1904 г.) бурные прения вызвал доклад по поводу циркулярного запроса Комитета по делам дворянства: о предоставлении собраниям возводить в дворянское достоинство лиц из числа землевладельцев, оказавших существенные услуги в поместной жизни. И если тамбовское дворянское общество согласилось с мнением Комитета, то орловское собрание большинством голосов высказалось против. Хотя некоторые дворяне (кн. В. В. Тенишев, Н. В. Васич), помня о недалеком будущем, считали возведение в дворянское достоинство лиц из числа землевладельцев возможным и крайне желательным. Они прямо говорили об упадке дворянского сословия, его престижа: «Наше сословие падает», «Значение дворянства должно подняться от этой меры». Большинство членов дворянского собрания придержи-

²⁰ См.: Минарик Л. П. Экономическая характеристика крупнейших земельных собственников России (конец XIX — начало XX века). М., 1971. С. 43–74.

²¹ Миронов С. Н. Указ. соч. С. 143–144.

²² ГАВО, ф. 29, оп. 1, д. 1420, л. 17 об.

живалось точки зрения В. А. Шеншина: «Судить о нравственных качествах причисляемого лица будет на деле всегда очень трудно. Кроме того, возводить в дворянское достоинство — «это прерогатива Государя»²³. Подобного же мнения придерживались и в правительственных сферах.

Дворянские общества активно противодействовали вступлению в них евреев. Так, заседания очередного Курского дворянского собрания (январь 1902 г.) почти целиком были посвящены обсуждению результатов ходатайства предыдущего собрания (1899 г.) по еврейскому вопросу. В этой связи был заслушан доклад курского губернского предводителя дворянства А. Д. Дурново о евреях-дворянах. Он отметил, что еще в 1899 г. чрезвычайным курским губернским собранием было предложено ходатайствовать перед царем, министрами внутренних дел и юстиции о разъяснении и дополнении статьи 1106 закона о состояниях с тем, чтобы евреи не могли получать дворянского достоинства. А. Д. Дурново отчитался о результатах этих ходатайств: по именному указу от 28 мая 1900 г. получившие права потомственного дворянств евреи не должны вноситься в губернские дворянские родословные книги²⁴. Таким образом дворянство заботилось о чистоте своих рядов.

Дворяне ходатайствовали об уменьшении размера земельного ценза для участия в дворянских собраниях и выборах. Впервые этот вопрос обсуждался на V съезде объединенных дворянских обществ (январь 1909 г.). С докладами выступил А. А. Наумов (Самара) и Г. А. Щечков (Курск). Они довели до сведения депутатов, что в связи с оскудением поместного дворянства неуклонно снижается численность дворянских собраний. Уменьшение размера земельного ценза должно было, по их мнению, способствовать укреплению позиции дворянства на местах²⁵. В этом случае правительство пошло навстречу пожеланиям дворянства. Однако в дальнейшем этот вопрос обсуждался на собраниях вновь. На 45 Курском губернском дворянском собрании (январь 1914 г.) В. Н. Волжин предлагал понизить ценз для участия в собраниях и выборах дворян. Это ходатайство курского дворянства Постоянный Совет Объединенного дворянства не внес на обсуждение²⁶. Напротив, тамбовские дворяне возбудили вопрос о желательности невнесения впредь в дворянские родословные книги лиц, не имеющих полного земельного ценза, но Постоянный Совет не считал возможным поддержать и это ходатайство²⁷.

Вопрос об условиях приобретения прав потомственного дворянства обсуждался на VII съезде Объединенных дворянских обществ. И, в связи с высказанными опасениями, что «с притоком новых элементов дворянство усилится арифметически, а не духовно», был передан на рассмотрение губернских дворянских обществ²⁸. Представители сословия считали возможным допустить рост численности дворянства за счет возведения в дворянское сословие тех, кто занимался полезной деятельностью, связанной с землевладением. Отрицательно к этой идее отнеслись калужское, курское, тамбовское,

²³ Орловский вестник. 1904. 16 дек.

²⁴ Курская газета. 1902. 19, 31 янв.

²⁵ ГАРФ, ф. 434, оп. 1, д. 25, л. 80.

²⁶ Там же. Оп. 2, д. 40, л. 31.

²⁷ Там же. Оп. 1, д. 84, л. 27.

²⁸ См.: Труды VII съезда уполномоченных дворянских обществ 32 губерний. СПб., 1912. С. 128–137.

пензенское, рязанское, саратовское и тульское дворянские собрания²⁹. Причем в Курском дворянском собрании этот вопрос обсуждался три раза, но был отклонен. Воронежские и орловские дворяне считали возможным пополнять свои ряды при соблюдении следующих условий: имущественный ценз должен быть не менее 30 тыс. руб., а образовательный — не ниже среднего³⁰. Дискуссия возникла при обсуждении этого вопроса на чрезвычайном дворянском собрании Орловской губернии (сентябрь 1912 г.). Кромской предводитель дворянства В. А. Шеншин выступил против «ненужной меры» пополнения сословия чуждыми элементами. А. А. Нарышкин, считавший необходимым положительное решение этого вопроса, тем не менее указал на возможность неблагоприятного результата при обсуждении его в Думе, так как у депутатов могло возникнуть «нежелательное отношение в адрес дворян». Собрание добавило к проекту пожелание о том, что ценз может быть понижен для председателей и членов земских управ, избранных на эти должности на четырехлетие, и для мировых судей, избранных на 5-е трехлетие. Еще в 1910 г. орловские дворяне рьяно боролись за чистоту своих рядов. Для этого дворянское собрание собиралось ограничить права дворян, не внесенных в родословные книги, не допуская их к участию в собраниях. Против этого выступил С. А. Цуриков, заявивший о недопустимости изгнания трети дворянства из собраний. Его яркое выступление было поддержано В. А. Шеншиным, отметившим, что «дворянские собрания с каждым годом становятся все малолюднее». В связи с этим вопрос был «снят» с повестки дня. К 1912 г. орловское дворянство вполне осознало необходимость своих рядов³¹. Но к единому мнению дворянам прийти так и не удалось. И на IX съезде Объединенного дворянства в марте 1914 г. решение этого вопроса было отложено.

В начале XX в. социальная структура российского общества усложнилась, бурно формировались новые общественные группы, стирались различия между прежними социальными слоями. Революция 1905 года показала, что в обществе существует широкая оппозиция по отношению к сословной системе. Однако большинство дворянства полагало, что сословная система должна сохраниться. Дворянские и земские собрания энергично вели кампанию против сословных реформ Столыпина, защищали «выдающееся положение» уездных предводителей дворянства. Дворянство было не готово к столь резким переменам, оно полагало, что реформы уменьшают роль дворянства в местном управлении. Понимая, что социальная структура и социальная идентификация общества изменилась, оно предлагало «идти путем частичных исправлений» и «постепенного совершенствования существующих учреждений»³².

Специфика времени, надвигающаяся нестабильность высшей власти заставляли дворянство высказывать свое отношение к насущным социально-политическим и экономическим проблемам. В условиях кризиса дворянство должно было определиться как заинтересованная сословно-социальная сила. Социальная идентификация была нестабильной и колебалась между категориями сословной принадлежности, экономического

²⁹ ГАРФ, ф. 434, оп. 1, д. 81, л. 63.

³⁰ Свод постановлений дворянских обществ. М., 1912. С. 6–10, 17; ГАРФ, ф. 434, оп. 2, д. 40, л. 31.

³¹ Орловский вестник. 1912. 7 сент.; 1910. 13 дек.

³² Тамбовское губернское дворянское собрание. Тамбов, 1908. С. 18, 24.

статуса и рода занятий³³. Экономически и политически разобщенное дворянство искало пути для сохранения и упрочения своих позиций, однако четкую программу действий выработать так и не смогло. К 1917 г. юридически и фактически дворянство утратило все свои сословные привилегии. Его престиж базировался лишь на традиции и покровительстве царского правительства.

³³ Более подробно см.: *Грегори Л. Фриш. Сословная парадигма и социальная история России // Американская русистика: веки историографии последних лет. Императорский период: Антология. Самара, 2000. С. 153–160.*

В.А. Жилкин

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ В ДНИ ПАДЕНИЯ МОНАРХИИ В РОССИИ (по материалам Нижнего Поволжья)

1917 год стал переломным для России, «февральские дни» покончили с трехсотлетним правлением династии Романовых. Самодержавие прекратило свое существование. Свершилось то, чего так долго ожидали революционеры.

Для царской России быть революционером означало быть социалистом, а быть социалистом означало быть политически неблагонадежным в глазах существовавшего режима. Как должны были повести себя люди, уделом которых являлось подполье, ссылка, полицейский надзор? Как могли распорядиться они свободой, дарованной им революцией?

В настоящей статье речь пойдет о действиях социалистов в первые дни Великой российской революции на Нижней Волге. Непродолжительный промежуток времени, уместающийся в хронологических рамках с 1 по 15 марта 1917 г., от первых известий о событиях в столице до торжеств по случаю свержения самодержавия, был насыщен событиями. И эти важные события не могли произойти без деятельного участия в них активных противников самодержавия. Главная задача состоит в обозначении основных направлений их деятельности, а также выявлении новых деталей событий тех лет.

Нельзя сказать, что социалисты Нижнего Поволжья не изучались отечественными историками. Однако длительное время приоритет отдавался большевикам. В меньшей степени изучались другие политические партии. Крах однопартийной системы в нашей стране и развитие реальной многопартийности заставили историков вернуться к изучению деятельности политических партий начала XX в. К тому же выяснилось, что современные политические партии довольно слабы на региональном уровне. Вот почему обращение к истории региональных организаций, особенно на крутых поворотах отечественной истории новейшего времени, вызывает определенный интерес. Избранный сюжет позволит более объемно посмотреть на действия социалистов в начале революции 1917 года.

1 марта в Саратове, Царицыне, Астрахани была получена телеграмма В. В. Родзянко об образовании Временного Исполнительного Комитета Государственной Думы, которому переходили полномочия старого правительства. Первая реакция царских властей на местах выражалась попытками приостановить поступающую информацию. Так, например, поступил астраханский губернатор И. Н. Соколовский, получивший сообщение из столицы в пять часов вечера. Но слухи о революционных событиях в Петрограде распространились по городу. На следующий день местные газеты приступили к выпуску официальных телеграмм. Неожиданно поступившая информация

стала тем запретным плодом, за которым потянулись тысячи вывалившихся на улицы волжских городов людей. Так, например, было в Царицыне. Одна из местных газет отмечала: «На улицах чувствовалось радостное, возбужденное настроение, еще большее, чем в начале настоящей войны»¹. Местный пристав требовал от редакторов газет прекращения выпуска полученных телеграмм, но ему в этом категорически было отказано.

В Саратове наблюдалось стечение населения к городской управе, где вечером должно было открыться заседание Думы с участием общественных организаций. В результате помещение городской управы оказалось переполненным. Из числа присутствовавших были и те, кого не обходило бдительное око полиции: народные социалисты Н. Н. Мясоедов и М. П. Овчинников, социалист-революционер Н. И. Ракитников и другие². Здесь же оказались большевики В. П. Милаютин и М. И. Васильев-Южин. Заседание городской Думы проходило в постоянном обмене мнениями. Речь шла о признании Временного Исполнительного Комитета Государственной Думы и образовании исполнительного комитета в Саратове. Новый орган был сформирован городской Думой 2 марта. Среди его членов были 4 народных социалиста, 2 меньшевика и 2 большевика. Общая численность Саратовского временного исполнительного комитета составила 18 человек.

Ликующие толпы народа загрохотали улицы Астрахани. Утром 2 марта возникла инициативная группа астраханских социал-демократов и социалистов-революционеров. Она выработала конкретный план действий. Социалисты решили немедленно явиться на заседание городской Думы, придать ему политический характер, а затем добиться выборов временного исполнительного комитета. В создаваемый орган должны были войти 7 человек от инициативной группы и по столько же человек от общественных организаций, гласных Думы, губернского земства³. Своими активными действиями меньшевики и эсеры способствовали образованию временного исполнительного комитета на вечернем заседании Думы. Согласно решению астраханской Думы он формировался в количестве 21 человека⁴. Городскую Думу представляли, в частности, эсер Н. И. Долгополов и меньшевик Ф. И. Кругликов. На следующий день временный исполнительный комитет пополнил свой состав представителями от рабочих, а к вечеру — представителями от воинских частей⁵. Однако попытки инициативной группы поставить на утверждение комитета вопрос о немедленном аресте всех представителей старой власти и монархической организации, замене полиции милицией не встретили понимания со стороны представителей Думы и земства.

Окончательное формирование временного исполнительного комитета произошло через некоторое время на собрании представителей от общественных организаций. Социалисты настаивали на включении в список для голосования трех своих представителей эсера Ю. И. Лурье, меньшевиков Р. А. Аствацатурова и М. Г. Рафеса, ссылаясь

¹ Царицынский вестник. 1917. 2 марта.

² ГАСО, ф. 53, оп. 9, д. 368, л. 310.

³ Из выступления представителя г. Астрахани тов. Заварзина на областном съезде Советов рабочих и солдатских депутатов 23 марта 1917 г. // Саратовский Совет рабочих депутатов (1917—1918). М.; Л., 1931. С. 62.

⁴ См.: Астраханский вестник. 1917. 3 марта.

⁵ Народная газета (Астрахань). 1917. 11 марта.

на ту огромную работу, которую выполнили левые партии в достижении наступившей свободы⁶. После голосования указанные социалисты оказались избранными.

В Царицыне процесс формирования временного исполнительного комитета прошел быстрее, чем в Саратове и Астрахани. Уже 1 марта собралось частное совещание гласных городской Думы с участием представителей от различных организаций и интеллигенции. Оно избрало временный орган власти в количестве 28 человек. В его состав вошли, в частности, шесть меньшевиков из рабочей группы военно-промышленного комитета⁷.

Как видно, городские Думы становились центрами политических событий на местах. Туда стекались представители различных партий, находившихся ранее вне легальной политической деятельности. Не без их активного участия городские Думы, по примеру IV Государственной Думы, сформировали временные исполнительные комитеты, которые взяли под свое управление состояние дел на местах. А после ареста губернаторов их обязанности возлагались на губернских комиссаров, институт которых был введен Временным правительством, образовавшимся 2 марта. В Саратове этот пост занял народный социалист Н. И. Семенов, в Астрахани — казачий атаман И. А. Бирюков.

Вместе с организацией временных органов управления на местах шло движение по созданию выборных органов революционной демократии — советов рабочих и солдатских депутатов, и социалисты приняли в нем самое деятельное участие. Дело в том, что с известием об образовании Временного Исполнительного Комитета Государственной Думы поступила и информация о возникновении Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Так, в воззвании к населению впервые наряду с подписью Временного Исполнительного Комитета Государственной Думы стояла подпись «Совет Рабочих Депутатов»⁸. Она стала ориентиром для социалистов, которые сразу же повели агитацию по выборам представителей во вновь создаваемые Советы. Конечно, социалисты исходили из опыта первой русской революции, еще не зная, какая судьба будет уготовлена монархии в России.

Утром 2 марта саратовские социалисты образовали комитет рабочих депутатов, который сразу же решил провести выборы в городской Совет. С этой целью на предприятия и в учреждения города стали направляться агитаторы. Например, в Саратовский университет была направлена группа во главе с меньшевиком В. З. Дьяконовым. Во время встречи студенты бурно реагировали на предложение агитаторов выбрать своего представителя в Совет, обещая идти вместе с рабочими⁹. Работа агитаторов дала положительные результаты. Уже вечером того же дня Саратовский Совет рабочих депутатов собрался на свое первое заседание. Представители рабочих коллективов избрали исполнительный комитет первоначально из восьми человек (4 большевика, 3 меньшевика, 1 эсер). Кроме избранных, депутаты решили отвести пять мест предста-

⁶ Астраханский вестник. 1917. 8 марта.

⁷ Романов И., Соколов Н. Очерки истории революции 1917 года в Царицыне (Сталинграде). Саратов, 1932. С. 13.

⁸ Морозов Ф. Февральская революция в Саратове // Февраль: Сборник воспоминаний о 1917 г. Кн. 1. Саратов, 1922. С. 25.

⁹ Жилкин В. А. Политические партии и Саратовский университет в 1917 году: малоизвестные страницы истории // Университет в региональном пространстве. Саратов, 2000. С. 20.

вителям партий и два места служащим железной дороги¹⁰. Председателем исполкома стал большевик В. П. Милютин. Преобладание большевиков в руководящем органе вовсе не означало, что им принадлежало большинство в Совете; из 127 человек Совета рабочих депутатов первого созыва только 23 были большевиками, возможно чуть больше, но не менее 30 человек, т. е. менее 25 %. Положение большевиков понизилось сразу после того, как образовался объединенный Совет рабочих и солдатских депутатов, так как среди военных преобладающее влияние получили социалисты-революционеры.

Вопрос об образовании Совета в Царицыне обсуждался в рабочей группе военно-промышленного комитета 2 марта. В тот же день был опубликован «Призыв рабочей группы». Городские рабочие призывались немедленно приступить к устройству на заводах и фабриках собраний для обсуждения политической ситуации и избрания от каждого предприятия депутатов в городской Совет. В обращении говорилось, что «все избранные составляют вместе с рабочей группой Совет рабочих депутатов»¹¹. А на следующий день состоялось первое собрание Совета. Руководящую роль в нем сразу же заняли социал-демократы, прежде всего члены рабочей группы военно-промышленного комитета. Председателем исполнительного бюро выбрали меньшевика С. Е. Шевченко, а заместителями председателя — меньшевика Д. В. Полуяна и социалиста-революционера К. Я. Федотова¹².

4 марта проходили выборы представителей в Астраханский Совет рабочих депутатов¹³. Решающую роль в организации местного Совета сыграли меньшевики и социалисты-революционеры, которые вошли во все его руководящие органы. Председателем Совета стал лидер астраханских меньшевиков Ф. И. Кругликов.

Как видно, опыт революции 1905 года не пропал даром. Вторым направлением деятельности социалистов Нижнего Поволжья стала организация Советов. Главным, пожалуй, являлось то, что в организации Советов приняли участие все социалисты.

3 марта слухи об отречении Николая II от престола подтвердились, а это означало, что время правления царских сановников на местах закончилось. В Саратове были арестованы губернатор С. Д. Тверской и вице-губернатор А. С. Римский-Корсаков. Они были доставлены в городскую Думу, куда тем же порядком доставлялись жандармские чины, а вслед за ними различного ранга полицейские чины. Одновременно происходило освобождение из городской тюрьмы политических заключенных. Это было поручено сделать члену временного исполнительного комитета, присяжному поверенному Саратовского окружного суда Н. Н. Мясоедову. Освобождено было около 60 человек. Толпа подхватывала политических узников, несла на руках, и некоторые из них пытались что-то сказать. Качали на руках и члена окружного суда. Пройдет немного времени, и Н. Н. Мясоедов возглавит Саратовскую судебную палату. 9 марта в пере-

¹⁰ Саратовский вестник. 1917. 3 марта.

¹¹ Романов И., Соколов Н. Указ. соч. С. 15.

¹² Герасименко Г. А. Партийная борьба в Советах Нижнего Поволжья (1917 г.). Саратов, 1966. С. 13.

¹³ Народная газета (Астрахань). 1917. 11 марта.

полненным людьми Городском театре состоялось торжественное чествование теперь уже бывших политических заключенных¹⁴.

В Астрахани дом губернатора И. Н. Соколовского был оцеплен войсками, перешедшими на сторону революционного народа. Около 30 городовых, охранявших дом губернатора, были разоружены и отправлены в местный кремль. Сам губернатор был оставлен под домашним арестом. Вскоре в губернаторский дом был доставлен полицеймейстер города. Позже шли аресты по участкам приставов и полиции¹⁵.

В Царицыне отношение к царской администрации определилось на заседании временного исполнительного комитета 2 марта. Его члены приняли решение — не входить в контакты с местной полицией, пока в распоряжении комитета не будет находиться реальная сила. Поддержку решили искать в воинских частях. Так, меньшевики Д. В. Полуян и М. Н. Пестряков присутствовали на собрании офицеров 155-го полка, зная, что некоторые из них заявили о своей готовности принять меры к обеспечению спокойствия в городе. Однако попытка установления контакта с офицерами 141-го полка закончилась стихийным выступлением солдат этого полка. Разгромив свою гауптвахту, они двинулись в город. По дороге к ним присоединились жители, и вся масса отправилась к городской тюрьме освобождать политических заключенных. Попытки меньшевиков В. В. Ивашевича и Д. В. Полуяна повлиять как-то на бесформенную толпу ни к чему не привели. В результате стихийного разгрома тюрьмы выпустили на свободу не только политических заключенных, но и уголовников. Затем солдаты и примкнувшие к ним горожане арестовывали жандармов и полицейских без всякого на то решения временного исполнительного комитета¹⁶.

С устранением царской администрации на местах социалисты получили возможность для легальной деятельности, они занялись вопросами своего партийного строительства. Наиболее плодотворно этот процесс протекал у социалистов-революционеров. В первые дни революции саратовские эсеры избрали из своей среды временный организационный комитет, которому поручили приступить немедленно к действиям по восстановлению организации в Саратовской губернии. Комитет выделил из своего состава бюро, председателем которого стал Н. И. Ракитников¹⁷. 7 марта временный организационный комитет опубликовал воззвание, в котором саратовские эсеры просили «всех товарищей, утративших связь с партией, и всех лиц, сочувствующих и желающих оказывать услуги партии, являться во временное бюро комитета...»¹⁸.

Сразу же обнаружился численный рост партийной организации эсеров. По свидетельствам временного бюро комитета, ежедневно являлось для записи не менее 100 человек. Среди них преобладали крестьяне, рабочие, солдаты. Воззвание стало как бы ориентиром для ссыльных социалистов-революционеров. Например, из Черного Яра группа эсеров прислала в адрес комитета телеграмму, в которой они передавали привет товарищам по партии и сообщали о своем возвращении в Саратов¹⁹. 8 марта эсеры

¹⁴ Морозов Ф. Указ. соч. С. 31.

¹⁵ Астраханский вестник. 1917. 4 марта.

¹⁶ См.: Романов И., Соколов Н. Указ. соч. С. 13–15.

¹⁷ Земля и воля (Саратов). 1917. 12 марта.

¹⁸ Саратовский вестник. 1917. 7 марта.

¹⁹ Там же. 8 марта.

собрались на свою первую конференцию, на которой обсудили политическое положение в стране и решили некоторые организационные вопросы. Результатом стало принятие общей резолюции. Конференция высказалась, в частности, за немедленное устранение на местах представителей старых органов власти, пресечение беспорядков и уничтожение насилия над физическими лицами. Расширяя свою социальную базу, социалисты-революционеры приглашали своих сторонников принять энергичное участие в организации сельских и городских трудовых масс под флагом партии²⁰. Конференция отложила выборы постоянного партийного комитета, ввиду еще недостаточного ознакомления членов организации друг с другом²¹. 12 марта вышел первый номер партийной газеты «Земля и воля».

Восстановление астраханской организации социалистов-революционеров началось с деятельности инициативной группы эсеров и социал-демократов, которая образовалась 2 марта. С этого момента можно вести отсчет деятельности астраханских социалистов-революционеров. Возглавляло группу эсеров бюро под председательством Д. Г. Чернобаева²². Если в Саратове действовал принцип массовой записи в партийные ряды новых членов, что сразу сказалось на росте организации, то в Астрахани запись в члены группы производилась по рекомендации двух членов партии²³.

Через две недели после начала революции астраханские эсеры провели свое первое собрание. На нем они заслушали доклады партийного бюро и группы пропагандистов. Выяснилось, что организация испытывает недостаток в партийной литературе, что было очень важно для объединения вокруг партии трудящихся города (ловцов, печатников, заводских рабочих и т. д.). Поэтому решили отправить за ней своих представителей в Саратов или в Москву²⁴. В отличие от своих саратовских коллег астраханские эсеры первый номер газеты «Голос революции» выпустили только в середине апреля 1917 года.

В Царицыне, тогда уездном городе Саратовской губернии, процесс организации социалистов-революционеров протекал медленнее, чем в Саратове и Астрахани. Несмотря на то что местные эсеры сразу же включились в деятельность временного исполнительного комитета, профессиональных организаций и прочих, оставался открытым вопрос о восстановлении в городе партийной организации. 12 марта состоялось закрытое совещание царицынских эсеров. Признав невозможным проведение широкой работы из-за своей малочисленности, эсеры решили ограничиться поиском своих сторонников и привлечением их в партийную организацию. Совещание избрало временное бюро, которому вменялось завязать партийные отношения с другими организациями, выписать партийную литературу и направлять в целом дальнейшую работу городской организации²⁵. К концу месяца восстановление партийной организации царицынских эсеров завершилось. Ее возглавили К. Я. Федотов, И. А. Баранов, В. П. Кочетовский²⁶.

²⁰ Жилкин В. А. Образование губернского комитета у саратовских эсеров (из истории партийной организации 1917 года) // Историк и историография. Саратов, 1999. С. 221.

²¹ Земля и воля (Саратов). 1917. 12 марта.

²² ГАРФ, ф. р-9598, оп. 1, д. 33, л. 55.

²³ Астраханский вестник. 1917. 17 марта.

²⁴ Там же.

²⁵ Земля и воля (Саратов). 1917. 16 апр.

²⁶ См.: Царицынский вестник. 1917. 7 апр.

Приступили к восстановлению партийных организаций и социал-демократы Нижнего Поволжья. Здесь проявилась одна особенность партийного строительства. Она состояла в том, что в Астрахани и Царицыне первоначально возникли объединенные социал-демократические организации.

Астраханская объединенная организация РСДРП выросла из инициативной группы, которая образовалась в первых числах марта. Наиболее активные члены инициативной группы составили Астраханский комитет РСДРП, который приступил к объединению сторонников и всех сочувствующих социал-демократии. В мартовские дни местная организация включала в себя около 70 меньшевиков и примерно 10–12 большевиков. Возглавлялась объединенная организация меньшевиками Р. А. Аствацатуровым, В. Н. Сарабяновым, Ф. И. Крутниковым и другими. Астраханский комитет развернул работу среди рабочих по созданию профессиональных союзов и по приему в члены партийной организации²⁷.

В основе образования социал-демократической организации Царицына лежала инициатива местных рабочих-большевиков. 4 марта на квартире И. К. Преснякова, выпущенного из тюрьмы солдатами 141-го полка, собралось около 25 человек. Они решили созвать всех социал-демократов Царицына и избрать комитет. В местной газете было сделано объявление о том, что 12 марта состоится собрание, на котором будет избран партийный комитет для идейного руководства социалистическим движением в городе. В указанный день состоялось первое публичное собрание царицынских социал-демократов. На него с небольшим опозданием прибыли меньшевики С. Е. Шевченко, Д. В. Полуян, В. В. Ивашкевич и Н. И. Цицианов. Они выступили на собрании, призывая к единению в партийной работе. Меньшевики сумели повлиять на ход проведения собрания, поэтому большевики вынуждены были отложить выборы комитета до следующего собрания²⁸.

Однако запланированное на 19 марта организационное собрание обернулось в действительности митингом в помещении цирка. Разумеется, никакие решения не были приняты. И только 24 марта на очередном организационном собрании был избран Царицынский городской комитет РСДРП. В его состав вошли 6 большевиков и 4 меньшевика (В. В. Ивашкевич, Д. В. Полуян, Д. А. Сагирашвили, В. И. Изюминский). Председателем комитета стал большевик С. К. Минин, присланный из «центра» для усиления позиций своих сторонников. С этого времени начала действовать Царицынская объединенная организация РСДРП²⁹. Появление объединенных организаций РСДРП на Нижней Волге не являлось чем-то необычным, скорее, отражало общероссийскую тенденцию. Хорошо известно, что на Всероссийском совещании социал-демократов (27 марта – 2 апреля 1917 г.) были представлены 70 партийных организаций, из которых 30 были объединенными. К их числу относились некоторое время Астраханская и Царицынская организации РСДРП.

Восстановление социал-демократических организаций в Саратове происходило совершенно иначе. Здесь 4 марта был избран временный городской комитет саратовских

²⁷ Жилакин В. А. Восстановление партийных организаций меньшевиков Нижнего Поволжья весной 1917 года // Саратовское Поволжье: история и современность. Саратов, 1999. С. 115.

²⁸ Там же. С. 115–116.

²⁹ Там же. С. 116.

большевиков, что действовало на местных меньшевиков. В городе находились крупные деятели меньшевизма: Л. Е. Майзель, Б. Н. Гутерман, Д. К. Чертков, М. Е. Розенблюм и другие. Они обратились к большевикам с предложением о совместной работе. В случае отказа меньшевики заявляли, что пойдут на образование собственной организации. Заявление меньшевиков обсуждалось на специальном заседании временного городского комитета большевиков. Часть большевиков, главным образом интеллигенты, соглашалась с предложением меньшевиков, указывая на недостаточные интеллигентские силы в организации. Другая часть, преимущественно рабочие, резко возражала им, указывая, что в подполье приходилось работать почти без интеллигенции, и справились. В результате предложение меньшевиков было отвергнуто.

Получив отказ, меньшевики приступили к образованию своей организации. 6 марта они сформировали комитет и избрали исполнительное бюро в количестве 5 человек. Членами бюро стали Д. А. Топуридзе, И. А. Скворцов, К. А. Ткачев, Д. К. Чертков, М. И. Судачков. Но только через две недели комитет меньшевиков выпустил объявление, в котором будет говориться о начале приема в члены партии. Реагируя на отказ большевиков, меньшевики будут особо подчеркивать, что в новых революционных условиях будет найдена почва для полного объединения обеих организаций. А 29 марта выйдет печатный орган саратовских меньшевиков — газета «Пролетарий Поволжья», которая станет одним из крупнейших социалистических изданий на Нижней Волге³⁰. Таким образом, в Саратове возникла самостоятельная организация меньшевиков, хотя они пытались договориться с большевиками о восстановлении объединенной партийной организации.

Как видно, после ликвидации царской администрации на местах возник необходимый политический климат для самоидентификации социалистов. Они приступили к восстановлению своих партийных организаций. Это стало третьим основным направлением в деятельности социалистов, обретших политическую свободу.

Неделю спустя, после отречения российского самодержца от престола, одна из саратовских газет отразила произошедшие перемены следующим образом: «... В государственном строе и укладе действительно произошла пертурбация, поставившая все вверх дном: точно разразилась пучина, и все, что внизу, поднялось на вершину, а все составлявшее государственные верхи низринулось в бездонную пропасть»³¹. В последние дни жизнь населения на Нижней Волге шла уже в непривычном ритме. Согласно решению Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов 10 марта объявлялось праздничным днем по случаю свержения монархии в России. В указанный день торжества прошли в Астрахани и Царицыне, а 15 марта — в Саратове. Они сопровождалась парадами войск местных гарнизонов и демонстрациями горожан. Центрами мероприятий стали Покровская площадь в Астрахани, Скорбященская — в Царицыне, Театральная — в Саратове. Везде замечалось активное присутствие представителей социалистических партий.

С раннего утра жители Астрахани спешили к кремлю на организованный сбор. Прибывали делегации от городских и земских учреждений, общественных организаций

³⁰ Жилкин В. А. Восстановление партийных организаций меньшевиков Нижнего Поволжья весной 1917 года. С. 116–117.

³¹ Саратовский листок. 1917. 9 марта.

и заводов, партийных групп и различных демократических организаций. В общей массе собравшихся жителей города выделялись знамена социалистов-революционеров и социал-демократов. От стен кремля десятки тысяч человек двинулись по улицам города к Покровской площади. Впереди шли казаки, за ними социалисты-революционеры и социал-демократы, а вслед им многочисленные делегации от рабочих союзов, партии народной свободы, учительских организаций и пр. На Покровской площади собралось громадное количество народа. Люди разбились по интересам. В разных концах площади выступали члены Совета: эсеры О. М. Михайлов, П. И. Якиманский, Д. Г. Чернобаев, меньшевики В. Н. Сарабьянов, М. Г. Рафес, Р. А. Аствацатуров, П. В. Заварзин. Выступавшие говорили о значении свершившегося великого события, вспоминали павших товарищей в борьбе за свободу, призывали население защищать добытые права. Одновременно членами партийных организаций раздавались летучие листки, разбрасывались прокламации, а также тексты революционных песен³².

Солнечный и теплый день поднимал и без того радостное настроение жителей Царицына. Все спешили на Скорбященскую площадь. С 9 часов утра здесь выстроилась революционная милиция. Отовсюду слышалась музыка и революционные песни, с которыми прибывали на площадь горожане. Непременным атрибутом торжеств являлся красный цвет. Он присутствовал в виде бантиков на шинелях и пальто, флагов и знамен с надписями «Да здравствует свобода!», «Вечная память павшим борцам за свободу». Общее ликование вызывали воинские части, прибывавшие со своими развернутыми знаменами и полковыми оркестрами. Солдатские шапки были украшены красными султанами. Выставив оцепление и выстроившись, воинские части были готовы к параду. После торжественного молебна, поздравления частей начальником гарнизона с праздником Свободы началась манифестация. Военные и горожане уходили с площади, растекаясь отдельными группами по улицам города³³.

С приподнятым настроением шли на Театральную площадь жители Саратова. Здесь возле Городского театра была воздвигнута трибуна, которую солдаты украсили красными флагами и штандартами. Среди них особенно выделялись три штандарта: Военного комитета, Совета рабочих и солдатских депутатов, социалистов-революционеров. К 10 часам утра на трибуну поднялись члены Общественного исполнительного комитета, Военного комитета, Совета рабочих и солдатских депутатов, а также представители прессы.

Торжества начались с построения войск гарнизона. Разумеется, первое слово было предоставлено начальнику гарнизона. При склоненных знаменах и с обнаженными головами войска почтили память тех, кто погиб за свободу в борьбе с самодержавием. А когда траурный марш сменился звуками «Марсельезы», войска начали движение от Гостиного двора. За ними устремились горожане. Очевидец писал: «Блеск целого леса штыков на красном фоне режущих в воздухе знамен смешался в этой незабвенной чудной панораме с пестротой костюмов: серых — солдатских, черных — штатских и разноцветных — женских»³⁴. Впереди шла школа прапорщиков с флагом «Привет Свободе». Вслед за ними ковыляли раненые из лазарета, встречаемые многочисленными

³² См.: Астраханский вестник. 1917. 12 марта; Народная газета (Астрахань). 1917. 16 марта.

³³ См.: Царицынский вестник. 1917. 12 марта.

³⁴ Саратовский листок. 1917. 17 марта.

приветствиями горожан. Под громогласное «ура» проходили перед трибуной попеременно колонны солдат и жителей города. На флагах, которые они несли, были надписи: «Да здравствует демократическая республика!», «Да здравствует Учредительное собрание!», «В борьбе обретешь ты право свое» и другие³⁵. К трем часам дня процессия закончилась, но еще долго на улицах города слышались революционные песни.

Торжества по случаю свержения монархии в России, состоявшиеся в крупнейших административных центрах Нижнего Поволжья, как бы подвели черту первым дням революции.

Итак, революция в считанные дни распространилась по необъятным просторам бывшей Российской империи. Известия о революционных событиях в Петрограде доходили до каждой губернии, становясь достоянием широких кругов общественности. Социалисты сразу же заявили о себе. В их действиях обозначились три основных направления: активное участие в формировании временных органов управления на местах, воссоздание советов как органов революционной демократии, восстановление партийных организаций. Осознанные действия социалистов не противоречили стихийному ходу событий, а, наоборот, сочетались с ним. Важнейшим условием для этого являлось обретение политической свободы социалистическими партиями.

Революция, устранившая царское самодержавие и его администрацию на местах, объединила в общедемократических задачах все социальные слои населения, все те общественно-политические силы, которые находились в той или иной мере в оппозиции к старому строю. Поэтому власть на местах сконцентрировалась первоначально в руках временных исполнительных комитетов, куда входили представители органов самоуправления, советов, общественных организаций и военных. Характерным показателем единства политических сил являлись торжества на Нижней Волге по случаю свержения самодержавия.

За «февральскими днями» наступало время неопределенной политической жизни, в круговороте которой недавним противникам царизма предстояло оценить произошедшее и сделать свой выбор.

³⁵ Саратовский листок. 1917. 17 марта.

А.П. Новиков

**РОДОМ ИЗ ПОВОЛЖЬЯ:
ВИДНЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ДЕЯТЕЛЬ РОССИИ
В. М. ЧЕРНОВ**

В плеяде видных политических деятелей России первых десятилетий XX в. заметную роль играл Виктор Михайлович Чернов, бывший лидером и теоретиком крупнейшей российской политической партии — партии социалистов-революционеров. Имя Чернова было широко известно как в России, так и за рубежом, особенно в 1917 г., когда он являлся одним из популярнейших политиков демократической страны. С ним крестьянские массы связывали надежды на решение векового аграрного вопроса.

Прошли десятилетия, и о многогранной деятельности Чернова практически забыли на его родине, а если и писали, то только как о зломном враге советской власти, опираясь при этом на ленинские оценки и характеристики¹.

К сожалению, до настоящего времени ни в отечественной, ни в зарубежной историографии нет серьезного научного исследования жизни и деятельности В. М. Чернова, а появившаяся в 1999 г. книга К. В. Гусева «В. М. Чернов. Штрихи к политическому портрету» страдает неполнотой и существенными недостатками². Нужно отметить, что до сих пор в литературе существует много неточностей и ошибок при изложении фактов биографии Виктора Михайловича; в некоторых из них повинен он сам, так как допустил их в своих книгах мемуарного характера. Так, неверно указывается время и место его рождения, дата эмиграции в США и т. п.

У российских исследователей появилась возможность привлечь к изучению жизни и деятельности В. М. Чернова огромный пласт неопубликованных документов из архива Международного института социальной истории (Амстердам), архива Гуверовского института войны, революции и мира (США), а также материалы зарубежной русской, американской, палестинской и другой прессы, что позволяет более полно и всесторонне проследить жизненный путь этого человека, показать многообразие его общественно-политической и научно-публицистической деятельности, основные вехи его личной жизни.

Автор настоящего очерка, опираясь на вводимые в научный оборот новые документы из архивов, анализ колоссального массива публицистики Виктора Михайловича, воспоминания его друзей, родных и противников, предпринимает попытку осветить основные этапы жизни и деятельности Чернова, обращая особое внимание на малоизвестные события и факты его биографии.

¹ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 21. С. 419; Т. 24. С. 251,335; Т. 25. С. 120, 328; Т. 48. С. 47–48 и др.

² См.: Рец. А. И. Авруса в журнале «Отечественная история» (2000. № 4. С. 200–201).

Как было установлено нами по архивным материалам³, Виктор Михайлович Чернов родился 25 ноября (7 декабря) 1873 г. в г. Хвальинске Саратовской губернии в семье уездного казначея⁴. Он рано потерял мать (в возрасте полутора лет), отец переехал по службе в г. Камышин (тогда тоже Саратовской губернии), где вновь женился. Вскоре мачеха сделала жизнь детей от предыдущего брака мужа очень тяжелой. Как писал Виктор Михайлович в своих воспоминаниях, он рано почувствовал себя среди отверженных и гонимых⁵. Спасала его Волга, где он проводил большую часть времени, воспитывая волю и характер, закаляя физически. В 1882 г. отец отвез его учиться в саратовскую мужскую гимназию, в которой уже находился старший брат Владимир, оказывавший в молодости большое влияние на младшего брата⁶.

Виктор Чернов не проявлял особого усердия в учебе, конфликтовал с учителями и администрацией, но много времени уделял чтению художественной литературы вне программы, делал первые шаги на литературно-публицистическом поприще. Именно в школьные годы он начал писать стихи и даже издавал рукописный журнал «Искорка». Много позже Чернов вспоминал: «Среднее образование я начал получать в Саратовской гимназии. Но в той же гимназии обучавшийся брат мой, старше меня на 8 лет, незадолго до этого был арестован по политическому делу, и за это исключен; на мне это отразилось так, что за малейшую мою детскую провинность на меня кричали: «По стопам брата пошел? Ну, и кончишь, как он!». Отданный в пансион классному наставнику реального училища, я был им как-то раз обыскан; у меня оказалось много переписанных моей рукой «вредных по духу» стихотворений любимого поэта Некрасова вместе с собственными упражнениями в том же стиле. Почтенный педагог, прочтя их, ужаснулся: «Но ведь после этого только и остается, что выйти ночью на большую дорогу с кистенем и топором, да обирать богатых в пользу бедных!». Выговор не сулил мне ничего доброго, но я был на седьмом небе от счастья: он приписал мне некрасовские стихотворения, не найдя между ними и моими никакой разницы!»⁷.

Заметим, что интерес к литературе и поэзии Чернов сохранял на протяжении всей своей жизни — его литературно-критические статьи, переводы Верхарна, собственные стихи и сатирические произведения находили живой отклик у читающей публики и высокую оценку у специалистов. Ряд стихотворений Чернова выявлен нами в журнале «Заветы» и архиве Пушкинского дома.

В Саратове, бывшем в 1880–1890-х гг. одним из центров народнического движения, началось приобщение Виктора Михайловича к революционной деятельности — он посещал народолюбческие кружки, сблизился с некоторыми народниками, отбывавши-

³ См.: Исторический архив. 1998. № 3. С. 212. В литературе обычно указывается, что В. М. Чернов родился в г. Новоузенске 9 ноября 1873 г. Так считал и сам Чернов (см.: Чернов В. М. Перед бурей. М., 1993. С. 5.).

⁴ О родителях В. М. Чернова см. подробнее нашу публикацию документов в журнале «Исторический архив» (2000. № 3. С. 171–185).

⁵ См.: Чернов В. М. Перед бурей. С. 23.

⁶ См. о пребывании В. М. Чернова в саратовской гимназии в наших статьях: «Виктор Михайлович Чернов в Саратовской гимназии» (Освободительное движение в России. Саратов, 1999. Вып. 17); «Саратовский период жизни В. М. Чернова» (Саратовское Поволжье: история и современность. Саратов, 1999).

⁷ Hoover Institution Archives. B. Nicolaevsky Collection. Box 381. Folder 14.

ми в Саратове ссылку, познакомился с М. Натансоном. «В довершение всего, — вспоминал Чернов, — я вскоре попал в жандармскую засаду на квартире одного поднадзорного народовольца. После этого я совершенно превратился для гимназического начальства в пугало, и на педагогическом совете инспектор Двинянинов торжественно грозил, что ни в одном выпуске Саратовской гимназии Чернова не будет»⁸. Юноша вынужден был покинуть Саратов и в 1891 г. переехал в Юрьев (Тарту), где и завершил гимназическое образование, что дало ему возможность поступить в 1892 г. на первый курс юридического факультета Московского университета.

Однако студенческая жизнь продолжалась недолго: активная общественная деятельность, представительство саратовского землячества в нелегальных органах студенческой взаимопомощи, наконец, вовлечение его вместе со старшим братом Владимиром и сестрой Надеждой в формировавшуюся партию «Народного права», продолжавшую народнические традиции, — все это закончилось в 1894 г. арестом, заключением на несколько месяцев в тюрьму, а затем высылкой в Тамбовскую губернию (сам Чернов просил выслать его в Саратовскую губернию, но получил отказ).

Три года, проведенные в Тамбовской губернии, были исключительно важными для становления мировоззрения Виктора Михайловича, выбора им жизненного пути. Именно здесь он усиленно изучал труды основоположников и теоретиков народничества (Герцена, Чернышевского, Лаврова, Михайловского, Воронцова и др.), знакомился с произведениями западноевропейских философов и социологов, приступил к практической работе среди крестьянства, организовав при активном участии сектантов-молокан несколько крестьянских братств. Из Тамбова он начал посылать свои статьи и корреспонденции во многие газеты и журналы: московские, Санкт-Петербургские, саратовские, тамбовские; первые его теоретические статьи появились в таком солидном журнале, как «Русское богатство». По нашим подсчетам, за период тамбовской ссылки Чернов опубликовал в российских периодических изданиях 31 статью.

Во время пребывания в Тамбове он обрел и личное счастье, женился на молодой учительнице вечерней школы Анастасии Слетовой, своей единомышленнице. Брат Слетовой Степан Николаевич стал близким соратником Виктора Михайловича и фактически первым историографом эсеровской партии⁹. Тамбовский период жизни В. М. Чернова довольно подробно описан в его «Записках социалиста-революционера», в которых он основное внимание уделил не изложению фактической стороны своей биографии, а процессу выработки теоретических взглядов и нравственных принципов¹⁰.

В тамбовской ссылке сформировались основные положения той идеологии, которым Чернов был предан до конца жизни: социалистический идеал, достижимый в России через крестьянскую общину, но прошедшую этап кооперирования, демократические

⁸ Hoover Institution Archives. В. Nicolaevsky Collection. Box 381. Folder 14.

⁹ См.: Слетов С. К истории возникновения партии социалистов-революционеров. Пг., 1917. В настоящее время в Санкт-Петербурге проживает внук В. М. и А. Н. Черновых Степан Александрович Слетов, названный в честь брата своей бабушки.

¹⁰ См.: Чернов В. М. Записки социалиста-революционера. Берлин, 1922. Эти «Записки» В. М. начал писать, находясь на нелегальном положении в Советской России в 1919 г. Гораздо меньше о тамбовском периоде сказано в другой мемуарной книге В. М. Чернова «Перед бурей».

принципы организации общества, интернационализм и др. Здесь он пришел к выводам, что ему необходимо, во-первых, глубокое знакомство с общественно-политической мыслью и революционным движением в Европе и, во-вторых, он считал, что насущной потребностью стало объединение многочисленных разрозненных народнических групп в России и за рубежом в единую революционную партию. То и другое было возможно только при нахождении за границей. Поэтому по окончании ссылки семья Черновых, получив заграничные паспорта, выехала в Швейцарию. Началась первая эмиграция Виктора Михайловича. (Любопытно отметить, что в каждую из своих трех эмиграций Чернов отправлялся с новой семьей.)

Почти 6 лет продолжалось пребывание Виктора Михайловича за рубежом. Это было время, насыщенное многочисленными поездками по европейским странам (Германии, Франции, Швейцарии и др.), встречами с представителями революционной российской эмиграции, знакомствами с видными деятелями европейского рабочего движения. Одновременно шла серьезная работа по освоению новейших достижений западноевропейской мысли в области философии, социологии, политической экономии.

Большое внимание Виктор Михайлович уделял изучению трудов К. Маркса, и в связи с этим необходимо отбросить широко распространенный в советской историографии тезис об антимарксизме Чернова. На самом деле Виктор Михайлович высоко ценил экономические труды Маркса, прекрасно их знал, многократно на них ссылался, но при этом отмечал односторонность марксистской теории, недооценивавшей важной роли других, кроме экономических, элементов общественной жизни, и в первую очередь этического фактора¹¹. В числе первых из российских социалистов он высоко оценил ревизию марксизма, предпринятую Э. Бернштейном, считая ее важным этапом в развитии европейской общественной мысли¹².

Но, конечно, главное внимание Виктор Михайлович уделял изучению трудов отечественных авторов, в первую очередь Герцена, Михайловского, Лаврова и др. Соединяя их выводы с достижениями западноевропейских философов и социологов, Чернов пришел к собственному пониманию процессов развития жизни общества.

В основе человеческого развития и прогресса, утверждал он, лежат не железные и имманентные законы истории, а человек, неповторимая и самоценная личность и ее свобода, а поэтому все стороны раскрепощения человека представлялись одинаково существенными и одинаково важными: экономическая эмансипация — не первая и главная, а столь же необходимая, как и эмансипация политическая, духовная, национальная, расы или пола. Словом, историю движет и объясняет не один, а ряд факторов: не монизм, а плюрализм.носителем же социалистической идеи является не только индустриальный пролетариат, но и трудовое крестьянство, и трудовая интеллигенция. Социализм у Чернова никогда не сводился лишь к простому огосударствлению или обобществлению средств и орудий производства. Социализм всегда связывался со свободой и народоправством.

Ко времени приезда Чернова за границу идея объединения народнических групп и организаций в единую партию была достаточно широко распространена и требовала

¹¹ См.: Чернов В. М. Записки социалиста-революционера. С. 50–55.

¹² См. переписку В. М. Чернова с Н. Ф. Даниельсоном (РГАСПИ, ф. 199, оп. 1, д. 344).

организационных усилий для претворения в жизнь. Встречи Виктора Михайловича с представителями революционной российской эмиграции, происходившие при этом переговоры, ускорили процесс. В 1901–1902 гг. он объехал ряд европейских городов, выступал с докладами перед русскими студентами и эмигрантами, защищал неонароднические идеи в острых дискуссиях с Г. Плехановым, В. Лениным, Ю. Мартовым, Л. Троцким и др., читал курс лекций по аграрным вопросам и по вопросам новейшей критики марксистского учения в Русской школе общественных наук в Париже. Большую роль в объединении сыграли такие печатные органы, как «Вестник русской революции» и газета «Революционная Россия», редактором и идейным вдохновителем которой являлся Чернов. После образования в начале 1902 г. партии социалистов-революционеров эта газета стала ее центральным органом. На страницах газеты фактически из номера в номер появлялись статьи Виктора Михайловича: передовые, теоретические, на злобу дня, полемические.

Статьи Чернова, особенно теоретического характера, свидетельствовали, что в его лице партия социалистов-революционеров получила идейного лидера. Несмотря на молодость (ему не было еще и 30 лет), Виктор Михайлович был признан ведущим идеологом молодой партии, и ему была поручена подготовка проекта партийной программы. Эту серьезную работу В. М. Чернов выполнил фактически один, и представленный им в конце 1905 г. проект был одобрен и принят I съездом партии социалистов-революционеров. Центральными идеями программы эсеров были социализация земли и кооперирование крестьян. Разъясняя суть социализации, В. М. Чернов писал: «Мы не делаем землю ни имуществом области, ни имуществом общины, не переводим ее в разряд государственных имуществ. Мы делаем ее ничьей. Именно, так ничья она становится общенародным достоянием»¹³. Орудием социализации должна была выступать община, которой предстояло, по мнению эсеров, существовать еще долгие годы. Социализация не решает окончательно аграрный вопрос, но создает базис для его разрешения в дальнейшем, когда через различные формы кооперации крестьянство перейдет к коллективному производству¹⁴.

Первая российская революция прервала нахождение Чернова в эмиграции. Он вернулся на родину и возглавил партию эсеров в эти полные драматизма и революционного подъема дни. Виктор Михайлович выступал на митингах и собраниях, пропагандируя программу эсеровской партии, публиковал статьи во многих газетах и журналах демократического лагеря, сам возглавлял редакции ряда печатных органов, издававшихся партией социалистов-революционеров. Особенно велика была его роль в подготовке и проведении первого съезда партии эсеров: он выступал докладчиком, активно участвовал в полемике, являлся автором проекта программы и ряда резолюций. В стенограмме съезда постоянно присутствует фамилия Тучкин (под этим псевдонимом Чернов участвовал в работе съезда). Съезд показал, что в лице Чернова партия имела крупного теоретика и признанного лидера. Виктор Михайлович большое внимание в годы революции уделил расширению работы эсеров в деревне, что позволило партии превратиться в крупнейшую оппозиционную силу в стране.

¹³ Чернов В. М. К вопросу о социализации земли. СПб., 1908. С. 15.

¹⁴ См.: Чернов В. М. Маркс и Энгельс о крестьянстве. М., 1906. С. 105, 150.

В революционные годы произошли изменения и в личной жизни Чернова: их союз с А. Слетовой распался, у него появилась новая семья после женитьбы на Ольге Елисеевне Колбасиной, дочери видного представителя народнического движения 1860-х гг. У Ольги Елисеевны были две дочери-близнецы (Ольга и Наталья) и сын от первого брака Вадим, которые стали приемными детьми Чернова, горячо его любили, взяли его фамилию и отчество. Кроме того, у них родилась дочь Ариадна. Со второй семьей Виктор Михайлович отправился в новую эмиграцию после поражения революции.

В партии эсеров, как и в других политических партиях России того времени, фактически не было полного идейного единства, что вскоре обернулось расколом: отделились крайне левые, образовав партию эсеров-максималистов, и правые, сформировавшие партию народных социалистов. Оставшаяся же часть эсеров пережила серьезный кризис в связи с разоблачением руководителя Боевой организации партии Е. Н. Азефа как агента царской полиции. Чернов, тесно связанный многие годы с деятельностью Боевой организации, поддерживавший ее террористические акты, долго не мог поверить в предательство Азефа и всячески его защищал. Но когда после встречи с бывшим директором департамента полиции МВД России Лопухиным получил веские доказательства и убедился в подлинной роли Азефа, принял мужественное и высоконравственное решение: признав свою личную ответственность за происшедшее, он вместе с другими членами ЦК партии эсеров подал в отставку и на ряд лет отстранился от активной внутрипартийной работы.

В годы второй эмиграции Чернов проживал в Германии, Франции, Италии, уделяя особое внимание теоретической и литературно-публицистической деятельности. Лишенный возможности вернуться на родину он поддерживал тесные связи с единомышленниками посредством переписки, активно участвовал в издании ряда журналов как за рубежом, так и в России. В многочисленных статьях, опубликованных в эти годы, Виктор Михайлович обобщал опыт российской революции, разрабатывал новые теоретические положения, обосновывал важнейшие пункты партийной программы. Большое значение придавал он рассмотрению взаимоотношений политики и морали, доказывая, что и в политике необходимо и возможно руководствоваться определенными этическими принципами, что недопустим аморализм в политической деятельности¹⁵.

Значительную часть времени в период второй эмиграции семья Черновых проживала в Италии, на Лигурийском побережье, снимая небольшие виллы в Аллезии и Фещцано. Отсюда Виктор Михайлович постоянно выезжал по издательским делам в Париж, Швейцарию, на о. Капри и другие места. Он считал необходимым организовать издание художественно-публицистического журнала, который бы объединил широкий демократический спектр писателей, поэтов, публицистов, представлявших народы, населявшие Россию. Первоначально таким журналом намечалось сделать «Современник», издание которого возобновил в 1911 г. А. Амфитеатров. Познакомившись в Париже на квартире Е. П. Пешковой с М. Горьким, Чернов решил вместе с ним и В. Миролубовым войти в редакцию «Современника», куда их приглашал Амфитеатров. Однако позиция Амфитеатрова, стремившегося сохранить единоличное ру-

¹⁵ См.: Чернов В. Этика и политика // Заветы. 1912. № 2, 3, 7; Он же. Н. К. Михайловский как этический мыслитель // Заветы. 1914. № 1, 5.

ководство журналом, привела вскоре к выходу М. Горького, В. Миролубова и В. Чернова из редакции. В. М. Чернов задумал создать новый журнал¹⁶.

С апреля 1912 г. в Петербурге начался выпуск журнала «Заветы» (по август 1914 г. вышло 28 номеров), идейным вдохновителем и одним из редакторов которого был В. М. Чернов. Издание журнала потребовало от Виктора Михайловича больших усилий по редактированию материалов, поиску денежных средств для его существования, привлечению известных и талантливых молодых авторов, урегулированию конфликтов внутри редакции (особенно между В. Миролубовым и Р. Ивановым-Разумником, бывшими еще двумя соредакторами журнала). Кроме того, он постоянно публиковался в журнале (в 28 номерах обнаружено 27 материалов, написанных им, в отдельных номерах присутствовало по 2–4 его публикации, часть под различными псевдонимами). «Заветы» почти сразу превратились в один из популярнейших органов демократической России накануне первой мировой войны, и заслуга в этом принадлежала, в первую очередь, В. М. Чернову.

На страницах «Современника» и «Заветов» появились первые литературно-критические статьи и рецензии на произведения художественной литературы (роман Э. Гиппиус «Кукла», роман Рощина (Б. Савинкова) «То, чего не было», книгу стихов В. Брюсова, о творчестве Герцена, Салтыкова-Щедрин, Г. Успенского и др.), свидетельствовавшие о большом таланте начинавшего критика¹⁷. Кроме отдельных статей, Виктор Михайлович вел в «Заветах» под псевдонимом Я. Вечев рубрику «Дела и дни», где помещал свои полемические заметки на злободневные темы (полемика с Изгоевым, Каменевым, Струве др.).

Первая мировая война была воспринята Черновым как огромное бедствие, обрушившееся на весь мир и Россию. Виктор Михайлович был одним из немногих российских социалистов, сохранивших верность принципам интернационализма, не поддавшихся шовинистическому угару. Продолжая находиться в эмиграции, он принял участие в международных социалистических конференциях в Циммервальде и Кинтале, на которых выступал в поддержку резолюций за прекращение войны, за укрепление интернациональных связей социалистов воевавших стран. В отличие от Ленина он не выдвигал лозунгов гражданской войны и поражения своего правительства.

Весть о победе Февральской революции вызвала радостное возбуждение у Чернова, он рвался в Россию, но правительства стран Антанты стремились задержать возвращение российских эмигрантов, стоявших на интернационалистских, антивоенных позициях. Поэтому Чернову пришлось ждать два месяца возможности отправиться на родину и воспользоваться маршрутом через Германию. Он был торжественно встречен в Петрограде в начале мая представителями Совета, членами эсеровской партии, солдатами гарнизона, рабочими фабрик и заводов. И сразу же с головой окунулся в бурную атмосферу революционной России, выступал на многотысячных митингах и

¹⁶ Перипетии этой истории рассмотрены нами подробно в статьях: Роман М. Горького с В. М. Черновым (1911–1912) // А. И. Солженицын и русская культура. Саратов, 1999; Виктор Чернов и Максим Горький: литературно-политический «роман» // Кляно. 2000. № 3 (12).

¹⁷ В 1911 г. Амфитеатров в письме М. Горькому отмечал: «Чернов о Столыпине написал очень хорошо. Он-таки выплещется в чудесного политического фельетониста» (Литературное наследство. М., б.г. Т. 95. С. 310).

демонстрациях, проявив себя как талантливый оратор, способный овладеть любой аудиторией.

Обстановка в эсеровской партии была напряженной, шла борьба различных течений и, хотя численность партии быстро росла, достигнув к лету 1917 г. 800 тыс. человек, но внутренние противоречия подрывали ее авторитет. Чернов взял на себя миссию примирить разногласия, сплотить партию. Он занял центристскую позицию, но, не обладая большими организаторскими способностями и будучи человеком с мягким, покладистым характером, не сумел добиться реального объединения партийных рядов в самые сложные моменты исторических событий.

От эсеровской партии он был рекомендован в руководство Петроградского совета, а при формировании первого коалиционного состава Временного правительства стал министром земледелия. Находясь на министерском посту, Виктор Михайлович пытался провести в жизнь некоторые положения аграрной программы эсеров, но встретил яростное сопротивление министров, представлявших в правительстве буржуазные партии. Кроме того, органы печати, поддерживавшие буржуазные партии, начали травлю Чернова, распространяя клеветнические слухи о том, что он якобы получал деньги от Германского генштаба и чуть ли не являлся немецким шпионом. Все это сильно затрудняло действия Виктора Михайловича в области решения аграрного вопроса и принудило его в конце июля отказаться от министерского поста.

К осени 1917 г. Чернов пришел к выводу, что коалиция с буржуазными партиями подрывала авторитет социалистических партий, что в России реально встал вопрос о создании однородного социалистического правительства, в которое бы вошли представители всех социалистических партий: от народных социалистов справа до большевиков слева. Однако к этому времени Ленин уже спроектировал захват власти большевиками и не намеревался делить ее ни с кем. Для завоевания доверия крестьянства большевики использовали разработанную Черновым программу социализации земли, хотя она противоречила их собственной программе национализации земли.

Все попытки Чернова осенью 1917 г. сплотить ряды эсеровской партии окончились неудачно, его авторитет как партийного лидера значительно пошатнулся.

Взятие власти большевиками получило негативную оценку со стороны Чернова, он считал этот политический акт незаконным, нарушившим естественный путь развития России. Надо отметить, что в отечественной литературе в течение десятилетий указывалось, что Чернов вел антисоветскую деятельность, но это не соответствует действительности: он никогда не выступал против Советов, признавал их большое значение в революции, но считал, что Советы, во-первых, не должны подменять собой государственную власть и, во-вторых, в них не должно быть присутствия представителей только одной политической партии. На самом же деле с октября 1917 г. Виктор Михайлович вел борьбу только против большевистской диктатуры, будучи убежден, что она нанесла стране огромный вред.

Еще задолго до революции 1917 г. Чернов выступал за созыв всенародного Учредительного собрания, которое должно будет решать все основные проблемы дальнейшего развития страны. И вот давно ожидаемый момент настал: в ноябре 1917 г. прошли в стране первые действительно всеобщие демократические выборы в Учредительное собрание, на которых возглавляемая Черновым партия эсеров завоевала

абсолютное большинство голосов. Но это не устраивало большевиков, не желавших ни делиться с кем-либо властью, ни, тем более, расставаться с ней. Начало работы Учредительного собрания все время откладывалось, а когда оно открылось 5 января 1918 г., то большевики, недовольные его ходом, разогнали его в ночь на 6 января. Чернов, избранный председателем Учредительного собрания, не признал законность этих действий большевиков и продолжал вести борьбу за восстановление статута собрания.

Фактически со времени разгона Учредительного собрания в течение двух с половиной лет Виктор Михайлович находился на нелегальном положении, скрывался от ареста, его преследовали как большевики, так и правительство Колчака. В 1918 г. Чернов, пробираясь с семьей в Самару на соединение с правительством Комуча, в котором руководящую роль играли эсеры, последний раз побывал в Саратове. После его отъезда из Саратова жена и дочери еще оставались в городе, при этом Ольга и Наталья получили в Саратове среднее образование.

После скитаний по Предуралью и Уралу, ареста правительством Колчака, освобождения из тюрьмы Чернов вновь оказался в Москве. Ему все время приходилось скрываться, и в августе 1920 г. руководство эсеровской партии приняло решение об отъезде Виктора Михайловича из России для налаживания работы партии и выпуска партийной литературы за рубежом. Так началась последняя эмиграция Чернова, продолжавшаяся до самой смерти. Во время подпольных скитаний изменения коснулись и личной жизни Виктора Михайловича: он расстался со второй семьей и женился на подруге его второй жены, Иде Самойловне Сермус, с которой благополучно прожил всю оставшуюся жизнь.

Во время третьей эмиграции Чернов проживал в Эстонии, Германии, Чехословакии, Франции, США. Он продолжал активную политическую, литературную и общественную деятельность. Несмотря на все попытки, ему не удалось собрать воедино эсеровские группы, разбросанные по всему миру. Разброд и шатания в рядах партии усиливались, влияние Чернова упало. Многие эмигранты, даже из рядов собственной партии, обвиняли его в поражении сил демократии в России.

В годы эмиграции у Чернова все чаще возникала идея о необходимости создания в эмиграции единой российской социалистической партии, так как он считал принципиальные разногласия между эсерами и меньшевиками изжитыми. Линию на единство социалистических сил он проводил и в своей деятельности в рядах Рабочего социалистического интернационала, членом Бюро которого был в 1920–1930-х гг.

Особое внимание в годы эмиграции Виктор Михайлович уделял теоретическим вопросам: дальнейшей разработке проблем строительства социализма и обобщению опыта российских революций и гражданской войны. Изучая труды по теории социализма своих предшественников и современников, опыт приступа к социалистическому строительству большевиков, Чернов в своем капитальном труде «Конструктивный социализм» пришел к выводу, что время утопического и научного социализма прошло, теперь наступило время реального социализма, который может быть осуществлен только через кооперирование населения той или иной страны. При этом он считал, что сохранение в России элементов коллективизма в общине и менталитете населения позволяет нашей стране быстрее встать на путь кооперативного социализма¹⁸. В 1934–1935 гг., побы-

¹⁸ См.: Чернов В. М. Конструктивный социализм. М., 1997.

вав в Палестине, Виктор Михайлович убедился, что именно там, в еврейских киббуцах, находится аванпост современного социализма, осуществляется на практике то, о чем мечтали российские социалисты-революционеры еще в начале XX века¹⁹.

Серьезному исследованию Чернов подверг события 1917 г. в России, в нескольких книгах²⁰ и многочисленных статьях он попытался ответить на ряд вопросов: причины революции, отношение к царизму и Февральской революции различных социальных слоев российского общества, поведение масс после Февраля, почему победили большевики, ответственность разных политических партий за поражение демократии в России и т. д. Анализируя происходившее по имеющимся источникам, учитывая собственные воспоминания как активного участника описываемых событий, Чернов приходил к выводу, что приход к власти большевиков не был случаен, что демократические силы страны в ответственный момент оказались раздроблены и потеряли авторитет в массах.

Большое количество статей Виктора Михайловича было посвящено тому, что происходило на родине. Он пристально следил за событиями и повседневной жизнью в Советском Союзе и моментально откликался на них. Его оценки мероприятий большевиков, отдельных советских государственных и партийных деятелей весьма интересны и поучительны. Можно отметить его очень содержательный отклик на смерть Ленина, в котором дана оригинальная характеристика вождя большевиков²¹.

Чернов крайне негативно оценивал многое, что происходило в СССР в 1920–1930-е гг., особенно отказ от нэпа, насильственную коллективизацию сельского хозяйства, установление тоталитарного режима, массовые репрессии и др. Он призывал мировую общественность протестовать против особо вопиющих фактов сталинского произвола, против фальсифицированных судебных процессов, выступать в поддержку жертв репрессий. В 1930-е гг. Виктор Михайлович был среди тех прогрессивных деятелей, кто выступил против фашистской угрозы, призывал к сплочению антифашистских сил. Он считал, что передний край борьбы с фашизмом проходит на полях Испании, и сожалел, что из-за болезни не может лично туда поехать.

В конце 1938 г., когда Чернов находился на заседании Бюро РСИ в Бельгии, в Чехословакии сложилась опасная внутривнутриполитическая ситуация, что угрожало Виктору Михайловичу арестом. Поэтому из Бельгии он отправился в Париж, сумев получить из Чехословакии многие архивные материалы партии социалистов-революционеров, которые были переданы в Амстердамский архив РСИ (они и сейчас хранятся там и представляют большую ценность для изучения российского революционного движения). К сожалению, отъездом в Париж не закончились его скитания. Вторая мировая война и оккупация Франции немецко-фашистскими войсками заставили Чернова покинуть Европу. Последние годы жизни он провел в США.

В Нью-Йорке, где поселился Чернов, существовала довольно значительная группа эсеров, сильно возросшая в связи с прибытием эмигрантов из Европы. Среди них были такие видные деятели, как Авксентьев, Зензинов, Вишняк и др. В 1941 г. они на-

¹⁹ International Institute for Social History. Fund Cernov. Folder 21.

²⁰ См.: Чернов В. М. Рождение революционной России. Париж-Прага, 1934; Он же. Итоги марксизма // ГАРФ, ф. Р-5847, оп. 1, л. 11; Chernov V. The Great Russian Revolution. New Haven, 1936.

²¹ См.: Чернов В. М. Ленин // Воля Россия. 1924. № 3. С. 30–38.

чали издавать журнал «За свободу», в редакцию которого вошел и Виктор Михайлович. В центре внимания авторов статей этого журнала были события в Европе, Великая Отечественная война, проблемы послевоенного устройства мира. Виктор Михайлович после 22 июня 1941 г. выступал в поддержку героической борьбы советского народа, призывал русских эмигрантов и американцев оказать всестороннюю помощь СССР в его борьбе против фашистских агрессоров. Однако это была поддержка именно народа, а не правительства, ибо Чернов убеждался, что Сталин не собирался смягчать режим, проводить демократические преобразования. Поэтому по мере приближения войны к победоносному для антифашистского лагеря завершению Виктор Михайлович предупреждал об опасности установления сталинского диктата над Европой.

В годы Второй мировой войны и после нее В. М. Чернов много внимания уделял изучению истории России, анализу российско-польских отношений. В архиве Гуверовского института войны, революции и мира хранятся многочисленные выписки, сделанные им из источников и литературы, по этим проблемам. Они свидетельствуют о глубоком научном подходе к исследованию, искренней любви к своей родине, гордости за ее героическое прошлое.

Еще в 1919 г., скрываясь в Москве от ареста, Чернов начал писать свои мемуары, в которых отразил первые годы своей революционной деятельности, показал, как формировалось его мировоззрение. Эти мемуары были опубликованы в 1922 г. в Берлине под названием «Записки социалиста-революционера». В последние годы жизни он работал над воспоминаниями, но не сумел завершить их. Книга «Перед бурей» была издана в 1953 г. в Нью-Йорке уже после его смерти, в ней охвачены годы жизни с рождения до отъезда из России в 1920 г., но многие события и факты он обошел молчанием. Очевидно, поэтому и авторы, пишущие о нем, не освещают целые периоды жизни Чернова.

Чернов был физически очень крепким человеком, но после 60 лет у него появились многочисленные болезни, его несколько раз оперировали. Однако до последних лет жизни он сохранял прекрасную память, работоспособность, веру в великое будущее России, в ее грядущее демократическое развитие. Для Виктора Михайловича демократия и социализм были неразделимы, невозможны друг без друга.

14 апреля 1952 г. он умер в Нью-Йорке, и на траурном митинге представители разных политических течений русской эмиграции, американской общественности отмечали его огромную роль в политической жизни России первых десятилетий XX в., подчеркивали его преданность своей родине, безграничную любовь к России.

А.В. Воронихин

ИСТОРИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ
БЕЗ ПАРАДНОГО ГЛЯНЦА(страницы биографии
саратовского губкомиссара
П. А. Лебедева)

Октябрьский государственный переворот в Петрограде, с которого начались социальные преобразования в России, положил начало и советской юстиции в Саратовской губернии.

Функции судебного управления на местах в первые годы революции выполняли комиссары. 7 (20) января 1918 г. саратовским губернским комиссаром юстиции был избран Петр Александрович Лебедев — «одна из наиболее ярких личностей среди местных всдеков» (по мнению американского исследователя истории Саратовского края Д. Рейли, который ставит Лебедева в один ряд с такими известными большевиками, как В. П. Милютин, М. И. Васильев-Южин и В. П. Антонов-Саратовский)¹.

Почему именно он стал первым губкомистом? Как сложилась его судьба? В краеведческой и справочной литературе ответов на эти вопросы нет. Поиск в архивохранилищах Саратова позволил восстановить некоторые страницы биографии этого деятеля российской революции.

Петр Лебедев родился в 1877 г. Когда ему исполнился 21 год, умер его отец, работавший в Саратове следователем. Мать — домохозяйка, осталась с шестью детьми, которых должна была воспитать на пенсию, полученную по смерти мужа. Несмотря на материальные трудности, отправила сына Петра учиться на юридический факультет Петербургского университета². В столице студент Лебедев подрабатывал частными уроками. Как многим другим участникам революционного движения, Петру Лебедеву не удалось с первого захода окончить курс университета. Проучившись 2,5 года, за участие в студенческих беспорядках он на 6 месяцев попал в Дом предварительного заключения, из которого в сентябре 1900 г. вернулся в Саратов под надзор полиции. Три месяца проработал журналистом в управлении Рязано-Уральской железной дороги, где познакомился со своей будущей женой Э. И. Андреевой, и перешел в газету «Саратовский дневник»³, которую редактировал Б. А. Маркович, сын известной писательницы Марко Вовчок (М. А. Маркович)⁴.

Весной 1901 г. Петр Лебедев нечаянно встретил на Митрофаньевской площади товарища ученических лет Сергея Фофанова. Разговорились, поняли, что с полуслова

¹ Рейли Д. Политические судьбы российской губернии: 1917 в Саратове. Саратов, 1995. С. 44.

² Лебедев П. К истории Саратовской организации РСДРП (1901–1903) // Пролетарская революция. 1923. № 3 (15). С. 228.

³ Работал постоянным сотрудником с окладом в 30 руб. в отделе корреспонденций, писал под псевдонимом «П-р», то есть «Пьер».

⁴ См.: Регистрационный бланк члена ВКП(б), члена Чрезвычайной коллегии Верховного суда СССР П. А. Лебедева, 1936 г. // СОМК. № 15135/15.

понимают друг друга и решили основать свой марксистский кружок. «Так среди невылазной грязи базарной площади родился 1-й Саратовский Комитет РСДРП», — с улыбкой вспоминал об этом историческом событии П. А. Лебедев. Первыми членами комитета наряду с основателями стали С. Сафонов, Н. Архангельская (впоследствии меньшевичка) и В. Фоминых⁵.

В 1904—1907 г. Лебедев работал статистиком в Киеве, после чего смог вернуться в Петербургский университет и окончить курс юридического факультета. В 1910 г. Петр Александрович возвращается в Саратов и начинает карьеру присяжного поверенного⁶, одновременно продолжая нелегальную деятельность в местном комитете РСДРП (б).

В августе 1915 г. он вместе М. С. Ольминским редактировал «Нашу газету» — легальный печатный орган саратовских большевиков, которая была закрыта 20 октября того же года⁷. Присяжный поверенный Лебедев был одним из инициаторов манифестации в память умершего депутата II Государственной думы меньшевика В. Б. Ломтатидзе. В том же году вместе с помощниками присяжных поверенных В. П. Антоновым и Г. И. Оппоковым он был арестован. Саратовский губернатор С. Д. Тверской писал помощнику министра внутренних дел А. В. Степанову: «...Лебедев, Антонов и др. направляют свою общественную деятельность к объединению рабочих масс между собою и с оппозиционно настроенной интеллигенцией для соорганизованных выступлений на экономической и политической почве с целью достижения стремлений Российской С.-Д. Рабочей Партии. Местом такого общения является просветительное общество «Маяк»...»⁸. По постановлению Особого совещания при Министерстве внутренних дел Лебедев, Антонов и Оппоков за антивоенную пропаганду были посланы под надзор полиции в Иркутскую губернию⁹.

События Февральской, а затем Октябрьской революции вынесли во власть многих бывших присяжных поверенных. Самые известные — это адвокат А. Ф. Керенский и помощник присяжного поверенного В. И. Ульянов.

Среди саратовских радикалов выделялись первый председатель общественного городского исполнительного комитета (ОГИК) народный социалист А. А. Токарский (бывший председатель Совета присяжных поверенных), губкомиссар Временного правительства присяжный поверенный Н. И. Семенов и их коллеги по адвокатской деятельности большевики М. И. Васильев-Южин, В. П. Антонов (впоследствии Саратовский), будущий нарком юстиции в первом составе СНК Г. И. Ломов-Оппоков и П. А. Лебедев.

23 марта 1917 г. в Саратове собрался съезд Советов Поволжья и Приуралья (в здании губернского правления, ныне — ул. Радищева, 22). Лебедев, только что вернувшийся из Сибири, был на нем заметной фигурой, его выбрали во временное областное бюро вместе с меньшевиками Майзелем и В. Н. Гуттерманом¹⁰. В Поволжское

⁵ Хроника событий Саратовской областной организации КПСС. 1883—1983. Саратов, 1985. С. 23.

⁶ См.: Регистрационный бланк... // СОМК. № 15135/15.

⁷ Твои четыре века, город. Саратов, 1990. С. 100.

⁸ История Саратовского края. 1590—1917: Хрестоматия. Саратов, 1983. С. 305.

⁹ ГАСО, ф. 1, оп. 1, д. 9772, л. 20.

¹⁰ Рейли Д. Указ. соч. С. 100.

бюро кроме саратовцев вошли представители Астрахани и Оренбурга, но возможности этого координирующего органа были ограничены только обменом информации, так как «каждый большой город был занят своими интересами», — вспоминал М. И. Васильев-Южин¹¹.

В период двоевластия П. А. Лебедев был одним из лидеров Саратовского Совета рабочих и солдатских депутатов, членом его исполкома. 12 апреля 1917 г. Петр Александрович опубликовал в газете «Социал-демократ» напугавшую статью «Знаменательный циркуляр», в которой выступил против распоряжения председателя Временного правительства князя Г. Е. Львова передать полномочия губернаторов председателям губернских земских управ, которые автоматически становились комиссарами новой власти. Лебедев подчеркивал, что князь Львов пытается власть комиссаров Временного правительства сделать независимой от народа и подчиненной лишь правительству. «Революционная демократия...», — писал саратовский большевик, — не для того делала революцию, чтобы на место прежних полновластных «хозяев» губернии получить новых, хотя бы они назывались теперь комиссарами»¹². Однако, когда в октябре 1917 г. большевики захватили власть в Петрограде и это движение перекинулось в провинцию, именно П. А. Лебедев был назначен первым советским губернским комиссаром в Саратове. «Ничего особенного не случилось, — успокаивала читателей местная газета. — Вместо Топуридзе стал править Лебедев»¹³. Должность эта была временная. Петр Александрович должен был наладить работу аппарата исполнительной власти в губернии. В январе 1918 г. губернский комиссар Лебедев был избран комиссаром юстиции¹⁴.

Первым делом саратовские революционеры сломали старую судебную систему и приступили к формированию новых органов судопроизводства «на свой страх и риск», «подражая» Народному комиссариату юстиции РСФСР. В составе губернского комиссариата юстиции были созданы отдел личного состава, судоустройства, регистрации, архивов, статистики, тюремного дела и общей канцелярии. «В духе революционного правосознания» губкомом выносятся постановления о применении старых законов и замене их новыми. «Все эти работы проводились при весьма ничтожном количестве надежных и знающих сотрудников и при недостаточном спорадическом финансировании

¹¹ См.: Серебрякова Э. А. Областные объединения Советов России, март 1917 — декабрь 1918. М., 1977. С. 25.

¹² См.: Социал-демократ (Саратов). 1917. 12 апр.

¹³ Цит. по: Лебедев П. Февраль-Октябрь в Саратове // Пролетарская революция. 1922. № 10. С. 256.

¹⁴ Предварительно уже 2 ноября 1917 г. Саратовский губисполком распределил портфели народных комиссаров следующим образом: председатель В. П. Антонов одновременно руководил комиссариатами финансов и народного образования, две должности сразу получил П. А. Лебедев — комиссар внутренних дел и юстиции, комиссаром земледелия стал Ф. Иванов, труда — К. И. Плаксин, по военным делам — тов. Щербаков, по делам партийных и общественных организаций — М. В. Васильев, по делам продовольствия тов. Садаев, по делам печати — В. А. Зенкович, почты и телеграфа — тов. Тренин, комиссаром речной охраны стал М. Венгеров, комендантом города — тов. Сухов (Антонов-Саратовский В. П. Октябрьские дни в Саратове // Пролетарская революция. 1922. № 10. С. 297).

комиссариата»¹⁵, — писал в своем первом годовом отчете 24 октября 1918 г. губкомост Лебедев. Самыми важными событиями этого года стали два губернских съезда работников юстиции, проведенные 10—15 апреля и 19—24 августа 1918 г. К концу года в Саратове действовали Революционный Трибунал, Окружной Народный Суд, Советы Местных Судей, Нотариальные Отделы и Следственные Комиссии под руководством губернского комиссариата юстиции. Все названия подразделений комиссариата писались с большой буквы, чтобы подчеркнуть важность и значимость закона в жизни губернии.

С середины 1918 г. полномочия комиссаров юстиции передаются отделам юстиции губиспокомов и бюро юстиции в уездах. На губернские отделы юстиции возлагалась организация народных судов и революционных трибуналов, коллегий защитников и обвинителей. Отделы юстиции осуществляли наблюдение за деятельностью судебно-следственных органов. Им были в известной мере присвоены права прокуратуры. За ведущим отделом юстиции Саратовского губернского исполнительного комитета до 1921 г. оставался П. А. Лебедев.

К этому времени Петр Александрович вполне освоился в роли руководящего советского работника. Освоился настолько, что попал в поле зрения губернского ревтрибунала. В Государственном архиве Саратовской области хранится «Дело по обвинению бывшего заведующего хозяйством колонии малолетних преступников на Второй Гуселке Пржонткевича Кайна Карловича»¹⁶, в котором содержатся нелицеприятные сведения и о деятельности завгубюста П. А. Лебедева. События развивались стремительно.

25 февраля 1921 г. в ячейку РКП № 75 губернского отдела юстиции обратились коммунисты Маркелов и Бобровский с «докладом». Вернувшийся с Западного фронта, бывший работник Рабоче-крестьянской инспекции Бобровский 1,5 месяца работал директором колонии для несовершеннолетних преступников на Второй Гуселке. Столкнувшись со злоупотреблением служебным положением завхоза колонии К. К. Пржонткевича, Бобровский обратился к товарищу заведующему губернным отделом юстиции П. А. Лебедеву. Реакция завгубюста была неожиданной — Бобровского из директоров он перевел в бухгалтера, директором назначил «специалиста-юриста гражданина Щеглова», при фактическом хозяйничании в колонии сапожника из австрийских военнопленных Пржонткевича.

Закаленный на фронтах Гражданской войны коммунист Бобровский с решительностью Павки Корчагина ринулся на борьбу с «паразитами на теле Советской власти». Из «доклада» в ячейку РКП вырисовывается такое положение дел в бывшем образцовом Галкинском приюте пятьдесят лет спустя со времени его основания.

В хозяйстве, созданном для работы и питания заключенных, завгубюст Лебедев откармливал свою свинью, периодически снабжался молоком, бараниной и «часто завхоз к нему что-то возит». «При мне отвезли воз сена в г. Саратов для коровы т. Лебедева», — сообщал Бобровский. И далее: «Завгубюстом разрешил Завхозу содержать на Гуселке свою свинью, телку и лошадь. По словесному распоряжению Ле-

¹⁵ Отчет о деятельности Саратовского губернского комиссариата юстиции 24 октября 1918 г. (см.: Галкин Ю. В., Воронихин А. В. Очерки истории юстиции Саратовского края. Саратов, 2002. С. 186—193).

¹⁶ ГАСО, ф. Р-507, оп. 1, д. 143.

бедева завхоз обменял племенного быка, принадлежащего колонии, на полуторогодовалого теленка. Бывший казенный бык был сразу же «зарезан за колонией». Затем завхоз Пржонткевич «продал за бесценок 2 породистые коровы какому-то садовнику и деньги неизвестно как провел по книгам и пустил на какие-то обороты. Третью корову завхоз променял на старую лошадиную телегу... которая по слухам ранее была на Гуселке». Товарищ Лебедев «разрешил жене завхоза шить белье и одежду для воспитанников» из мануфактуры, которую получал Бобровский еще в бытность директором колонии. На квартире супругов Пржонткевич трудились заключенные женщины и, каково же было удивление Бобровского, когда вместо качественной ткани заключенные нарядились «в брюки... из какой-то красной материи, выглядят в них как филины... а хорошая мануфактура куда-то ускользнула».

Когда Бобровский принял колонию, то первым делом попытался заручиться согласием завгубюста Лебедева, чтобы тот «разрешил поставить караул из караульной команды г. Саратова... но т. Лебедев на это не согласился». В результате «одетые в красные революционные шаровары» заключенные колонии охраняли себя сами, имея на вооружении винтовки. Такое доверие вышестоящего начальства они «оправдали незамедлительно»: начали промышлять вооруженным грабежом в близлежащих селениях, на дорогах и «были пойманы уголовной милицией на месте преступления».

Директор Щеглов «завел в конторе бюрократию, величает всех господами... утром встает не ранее 11 часов, днем обжирается у завхоза, а вечером до поздней ночи играет в шахматы у заключенного правого эсера Денисова, с другими заключенными интеллигентами» и находится в полной зависимости от завхоза. Гр. Пржонткевич «вместе с заключенными Климовым и Ляловым ездит в их села и на обратном пути, закупив сено по вольным ценам, в соломе привозят для спекуляции муку и мясо... Кроме того гоняют по всеям лошадей за 60 верст за соломой для Химотдела, получая за это частичку соломы, принимаемой без всякого контроля. Материалы, мазут, керосин и прочие расходуются из колонии бесконтрольно, как равно сено на замок не закрывается и скармливают сено приезжающие и ночующие на колонии родственники заключенных. Это относится к вине самого завхоза, который признает распоряжения только т. Лебедева»¹⁷.

Называет принципиальный коммунист Бобровский и еще одного покровителя предприимчивого завхоза Кайна Карловича — это «представитель Рабкринна гр. Ваксин, который за угощение и одну четверку молока продал свою совесть на Гуселке»¹⁸.

По «докладу» Бобровского и Маркелова Саратовский губернский революционный трибунал предпринял энергичные меры по розыску Пржонткевича. Но ловкий Кайн успел уехать из Саратова в Москву. Настойчивые попытки следователей Ревтрибунала обнаружить его следы в столице не увенчались успехом. 15 августа 1921 г. «ввиду не розыска обвиняемого Пржонткевича дело следственным производством приостановлено» впредь до розыска обвиняемого¹⁹.

¹⁷ ГАСО, ф. Р-507, оп. 1, Д. 143.

¹⁸ Там же. Л. 21–22 об.

¹⁹ Там же. Л. 49.

Завгубюста товарищ П. А. Лебедев в 1921 г. тоже отбыл в столицу... на новую ответственную работу.

Петр Александрович Лебедев после отъезда из Саратова работал комиссаром и начальником Казанско-Белорусской железной дороги (1921–1922), затем 6 лет председателем Высшей арбитражной комиссии при Совете Труда и Обороне, потом был направлен замторгпреда в Турцию (1928–1929), после Анталии исполнял обязанности прокурора Таджикской республики (1935), с 1935 г. — он член гражданской коллегии Верховного Суда Союза ССР²⁰. Лебедев пережил репрессии 1930–1940-х гг. и, окруженный почетом, скончался в 1952 г. в возрасте 75 лет.

Не входит в компетенцию историка судить исторического деятеля. Задача более скромная — восстановить страницы биографии и попытаться понять логику поступков в контексте времени. Представляется, что Петр Александрович Лебедев был не худшим представителем «ленинской гвардии», старался в меру сил служить идее социалистического преобразования России. Фрагменты его воспоминаний, опубликованные в 1922–1923 гг. в журнале «Пролетарская революция», достаточно доброжелательны и сдержаны. В эпоху беспощадной классовой борьбы, нетерпимости и ненависти он старался быть объективным и находил уважительные слова для своих политических оппонентов. О бывшем «патроне» в коллегии присяжных поверенных Семенове, например, написал, что этот народный социалист «был, безусловно, честный и порядочный человек, отнюдь не карьерист и не политикан...»²¹. О меньшевике Майзеле заметил: «очень даровитый, как журналист и недурной оратор», добавив, что в конце 1918 г. Майзель перешел в РКП и погиб от рук белогвардейцев в Одессе²².

Петр Александрович Лебедев прошел свой жизненный путь и остался в истории, пусть без парадного глянца, но остался, видимо, навсегда.

²⁰ См.: Регистрационный бланк... // СМК. № 15135/15.

²¹ Лебедев П. Февраль-Октябрь в Саратове... С. 240.

²² Там же. С. 237–238.

А.А. Гуменюк

САРАТОВСКАЯ ДЕРЕВНЯ
НАКАНУНЕ ПЕРЕХОДА
К НЭПУ

Период конца 1920—начала 1921 гг., вошедший в анналы истории России как кризис политики военного коммунизма и обусловивший необходимость крутого поворота в экономической политике Советского государства, всегда привлекал к себе пристальное внимание отечественных и зарубежных историков, как, впрочем, и другие поворотные, переломные периоды в истории Российского государства. Что в действительности заставило большевиков отказаться от методов проведения политики продразверстки, этой главной составляющей военного коммунизма? Что явилось главным аргументом, убедившим Ленина в необходимости смены экономического курса?

На первый взгляд может показаться, что таким аргументом явился Кронштадтский мятеж, но он, скорее всего, был не причиной, а следствием той ситуации, которая сложилась в стране к моменту открытия X съезда РКП (б). Причины же крутого поворота экономического курса лежат намного глубже, чтобы их понять следует рассмотреть состояние экономики и социальной сферы на уровне регионов в конце широкомасштабной Гражданской войны, и прежде всего ситуацию в аграрном секторе. Ведь именно на такие данные опирался В. И. Ленин в своем докладе на X съезде РКП (б), аргументируя необходимость перемены в экономической политике.

Первые шаги в исследовании этой проблемы были предприняты еще в 1920-е годы¹. Хотя теоретический уровень работ далеко не всегда высок, но конкретные наблюдения, выхваченные прямо из гущи жизни факты и примеры необыкновенно ценны. Они существенно дополняют данные опубликованных источников о борьбе с так называемым бандитизмом, о демографической ситуации в деревнях региона в конце Гражданской войны и другим аспектам проблематики. С начала 1930-х гг. исследования этого сюжета по существу замкнулись на изучении отдельных вопросов борьбы с выступлениями крестьян в начале 1920-х гг. в рамках трактовок Краткого курса истории Отечества стали предприниматься со второй половины 1940-х гг. В центре внимания исследователей оказались решения VIII Всероссийского съезда Советов (конец 1920 г.), которые сначала были квалифицированы как первый шаг к выработке нэпа², а после XX съезда КПСС их стали трактовать в рамках военно-коммунистической парадигмы⁴. Это говорит о том, что основной вектор в изучении истории России кон-

¹ См.: Старый и новый быт: Сборник / Под ред. В. Г. Тана-Богораза. Л., 1921; Мальков А. А. Естественное движение населения Саратовской губернии за период 1914—1925 гг. Саратов, 1926; Васина Е. Бандитизм в Саратовской губернии. Саратов, 1928.

² См., напр.: Филимонов А. Мелкобуржуазная контрреволюция при переходе к нэпу // Исторический журнал. 1938. № 4.

³ См., напр.: Яковлев А. Ленинский декрет о продналоге и крестьянство // Исторический журнал. 1945. № 5; Генкина Э. Б. Переход Советского государства к новой экономической политике (1921—1922) М., 1954; СССР в период восстановления народного хозяйства (1921—1925). Исторические очерки. М., 1955.

⁴ См., напр.: Новая экономическая политика. Вопросы теории и истории. М., 1974; Поляков Ю. А и др. Новая экономическая политика: разработка и осуществление. М., 1982.

ца Гражданской войны сместился в сторону поисков истоков нэпа в недрах политики военного коммунизма. В 1990-е гг. С. Павлюченков смог показать, что эти истоки нужно искать не только в верхних эшелонах власти (предложения Л. Троцкого, меньшевиков и т. д.), но и в предложениях с мест. Рассматривая суть этих переложений, он сумел точно подметить основные черты ситуации в советской деревне конца Гражданской войны, выявив роль незаконных действий продовольственников при реализации разверстки в разжигании крестьянского недовольства политикой властей⁵.

Одним из убедительных свидетельств плодотворной разработки этого периода истории России явилась публикация серии работ, посвященных истории начала 1920-х гг. в отдельных губерниях и экономических районах Российской Федерации, в том числе в Саратовской губернии⁶. Однако не в одной из этих работ нет целостной картины кризисных явлений в деревне региона. Она ограничивается лишь социально-экономическим и политическим аспектами кризиса, социально-демографическая составляющая практически не представлена. Поэтому в данной статье автор пытается восполнить этот пробел и показать глубину кризисной ситуации в деревне Саратовской губернии на рубеже 1920—1921 гг.

Сохранение в силе политики продразверстки породило недовольство широких масс крестьянского населения как губернии, так и всей страны. Пока продолжалась война и опасность возвращения помещиков не миновала, крестьянство мирилось с тяжелой для него продовольственной разверсткой, трудовой и гужевой повинностью. Но с исчезновением этой опасности крестьянство стало более резко выражать недовольство политикой военного коммунизма, единственное оправдание которой исчезло⁷. Этому способствовало резкое ухудшение положения в стране в связи с неурожаем в отдельных местностях республики Советов, в том числе и в Поволжье. В докладе о политическом и экономическом положении Саратовской губернии к 1 июля 1921 г. именно на неурожай 1920 г. указывалось как на отправную точку роста крестьянского недовольства. Масштабы неурожая, констатировалось в документе, оказались больше, чем предполагало руководство страны. В результате, разверстка, наложенная на Саратовскую губернию, оказалась непосильной для крестьянства⁸. Лишь в начале 1921 г., когда губисполком был буквально завален заявлениями от уисполкомов о невозможности выполнения разверстки в полном объеме, президиум губернского исполнительного ко-

⁵ См.: Павлюченков С. А. С чего начинался нэп // Трудные вопросы истории. М., 1991; Павлюченков С. А. Крестьянский Брест или предыстория большевистского НЭПа. М., 1996.

⁶ Стрельцова А. И. Борьба коммунистической партии за укрепление рабочего класса и крестьянства в восстановительный период 1921—1925 гг. (по материалам Саратовской губернской партийной организации) // Учен. зап. Сарат. гос. пед. ин-та. 1959. Вып. 33; Очерки истории Саратовской организации КПСС. Ч. 2. 1918—1937 гг. Саратов, 1965; Аьюис Э. Введение новых форм экономических отношений в Саратовской губернии (1921—1923) // История России: Диалог российских и американских историков: Материалы рос.-амер. науч. конф. Саратов, 18—22 мая 1992 г. Саратов, 1994; Овчинников С. А., Овчинников И. С. Время лихолетья: Из истории ликвидации бандитизма и повстанчества в Саратовской губернии и Области немцев Поволжья в 1920—1922 гг. Саратов, 2000; Гончаров А. В., Данилов В. Н. Саратовское Поволжье в период гражданской войны (1918—1921 гг.). Саратов, 2000; Рейли Д. Антибольшевистские волнения в Саратове и Саратовской губернии в конце гражданской войны // Вестн. Самар. гос. ун-та. 2001. № 1 (19).

⁷ ЦДНИСО, ф. 27, оп. 2, д. 5, л. 35.

⁸ ГАСО, ф. 521, оп. 1, д. 716, л. 1.

митета добился от центра приостановления дальнейшего выполнения разверстки. Однако к этому времени она была выполнена уже на 75–82 %, и сбор ее сопровождался нажимом на крестьян, порождая лишь их недовольство⁹, что наглядно демонстрируют выдержки из архивных документов, обнаруженных автором в Саратовских областных архивах¹⁰.

Отраженные в этих выдержках примеры наглядно убеждают, как справедливо отмечают А. В. Гончаров и В. Н. Данилов, что репрессивные методы (конфискации, аресты, заложничество) приобрели очень широкие масштабы. Можно согласиться с вышеупомянутыми исследователями, что особо популярной оказалась практика фиктивных расстрелов крестьян, подозреваемых в «сокрытии» запасов зерна, когда им завязывали глаза, ставили к стенке и стреляли вверх головы¹¹. Подобная политика по отношению к деревне как раз и являлась причиной появления брожения, доходящего до открытых восстаний, в частности, в Покровском, Саратовском, Хвалынском, Камышинском, Кузнецком, Сердобском и Новоузенском уездах. В этих и других уездах наблюдалось и сильное недовольство крестьянства злоупотреблениями властей при проведении тру-

⁹ См.: Советы в эпоху военного коммунизма (1918–1921): Сб. документов / Под ред. и с предисл. В. П. Антонова-Саратовского. М., 1929. Ч. 2. С. 91; Отчет Саратовского губернского исполнительного комитета солдатских, рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов 9-го созыва 10-му губернскому съезду советов за октябрь 1920–июнь 1921 гг. Саратов, 1921. С. 19; РГАСПИ, ф. 17, оп. 11, д. 65, л. 32.

¹⁰ В докладе Камышинского ревкома, Президиума уисполкома и уездного комитета РКП (б) Саратовскому губисполкому (начало 1921 г.) говорилось: «Такая выкачка хлеба оставила большинство населения без каких-либо остатков на 1920 г. ... забиралось все под чистую, не считаясь ни с какими нормами, даже забирала хлеб, привезенный некоторыми крестьянами для себя из других мест (Донской области и из-за Волги)» (ГАСО, ф. 521, оп. 1, д. 634, л. 3 об.-4.). О деятельности советских работников на местах от 10 марта 1921 г.: член одного из волсполкомов Пугачевского уезда «... после выполнения государственной разверстки на шерсть и овчины ... собрал дополнительную разверстку. Собрав таким образом шерсть и овчины, члены волсполкома употребили себе на шкуры и валенки» (ЦДНИСО, ф. 27, оп. 2, д. 45, л. 56). Из письма крестьян Саратовской губернии В. И. Ленину (июнь 1921 г.) следовало: «Здесь ... правительство отнимает хлеб под силой оружия, одним словом издеваются над крестьянством, а в газетах пишут, что крестьяне сами добровольно ссыпают хлеб» (ГАСО, ф. 521, оп. 1, д. 669, л. 2.). Письмо трудового армейца Покровского уезда Саратовской губернии о незаконных действиях органов Советской власти на местах председателю Предсовнаркома 6 сентября 1921 г.: «... в конце 1920 г. и начале 1921 г. была наложена непосильная разверстка хлеба ... Выполнение разверстки было поручено выборным пятеркам, которые выполнить такую не могли, так как она была непосильна. Тогда власти стали их (крестьян. — Г. А.) принуждать при помощи трудовладельцев выполнять такую ... Их (крестьян. — Г. А.) стали подвергать всяким пыткам. Их арестовывали и отправляли в Райпродком со связанными руками и надетым на голову мешком. Дорогой их условно расстреливали, но выстрел был вверх. Сдавали их в холодные помещения и снимали с них теплую одежду» (ГАСО, ф. 521, оп. 1, д. 670, л. 1.). Двухнедельный информбюллетень № 24 (декабрь 1921 г.) Саратовской губернской чрезвычайной комиссии, адресованный Полномочному представителю ВЧК в Поволжье, сообщал, что, по мнению Пятакова, одного из лидеров повстанческого движения, одной из причин крестьянских восстаний против большевиков «... было нетактичное действие местных продорганов и, в частности, продработников, которые были совершенно в большинстве случаев не знакомы с психологией крестьянина и не входили в его действительное положение. Вся работа протекала процессом строгих репрессий по отношению крестьян, была конфискация имущества...» (ЦДНИСО, ф. 27, оп. 2, д. 815, л. 7).

¹¹ Гончаров А. В., Данилов В. Н. Указ. соч. С. 62.

довой повинности, когда власти задерживали сельских жителей, уклоняющихся, например, от расчистки железнодорожных путей от снежных заносов. Повсюду крестьянские выступления проходили под лозунгами «Дайте хлеба и долой подводную повинность!», «за Учредилку и за советы без коммунистов»¹².

Ответом властей на такие требования крестьянства была жестокая расправа над восставшими. Ответственные и руководящие работники уездных комитетов РКП (б) настоятельно советовали членам районных и волостных комитетов партии выслеживать «из числа зажиточного населения, ведущего за собой массы против власти Советов», активных руководителей крестьянских восстаний и брать их в заложники или отправлять в лагерь принудительных работ. Были установлены даже нормы для задержания: 5 человек с волости, или на 1000–2000 человек одного¹³. Не могли избежать участи «активных руководителей массы в контрреволюционных движениях» и рядовые участники восстаний. Их приговаривали или к тюремному заключению, или к заключению с применением принудительных работ, или к расстрелу, правда, в некоторых случаях члены саратовского ревтрибунала, считаясь с преклонным возрастом обвиняемых, меру наказания изменяли¹⁴. Хотя крестьянские восстания во многих уездах быстро подавлялись, настроения крестьянства не изменялись в лучшую для большевиков сторону, оставаясь «весьма неблагоприятными»¹⁵.

Другой характерной неблагоприятной тенденцией, свойственной как всей советской деревне, так, в частности, и саратовской, стало сокращение посевных площадей основных зерновых культур. Представить масштабы и дать оценку этого процесса позволяют материалы отчета о деятельности Саратовского губпродкома за июнь — ноябрь 1921 г.¹⁶:

Год	Посевная площадь, тыс. дес.
1917	2150
1918	2090
1919	1940
1920	1800
1921	1350

Из данных видно, как резко сократились посевные площади в Правобережье к 1921 г. В заволжских же уездах уменьшение посевных площадей оказалось еще более катастрофичным. Если в правобережных уездах оно коснулось главным образом посевов яровой пшеницы, то в Заволжье наряду с яровой сократились посевы и озимой пшеницы. По данным отчета Саратовского губернского экономического совещания, в

¹² ГАСО, ф. 456, оп. 1, д. 413, л. 4, д. 678, л. 22, 75-75 об., 76 об.-77 об., 212, ф. 521, оп. 1, д. 716, л. 1 об.; ЦДНИСО, ф. 27, оп. 2, д. 312, л. 72 об, д. 321, л. 116-116 об.

¹³ ЦДНИСО, ф. 200, оп. 1, д. 302, л. 253 об.; ф. 805, оп. 1, д. 21, л. 14 об., 16.

¹⁴ Там же. Ф. 27, оп. 2, д. 330, л. 8; ГАСО, ф. 521, оп. 2, д. 45, л. 3.

¹⁵ ГАСО, ф. 456, оп. 1, д. 413, л. 15, 23.

¹⁶ ЦДНИСО, ф. 27, оп. 2, д. 304, л. 29.

одном Новоузенском уезде посевная площадь в 1921 г. сократилась на 54 %¹⁷. В целом же по губернии в 1921 г. площадь озимых и яровых посевов уменьшилась на 40 %¹⁸.

Такое значительное сокращение посевных площадей в губернии можно объяснить рядом причин. Во-первых, нехваткой посевного материала, изымавшегося по продразверстке. В результате вместо засевавшихся в 1919 г. 15 десятин в 1921 г. засевали лишь одну¹⁹. Во-вторых, неблагоприятными природно-климатическими условиями. Частые неурожаи в губернии были причиной голода 1880, 1881, 1891, 1906–1907 гг. Неурожайным был и последний военный 1920 г. (в заволжских уездах неурожай был почти полным)²⁰. Судя по материалам доклада «О восстановлении сельского хозяйства Саратовской губернии» заведующего губернским земельным отделом, на этот процесс повлияли и сохранившиеся еще пережитки крепостного строя: отсталость системы землепользования, принудительный севооборот, переделы, чересполосица²¹. В-третьих, на динамике изменения посевных площадей отразилось ухудшение качества земли по причине отсутствия какого-либо ремонта водно-мелиоративных сооружений и вследствие изношенности сельскохозяйственного инвентаря²². В 1920 г. по сравнению с 1914 г. количество плугов сократилось на 18,7 %, веялок — на 18,9 %, жаток — на 15,6 %, молотилок — на 14,1 %. В результате один плуг приходился на три хозяйства, одна борона — на два хозяйства. Приблизительно в такой же пропорции уменьшилось число сеялок и уборочных машин. К началу 1921 г. лишь 25 % имевшегося в губернии инвентаря находилось в исправном состоянии, а остальной нуждался в ремонте²³. Последний не осуществлялся по причине острого недостатка как многих запасных частей, топлива, сырья, главным образом металлов, так и — главное, квалифицированной рабочей силы, которая в больших масштабах была мобилизована на фронт в годы Первой мировой и Гражданской войн²⁴.

Кризис в сельском хозяйстве повлек за собой не только сокращение посевной площади, но и изменение структуры посевов в крестьянском хозяйстве: под влиянием двух войн и продовольственной политики советской власти рыночные культуры были вытеснены продовольственными (табл. 1).

¹⁷ Отчет Саратовского губернского экономического совещания за июль-сентябрь 1921г. Саратов, 1921. С. 20.

¹⁸ РГАЭ, ф. 478, оп. 1, д. 2108, л. 300 об.

¹⁹ ГАСО, ф. 521, оп. 1, д. 669, л. 2.

²⁰ См.: Вестник Саратовского губкома РКП. 1921. № 9. С. 21; Отчет Саратовского губернского экономического совещания за июль-сентябрь 1921г. С. 19–20.

²¹ ГАСО, ф. 521, оп. 1, д. 698, л. 4–5.

²² РГАЭ, ф. 478, оп. 1, д. 2108, л. 301; История Саратовского края. 1917–1967: Хрестоматия в помощь учителю. Саратов, 1967. С. 115.

²³ ГАСО, ф. 521, оп. 1, д. 950, л. 8, ф. 55, оп. 1, д. 84, л. 3; РГАЭ, ф. 478, оп. 1, д. 2108, л. 300 об.

²⁴ См.: Саратовская партийная организация в годы восстановления народного хозяйства: Документы и материалы. 1921–1925 гг. Саратов, 1960. С. 81; Экономическая жизнь. 1921. №3–4. С. 16; Мальков А. В. Голод в Саратовской губернии // Саратовский вестник здравоохранения. 1922. № 11. С. 34.

Процентное отношение площади посева главнейших культур
по 8 уездам Саратовской губернии за 1918–1921 гг.
и площади засева 1913 г.

Год	Озимая рожь	Яровая пшеница	Гречиха	Лен	Картофель
1918	103,9	66,9	31,4	16,8	87,9
1919	88,4	60,8	18,2	12,4	93,9
1920	78,2	52,2	27,6	46,9	94,2
1921	85,1	17,9	94	139,0	139,0

Примечание. Сост. по: Статистический сборник по Саратовской губернии. Саратов, 1923. С. 134–135.

* Аткарский, Балашовский, Вольский, Кузнецкий, Петровский, Саратовский, Сердобский и Хвалынский.

Из приведенных в табл. 1 данных видно, что темпы сокращения посевной площади под яровыми культурами выше, чем под озимыми, поэтому, как следует из констатации Саратовского губернского экономического совещания, «из пшеничной Саратовская губерния в 1921 году стала ржаной. Пшеница прежде, до войны, занимала 1/3 всей посевной площади, а в 1921 г. всего одну десятую»²⁵. Одновременно увеличились засе́вы культур для внутривладельческого потребления — картофеля, гречихи, льна. Выращивать озимую рожь для крестьян становится более выгодным. В отличие от яровой пшеницы она обладает большей урожайностью, что, с одной стороны, позволяло крестьянам уменьшить тяготы продразверстки, а с другой — обеспечить определенный прожиточный минимум для себя и своей семьи. В результате сельское хозяйство стало приобретать потребительский, натуральный характер: крестьяне отказывались производить сверх местных потребностей, а это, отмечал X губернский съезд Советов (май 1921 г.), привело в итоге к потере Саратовской губернией статуса хлебпроизводящей²⁶.

Сокращение посевных площадей было следствием и значительной убыли поголовья скота. На основе анализа имеющейся литературы и источников можно выделить несколько причин уменьшения, как тогда говорили, «живого инвентаря». Во-первых, это обстоятельства военного характера: обязанность населения ряда уездов губернии снабжать части Красной Армии и борющихся с повстанческим движением части особого назначения (ЧОН) мясом и подводами. Во-вторых, падеж скота был следствием необыкновенно тяжелого неурожая и неправильной эксплуатации лугов, повлекших за собой бескормицу. Отчасти плачевность состояния скотоводства губернии объясняется и отсутствием реальной деятельности по лечению животных. Острый недостаток медикаментов, дезинфекционных средств сводил деятельность ветеринарного персонала к простой раздаче советов. Но самым важным, определяющим фактором в процессе сокращения поголовья скота являлась продразверстка, которая повлекла также и измене-

²⁵ Отчет Саратовского губернского экономического совещания за июль-сентябрь 1921 г. С. 19.

²⁶ См.: Саратовские известия. 1921. 15.06. Л. 1; Гончаров А. В., Данилов В. Н. Указ. соч. С. 115.

ние структуры животноводства в губернии, придав ему натуральный, потребительский характер²⁷. Оценить масштабы этого процесса позволяют материалы вышеупомянутого отчета о деятельности Саратовского губпродкома за июнь – ноябрь 1921 г. (табл. 2).

Таблица 2

Динамика изменения поголовья лошадей, крупного рогатого скота, овец и свиней в Саратовской губернии в 1917–1921 гг., абс.

Год	Лошади	Крупный рогатый скот	Овцы	Свиньи
1917	623998	910482	2062497	295499
1918	570910	844619	1902546	190740
1919	530290	732180	1705861	127736
1920	521721	694717	1608657	104923
1921	369011	499016	1241985	33716

Примечание. Сост. по: ЦДНИСО, ф. 27, оп. 2, д. 304, л. 29.

Из табл. 2 видно, что больше всего сократилось поголовье свиней. Прокорм их требовал больших расходов, к тому же они были удобным объектом для заготовителей, поэтому их к 1921 г. осталось меньше 1/3 состава 1917 г. Убыль лошадей составила в среднем 27 %, поголовье овец уменьшилось на 22 %²⁸. В отдельных же уездах, более пострадавших от неурожая, убыль лошадей и крупного рогатого скота выразилась в 80 %, овец – 90 %, свиней – 97 %²⁹.

Но эти данные не раскрывают в полном объеме картины изменения структуры животноводства в губернии. Существенно ее дополняют сведения из отчета Саратовского губернского экономического совещания за июль – сентябрь 1921 г., где констатировалось, что из всех пород скота меньше всего сократилось поголовье коз, всего на 9 %³⁰. Эти показатели наглядно демонстрируют, что держать коз в годы действия продразверстки становится выгодным для крестьян. При относительной не обремененности содержания коза универсальна с точки зрения потребительского хозяйства: дает молоко, мясо, шерсть, а обязательная сдача коз государству на мясо не предусматривалась³¹. Аналогичным образом можно охарактеризовать и важность в эпоху военного коммунизма для крестьянского хозяйства коровы: она, так же как и коза, позволяла крестьянину обеспечить прожиточный минимум своей семье на определенном уровне. Кроме того, продержать корову во время зимы было легче, чем другой скот, например, лошадей, поэтому поголовье коров сокращалось более медленными темпами, чем другие породы скота. Так, в Аткарском уезде в 1914 г. на 100 хозяйств приходилось 100 коров, в 1921 г. – 76 коров, а в Балашовском уезде соответственно – 95,8, и

²⁷ ГАСО, ф. 521, оп. 1, д. 634, л. 2 об., д. 698, л. 9, ф. 456, оп. 1, д. 675, л. 84; РГАЭ, ф. 478, оп. 1, д. 2108, л. 300 об.; Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 147; Овчинников С. А., Овчинников И. С. Указ. соч. С. 11; Гончаров А. В., Данилов В. Н. Указ. соч. С. 119–120.

²⁸ Отчет Саратовского губернского экономического совещания за июль – сентябрь 1921 г. С. 26.

²⁹ РГАЭ, ф. 478, оп. 1, д. 2108, л. 300 об.

³⁰ Отчет Саратовского губернского экономического совещания за июль–сентябрь 1921 г. С. 26.

³¹ Кабанов В. В. Крестьянское хозяйство в условиях "военного коммунизма". М., 1988. С. 128–129, 185.

46,7 коров³². И хотя эти явления не могли изменить в целом картины негативного развития животноводства губернии, но они отчасти были причиной того, что демографическая ситуация в саратовской деревне накануне поворота в экономической политике была несколько лучше, чем в городах (табл. 3).

Таблица 3

Естественное движение населения губернии по городам и уездам (1915–1921), %

Год	Рождаемость		Смертность		Прирост	
	город	уезд	Город	уезд	город	уезд
1915	33,21	36,50	32,66	27,90	+0,55	+8,60
1916	27,18	26,70	28,20	22,72	-1,02	+4,07
1917	19,15	18,72	23,27	16,43	-4,12	+2,29
1919	27,14	36,35	55,48	30,37	-28,34	+6,08
1920	32,66	31,77	56,84	37,40	-24,18	-5,63
1921	32,94	33,36	62,01	29,85	-29,07	+3,51

Примечание. Сост. по: Мальков А. А. Указ. соч. С. 22.

Действительно, материалы табл. 3 доказывают, что годы двух войн и революций для городов складывались менее благоприятно, чем для сельских местностей. Объясняется это, главным образом, проводимой в годы Гражданской войны продовольственной политикой с системой заградительных отрядов, препятствующих бесперебойному притоку продуктов в города из сельских районов. В тяжелое положение города ставило и запрещение частной торговли, что весьма сильно стесняло мероприятия по распределению продуктов. Но наиболее важной причиной было нежелание сельского населения везти свои продукты в город, который их не мог ничем заинтересовать. Тем более что этих продуктов едва хватало самим крестьянам для удовлетворения личных потребностей. Конечно, на ситуации в городе отразились и топливный кризис, немалое значение имела и Гражданская война, которая в городах проявилась более резко. Положение в уездах хотя было и лучше, чем в городах, но не намного: рождаемость в сельских местностях едва компенсировала смертность, то есть крестьянство, так же как и горожане, стояло на грани вымирания³³.

Как кризисные явления, наблюдавшиеся во всех отраслях сельского хозяйства губернии, сложная демографическая ситуация (социально-экономический фактор), так и рост антибольшевистских настроений крестьянства (политический фактор) породили определенную озабоченность ситуацией у руководства страны. Действительно, повод для беспокойства был и весьма серьезный, поскольку с завершением последних крупных операций на фронтах Гражданской войны социалистическое государство оказалось «с глазу на глаз» с огромной крестьянской массой, имея к тому же крестьянскую Красную Армию. В руководстве партии и государства понимали реальность близкой катастрофы в сельском хозяйстве и признавали необходимость проведения ряда чрезвычайных мероприятий для ее предотвращения. Но в то же время большевики исходили еще из военно-коммунистической парадигмы, и поэтому планируемый ими комплекс

³² ГАСО, ф. 55, оп. 1, д. 80, л. 13 об.

³³ Там же. С. 26–27.

мер имел целью лишь компенсировать недостатки развивающейся вглубь и ширию принудительной системы военного коммунизма.

Эти первоначальные большевистские планы хозяйственного возрождения страны нашли свое воплощение в постановлении VIII Всероссийского съезда Советов (декабрь 1920 г.) «О мерах укрепления и развития крестьянского хозяйства»³⁴. Решение съезда было весьма противоречивым. С одной стороны, развивался военный коммунизм — разверстка, запрет на частную торговлю, непосредственное вмешательство государства в деятельность крестьянского хозяйства. Крестьянин был обязан засеять земельную площадь в соответствии с планом, что являлось его государственной повинностью. Семенные запасы крестьян становились общегосударственным семенным фондом. Наряду с сохранением «военно-коммунистических» методов хозяйствования вводились элементы материального поощрения коллективов и отдельных хозяйев, выделяющихся хозяйственной старательностью и достигающих наибольших успехов путем точного выполнения планов засева и правил улучшенной обработки земли. Поощрение устанавливалось в форме премирования орудиями производства и предметами широкого потребления, путем повышения нормы продовольственных продуктов, оставляемых у хозяйев при проведении продовольственной разверстки и, наконец, путем предоставления льгот при выполнении других повинностей. Присуждение премий постановлением ВЦИК «По улучшению и развитию крестьянского хозяйства» (10 января 1921 г.)³⁵ было возложено на созданные решениями съезда комитеты по расширению посевов и улучшению обработки земли — посевокомы. В их обязанности также входила всесторонняя помощь крестьянскому хозяйству и руководство сельскохозяйственной кампанией.

Двойственный характер постановления съезда не мог не сказаться и на его реализации. Для успешного выполнения разверсток всех видов губернские и уездные власти, конечно, прибегали к поощрению «... селений, отличившихся сознанием революционного долга в смысле выполнения разверсток...»³⁶, премируя крестьянство солью и мануфактурой. Метод премирования трудовых хозяйств был принят за основу и при подготовке весенней посевной кампании³⁷. Но подобная практика не получила широкого распространения в силу своей новизны, а также отсутствия у советской власти опыта хозяйственного строительства в мирное время. Свидетельством этого являются случаи недовольства крестьян тем, как осуществляется процедура премирования. Например, крестьяне Репьевской волости Балашовского уезда были недовольны губпродкомиссаром за волокиту во время выдачи населению предметов первой необходимости за выполнение продрозверстки³⁸. Кроме того, наличие в еще не «остывшей» от военных действий стране продовольственных, транспортных и прочих трудностей не оставляло сил для поиска иных рычагов экономического регулирования сельского хозяйства, поэтому государство продолжало строить свою политику на фундаменте принуждения. Еще в своем докладе на VIII съезде Советов В. И. Ленин заявил, что «в стране мел-

³⁴ Декреты Советской власти. М., 1986. Т. 12. Дек. 1920 — янв. 1921 гг. С. 80—86.

³⁵ Там же. С. 151—156; СУ. 1921. № 2. Ст. 14.

³⁶ Отчет Саратовского губернского исполнительного комитета ... С. 301.

³⁷ См.: ЦДНИСО, ф. 27, оп. 2, д. 329, л. 17; ГАСО, ф. 521, оп. 1, д. 659, л. 30, д. 710, л. 145; Экономическая жизнь. 1921. № 3—4. С. 17.

³⁸ ЦДНИСО, ф. 1986, оп. 1, д. 8, л. 5 об.

кого крестьянства наша главная задача — суметь перейти к государственному принуждению, чтобы крестьянское хозяйство поднять...»³⁹ Известная книга Н. И. Бухарина «Экономика переходного периода», увидевшая свет в мае 1920 г., провозглашала, что по отношению ко всей крестьянской массе «... пролетарское принуждение во всех своих формах, начиная от расстрелов и кончая трудовой повинностью, является методом выработки коммунистического человечества из человеческого материала капиталистической эпохи»⁴⁰. Именно метод принуждения был рекомендован центром саратовским властям как единственно правильный при проведении продработ⁴¹.

Руководствуясь такими рекомендациями, Саратовский губком, губпосевком и другие губернские властные структуры очень часто прибегали к этому методу. В частности, в соответствии с приказом губпосевкома № 1 от 25 января 1921 г. отказ крестьян от планового обязательного засева мог повлечь за собой отправку в лагерь принудительных работ, обвинение в дезертирстве с трудового фронта и предание суду ревтрибунала, лишение земли и инвентаря⁴². Реализация этого и аналогичных ему приказов подрывала доверие крестьянства к посевам и в целом значительно сокращала шансы на успех в проведении великой посевной кампании—грандиозных замыслов большевиков в области подъема производительности сельского хозяйства. В результате, эта кампания смогла лишь замедлить процесс деградации сельского хозяйства губернии⁴³.

Исчезновение позитивного настроения населения в отношении посевкомов произошло и вследствие начинающегося голода. В частности, голодающее крестьянство Аткарского уезда надеялось, что «... посевкомы улучшат вопрос продовольствия, что из государства дадут семян, но когда выяснилось, что семена придется добывать на месте, но в некоторых волостях... дело чуть не дошло до восстания...»⁴⁴ Кампании против посевкомов проводились и крестьянством Камышинского уезда⁴⁵.

В результате крестьянство убедилось, что обещанная постановлением VIII съезда Советов помощь их хозяйству обернулась на деле новыми ограничительными и запретительными мерами, во многом схожими с действиями продотрядов в годы Гражданской войны. В душе крестьян не погасла злоба на действия властей, наоборот, происходило расширение повстанческого движения под лозунгами «... долой коммунистов, да здравствует Совет и вольная торговля...»⁴⁶ Его разрастанию способствовали и жесткие, репрессивные действия властей в отношении крестьян, участвовавших в восстаниях против большевистской продполитики. Это явилось одной из основных причин возникновения в последние месяцы 1920 г. на территории губернии крестьянских повстанческих армий: Антонова, Вакулина, Попова и др.⁴⁷ Так называемые бандиты действовали в духе традиционных крестьянских войн. Официальные власти вооруженные

³⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 147.

⁴⁰ Экономика переходного периода // Бухарин Н. И. Проблемы теории и практики социализма. М., 1989. С. 168.

⁴¹ ЦДНИСО, ф. 27, оп. 2, д. 316, л. 49.

⁴² ГАСО, ф. 521, оп. 1, д. 659, л. 6 об.; ЦДНИСО, ф. 27, оп. 2, д. 333, л. 84 об.

⁴³ ГАСО, ф. 521, оп. 1, д. 698, л. 1–2; ЦДНИСО, ф. 476, оп. 1, д. 357, л. 11.

⁴⁴ ЦДНИСО, ф. 27, оп. 2, д. 321, л. 74.

⁴⁵ Там же. Д. 329, л. 13.

⁴⁶ ГАСО, ф. 521, оп. 2, д. 45, л. 21.

⁴⁷ Там же. Д. 716, л. 1, оп. 2, д. 45, л. 2.

выступления крестьян квалифицировали как «бандитские», что говорит в пользу того, что бедственное положение крестьян не находило должного понимания со стороны правительства, которое руководствовалося, прежде всего, интересами и стремлениями рабочего класса, а не крестьянства⁴⁸.

Ключевую роль в пополнении рядов повстанческих отрядов играли политические декларации или лозунги, выдвигаемые их руководителями. Идеологическую основу этой агитпродукции составили положения программы партии эсеров, дополненные лозунгом «Бей коммунистов и комиссаров!». И в программе Антонова, Вакулина и Попова был записано, что они боролись не против Советской власти, а против «комиссародержавия». Правда, Антонов, стремясь максимально расширить свою социальную базу, выдвинул и лозунг созыва Учредительного собрания. Но наилучшим образом печатная агитация была поставлена у Попова. Захватив Хвалынский, он организовал в здании местной типографии агитационный отдел, выпустивший не один десяток листовок, деклараций и лозунгов. Наибольший интерес представляет «Декларация Революционного Военного Совета Пяти», органа, сформированного восставшими войсками Попова после занятия ими Хвалынска. Положения этого документа можно условно разделить на две части: политическую и экономическую. В первой провозглашалось, что диктатура пролетариата и все большевистские декреты, «урезающие свободы, провозглашенные второй революцией 1917 г.», отменяются, и вся полнота власти передается народу, без всяких подразделений на классы и партии. В экономической области декларацией признавалась необходимость «интенсивного экономического исправления» России, разоренной «трехлетним владычеством комиссаров-коммунистов». Рецепт этого исправления членам Совета Пяти и командующему восставшими войсками виделся в объявлении свободной торговли, признании мелкой частной собственности «в земельной и фабрично-заводской областях», отмене государственной монополии «на жизненные продукты и фабрикаты». Борьба с продразверсткой, за свободную торговлю и частную собственность была основой воззваний и программ и других лидеров крестьянских «повстанческих армий», например, Вакулина и Сапожкова⁴⁹.

Воззвания лидеров повстанческих отрядов находили большой отклик в крестьянских массах, поскольку призывы, содержащиеся в них, рождали надежду у крестьян, что наконец-то сбудется их вечная мечта быть хозяином на своей земле. Доказывают это неоднократно упоминающиеся в архивных документах случаи поддержки участников повстанческого движения крестьянством Дергачевского, Новоузенского, Петровского, Балашовского и Саратовского уездов, причем в самых разнообразных формах: от простого сочувствия, отказа предоставлять разведке сведения о передвижении повстанцев, их укрывательства и помощи им различным имуществом до открытого вступления в отряды⁵⁰.

⁴⁸ См.: Льюис Э. Указ. соч. С. 110; ЦДНИСО, ф. 27, оп. 2, д. 333, л. 16.

⁴⁹ См.: Левинсон М. Контрреволюция в Саратовской губернии 1918–1921 гг. // 1917 год в Саратове. Саратов, 1927. С. 96–97; ЦДНИСО, ф. 27, оп. 2, д. 27, л. 2, д. 321, л. 62, д. 312, л. 146, д. 326, л. 8; ГАСО, ф. 521, оп. 1, д. 633, л. 3 об.; Васина Е. Указ. соч. С. 2–4; Таубин Р. Разгром кулацкого мятежа Сапожкова // Борьба классов. 1934. № 12. С. 58.

⁵⁰ ГАСО, ф. 521, оп. 1, д. 567, л. 26, д. 633, л. 2 об., ф. 456, оп. 1, д. 675, л. 90 об., л. 695, л. 12; ЦДНИСО, ф. 27, оп. 2, д. 27, л. 131-131 об., д. 312, л. 25, д. 316, л. 93; Левинсон М. Указ. соч. С. 98.

Значительное пополнение рядов повстанцев саратовским крестьянством и его поддержка восставших отрядов превращали действия так называемых бандитов в серьезную опасность для партийных руководителей губернии. «... Сапожков — это крепкая... боевая единица... пользующаяся огромной поддержкой населения... Сапожков... при той огромной поддержке, которую он получает от населения — поднимет весь Новоузенский и Пугачевский уезды и тогда придется иметь дело не с бандой, а с целым фронтом», — докладывал 16 августа 1920 г. по телефону в штаб 2-й трудовой армии начальник гарнизона города Новоузенска⁵¹. Поэтому в борьбе с набирающим обороты повстанческим движением помимо регулярных частей Красной Армии были задействованы сформированные в июне 1920 г. части особого назначения (ЧОН), в которые входили коммунисты и комсомольцы. 5 января 1921 г. для «... пресечения развития бандитизма...» в губернии был создан реввоенсовет. В начале февраля Саратовский губком попросил Москву прислать конные отряды для разгрома тамбовских банд, проникших в Саратовскую губернию⁵². Однако пока сохранялась в силе политика военного коммунизма, добиться каких-то ощутимых результатов в борьбе с повстанческими отрядами было невозможно. На месте одного разбитого отряда буквально сразу же возникали другие: потерпевшего поражения Антонова заменил Вакулин, а после его гибели Попов⁵³. Из этого следовало, что главная опасность для большевиков заключалась «... не в рейдах... банд, а в сочувственном отношении к бандам со стороны крестьянских масс...»⁵⁴.

В конце января 1921 г. эту опасность осознали не только члены Саратовской парторганизации, но и руководство страны. Оно попыталось предпринять ряд мер, чтобы поднять авторитет РКП (б) в широких трудящихся массах. Среди таких мер можно выделить телеграмму Наркомпрода от 21 февраля 1921 г. с предложением проверки деятельности и состава продотрядов на предмет выявления вопиющих незаконных действий, проводимых «... со стороны некоторых отдельных продотрядцев по отношению к населению при проведении продовольственных разверсток...»⁵⁵. На борьбу с применением принуждения в незаконных формах при сборе семенного материала, проведении посевной кампании и продовольственной работы было нацелено и циркулярное письмо ВЦИК, разосланное 23 февраля в адрес всех губпродкомов⁵⁶. В дополнение к этому письму 26 февраля последовало постановление Народного комиссариата юстиции «Об усиленной ответственности должностных лиц за преступления, совершенные при продработе»⁵⁷. На местном уровне также предпринимались определенные шаги. Например, в Балашовском уезде было образовано бюро по рассмотрению жалоб на неправильные действия или злоупотребления местной власти⁵⁸.

⁵¹ ГАСО, ф. 521, оп. 1, д. 567, л. 25.

⁵² См.: Саратовские Известия. 1922. 16.07. Л. 3; ГАСО, ф. 456, оп. 1, д. 675, л. 19; Рейли Д. Указ. соч. С. 42.

⁵³ ЦДНИСО, ф. 27, оп. 2, д. 22, л. 45–45 об.

⁵⁴ Там же. Ф. 200, оп. 1, д. 292, л. 1.

⁵⁵ Там же. Ф. 27, оп. 2, д. 329, л. 12.

⁵⁶ Декреты Советской власти. М., 1989. Т. 13. 1 февр.—31 марта 1921. С. 137–138.

⁵⁷ СУ. 1921. № 20. Статья 122.

⁵⁸ ЦДНИСО, ф. 10, оп. 1, д. 249, л. 8.

Однако подобные шаги руководства страны не могли уже кардинально изменить ситуацию, так как были предприняты слишком поздно, когда уже изменился характер крестьянских выступлений. Если в 1919–1920 гг. крестьянство было недовольно тяжестью разверстки, то в конце 1920 – начале 1921 г. недовольство сначала переросло в недовольство разверсткой вообще и недовольство экономической политикой в целом, а потом (главным образом в первые месяцы 1921 г.) экономические проблемы неразрывно слились с кардинальными вопросами политики, особенно такими, как отношение крестьян к власти: «Советская власть крестьянству хороша, за нее оно умрет, но большевики с него дерут, поэтому оно против большевиков», — констатировалось в одном из докладов в ходе работы X губернской партийной конференции в июне 1921 г.⁵⁹ В этих условиях предпринятые советской властью мероприятия, ориентированные исключительно на предотвращение недовольства крестьян только разверсткой и методами ее взимания, оказались не эффективными и их реализация свелась лишь к сбору информации с мест о характере взаимоотношений власти с крестьянством⁶⁰. Таким образом, руководство страны утратило возможность контролировать ситуацию, прежние военно-коммунистические механизмы в условиях мирного времени были не эффективными. В сфере экономической они смогли «... только смягчить ... процесс, но не изменить общего направления»⁶¹ дальнейшей деградации сельского хозяйства в губернии, а в сфере политической они лишь способствовали расширению повстанческого движения под лозунгами «... долой коммунистов, да здравствует Совет и вольная торговля...»⁶² Налицо был явный политический кризис. Каким мог быть выход из такого состояния для губернии и страны в целом? Их могло быть три. Первый путь — продолжение военного коммунизма с расширением террора, насилия, репрессий. Но такой путь грозил нарастанием сопротивления, вооруженной борьбы российской деревни. Он был тупиковым. Другой путь — удовлетворение требования мятежников «Советы без коммунистов», т. е. оставление большевистским руководством завоеванных «командных высот» в политике, экономике, идеологии. Это означало отказ от основных революционных преобразований. Третий путь — тактический маневр, связанный с сохранением политических завоеваний ценой компромиссов через смену курса экономической политики, поиск компромисса через политику уступок крестьянству.

⁵⁹ ЦДНИСО. Ф. 27, оп. 2, д. 5, л. 35.

⁶⁰ Отчет Саратовского губернского исполнительного комитета... С. 299.

⁶¹ ГАСО, ф. 521, оп. 1, л. 698. л. 2.

⁶² Там же. Оп. 2, д. 45, л. 21.

Н.В. Кузнецова

**СОСТОЯНИЕ ПИЩЕВОЙ
И ЛЕГКОЙ
ПРОМЫШЛЕННОСТИ
НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ
В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД
(1945–1952)**

После окончания войны особое значение приобрело развитие промышленности средств потребления. В военные годы в стране производство сахара сократилось почти в 5 раз, молока, масла животного и мясопродуктов более чем в 2 раза, хлопчатобумажных тканей — в 2,4 раза, кожаной обуви — в 3,3 раза¹. Значительно уменьшился выпуск продукции легкой и пищевой промышленности и в Нижнем Поволжье.

С начала войны до середины декабря 1947 г. в СССР действовала карточная система, обеспечивавшая минимальные потребности населения в продовольственных и промышленных товарах. За эти годы было подорвано здоровье многих людей. Государство должно было воздать своим гражданам, сделавшим максимум для победы над фашизмом, превратившим Советский Союз в одну из самых влиятельных держав мира.

Состояние пищевой и легкой промышленности в послевоенные годы еще не являлось предметом специального изучения ни в общероссийском масштабе, ни в Нижневолжском регионе. Долгое время эта тема считалась второстепенной и неинтересной, хотя она позволяет ответить на важный вопрос: все ли было сделано после окончания войны, чтобы достойно одеть, обуть и накормить народ-победитель.

В предлагаемой статье показывается структура пищевой и легкой промышленности Нижнего Поволжья, анализируется работа предприятий этих отраслей и факторы, оказавшие основное влияние на их развитие, проводится сопоставление индустрии средств потребления Астраханской, Саратовской и Сталинградской областей, в разной степени пострадавших от войны.

Структуру пищевой отрасли Нижневолжского региона предопределили географические и природно-климатические условия. В Астраханской области ведущую роль в экономике играла рыбная промышленность, дававшая в 1947 г. 40,2 %, а в 1952 г. — 55,8 % всей валовой промышленной продукции². Рыбная отрасль подразделялась на две группы, бывшие фактически самостоятельными: рыбодобывающую и рыбообработывающую. Выловом рыбы занимались государственные организации и рыболовческие колхозы (табл. 1).

¹ См.: Народное хозяйство СССР: Стат. сб. М., 1956. С. 83, 87, 90, 91; Промышленность и рабочий класс СССР. 1946–1950: Док. и матер. М., 1989. С. 173.

² ЦДНИАО, ф. 325, оп. 5, д. 2. л. 9; оп. 23, д. 278, л. 74 (подсчитано автором).

Улов рыбы в Астраханской области и в целом по СССР

Таблица 1

Год	Улов рыбы, тыс. т		Удельный вес Астраханской области, %
	СССР	Астраханская область	
1940	1385	220,8	15,9
1945	1109	217,8	19,6
1946	1188	187,2	15,8
1947	1472	169,2	11,5
1948	1485	203,4	13,7
1949	1827	236,3	12,9
1950	1627	196,2	12,1
1951	1977	225,5	11,4
1952	1888	210,9	11,2

Примечание. Сост. по: Народное хозяйство Астраханской области: Стат. сб. Саратов, 1958. С. 25; Народное хозяйство СССР: Стат. сб. М., 1956. С. 89.

В 1945–1947 гг. улов рыбы в области падал. В 1945 г. он составил 98,6 %, в 1947 г. – 76,6 % к уровню 1940 г. Особенно резко сократили объем добычи моторно-рыболовные станции (МРС). Уменьшился удельный вес рыбы, вылавливаемой в море. Основное влияние на это оказали три фактора. Первый, но не главный – неблагоприятные погодно-климатические условия 1945–1947 гг. Второй, на наш взгляд, важнейший – упадок промыслового хозяйства. Рыболовецкий флот, построенный в 20-е гг., и береговые сооружения, возведенные в конце XIX – начале XX в., находились в ветхом состоянии и нуждались в восстановлении. Уменьшилась численность рыболовного флота. В 1940 г. Волго-Каспийский трест (ВКТ) имел 338 моторных и 10500 парусных судов, в начале 1947 г. – 259 и 8700 соответственно. На треть сократилась мощность приемного и транспортного флота. Из 3264 судов общей грузоподъемностью 72500 т, имевшихся у ВКТ до 1941 г., к 1947 г. осталось 2322 грузоподъемностью 51500 т. Несмотря на это, ресурсы, отпускаемые рыбодобывающей отрасли, были ограничены и едва покрывали амортизационные расходы. Астраханский областной комитет ВКП(б) и облисполком ходатайствовали перед Министерством рыбной промышленности западных районов СССР об изменении положения в отрасли, но оно не приняло никаких мер. По поручению бюро первый секретарь обкома Ф. Н. Муратов доложил о состоянии рыбной промышленности области заместителю председателя Совета Министров СССР А. И. Микояну и предложил проект правительственного решения, предусматривавший восстановление береговых сооружений комбинатов, рыбозаводов, моторно-рыболовных станций, ремонт старого и строительство нового флота, усиление механизации лова, благоустройство тоней, оснащение предприятий станочным оборудованием, аппаратурой и др. Не получив реальной поддержки, 3 февраля 1947 г. Ф. Н. Муратов направил письмо И. В. Сталину с просьбой обязать Министерство рыбной промышленности внести предложенный проект на рассмотрение правительства³. Несмотря на нехватку продовольствия в стране, обращение Ф. Н. Муратова не нашло поддержки у И. В. Сталина.

³ ЦДНИАО, ф. 325, оп. 4, л. 96, л. 71-74.

17–18 июня 1947 г. состоялся X пленум Астраханского обкома ВКП(б), обсудивший вопрос о работе рыбной отрасли. После него государственные предприятия и колхозы построили 2771 бударку и 510 кормподчалков. На осеннюю путину 1947 г. было выведено 28654 рыбака — на 8 тыс. человек больше, чем планировалось. Улучшилось их культурно-бытовое обслуживание. Это способствовало перевыполнению плана рыбозаготовок во втором полугодии 1947 г., но в целом годовое государственное задание не было реализовано⁴.

Третьим фактором, оказавшим негативное влияние на итоги рыбозаготовок, являлись недостатки в проведении путины: неоперативность в руководстве ловом, плохая организация труда рыбаков, простой приемно-транспортного флота, в результате чего имели место задержки в приемке рыбы.

Уменьшение объема заготовок привело к невыполнению планов рыбоперерабатывающей отрасли. Кроме того, рыбозаводы и рыбокомбинат им. А. И. Микояна допустили высокие потери на всех стадиях производства, снижение сортности и ухудшение ассортимента, превышение плановой себестоимости продукции.⁵

С целью увеличения рыбодобычи в 1948 г. были проведены работы по углублению рек для прохода рыбы, приняты меры по сохранению молоди. За 1946–1948 гг. астраханские предприятия, МРС и колхозы построили 129 единиц самоходного и 7800 несамоходного флота, в результате чего флот по количеству судов и их суммарной мощности достиг уровня 1940 г. И весенняя, и осенняя путины были обеспечены необходимым числом рыбаков. Все это привело к увеличению улова рыбы в 1948 г. на 20,2 % по сравнению с 1947 г. (см. табл. 1) и превышению плана рыбозаготовок на 16,6 %, что позволило покрыть недостачу предыдущего года. План выпуска готовой рыбной продукции был выполнен предприятиями на 113,6 %. IV пленум Астраханского обкома партии, обсудивший итоги 1948 г., сделал вывод, что рыбная промышленность и рыболовецкие колхозы области по добыче и заготовке рыбы превзошли довоенный 1940 г. Этот вывод воспроизведен в «Очерках истории Астраханской областной организации КПСС»⁶, хотя к моменту выхода «Очерков» уже имелись опубликованные статистические данные, свидетельствующие о том, что уровень 1940 г. был превзойден не в 1948 г., а в 1949 г. (см. табл. 1).

Несмотря на высокие количественные показатели 1948 г., в работе рыбной промышленности оставалось много нерешенных проблем. Главной из них являлась техническая отсталость: конструкция судов рыболовного флота не менялась в течение века. Около 45 % рыбаков не выполнило годовых заданий в связи с недостаточной обеспеченностью орудиями лова, преобладанием ручного труда, плохо организованной приемкой рыбы. Предприятия рыбообработки допустили снижение качества продукции. «Первым» по этому показателю был Краснорыбный комбинат, не сумевший организовать оперативный прием рыбы. Вследствие этого рыбаки, не обеспеченные достаточным количеством льда, выбросили свыше 3 тыс. испортившихся голов красной рыбы и около 9 ц икры, 6,2 тыс. голов и 13,5 ц икры было сдано вторым и третьим сортами⁷.

⁴ ЦДНИАО, оп. 5, д. 2, л. 11–13.

⁵ Там же. Оп. 4, д. 7, л. 9, 39, 40, 91.

⁶ Очерки истории Астраханской областной организации КПСС. Волгоград, 1985. С. 452.

⁷ ЦДНИАО, ф. 325, оп. 6, д. 1, л. 20–21; д. 4, л. 253–256; д. 55, л. 190–191.

Увеличение числа рыболовецких судов и рыбаков, участвовавших в весенней и осенней путях 1949 г., благоприятные погодно-климатические условия обеспечили самый высокий за послевоенные годы объем вылова рыбы (см. табл. 1).

За 1950—1952 гг. на рыбных промыслах Астраханской области более чем в два раза выросло число сейнеров, что дало возможность повысить долю механизированного лова только по МРС с 19,2 % до 43,3 %. Возрос уровень механизации и на рыбообрабатывающих предприятиях. Впервые на Волго-Каспии стал применяться метод лова кильки на электросвет, отличающийся высокой производительностью. В 1952 г. широко использовалось искусственное замораживание рыбы в специально оборудованных морозильных камерах и гидромеханическая установка ставных неводов. Был распространен опыт лучших ловцов — лауреатов Сталинской премии Беленицына, Субботина, Хабарова и др.⁸ Однако и в 1950—1952 гг. упор делался на экстенсивные факторы, не дававшие ожидаемых результатов.

В 1950 г. вылов рыбы сократился до 83 %, в 1951 г. — до 95,4 %, в 1952 г. до 89,3 % по отношению к 1949 г. В 1952 г. рыбодобыча в Астраханской области составила 95,5 % к уровню 1940 г., а ее удельный вес в общем улове рыбы в стране снизился с 15,9 % до 11,2 % (см. табл. 1). План выпуска валовой продукции был выполнен в 1950 г. на 98,3 %, в 1951 г. — на 111,2 %, в 1952 г. — 98,4 %⁹.

В 1950—1951 гг. улучшилось качество рыботоргов. Продукция высшего и первого сортов в 1951 г. достигла 80 %, в то время как в 1949 г. — 62,6 %. Однако в 1952 г. этот показатель снизился на 8,1 %, так как рыбообрабатывающие предприятия имели большой брак (заводы ВКТ — свыше 7 тыс., рыбокомбинат им. Микояна — 1,4 тыс., Прикаспийский комбинат — 0,4 тыс. ц). Из-за бесхозяйственного использования сырья, материалов и топлива, высоких потерь от брака, снижения качества рыботоргов и невыполнения заданий по ассортименту многие предприятия не выполнили план по снижению себестоимости продукции¹⁰.

Трудности, переживаемые рыбной промышленностью области, вызывались несколькими причинами. Во-первых, сокращением рыбных запасов и недостаточным вниманием к их воспроизводству. Во-вторых, порочными методами управления отраслью. Руководители управления МРС (Боков), Главкасприбпрома (Горюнов), трестов (Сазыкин и Саныгин) ориентировались на средние показатели работы, часто перекладывали задания с плохо функционировавших предприятий на лучшие. В-третьих, низкой производительностью труда. Ее рост сдерживался прежде всего нерациональным использованием механизированного флота, простой которого в 1952 г. составили 13,7 % всего промыслового времени. Недостатки в организации труда рыбаков приводили к частым перерывам в работе, неполной загрузке средств производства. Руководители предприятий и МРС вместо механизации трудоемких процессов (погрузки и выгрузки) широко применяли ручной труд. На рыбообрабатывающих предприятиях преобладали заниженные опытно-статистические нормы, значительное место занимала повременная система оплаты работы. Из-за слабой организации труда, низкой производственной дисциплины на предприятиях ВКТ около 17 %, а на рыбокомбинате им. Микояна до

⁸ ЦДНИАО, оп. 20, д. 7, л. 11.

⁹ Там же. Л. 13; оп. 23, д. 12, л. 4.

¹⁰ Там же. Оп. 20, д. 7, л. 12; оп. 23, д. 12, л. 5-6.

24 % рабочих не выполняли норм выработки. В-четвертых, неполным освоением средств, выделяемых на капитальное строительство, что приводило к медленным темпам реконструкции заводов министерства рыбной промышленности. В-пятых, отсутствием действенных механизмов повышения заинтересованности ИТР и рабочих в улучшении качества и снижении себестоимости продукции¹¹.

Кроме предприятий рыбной отрасли основными представителями пищевой промышленности Астраханской области были Баскунчакский солепромысел, Астраханский, Владимирский и Харабалинский консервные заводы, кондитерская фабрика, трест «Росглавхлеб», завод безалкогольных напитков и райгорпищекомбинаты. Первые четыре предприятия производили продукцию общесоюзного значения: соль, овощные, мясные, мясорастительные, салобобовые и фруктовые консервы (табл. 2).

Таблица 2

Рост валовой продукции промышленности Астраханской области, % к 1940 г.

Продукция	1945	1950	1951	1952
Промышленная, всего	74	125	142	146
В том числе:				
Машиностроение и металлообработка	87	181	216	233
Деревообработка	32	142	155	174
Пищевкусовая, всего	76	111	125	126
В том числе:				
Рыбная	93	119	138	135
Консервная	84	167	164	184
Соляная	77	111	103	101

Примечание. Сост. по: Народное хозяйство Астраханской области: Стат. сб. Саратов, 1958. С. 21.

Темпы развития пищевкусовой промышленности были значительно медленнее, чем машиностроения и ниже, чем всей промышленности в целом. Тем не менее уровень 1940 г. был превзойден в 1950 г. на 11 %, а в 1952 г. — на 26 %. Наибольший прирост был получен в выпуске консервов, в первую очередь овощных, что объяснялось быстрым расширением сырьевой базы. Несмотря на незначительное превышение довоенного производства Баскунчакский солепромысел превзошел в 1952 г. показатели 1945 г. на 24 % и являлся одним из стабильно работавших предприятий области, дававшим 79 % соли, добываемой в Российской Федерации¹².

Пищевая промышленность Саратовской области была иной по структуре и производственной базе. Здесь имелось 5 мощных мельзаводов (3 — в Саратове и 2 — в Балашове), три крупных крупяных завода (Екатериновский, Петровский и Романовский), 2 мясокомбината общесоюзного значения (Ртищевский и Энгельсский), несколько маслозаводов и хлебозаводов республиканского подчинения, а также небольшие предприятия областного, городского и районного уровня.

¹¹ ЦДНИАО, ф. 325, оп. 23, д. 12, л. 4–7.

¹² Народное хозяйство Астраханской области: Стат. сб. Астрахань, 1977. С. 14.

Таблица 3

Производство важнейших видов продукции пищевой промышленности Саратовской области в натуральном выражении в 1945—1952 гг.

Продукция пищевой промышленности	1940	1945	1946	1947	1948	1949	1950	1951	1952
Мясо, тыс. т % к 1940 г.	25,5 100	14,0 55	16,7 65	15,0 59	20,8 82	21,2 83	30,4 119	22,4 88	24,1 95
Колбасные изделия, т % к 1940 г.	4592 100	3539 77	4467 97	4471 97	4144 90	5181 113	6774 148	5941 129	4954 108
Консервы, ман. усл. банок % к 1940 г.	11,2 100	0,8 7	1,0 9	1,2 11	1,1 10	1,5 13	3,1 28	4,7 42	5,1 46
Масло животное, т % к 1940 г.	2909 100	1817 62	2778 95	3730 128	4418 152	4356 150	4902 169	4081 140	4405 151
Масло растительное, тыс. т % к 1940 г.	31,0 100	14,6 47	11,2 36	14,6 47	19,1 62	27,8 90	30,2 97	23,8 77	25,0 81
Кондитерские изделия, т % к 1940 г.	5026 100	1218 24	1751 35	2317 46	3115 62	4043 80	6804 135	7098 141	6964 139

Примечание. Сост. по: Народное хозяйство Саратовской области за 50 лет Советской власти: Стат. сб. Саратов, 1968. С. 97, 100—104.

Из табл. 3 следует, что за 7 послевоенных лет выпуск колбасных изделий в Саратовской области вырос на треть, масла животного и растительного и мясопродуктов — в 2 раза, кондитерской продукции — почти в 6 раз. Это объясняется не столько ускоренными темпами развития саратовских предприятий по сравнению с астраханскими, сколько большим падением производства в пищевой промышленности Саратовской области в 1941—1945 гг. Уровень 1940 г. был достигнут по маслу животному в 1947 г., колбасной продукции — в 1949 г., мясу и кондитерским изделиям — в 1950 г. Объемы производства растительного масла и консервов в 1952 г. оказались ниже, чем до войны. Быстрее других видов продукции увеличилось изготовление кондитерских изделий (на 39 %) и масла животного (на 51 %). В 1951—1952 гг. вследствие усиления кризисных явлений в сельском хозяйстве произошло падение производства мяса, колбасы и масла.

Пищевая промышленность Саратовской области отставала в своем развитии от других отраслей. В 1950 г. — последнем году четвертой пятилетки — валовая продукция всей индустрии превзошла показатели 1940 г. в 2,4 раза, в том числе машино-

строения и металлообработки — в 5 раз, в то время как в пищевой промышленности оставалась ниже, чем перед войной¹³.

Самый большой объем работы по восстановлению и развитию пищевой отрасли предстояло выполнить в Сталинградской области. За время боевых действий в Сталинграде были разрушены все основные предприятия пищевой индустрии. Их восстановление, начавшееся в 1943 г., не было завершено к окончанию войны, хотя хлебозаводы, гормолзавод, кондитерская фабрика, 2 мясокомбината, консервный завод и др. стали производить продукцию. В этих условиях особое значение в снабжении населения продуктами питания приобрели крупные пищевые предприятия, расположенные в городах и районных центрах области: мясоконсервный комбинат и маслозавод в Урюпинске, молочно-консервный завод в Суровикино, консервные заводы в Камышине, Михайловке и др. Однако многие предприятия пищевой промышленности Сталинграда были размещены в помещениях временного типа, плохо оснащены оборудованием, их строительство велось крайне медленно. Производственные мощности периферийных заводов области не обновлялись с 20–30-х гг. В итоге вплоть до конца 40-х гг. сталинградцы плохо обеспечивались крупными, макаронами, колбасной и молочной продукцией, кондитерскими изделиями.

В этой ситуации Сталинградский обком ВКП(б) 19 августа 1950 г. обратился за помощью в ЦК ВКП(б), предложив на утверждение Совета Министров РСФСР перечень мер по восстановлению и развитию пищевой и легкой промышленности области¹⁴. Одобрение предложений обкома дало возможность установить на пищевых предприятиях значительное количество новой техники. В 1951 г. хлебопекарная промышленность области была оснащена лучшими в СССР конвейерными печами, тестоделительными, закаточными и округлительными машинами, благодаря чему степень механизации в отрасли повысилась вдвое по сравнению с 1940 г., возросло количество и расширился ассортимент выпекаемых хлебобулочных изделий. Реконструкция макаронной фабрики позволила расширить выпуск макарон с 5 до 10 т в сутки. Наращивание мощностей мясокомбинатов обеспечило в 1951 г. прирост производства колбасных изделий на 37,4 % по отношению к предыдущему году. За счет ввода в 1951 г. дополнительных конвейеров и бутылкомоечных машин ликеро-водочный завод увеличил выпуск винно-водочных изделий на 32,2 %¹⁵.

Вместе с тем затянулось восстановление и модернизация кондитерской фабрики им. В. И. Ленина. В 1951 г. здесь были полностью механизированы и автоматизированы процессы, связанные с варкой, транспортировкой, увариванием и сбивкой помадной массы, выросло число заверточных автоматов. В начале 1952 г. фабрика получила от строителей новый пряничный цех. В то же время оставались не восстановленными бисквитный, шоколадный и тарный цехи, котельная, гараж и механическая мастерская. Не хватало автотранспорта, вследствие чего фабрика не могла своевременно вывозить прибывающие в ее адрес грузы. Из-за ограниченного выделения сырья и материалов, их несвоевременного поступления приходилось использовать разного рода заменители. Отсюда узкий ассортимент и низкое качество продукции.

¹³ Народное хозяйство Саратовской области в 1960 году: Стат. сб. Саратов, 1962. С. 30, 37.

¹⁴ ЦДНИВО, ф. 113, оп. 33, д. 107, л. 1–2.

¹⁵ Там же. Оп. 35, д. 307, л. 27–29.

В ответ на обращение директора фабрики Барковой Сталинградский обком партии 26 марта 1952 г. ходатайствовал перед министерством пищевой промышленности РСФСР об ускорении восстановления и реконструкции предприятия. Министерство решило этот вопрос положительно, выделив фабрике дополнительные средства, транспорт, оборудование и сырье и направив бригаду специалистов для оказания практической помощи в освоении новых технологий¹⁶.

И все же восстановление и развитие пищевой промышленности Сталинградской области шло медленно. Объем валовой продукции всей индустрии составил в 1952 г. 156 % к уровню 1940 г., в том числе машиностроения и металлообработки — 187 %, электроэнергетической отрасли — 205 %, а пищевой — всего 77 %, причем в г. Сталинграде — лишь 70 %¹⁷.

В данный период производство на предприятиях пищевой промышленности трех областей увеличилось примерно одинаково — в 2 раза. Но из-за военных разрушений соотношение объемов выпуска продтоваров в 1952 г. и в 1940 г. было самым низким в Сталинградской области, где не удалось достичь предвоенного уровня.

Как и до войны, основным производителем продуктов питания в регионе (муки, крупы, мяса, масла, кондитерских изделий) оставалась Саратовская область, рыбы и соли — Астраханская. Недостаток собственных продтоваров в Сталинградской области восполнялся за счет централизованных поставок.

Общими причинами отставания пищевой отрасли в Нижнем Поволжье являлись нехватка сырья в связи с тяжелой ситуацией в сельском хозяйстве, а также недостаточность капиталовложений и ограниченное материально-техническое снабжение вследствие проведения политики ускоренного развития тяжелой промышленности. Анализ состояния пищевых предприятий региона в послевоенные годы показал, что преобладающее большинство их, за исключением г. Сталинграда, имело изношенное оборудование, слабую механизацию трудоемких операций, существенные недостатки в организации производства, низкую производительность труда, плохую обеспеченность рабочей силой в связи с непривлекательной заработной платой и отсутствием жилого фонда.

Аналогичное положение сложилось в легкой промышленности. Основные предприятия этой отрасли были сосредоточены в Саратовской области, причем статус некоторых из них претерпел изменения. В 1945–1948 гг. большинство их находилось в ведении областного управления легкой промышленности (облегпрома) и только четыре имели республиканское подчинение. В 1949–1952 гг. шесть предприятий вошло в группу промышленности союзного значения: в Саратове — завод № 5 «Главшвейпрома» и фабрики: прядильно-ткацкая им. К. Либкнехта, швейная № 2, прядильная им. Самойловой; в Вольске — кожевенный завод и в Энгельсе — прядильно-ткацкая фабрика. Саратовский кожзавод и обувная фабрика получили республиканский статус. Трикотажная фабрика и швейные предприятия № 3 и № 4 оставались в ведении обллегпрома. Эти изменения отразили общую тенденцию усиления централизации управления экономикой в послевоенные годы и перемены в легкой промышленности области. Товары широкого народного потребления выпускали также небольшие государственные предприятия областного и Саратовского городского управлений местной промышленно-

¹⁶ ЦДНИВО, ф. 113, оп. 35, д. 307, л. 29; оп. 39, д. 105, л. 49, 51, 55.

¹⁷ Народное хозяйство Сталинградской области: Стат. сб. Саратов, 1957. С. 38.

сти (облместпрома и горместпрома) и кооперативные артели. Последние были представлены четырьмя группами объединений: управлениями промысловой кооперации области и г. Саратова (облпромсоветом и горпромсоветом), областным и Саратовским городским союзами кооперации инвалидов (Облкоопинсоюзом и горкоопинсоюзом). На 1 июля 1946 г. в 287 артелях области состояло свыше 10 тыс. человек¹⁸.

Такую же структуру управления имела легкая промышленность Астраханской и Сталинградской областей. Однако здесь отсутствовали предприятия союзного значения и только овчинно-шубный завод в Астрахани и ткацкая фабрика «Вперед» в Сталинграде имели республиканское подчинение. Главную роль в обеспечении населения Астраханской и Сталинградской областей играли предприятия облеглапрома: в Астраханской области две швейные, ватная и обувная фабрики, кожзавод; в Сталинградской — три швейные, две обувные («Индпошив» и «Маспошив») и чулочно-трикотажная фабрики, госкожзавод.

В 1946—1948 гг. на предприятиях легкой промышленности Нижнего Поволжья основное внимание уделялось освоению и расширению гражданского ассортимента, приведению его в соответствие с запросами населения. В эти годы было установлено дополнительное оборудование на кожевенном заводе, чулочно-трикотажной (ЧТФ) и швейной фабрике им. 8 марта в Сталинграде, обувной и швейной фабрике № 3, кожзаводе в г. Саратове. Кроме того, сталинградские предприятия облеглапрома провели капитальный ремонт основных фондов, потратив на это значительно больше средств, чем планировалось. Частичный ремонт оборудования был осуществлен и на других предприятиях региона. Все это позволило расширить объемы производства¹⁹. Вместе с тем жалобы населения вынудили партийные и советские органы заняться другой проблемой — качеством выпускаемых товаров.

Сталинградский горком ВКП(б) установил, что в течение 1946 г. нормативный лимит производства продукции 1 сорта не выдерживался из семи предприятий облеглапрома на трех — обеих обувных фабриках и ЧТФ. Швейные фабрики им. 8 марта и им. Н. К. Крупской выпускали свыше 96 % первосортных изделий, но допускали изготовление продукции третьего сорта, что не предусматривалось планом²⁰.

Проверка, проведенная промышленным отделом Саратовского обкома ВКП(б) в феврале 1948 г., показала обоснованность заявлений депутатов областного Совета о низком качестве местных промтоваров, особенно швейной № 2 и обувной фабрик. По итогам проверки на швейной фабрике были освобождены от занимаемых должностей главный инженер и секретарь парторганизации, на обувной — главный инженер и начальник цеха текстильной обуви. Руководство обеих предприятий разработало меры по повышению качества продукции²¹.

В ходе следующей проверки, организованной Саратовским горкомом партии в марте 1948 г., выяснилось, что на швейной фабрике № 2 положение улучшилось, а на обувной — не изменилось. Анализ трех дней работы обувщиков показал, что оборудо-

¹⁸ ЦДНИСО, ф. 594, оп. 1, д. 4977, л. 2; д. 4974, л. 29; Коммунист. 1948. 11 янв.; 1949. 15 янв.; 1951. 17 янв.; 1953. 25 янв.

¹⁹ ЦДНИВО, ф. 71, оп. 6, д. 63, л. 190об., 203; ЦДНИСО, ф. 30, оп. 17, д. 29, л. 16.

²⁰ ЦДНИВО, ф. 71, оп. 6, д. 63, л. 197-198.

²¹ ЦДНИСО, ф. 594, оп. 2, д. 526, л. 16.

вание конвейера часто выходило из строя из-за изношенности и некачественного ремонта. Прошивные машины долго простаивали вследствие некомплектности наконечников. Обувной клей содержался в грязном состоянии, что снижало его качество. Обувь с конвейера в результате отставания отдельных операций сбрасывалась на пол. Удельный вес продукции первого сорта среди гражданских изделий составлял 25–27% вместо 80% по норме. Яловая обувь, выпускавшаяся для армии, также имела существенные недостатки, из-за чего военные представители не приняли ее. В связи с этим фабрика была вынуждена перевести значительную часть военной продукции в разряд гражданской. Готовые изделия хранились в сваленном виде или уложенными большим слоем в штабеля, что приводило к их запылению и деформации. Вследствие низкого качества обуви торговые организации Астрахани, Сталинграда, Чкалова и других городов отказались от ее приобретения, а продукцию, полученную в 1947 г., возвратили на базу Саратовского обллетпрома. Убытки, понесенные при этом фабрикой, составили свыше 1 млн рублей.

Многие проблемы предприятия были связаны с кадровым вопросом. В 1947 г. невыходы на работу достигли 14% к отработанному времени, из них по болезни — только половина. За год с фабрики уволилось столько же, сколько и трудоустроилось. Несмотря на это, не велось обучение рабочих. Авторитет директора Касаткина, не сумевшего наладить работу предприятия, был низким. Большинство его приказов не выполнялось, что побуждало его к крайним мерам, среди которых наибольшее возмущение рабочих вызвало насильственное оставление на сверхурочные работы путем закрытия на замок дверей фабрики²².

После снятия Касаткина с поста директора положение на предприятии оставалось трудным. В июле 1948 г. фабрика сдала базе Главлегсбыта первым сортом 18942 пары мужской и дамской обуви. В ходе разбраковки оказалось, что из этого количества можно отнести к первому сорту 1,3%, ко второму — 34,2%, к третьему — 51,2%, а 13,3% сданной обуви было возвращено предприятию на переработку.

Обувная фабрика не являлась исключением. У уполномоченного Госплана СССР по Саратовской области Д. Ципорухи были все основания для вывода: «На примере крайне неудовлетворительной деятельности Саратовской обувной фабрики (директор тов. Зеленский) видны крупнейшие недостатки в деятельности легкой промышленности области»²³. Во время проверки партии швейных изделий из 20 тыс. штук на базе Главлегсбыта комиссия перевела из первого сорта во второй 51,2% изделий, а 11% признала непригодными²⁴.

Низкое качество продукции было типичным для предприятий легкой промышленности региона в первые послевоенные годы. Как и в период войны, швейные и трикотажные фабрики производили в основном изделия одного фасона и размера, имевшие, как правило, темную окраску. Продукция обувных предприятий была грубой и недолговечной, но продавалась по высоким ценам. Сказывались трудности перехода на выпуск гражданской продукции, медленные темпы обновления оборудования и технологий

²² ЦДНИСО, ф. 30, оп. 18, д. 72, л. 35–38.

²³ Коммунист. 1949. 26 января.

²⁴ ЦДНИСО, ф. 594, оп. 2, д. 727, л. 8об.

производства, низкое качество сырья, недостаточная квалификация работников, высокая текучесть кадров в связи с нерешенностью жилищно-бытовых проблем.

Однако и некачественных товаров не хватало. Большинство предприятий Астраханской и Саратовской областей в 1946–1948 гг. не справлялось с плановыми заданиями. Негативные последствия для Нижнего Поволжья имел застой в легкой промышленности Саратовской области. План 1948 г. по выпуску новой обуви был выполнен на 66 %, хлопчатобумажных тканей и бельевого трикотажа — на 78 %, верхнего трикотажа — на 84 %, чулочно-носочных изделий — на 49 %. Швейные фабрики № 2, 3, 4 недодали около 200 тыс. пар белья, более 40 тыс. пальто, обувная фабрика — свыше 300 тыс. пар обуви; Красноармейская трикотажная фабрика — 3,2 млн изделий²⁵.

В легкой промышленности Сталинградской области сравнительно высокий удельный вес нового оборудования позволял предприятиям, получившим его, справиться с государственными заданиями (швейная фабрика им. Н. К. Крупской, обувные фабрики, кожзавод и др.), но они были небольшими, не обеспечивавшими потребности быстрого растущего населения Сталинграда²⁶.

В самом невыгодном положении в послевоенные годы находились предприятия обласпромтов и кооперативной промышленности, в связи с необеспеченностью квалифицированной рабочей силой, дефицитом сырья, примитивным характером средств производства. Они медленно перестраивали работу с учетом новых потребностей людей. Ассортимент их продукции оставался узким, качество — низким, цены — высокими, что привело в 1948 г. к затовариванию предприятий дорогостоящими, неходовыми и недоброкачественными изделиями. В то же время не был налажен выпуск многих товаров повседневной необходимости. Например, в Саратове не производились керосиновые лампы, ведра, сковороды, чайники и др., вследствие чего торговые организации в 1948 г. завезли из других областей 141 вид предметов домашнего обихода²⁷.

Одну из главных причин недостатков в работе местной и кооперативной промышленности партийные и советские органы увидели в развитии частного предпринимательства. Борьба с частниками в Нижнем Поволжье началась в ноябре 1947 г. в Саратовской области после приказа № 482 Министерства торговли СССР «Об извращениях в торговле и производственной деятельности торгующих организаций». В ходе массовых проверок магазинов и ларьков, предприятий общественного питания и бытового обслуживания, организованных главными инспекторами по торговле в г. Саратове и области, были обнаружены случаи «проникновения частников в государственные организации» и использования их в своих интересах²⁸.

В феврале 1948 г. старший инспектор Главного управления кооперации выявил подобные факты в промкооперации и кооперации инвалидов Астраханской области, о чем сигнализировал в обком ВКП(б). В итоге были привлечены к партийной и адми-

²⁵ ЦДНИАО, ф. 325, оп. 5, д. 2, л. 9; д. 84, л. 2; ЦДНИСО, ф. 594, оп. 2, д. 727, л. 2; Коммунист, 1949, 15 янв.

²⁶ Сталинградская правда, 1948, 22 янв.; 1949, 28 янв.

²⁷ ЦДНИСО, ф. 594, оп. 2, оп. 727, л. 2об.-3.

²⁸ Там же. Д. 273, л. 76–80.

нистративной ответственности руководители трех артелей, а цехи с непредусмотренным уставом производством были закрыты²⁹.

Новый импульс начавшейся кампании придало постановление Совета Министров СССР от 14 апреля 1948 г. «О проникновении частника в кооперацию и предприятия местной промышленности». За 2,5 месяца после его принятия суды Астраханской области рассмотрели 28 дел о частно-предпринимательской деятельности, приговорив 50 % подсудимых лиц к исправительно-трудовым работам и оправдав остальных.

Посчитав, что постановление правительства выполнено недостаточно, а судебные решения излишне мягкими, бюро Астраханского обкома ВКП(б) 13 июля 1948 г. потребовало от руководителей кооперативных организаций, местной промышленности, финансовых органов и прокуратуры исправить положение. С этой целью были осуществлены повторные проверки силами управления промкооперации, облместпрома, облфинотдела с привлечением работавших в этих системах коммунистов и с участием работников райкомов ВКП(б) и райисполкомов. Итогом этих проверок, охвативших 537 предприятий и артелей из 577, стали новые факты о частном предпринимательстве³⁰. Аналогичные меры принял Саратовский обком партии, уделивший особое внимание проверке работы 339 объектов местной и кооперативной промышленности³¹.

Главными видами частно-предпринимательской деятельности на предприятиях и в артелях Астраханской и Саратовской областей считались:

- организация производства на частных квартирах (цехов кожевенных, чувячных, головных уборов и др.), что позволяло уйти от контроля налоговых служб;
- допуск частной собственности на основные средства производства и получение в связи с этим дополнительной выручки;
- применение наемного труда в кооперативах;
- скупка на рынках фондовых товаров, похищенных с государственных предприятий;
- перепродажа материалов по повышенным ценам;
- использование взяток, фиктивных документов и т. п.³².

В результате проверок с января по сентябрь 1948 г. в народные суды было передано в Астраханской области 61, а в Саратовской — 70 дел. В ряде случаев следственные органы отказались возбуждать уголовные дела ввиду отсутствия юридических оснований. В обеих областях были заменены отдельные председатели артелей, закрыты частные цехи, надомники переведены на предприятия. По мнению партийных органов, кампания дала возможность в значительной мере очистить промысловую кооперацию и местную промышленность от частно-предпринимательских элементов, повысить трудовую дисциплину, улучшить выполнение производственных планов³³. Фактически же кампания не имела экономического эффекта и носила ярко выраженный политический характер.

²⁹ ЦДНИАО, ф. 325, оп. 5, д. 83, л. 52.

³⁰ Там же. Л. 35, 100.

³¹ ЦДНИСО, ф. 594, оп. 2, д. 727, л. 27–28.

³² ЦДНИАО, ф. 325, оп. 5, д. 83, л. 52, 95–96; ЦДНИСО, ф. 594, оп. 2, д. 727, л. 29–30.

³³ ЦДНИАО, ф. 325, оп. 5, д. 84, л. 37; ЦДНИСО, ф. 594, оп. 2, д. 727, л. 30.

В Сталинграде, где местная и кооперативная промышленность находились на стадии возрождения, факты, подобные вскрытым в соседних областях в 1947–1948 гг., не были обнаружены. Отдельные случаи частно-предпринимательской деятельности выявились лишь в 1950 г. в Камышине, Калининском районе и кооперации инвалидов³⁴.

В 1949–1952 гг. в легкой промышленности Астраханской и Саратовской областей произошли позитивные сдвиги. За счет частичного обновления оборудования, улучшения организации труда, стабилизации кадрового состава выросли экономические показатели работы предприятий, увеличился ассортимент, улучшилось качество продукции. В 1950 г. объем валового производства легкой промышленности Астраханской области достиг довоенного уровня³⁵, причем выпуск обуви возрос в 3,6; бельевого трикотажа — в 3; чулочно-носочных изделий — почти в 7 раз по сравнению с 1940 г.³⁶.

Приоритет в отрасли принадлежал Саратовской области, во много раз превосходившей Астраханскую по производству основных видов изделий. Валовая продукция легкой промышленности Саратовской области в 1950 г. составила 135 % к показателю 1940 г. вместо 109 % в 1945 г. Однако и в 1950 г. выпускалось меньше, чем до войны, верхнего трикотажа, валяной обуви, хлопчатобумажных тканей и чулочно-носочных изделий³⁷. Отставание по двум последним видам не было преодолено и в 1951–1952 гг., когда объем производства в отрасли возрос в целом более чем на 40 %³⁸.

В то время как в Астраханской и Саратовской областях в 1950 г. был достигнут и превзойден объем валовой продукции 1940 г., в Сталинградской области он составил 78 %, в том числе в г. Сталинграде — 69 %³⁹. Главной причиной этого являлось медленное восстановление предприятий.

Строительство чулочно-трикотажной и обувной фабрики в Сталинграде, предусмотренное решением правительства СССР от 23 декабря 1946 г., из года в год откладывалось, несмотря на наличие проектно-сметной документации и подготовленных площадок. Не имея собственных помещений, эти предприятия размещались в здании завода № 91 химической промышленности. Их мощность уступала довоенной.

Восстановление кожевенного завода велось хозспособом и не было завершено к началу 1953 г. Сталинградская швейная фабрика им. 8 марта, имевшая до войны 5 цехов, располагала к осени 1951 г. только двумя. Ее складские помещения и культурно-бытовые учреждения не восстанавливались, так как средства на эти цели не отпускались. В ноябре 1950 г. Министерство легкой промышленности РСФСР приняло постановление о расширении и реконструкции фабрики, но Ленинградское отделение Гипролегпрома сорвало разработку проекта.

³⁴ ЦДНИВО, ф. 113, оп. 33, д. 1, л. 76; д. 52, л. 7.

³⁵ Народное хозяйство Астраханской области: Стат. сб. Астрахань, 1977. С. 13.

³⁶ Народное хозяйство Астраханской области: Стат. сб. Саратов, 1958. С. 24.

³⁷ Народное хозяйство Саратовской области в 1960 году. С. 37.

³⁸ Там же; ЦДНИСО, ф. 594, оп. 2, д. 2097, л. 19.

³⁹ Народное хозяйство Сталинградской области: Стат. сб. Саратов, 1957. С. 38.

Камышинская швейная фабрика начала действовать с 1946 г., не располагая собственными зданиями и испытывая недостаток оборудования. Цеха фабрики им. Н.К. Крупской размещались в плохо приспособленном барачном помещении.

Находившиеся в столь стесненных условиях предприятия обллегпрома допускали выпуск недоброкачественной обуви, швейных и чулочно-носочных изделий. Крайне медленно осваивалось производство новых видов продукции, не выполнялись задания по снижению себестоимости.

В 1950–1951 гг. улучшилась работа предприятий облместпрома, горместпрома и кооперации в связи с расширением их снабжения из централизованных фондов и увеличением количества отпускаемых промышленных отходов. Но качественные показатели их работы были заметно ниже, чем в системе обллегпрома.

Нерешенность проблемы производства промтоваров для населения побудило бюро обкома ВКП(б) к принятию 30 октября 1951 г. постановления «О мерах по развитию легкой промышленности в Сталинградской области». Вслед за этим обкому партии и облисполкому удалось добиться расширения производственной мощности Камышинской швейной фабрики, но вопрос о строительстве ее собственного здания остался открытым. За 1951–1952 гг. 7 предприятий обллегпрома внедрили 217 новых фасонов в швейное, 39 — в обувное, 9 — в трикотажное производство. Швейная фабрика им. Н.К.Крупской, обувная «Индпошив» и ЧТФ заметно улучшили качество изделий. Выпуск продукции первого сорта достиг в области в 1952 г. по платьям шерстяным и шелковым 99 %, шерстяным костюмам и пальто — 97–98,5 %, чулочно-носочным изделиям и трикотажному белью — 92,5 %. Вместе с тем удельный вес первосортной обуви оставался недостаточным — 77 %.

В то же время не удалось решить ряд важнейших вопросов. Несмотря на многократные просьбы руководителей области в различные инстанции Совет Министров СССР не включил в план 1952 и 1953 гг. строительство обувной и трикотажной фабрик в Сталинграде. Минлегпром РСФСР не выделил в 1951–1952 гг. фондовые материалы для завершения восстановления кожзавода, задержал утверждение технического проекта реконструкции швейной фабрики им. 8 марта до 19 января 1953 г.

Средства, выделенные предприятиям обллегпрома на капитальное строительство, увеличились с 1 млн руб. в 1951 г. до 2 млн руб. в 1952 г., но их освоение снизилось с 95,9 % до 50 %. Предприятия отрасли столкнулись с невозможностью более производительного использования промышленных площадей. Они эксплуатировались с большим превышением норм, особенно на фабриках им. Н. К. Крупской, трикотажной и обувных, где на одного работающего приходилось 7–9 куб. метров пространства вместо нормативных 15 куб. метров⁴⁰.

Совокупность всех обстоятельств привела к тому, что за 7 лет после окончания войны объем валовой продукции легкой промышленности Сталинградской области возрос в 2,4 раза, но предвоенный уровень был достигнут только в 1952 г., причем превышение являлось менее значительным, чем в Астраханской и Саратовской областях⁴¹.

⁴⁰ ЦДНИВО, ф. 113, оп. 39, д. 105, л. 1-4; оп. 42, д. 69, л. 94-95.

⁴¹ Народное хозяйство Сталинградской области. С. 38.

Легкая промышленность Нижнего Поволжья развивалась медленнее других основных отраслей экономики, кроме пищевой. Обе отрасли были поставлены в невыгодное положение в силу одной и той же причины — курса на приоритетное развитие тяжелой промышленности. Производство средств производства в СССР превысило в 1952 г. результаты 1940 г. на 168 %, в то время как выпуск предметов потребления — на 58 %⁴². Как для всей страны, так и для Нижнего Поволжья были характерны высокие темпы подъема промышленности, однако это стоимостные, а не натуральные показатели, и снабжение советских людей товарами перед войной было недостаточным. Такая политика официально объяснялась необходимостью создания технической основы для всего народного хозяйства, укрепления обороноспособности страны.

⁴² Народное хозяйство СССР: Стат. сб. М., 1956. С. 47.

М.Н. Матвеев

**ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО
В СИСТЕМЕ МЕСТНЫХ
СОВЕТОВ НАРОДНЫХ
ДЕПУТАТОВ ПОВОЛЖЬЯ
В 70-е – НАЧАЛЕ 90-х ГОДОВ
XX ВЕКА**

Полновластие Советов, закрепленное в Конституции СССР 1977 г., основывалось на тезисе «власть народа». Доказательством этого тезиса призваны были служить так называемые всенародные выборы, одной из основных особенностей которых было существование негласных установок на обеспечение необходимого для статистики числа депутатских мандатов для рабочих, колхозников, женщин, молодежи и беспартийных.

Подобная статистика призвана была не только подчеркивать всенародный характер власти, но и завуалировать диктат со стороны административного аппарата партийных функционеров и профессиональных советских чиновников. Так, наличие в представительных органах власти около половины депутатов-женщин должно было демонстрировать равноправие мужчин и женщин в СССР, преобладание депутатов-рабочих и колхозников – власть трудящихся, а большой процент беспартийных депутатов в Советах должен был свидетельствовать о «постоянной заботе КПСС о вовлечении широких трудящихся масс в управление государством»¹. Безальтернативность выборов и регулярное переизбрание на ключевые посты власти представителей номенклатуры были завуалированы четкой системой выдвижений и предварительного отбора кандидатур: спущенная по партийным каналам сверху кандидатура выдвигалась в порядке «инициативы масс» в трудовых коллективах. Для подтверждения близости власти к народу важно было демонстрировать, что Советы «представляют весь народ, избираются всем народом, действуют во имя его интересов, работают под его постоянным контролем».²

Известно, что высшие номенклатурные чиновники также всегда единодушно выдвигались народом на руководящие посты и как бы олицетворяли собой связь руководства с народом. «Кандидаты нерушимого блока» зачастую появлялись «на местах» лишь однажды – в день выдвижения их трудящимися той или иной области, что не мешало стройной картине общественной поддержки власти. Вот как проходило собрание по выдвижению кандидатом в депутаты Верховного Совета РСФСР члена Политбюро ЦК КПСС А. П. Кириленко в колхозе «40 лет Октября» Хвалынского района Саратовской области. Выступающая на нем доярка Л. П. Киреева заверила, что «трудящиеся называют своими посланцами в высшие органы власти руководителей партии и правительства, выражая тем самым единодушное одобрение внешней и внутренней политики ЦК КПСС и его Политбюро во главе с выдающимся политическим

¹ Морозов Б. П. Советы народных депутатов как основное звено социалистического самоуправления народа // Советские женщины: история и современность. Материалы Всесоюз. науч.-практ. конф., посвященной 80-летию первых Советов. Иваново, май 1985 г. М., 1987. С. 197.

² Там же.

деятелем современности товарищем Л. И. Брежневым». Кандидатура А. П. Кирилленко была поддержана единогласно³.

В 80-е гг. одной из форм, призванной приблизить работу Совета к избирателям, было создание территориальных депутатских групп и постов, включающих в себя депутатов, избранных от территории в Советы различных уровней. С депутатскими группами работали в контакте различные органы общественного самоуправления — домовые и уличные комитеты и т. д. Работа последних начиная с середины 80-х гг. определялась «Положением об общественных, сельских, уличных, квартальных комитетах в населенных пунктах РСФСР», утвержденным Указом Президиума Верховного Совета. Так, в 1985 г. районах города Ульяновска действовало 50 домовых и 114 уличных комитетов, 36 советов общественности при опорных пунктах охраны правопорядка и 800 других органов общественной самодеятельности, в работе которых принимало участие свыше 40 тыс. человек. В городе было образовано 32 совета микрорайона, в основном руководимые депутатами городского и районных Советов⁴. Деятельность подобных комитетов зачастую носила формальный характер, подвергаясь критике. Так, в материалах Саратовской партийной конференции за 1980 г. отмечалась слабая работа и недостаточное внимание, уделяемое деятельности депутатских групп, домовых советов, уличных комитетов и товарищеских судов⁵.

Близкой по сути формой самоуправления, выработавшей наказаы избирателей и другие поручения избирателей, были собрания и сходы граждан по месту жительства. Единого требования к периодичности проведения сходов не существовало, но на практике обычно они проводились не реже 1 раза в два месяца. Причиной для проведения схода граждан могла быть выработка наказов избирателей, выдвижение кандидатов в депутаты и их отзыв, обсуждение планов экономического и социального развития, застройки и благоустройства населенных пунктов, бытового, торгового, медицинского и культурного обслуживания населения, вопросы соблюдения социалистической законности, охраны общественного порядка, оказания помощи колхозам и совхозам в проведении сельхозработ и т. д. На сходах и собраниях населения заслушивался отчет исполнительных комитетов поселковых, сельских Советов, на них принимались социалистические обязательства на календарный год.

Сходы граждан, как правило, открывал председатель исполкома поселкового, сельского Совета, который сообщал о количестве граждан, присутствующих на сходе, и вносил предложение избрать президиум для ведения собрания. Президиум, в зависимости от количества присутствующих, состоял из 3—7 человек. В него, как правило, избирался председатель исполкома, секретарь парторганизации, руководители хозяйства и наиболее уважаемые жители поселка. В ходе собрания велся протокол, в котором указывалась дата, количество присутствующих, состав президиума, повестка дня, фамилии выступающих в прениях с краткой записью выступления, принятое постановление. Если за него проголосовало более половины присутствующих, то решение принималось. По сложившейся практике протокол схода передавался в исполком поселкового, сельского совета. Результаты выполнения решений схода, замечаний и

³ ГАСО, ф. Р-5970, оп.5, д.1, л. 19.

⁴ ГАУО, ф. Р-634, оп.2, д.1277, л. 84.

⁵ ГАСО, ф. Р-138, оп. 34, д. 1, л. 84, 84.

предложений доводились до сведения граждан на ближайшем сходе. В соответствии с духом времени сходы граждан проводились и для обсуждения решений партийных съездов и пленумов. Так, для обсуждения решений ноябрьского, 1982 г. пленума ЦК КПСС, в Ульяновской области было проведено 622 схода, на которых присутствовали более 55 тыс. человек. Всего же за 1982 г. и 2 месяца 1983 г. в Ульяновской области было проведено 7086 сходов, на которых присутствовали 681972 человека⁶.

Анализ документов свидетельствует, что, несмотря на атрибуты прямого народного властия, система собраний и сходов не была реальным институтом народного самоуправления, она во многом была построена на так называемой обязаловке и управлялась исполкомами местных Советов. Сходам предшествовала работа депутатов по организации явки граждан: обычно на сходах присутствовало 80—90 % взрослого населения поселка. Исполкомы принимали окончательное решение по созыву сходов и собраний, последние не имели властных полномочий. Система общественного самоуправления населения — домовые и уличные комитеты, собрания и сходы граждан, призванная аккумулировать народные инициативы, конкретизировать наказы депутатам, выработать обращения и принимать конкретные решения по местным вопросам, не стала эффективным институтом прямой демократии еще и потому, что работала как формальная акция.

Невозможность практически что-либо изменить без санкции исполкома сводила общественное самоуправление на нет и вызывала цепную реакцию: исполком не замечал пассивность этих институтов в обмен на собственный покой. Социальные последствия данной реакции были губительны не только для населения, но и для исполкомов, а в конечном счете и для Советов. Существующие же формы связи власти с населением не всегда адекватно вскрывали весь комплекс проблем территории. Любопытно свидетельство очевидца эксперимента, поставленного в одном из городских районных Советов в середине 80-х гг. Депутатам было предложено вместо приема граждан по определенному графику в депутатской комнате осуществить личный обход округов. Депутаты от эксперимента отказались. Мотивация при этом была следующая: в случае обхода квартир может выявиться такое количество невыполнимых замечаний и просьб, что акция заранее будет обречена на провал. Не было принято предложение о проведении эксперимента совместно с представителями ответственных служб ЖКХ для принятия оперативных решений. Тем не менее в одном из микрорайонов Советом было проведено анкетирование населения по волнующим вопросам. Результаты активности населения превзошли ожидания. Почти каждая квартира заполнила анкету. Однако в исполкоме и среди депутатов эксперимент был оценен как неэффективный, т. к. в анкетах не было «интересных, государственных предложений», а все они касались «мелких частных вопросов» — плохое освещение подъездов, антисанитария, неудовлетворительное состояние коммуникаций и т. д.⁷

По мнению ряда исследователей, институт наказов избирателей, широко распропагандированный в советские годы, во многом носил характер ритуала, призванного продемонстрировать связь депутата с народом, а отнюдь не выявить и удовлетворить за-

⁶ ГАУО, ф. Р-3038, оп. 5, л. 2555, л. 28—32.

⁷ Шарафетдинов Н. Ф. Развитие социалистического самоуправления народа в СССР в современных условиях: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 1987. С. 124, 125.

просы избирателей⁸. Население зачастую игнорировало предвыборные и отчетные собрания, справедливо полагая, что депутат не сможет решить их проблемы. Сложившаяся система полномочий приводила к тому, что решение многих социально-экономических вопросов населения часто не зависело от депутата, если только он «по совместительству» не оказывался руководителем крупного предприятия или ответственным работником исполкома или комитета партии. У рядового депутата оставалась только возможность ходатайствовать перед исполкомом и руководителями организаций с просьбами помочь решить тот или иной вопрос. Таким образом, депутатский статус находился значительно ниже служебного положения. Кроме того, по сложившейся практике депутат должен был предварительно согласовывать с аппаратом исполкома содержание своих выступлений на сессии, поправки к предлагаемым проектам решений и т. д. Все это переворачивало с ног на голову законодательную базу механизма народовластия, по которой не депутатский корпус — Совет, а именно исполком был подотчетен Совету.

Одна из возможностей, имевшихся у депутатов, состояла во включении в работу сессии Совета рассмотрения так называемых «критических замечаний», многие из которых содержали в себе информацию о недостатках в реализации наказов избирателей, работе с письмами и заявлениями граждан, а также не внимательного отношения руководителей предприятий к депутатским запросам. Существовала определенная система контроля за исполнением критических замечаний и предложений депутатов, постановлений и решений, принимаемых Советами⁹.

С началом так называемой «перестройки» в обществе возникло ощущение того, что многие проблемы и недоработки системы легко устранимы через реформирование и демократизацию системы Советов. Однако первые попытки реформирования при сохранении руководящей роли КПСС к реальному полновластию Советов не приводили. С одной стороны, новым Генеральным секретарем ЦК КПСС М. С. Горбачевым было заявлено, что «ни о какой настоящей демократизации общества не может быть и речи, если не включить в этот процесс Советы, если не осуществить новаторские перемены в их положении»¹⁰, с другой — сохранение ст. 6 Конституции приводило к взаимоисключаемым установкам. В духе этих ожиданий взаимоотношения населения с местными Советами стали значительно более динамичными, как следствие, увеличился поток писем и заявлений граждан в исполкомы¹¹. На предвыборных собраниях кандидаты впервые столкнулись с открытой критикой работы исполкомов и огромным потоком ни с кем не согласованных наказов. В городах и селах начали происходить незапланированные исполкомами собрания и сходы граждан, возникать комитеты территориального общественного самоуправления¹². Система учета и анализа, лишавшись лакировки, впервые за многие десятилетия начала фиксировать реальное положение дел. Выяснилось, что в некоторых районах до половины наказов избирателей не

⁸ Сергеев В. М. Становление демократии в России и традиция соборности: Дис. ... д-ра ист. наук. М., 1993. С. 113.

⁹ ГАРФ, ф.10026, оп.5, д. 1061, л. 6

¹⁰ Горбачев М. С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М., 1988. С. 110.

¹¹ ЦДНИСО, ф. 3837, оп. 1, д. 44, л. 16.

¹² Бобович Р. Е. Территориальное общественное самоуправление. М., 1999. С. 32.

реализованы¹³. Несмотря на регулярное заслушивание в исполкомах советов ответственных исполнителей о ходе реализации наказов, последние из года в год переносились или вообще не выполнялись. Не ставился депутатами вопрос о привлечении конкретных работников к ответственности за срыв выполнения решений по наказам, а постоянные комиссии Советов народных депутатов не осуществляли свои контрольные функции¹⁴. Весьма характерное отношение общества к происходящим переменам выразил один из делегатов партийного пленума 1988 г. в Саратове: «Перестройка — это слово знает каждый. Но не каждый сможет объяснить, что оно означает применительно к себе»¹⁵.

В начале 90-х взаимоотношения власти и общества проходили через период демократизации системы местных Советов. «Народные избранники, — вспоминает бывший депутат, — впервые прошли через альтернативные выборы, которые вспоминают до сих пор как самые свободные и честные за все времена. Но могли ли люди, имевшие разные политические взгляды, разное представление о том, как надо действовать, и в большинстве своем весьма слабо представляющие систему управления городом, в одночасье организовать и взять власть в свои руки? У них не было опыта коллегиального выработки решений, и позаимствовать его было не у кого, потому что все их предшественники послушно голосовали за то решение, которое им спускали из обкома КПСС». Представление о разделении полномочий депутатов и исполкомов было также достаточно смутное, что зачастую приводило к тому, что реализация наказов избирателей и разбор жалоб и заявлений воспринимались населением как единственная обязанность депутатов, оправдывающая их существование. Тот же источник свидетельствует: «У населения находили безошибочный отклик демагогические призывы к депутатам “заниматься конкретными делами”, а не просиживать штаны на сессиях. Хорошо помню, как ринулись мои коллеги-депутаты “заниматься конкретными делами” под аплодисменты работников исполкомов, получавших конкретную зарплату за то, чтобы данные вопросы решались»¹⁶.

Весной 1990 г. была отменена 6 статья Конституции, закреплявшая командную роль КПСС в жизни общества. Однако отмена полновластия КПСС не привела к мгновенному конвертированию свободы, ростков народного самоуправления и накопившейся общественной инициативы в новое государственное устройство. «Половина наших бед в центре и на местах, — признавали в 1990 г. делегаты XXVIII съезда КПСС, — происходят из-за того, что в последние два года партийные комитеты практически перестали править, а Советы никак не могут овладеть функциями управления»¹⁷. Проблемы, с которыми столкнулись Советы во второй половине 80-х гг., во многом были порождены тем положением, которое они занимали в системе власти. Это была проблема отсутствия четкого разделения властей. Поскольку в СССР все представительные и исполнительные органы входили в единую систему государственной

¹³ ГАУО, ф. Р-3038, оп. 5, д. 2792, л. 161.

¹⁴ Там же. Д. 2874, л. 68.

¹⁵ ЦДНИСО, ф. 4814, оп. 16, д. 1, л. 14.

¹⁶ Вишневский Б. А. Парламентаризм по-петербургски // Представительная власть — XXI век. М., 2001. С. 5.

¹⁷ РГАСПИ, ф. 582, оп. 6, д. 15, л. 16.

власти с жесткой системой соподчиненности, поскольку как такового местного самоуправления в стране не существовало. Подобное положение не только не давало развиваться спасительному для страны в переходный период местному самоуправлению, но и порождало у Советов ненужные политические амбиции, стремление стать не горизонталью, а вертикалью власти в стране. Даже во времена гегемонии компартии многие свято верили, что вся власть в стране принадлежит Советам. Поэтому после столь длительного самогипноза провести четкое разделение власти на исполнительную и представительную, местную и государственную было трудно. Когда партийная власть в стране рухнула, Советы не только продолжали считать себя органами государственной власти, но и попытались занять высвободившуюся нишу политического объединителя страны.

«Советы по сути остались без власти, а следовательно, беспомощными, — констатировал ситуацию депутат одного из поселковых советов Саратовской области в 1990 г. — Основная тому причина — тощий бюджет, уйма прорех в социальной сфере. С другой стороны, избиратели в период предвыборных кампаний усвоили, что они изберут новые Советы. И избрали их, и идут в Советы со всеми вопросами, веря, что там помогут. Рады бы, да денег нет. Пока у Совета не будет финансов, он будет каким-то опереточным органом, а не органом власти. Так оно и есть. Решения поселкового Совета порой игнорируются, а работники Совета с утра обивают пороги предприятий в роли просителей. У депутатов угасает интерес к общественной деятельности. Наказы избирателей выполняются со скрипом. С переходом на рыночную экономику с Советами мало кто будет считаться».¹⁸ Ценным источником информации о вопросах, волновавших население в начале 90-х гг., остаются стенограммы встреч избирателей с депутатами местных Советов. На них жители интересовались у депутатов «что делать с приватизационными чеками?», «когда будет наведен порядок с криминальной обстановкой?», «что предпринимает Совет по пресечению разрастания «прихватазации» из госкармана лицами руководящего звена различных уровней?». Был среди вопросов и такой: «чем занимаются в Советах депутаты, которых избиратели в глаза не видели?»¹⁹ Отношение населения к статусу депутата и целям его деятельности характеризуют предложения такого свойства: «сократить показ фильмов, пропагандирующих насилие, жестокость, убийства на телевидении и в кинотеатрах». Или: «создать на российском телевидении нравственный канал»²⁰.

Представления самих депутатов местных Советов и населения о сути депутатской работы порою сильно отличались. Если избиратели не проводили различия между исполнительным и законодательными органами и разными их уровнями, объединяя всех, от депутата районного Совета до президента Ельцина, в единое понятие «власть», то народные депутаты стремились по возможности оправдать неспособность решить огромный узел бытовых проблем своих избирателей отсутствием необходимых полномочий и некой глобальной миссией написания «правильных законов». От которых, по

¹⁸ Афанасьев И. Какой быть структуре Советов. Кто же заказывает музыку? // Коммунист (Саратов). 1990. 14 нояб.

¹⁹ ГАУО, ф. Р-1565, оп.14, д. 932, л. 20.

²⁰ Там же. Ф. Р-3038, оп.5, д. 3150, л.19.

мысли некоторых из них, все само собой в стране должно счастливо разрешиться. Найти точки соприкосновения на столь встречающихся курсах было не просто.

«Раньше я считала, что основное предназначение депутата — заниматься жалобами и наказами избирателей, — говорила в интервью местной газете депутат Энгельского горсовета Саратовской области в 1991 г. — Но когда сама окунулась в эту работу, то поняла, что депутаты должны решать более глобальные проблемы: как нам жить дальше. Иначе для чего же мы здесь сидим? А посмотрите, чем в основном приходится заниматься депутату: сплошные бытовые вопросы. Других проблем у избирателей нет. А что может простой депутат? Только ходить по кабинетам и стучать кулаком по столу, требуя решения своих вопросов».²¹ «Третий год мы исправно собираемся на свои сессии, — говорила в 1992 г. депутат Самарского горсовета, — где тепло, светло и кресла мягкие. И приехали сюда многие не на общественном транспорте. Обсуждать, спорить, светиться перед экранами, обличать соседа. А на улице избиратели наши мерзнут, дети мерзнут в садиках и школах, огромное количество больных — люди едут на работу, раздирая массой своей автобусы, гроздьями свисая с трамваев. А мы-то зачем сюда ходим? Чтобы делать умный озабоченный вид? А потом, покачав головами, расхотиться, оставив себе единственное действие, что, пляя глаза на избирателей, говорить, что мы не у власти почему-то. А ведь мы на самом деле ничего не можем. Мы кроем коммунистов, прежних депутатов, но такого отношения власти к своим обязанностям не допускали никогда! Нам нравится играть в парламентариев, в депутатские группы, демократов, рабочую группу, молодежь. А наши функции обеспечить, чтобы власть работала на людей, иначе трудовые коллективы сметут нас, вместе с исполнительными органами».²²

В последние годы деятельности Советов шла их постоянная реорганизация с целью совершенствования. После выборов 1990 г. избрали президиумы и исполкомы, через год ликвидировали исполкомы, избрали президиумы в новом составе. Затем создали малые Советы и администрации. Суть этих изменений мало понималась населением, но приводила к двояственности и конфронтации между депутатским корпусом и исполнительными органами. «Падает интерес, вера людей в народного депутата, в то, что он что-то может изменить в сегодняшней ситуации, как-то улучшить материальное положение своих избирателей. А это, в свою очередь, отражается и на активности депутатов, — отмечалось в апреле 1993 г. на Всероссийском совещании народных депутатов местного самоуправления в Москве. — Постепенно теряется связь народного депутата со своими избирателями. Депутат боится своих избирателей. Ему страшно идти на избирательный участок, потому что сказать нечего. Наказы не выполняются: бюджеты настолько малы, что дай Бог своевременно выплачивать зарплату медикам, учителям, финансировать необходимые мероприятия». По свидетельству делегатов совещания, «чувствуя всю эту пустую работу», в некоторых областях весной 1993 г. Советы начали в массовом порядке самораспускаться.²³

²¹ Этот Совет себя не оправдал // Наше слово (Энгельс). 1991, 22 окт.

²² ГАСамО, ф.Р-56, оп.55, д. 1194, л. 9, 10.

²³ Всероссийское совещание народных депутатов местного самоуправления: Стеногр. отчет. М., 1993. С. 19–21.

Местные бюджеты находились в бедственном положении. Характерным примером может быть Пензенская область, где на 1991 г. недофинансировались здравоохранение и народное образование на 30 %, а культура — почти на 50 %. Практически на все товары была введена талонная система, продукты питания в пензенских магазинах продавали только жителям области²⁴. В бюджете 1993 г. общее недофинансирование составляло уже почти 50 %²⁵. Аналогичная ситуация наблюдалась повсеместно. Естественно, что в таких условиях значительная часть населения переходила в оппозицию к так называемому «курсу реформ», а Советы становились орудием критики исполнительной власти в стране. «Если мы с вами так отрегулировали нашу экономику, что производство стоит, а «реформы идут» — большего абсурда придумать невозможно, — говорили народные депутаты на заседании малого Совета Пензенского облсовета в марте 1993 г., — На сегодняшний день треть населения России живет ниже физиологического уровня. Где надо было власти проявить характер и защитить интересы региона, мы говорили: «Правильной дорогой идете, товарищ Гайдар и другие!». Это не реформа!»²⁶

На судьбу системы Советов решающую роль оказало введение института президентства в СССР в 1990 г., а с 1991 г. — в России, и значительное его усиление после событий попытки государственного переворота ГКЧП и разрушения новыми республиканскими лидерами Советского Союза. В последовавшие два года с началом монтажа в стране президентской исполнительной вертикали, включающей администрацию и представителей президента, возникла ситуация двоевластия. По сути дела в стране начало существовать две общегосударственные вертикали: вертикаль Советов во главе с Верховным Советом, Съездом народных депутатов и Р. И. Хасбулатовым и вертикаль Президента Б. Н. Ельцина, опирающаяся на назначаемых глав администраций.

Информация с мест, отложившаяся в фондах Верховного Совета, свидетельствует о том, что после учреждения института глав администраций местные Советы как бы отошли на второй план. Стала проводиться линия на принижение роли Советов в государственной жизни, на основе Указов Президента функции Советов по приватизации, земельной реформе перешли к органам исполнительной власти. Соответственно начался отток чиновничества в пропрезидентские структуры. Немалая часть рекомендуемых председателями городских и районных Советов на сессиях снимали свои кандидатуры.²⁷ Возможности Советов влиять на формирование исполнительной власти на местах строились на довольно зыбкой нормативной базе, в первую очередь на Указе Президента РСФСР «О порядке назначения глав администраций» от 25 ноября 1991 г., дающего возможность обходить согласование кандидатур с Советами. Поэтому в ряде областей, например Ульяновской, областному Совету удавалось «в связи с обстановкой, сложившейся в области», убедить Президента отменить свое предыдущее решение и назначить на должность главы областной администрации кандидатуру Совета (в дан-

²⁴ ГАРФ, ф. 10026, оп.12, д. 615, л. 57, 86.

²⁵ Там же. Ф. 10026, оп.12, д. 620, л. 81.

²⁶ Там же. Л. 80, 81.

²⁷ Там же. Оп. 5, д. 491, л.12.

ном случае — собственно председателя облсовета Ю. Ф. Горячева).²⁸ Однако во многих случаях, например, в Самарской области, где главой администрации стал К. А. Титов, назначение происходило без согласования с Советом.²⁹

Накануне принятия новой Конституции 1993 г. деятельность Советов определялась законом РФ «О краевом, областном Совете народных депутатов и краевой, областной администрации». Согласно законодательству невыполнение решений областного Совета, принятых в пределах его компетенции, влекло административную ответственность должностных лиц и граждан в виде штрафа, налагаемого в судебном порядке в соответствии с действующим законодательством³⁰. Юридически Совет сохранял права, имевшиеся у него с советских времен — право депутатского запроса, утверждение местных бюджетов, согласования кандидатур руководителей исполнительных органов. Но на практике с конца 1991 г. с Советами мало кто считался. Соответственно и население постепенно начало переключаться на администрации как центры реальной власти.

²⁸ ГАУО, ф. Р-3038, оп. 5, д. 3131, л. 1–8.

²⁹ ГАРФ, ф. 10026, оп. 5, д. 330, л. 67.

³⁰ ГАПО, ф. Р-2038, оп. 1, д. 8146, л. 81.

К. А. В. фон Ведель

ИСТОРИЯ
ОДНОГО ОФИЦЕРА
В ВОЙНУ ПРОТИВ РОССИИ
В 1812 ГОДУ, В РУССКОМ
ПЛЕНУ В 1813–1814 ГОДАХ,
В ПОХОДЕ ПРОТИВ
НАПОЛЕОНА В 1815 ГОДУ:
ВОСПОМИНАНИЯ¹

В 1812–1814 гг. тыловые губернии России стали местом размещения военнопленных «Великой армии» Наполеона. Многие из них по возвращении домой оставили подробные воспоминания о своем участии в той кампании и годах русского плена. Однако эти сочинения, изданные в разных странах Европы, как правило, еще в XIX в., до сих пор практически не были известны краеведам. Одним из них являются мемуары К. А. В. фон Веделя², хранящиеся в фонде Библиотеки Российской академии наук в Санкт-Петербурге³.

Эти записки уже частично переводились на русский язык⁴. Настоящая публикация представляет собой отрывок, связанный с пребыванием Веделя на территории Саратовской губернии.

Перевод с немецкого А. Н. Галямичева

Комментарии В. П. Тотфалушина (при участии А. Н. Галямичева).

¹ Подготовлена при поддержке Института «Открытое общество» (Фонд Сороса). Россия.

² Уроженец Ганновера Карл Антон Вильгельм фон Ведель (6.06.1790–1853), граф, сын бригадного генерала Герхарда Густава, лейтенант 9-го польского швоберского (легкоконного) полка 1-й легкоконной дивизии 1-го кавалерийского корпуса Э.-А. Нансути. Пленен возле Орши 19 ноября 1812 г. казаками Иловайского 12-го полка и направлен в Витебск. В апреле 1813 г. отправлен в глубь страны, до освобождения находился в Саратове, где встретил многих известных пленников. В феврале 1814 г. отправлен на родину. Впоследствии ганноверский министр народного просвещения (см.: История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях: Аннотированный указатель книг и публикаций в журналах. М., 1977. Т. 2, ч. 1. С. 292).

³ Geschichte eines Offiziers im Kriege gegen Rußland 1812 in russische Gefangenschaft 1813 bis 1814 im Feldzuge gegen Napoleon 1815. Lebenserinnerungen von Carl Anton Wilhelm grafen von Wedel. Berlin, 1897.

⁴ Ведель К.-А. О пребывании в плену в Витебске в 1812 и 1813 годах иностранцев-офицеров наполеоновской армии // Полоцко-Витебская старина. Витебск, 1916. Вып. 3; То же. [В отрывках] // Французы в России: 1812 год по воспоминаниям современников-иностранцев. М., 1912. Ч. 3.

<...> 7 июля мы достигли Костромы, главного города одноименной губернии, при слиянии Костромы и Волги. ... здесь находилось еще два транспорта пленных: один состоял исключительно из французских офицеров...; другой состоял из немецких офицеров, которые держали путь из Саратова в Петербург, чтобы там поступить на службу и принять участие в войне против Франции. Среди них находился подполковник Шенк фон Винтерштедт (Schenk von Winterstedt) — единственный из офицеров моего полка, которого я встретил в плену⁵. Он сказал мне, что в Саратове уже знают о том, что мы должны прибыть туда; я встречу там одного своего знакомого, с которым учился в Геттингене, кандидата Пфаннкухе (Pfanlkuche), который служит воспитателем при детях барона Крюденера⁶ в Саратове. Представленное им описание Саратова показалось нам привлекательным. <...>

В Пензе мы встретили очень много пленных всех родов войск, и среди прочих — графа Сегюра (Ségur)⁷. Мы были свидетелями прибытия курьера и первыми узнали о заключении мира, сообщение о котором вызвало среди пленных всеобщее ликование, поскольку каждый теперь надеялся на скорое возвращение на родину. Но эта радость вскоре была омрачена сообщением о том, что заключено было лишь перемирие⁸. 9 августа у Кондоля мы увидели первые ржаные снопы в Саратовской губернии, 10 августа мы были в Петровске. Незадолго до этого город был опустошен сильным пожаром⁹; содержавшиеся там пленные — 15 офицеров и 150 солдат — показали себя при тушении пожара и спасении пострадавших столь деятельными и умелыми, что губернатор направил в их адрес очень теплое благодарственное письмо, составленное на французском и русском языках. После этого они жили с местными жителями в самом добром согласии. Было очень жарко; река, на которой расположен городок¹⁰, является прекрасным местом для купания, чем я воспользовался с несколькими моими товарищами.

Окунувшись в воду, мы увидели поодаль нескольких девочек, которые с большим искусством ныряли и проделывали всевозможные плавательные штучки. Они совершенно не стеснялись нашего присутствия, мы точно так же не обращали на них внима-

⁵ Шенк фон Винтерштедт Карл Христиан Людвиг (? — 1827), барон, подполковник, шеф эскадрона был взят в плен гусаром из партии А. С. Фигнера 20 сентября (2 октября) 1812 г. под Москвой (подробнее см.: Попов А. И. Удивительные встречи или артиллерист на партизанской тропе // От Москвы до Парижа. Малоярославец, 1998. С. 121—132).

⁶ См. о нем также: *Peszke S. Mój pobyt w niewoli rosyjskiej w r. 1812.* Warszawa, 1913. S. 45-47; *Schenk C. Ch. L. Mittheilungen aus der Leben des französischen Obersleutenants. Enthältend die Geschichte seiner Gefangennahme in der Schlacht bey Borodino in Russland am 7-ten September 1812, seines Transports an die Grenze von Asien, so wie seines Aufenthalts und seiner Behandlung als Kriegsgefangener daselbst in den Jahren 1813 und 1814.* Celle, 1829. S. 83.

⁷ Сегюр Ожтав-Анри-Габриэль (30.06.1779 — 1818), граф, брат знаменитого генерала-мемуариста, капитан 8-го гусарского полка, взят в плен 16 (28) июня 1812 г. (подробнее см.: Попов А. И. Предисловие // 185 лет Отечественной войне 1812 г. Самара, 1997. С. 4—5, 8—9).

⁸ 23 мая (4 июня) 1813 г. в Плевисе между VI коалицией и Наполеоном было заключено перемирие сроком на два месяца.

⁹ Мемуариста подводит память: в 1813 г. Петровск горел (в четыре приема) 16 сентября, причем сгорело 125 дворов (см.: Кушев Н. Е. Двухсотлетие города Петровска Саратовской губернии: Ист. очерк. Петровск, 1898. С. 16).

¹⁰ Петровск расположен на берегу р. Медведицы.

ния и держались на некотором отдалении, поскольку договорились между собой по возможности избегать общения с местными жителями. Я и прежде нередко замечал, что мужчины и женщины в городах купаются вместе, не испытывая чувства стыда. Русские привыкли к этому, и когда мы купались, разбитые женщины ограничивались тем, что поворачивались к нам спиной.

11 августа мы прошли через несколько немецких деревень¹¹ и остановились на ночлег в одной из них — Каменке (Kaminka). Екатерина II пригласила этих немцев из Саксонии, и они до сих пор сохранили свой язык, обычаи и одежду¹². Пожалованное им 50-летнее освобождение от всех повинностей и налогов заканчивалось в 1814 году¹³. Поэтому в будущее они смотрели с некоторым опасением, особенно из-за воинской повинности. Как немец я был очень любезно принят моими хозяевами. Оба их родителя, родом из Мейнингена (Meiningen), были еще довольно крепкими стариками. Они говорили о своем огромном желании еще раз увидеть родные места. Их тоска по родине была настолько велика, что погасить ее оказалось не в силах 50-летнее пребывание на новом месте жительства. И если бы эти старики смогли бы вернуться, — как поразило бы их увиденное в сравнении с тем, что они ожидали встретить.

12 августа, преодолев, по моим расчетам, за 99 дней на пути от Витебска 2045 верст или 294 географические мили, мы вошли в губернский город Саратофф или Саратов (Saratoff oder Saratow) на Волге в Астраханском царстве (im K nigreiche Astrachan)¹⁴. Мы должны были остановиться здесь на некоторое время, чтобы следовать дальше на Астрахань; таково было первоначальное решение. По прошествии примерно восьми дней нас уведомили о том, что дальнейшее продвижение по распоряжению губернатора отменено, и мы остаемся в Саратове. Мы с радостью встретили эту весть, поскольку были крайне утомлены путешествием по России. Хотя при ясной и безоблачной погоде, которая лишь изредка прерывалась короткими дождями и ветром, путешествие было бы вполне приятным и вовсе не утомительным (поскольку транспортных средств было в достатке и мы шли пешком только тогда, когда это доставляло нам удовольствие¹⁵), эта постоянная смена мест нашего пребывания, унылое однообразие русской равнины, сел и городов с их деревянными домами, длинными прямыми улицами, бесконечными башнями церквей и монастырей, это путешествие без смысла и цели было ужасно утомительным для души, тем более что нормальное содержание могло быть предоставлено нам лишь изредка, когда мы встречали на своем пути того разговорчивого аптекаря, о котором речь шла выше, или гостеприимного дворянина, который мог и хотел достойно принять нас.

¹¹ Вдоль дороги из Петровска в Саратов находились колонии Побочная, Скатовка, Ягодная Поляна, основанные выходцами из Дармштадта.

¹² Среди основателей колонии Каменка (1765 г.) действительно были выходцы из Саксонии, но сама колония располагалась примерно в 100 верстах южнее Саратова на Астраханском тракте, и транспорт пленных, идущий из Петровска, никак не мог оказаться в ней.

¹³ Колонисты освобождались от «всяких налогов и тягот» на 30 лет (см.: *Плева И. Р.* Немецкие колонии на Волге во второй половине XVIII века. 2-е изд. М., 2000. С. 60).

¹⁴ Ошибка мемуариста. 5 марта 1797 г. Саратовская губерния была восстановлена, а в 1806 г. произошло ее окончательное размежевание с Астраханской губернией.

¹⁵ По предписанию от 29 августа 1812 г. на каждую пару пленнных офицеров полагалась одна пароконная подвода.

На этом долгом пути мы видели огромные леса, необозримые дали плодородных полей, пастбищ и лугов, мало пустых земель, полноводные, богатые рыбой и судоходные реки и озера, цветущие города, многочисленные красивые и зажиточные села и очень мало нищих деревень, крепкую, красивую породу людей, добродушный, неотесанный, но во всех механических работах сообразительный и ловкий народ, тучные стада, хороший, нередко очень красивый рогатый скот, прекрасных, выносливых коней, многочисленные овечьи отары. Общее впечатление, которое на всех нас произвело это зрелище, можно определить так: в русском народе мы увидели гигантское дитя, охваченное стремительным ростом. Если в дальнейшем оно будет окружено заботой и надежно защищено от внутренних, опасных для его здоровья и естественного развития болезней, это дитя в течение одного столетия может превратиться в колосса, которому остальная Европа будет способна противостоять только объединенными силами.

Что было целью этого долгого путешествия? — спрашивали мы друг друга.

Зачем в течение ста дней нас водили вдоль и поперек по Старой России до границ с Азией, если, двигаясь по прямой, мы удалились бы от исходного пункта на вдвое большее расстояние? Почему мы так часто встречались с другими партиями пленных, пересекавшими Россию во всех возможных направлениях? Зачем в каждом маленьком городке размещали пленных и рассеяли их по всей стране? Если бы целью было удаление от района военных действий, то не было бы никакой необходимости отправлять нас так далеко. Возможно, нас намеревались познакомить с величием и силой империи, с тем, чтобы тысячи вернувшихся пленных распространили затем эти знания по всей Западной Европе. Вполне вероятно, что ставилась задача прославить победы русского оружия зрелищем огромного числа пленных и тем самым пробудить дух воинской доблести среди молодежи в тот момент, когда требовалось множество рекрутов. Наконец, может быть, отправка пленных во все уголки страны должна была обернуться приобретением Россией новых крестьян, ремесленников и художников.

Я полагаю, что все эти доводы принимались во внимание, судя по тому, как обращались с пленными, особенно с солдатами, и действительно великое множество их добровольно осталось в России. Многие немцы, размещенные в немецких колониях под Саратовом на обоих берегах Волги, здоровые мужики, знакомые с земледелием, женились на дочерях немецких колонистов; им предоставлялась земля, на что они не могли рассчитывать в Германии, при обустройстве на постоянное место жительства кроме обычной поддержки губернских властей они получали 50-летнее освобождение от военной службы и налогообложения¹⁶. Что могло быть более желанным для сына бедных немецких крестьян, батраков или поденщиков, который к тому же страшился тягот обратного пути на родину? Те, кто владел ремеслом, находили, особенно у немецких мастеров, работу и хороший заработок, дополнявший довольствие пленного, и подчас жили лучше, чем офицеры, которые не работали и не получали помощи с роди-

¹⁶ Комитет министров на заседании 17 апреля 1814 г. «утвердил, чтобы военнопленным, присягнувшим на подданство России и вступающим в звание колонистов, предоставлена была таковая же льгота от податей и повинностей, какая назначена для военнопленных, приписывающихся по городам в мещане. Сии же военнопленные освобождены 5-м пунктом положения комитета г. министров 9 сентября 1813 г. на десять лет со дня записки их в мещане от всех податей и повинностей» (ГАСО, ф. 180, оп. 1, д. 84, л. 100).

ны. Представители строительных специальностей, аптекари, врачи находили радушный прием и хорошую практику и щедро вознаграждались за свой труд. Французские солдаты часто приглашались в качестве камердинеров знатных дворян или поваров. Французские офицеры и немцы, имевшие образование, становились желанными воспитателями и учителями. Среди пленных часто передавались рассказы о выгодных браках, которые здесь и там заключали офицеры¹⁷.

Из всего, что я видел и слышал в России, а также из того, что я узнал от других вернувшихся на родину пленных, я вынес убеждение в том, что ни один пленный не был задержан в России против своей воли. Но были, правда, и такие, кто добровольно остался в России, затем разочаровался в принятом решении, нашел возможность для возвращения на родину и рассказывал там ужасные истории о насилии, которому подвергались пленные, и об оставшихся в России, томящихся в тяжелой неволе товарищах, чтобы тем самым подвигнуть доверчивых собеседников к вспомоществованию.

Правый берег Волги у Саратова довольно высок и постепенно сглаживается вверх по течению реки. В самой высокой точке местности расположен дворец губернатора¹⁸; город выстроен на плоском, отлогом склоне. Теперь он, наверное, значительно вырос; тогда дома стояли порознь и были очень рассеяны, лишь в самой старой части города они располагались плотнее, но и здесь застройка была не очень регулярной. Весь будущий план города был начертан на земле посредством длинных прямых канав. Каждая площадка, предназначенная для строительства, была отделена от других и снабжена номером; тот, кто намеревался начать строительство дома, получал место под постройку бесплатно¹⁹. Грунт слагается здесь из тяжелого сухого песка, так что улицы, хотя и не были вымощены, но неизменно сохраняли твердость и сухость из-за покатоности поверхности.

Волга несет свои воды в величественном спокойствии у подножья города и бороздится великим множеством судов и плотов, оснащенных пушками. Дело в том, что степи между Саратовом и Астраханью населены разбойничьими кочевыми племенами²⁰, что делает эту область небезопасной. Суда имеют обыкновение отмечать свое прибытие и отправление приветственными и прощальными выстрелами. Ширина реки здесь примерно такая же, как у Эмса (Ems), в том месте, где он впадает в Долларт (Dollart)²¹. Левый берег Волги, простирающийся напротив Саратова, представляет собой неоглядную степь, поросшую чахлой травой. Ни дерева, ни дома, ни пригорка, ни всхолмленной поверхности — ничего подобного не увидишь: панорама подобна облику моря при полном штиле.

В Саратове действовали тогда всего лишь три русские, одна немецкая католическая и одна немецкая лютеранская церкви, три русские были выстроены из камня, две

¹⁷ См. об этом: *Духовников Ф. В.* Немцы, иностранцы и пришлые люди в Саратове // Саратовский край: Ист. очерки, воспоминания, материалы. Саратов, 1893. Вып. I.

¹⁸ Это был каменный двухэтажный дом с флигелем, множественными службами и садом. С 1820 г. в нем находилась первая мужская гимназия.

¹⁹ Регулярный план Саратова был составлен после опустошительного пожара 1811 г. и высочайше утвержден 14 сентября 1812 г. (см. об этом: *Терехин С. О.* Века и камни (памятники архитектуры Саратовской области). Саратов, 1990. С. 15–16).

²⁰ В то время в Заволжье кочевали киргиз-кайсаки, так тогда называли казахов.

²¹ Бухта при впадении реки Эмс в Северное море.

немецкие были деревянными²². Кроме дворца губернатора — им тогда был Панчулидзе (Pandsulicheff)²³ — и нескольких общественных зданий внушительными размерами отличался лишь дом барона Крюденера из Лифляндии, который занимался здесь торговыми операциями. Этот дом, с большим двором и садом, был расположен у берега Волги. Больше половины жителей и почти все ремесленники были немцами. Последние охотно принимали немецких пленных в качестве подмастерьев.

Несколько севернее левый берег Волги становится более плодородным, и там располагается сотня немецких колоний, основанных императрицей Екатериной²⁴. Сюда было направлено много немецких солдат, изрядная часть которых здесь и осталась²⁵.

Все продукты питания здесь чрезвычайно доступны и очень хороши. Степь кормит огромные стада крупного рогатого скота и особенно овец, которые пребывают почти в диком состоянии и содержатся в загонах лишь зимой, по этой причине они почти не требуют труда и расходов и могут продаваться по дешевой цене. Здесь полное изобилие домашней птицы, в особенности индеек. Зимой в город привозили целые возы, груженные зайцами, ободранная заячья тушка продавалась за несколько пятаков (около 1 Sgr)²⁶. Особенно распространены были коричневые овцы, на ляжках которых откладываются большие запасы жира, перетопляемого в очень хорошее сало.

Шкуры и сало ценились особенно высоко, чистое мясо продавалось по самой низкой цене.

В полном изобилии имеется рыба, поскольку Волга, как известно, наиболее богата ею из всех рек Европы. Осетр, стерлядь, белуга (прежде всего из-за икры и в то время, когда она созревает) вылавливались в таких количествах, что мясо было даже невозможно полностью съесть, и оно применялось для удобрения полей. Икра превосходна и в спрессованном виде очень дешева.

Примечательное зрелище представляет собой рыбный и мясной рынок зимой. Как у нас дрова в штабелях, так там можно наблюдать осетров, стерлядей, белуг, щук необычайной величины, зайцев без шкурок, ободранные овечьи туши, сложенные в шта-

²² Мемуарист правильно определяет количество немецких церквей (см.: Лиценбергер О. А. Евангелическо-лютеранская церковь Святой Марии в Саратове (1770—1935). Саратов, 1995), но неточен в числе русских (ср.: «В городе [Саратове] шесть церквей каменных...» (Щекатов А. Географический словарь Российского государства. М., 1807. Ч. 5. Стлб. 740).

²³ Алексей Давыдович Панчулидзе — саратовский губернатор в 1808-1826 гг. (см. о нем: Семенов В. Н. Начальные люди Саратова. От первого воеводы до последнего первого секретаря. Саратов, 1998. С. 83—92).

²⁴ Явное преувеличение, так как всего к концу XVIII в. в Саратовском наместничестве по обоим берегам Волги было основано (по разным данным) от 102 до 106 колоний (см.: Очерки истории Саратовского Поволжья. Саратов, 1993. Т. 1. С. 85; История Саратовского края: С древнейших времен до 1917 года: Учеб. пособие для средних и старших классов школ всех типов. 2-е изд., испр., доп. Саратов, 2000. С. 71; Герман А. А., Плева И. Р. Немцы Поволжья: Краткий исторический очерк: Учеб. пособие. Саратов, 2002. С. 29).

²⁵ См. об этом: Тотфалушин В. П. Поволжские колонисты и Отечественная война 1812 г. // Российские немцы. Проблемы истории, языка и современного положения: Материалы междунар. науч. конф. М., 1996.

²⁶ Sgr, по-видимому, Silbergroschen — серебряный грош — разменная монета с различными локальными особенностями веса и пробы, обращавшаяся в северных областях Германии до середины XIX в.

беля и насквозь промерзшие, из которых вырастают огромные горы. Для того чтобы мясо этих животных употребить в пищу, его приходится держать некоторое время в очень холодной воде для оттаивания и лишь после этого готовить. Поскольку погода здесь очень устойчива, то нет оснований опасаться оттаивания и порчи однажды замороженных запасов. Всякое зерно, поскольку местность не испытывает в нем недостатка, а перевозка дорога, точно так же очень доступно. Во время жаркого лета созревают дыни, арбузы, которые русские очень любят, и огурцы, которыми они весело хрустят прямо на улице, вызревают также виноград и фрукты всякого рода; однако деревья зимой во время очень холодного восточного ветра очень трудно защитить, поэтому их можно обнаружить только в садах у богатых людей, где во время морозов сооружаются дощатые укрытия вокруг фруктовых деревьев и виноградных лоз.

При этом изобилии всех продуктов питания и при том, что нам было предоставлено бесплатное жилье и бесплатные дрова²⁷, мы могли очень хорошо жить на довольствие пленного в 1/2 рубля (ок. 4 Sgr) ежедневно²⁸.

В день нашего прибытия в Саратов я с Бюло (Bulot)²⁹ и с несколькими вестфальскими офицерами зашел в немецкий трактир, который обнаруживал себя немецкой вывеской. Намереваясь полакомиться, мы попросили подать блинчики. Трактирщица, желая показаться остроумной, ответила: «Он³⁰ вчера был похоронен!» (Хозяйка имела в виду домашнего учителя Крюденера, о котором мне рассказывал Шенк и который пользовался в Саратове всеобщей любовью как проповедник при лютеранской общине). Так, к великому огорчению, я узнал о смерти своего университетского знакомого, с которым я так надеялся здесь встретиться!

Сначала я и Бюло были поселены у одного русского портного, где я платил за питание при столе хозяина 2 рубля в неделю. Однако хозяйство в доме велось из рук вон плохо, беспорядочно. Однажды, когда хозяин отсутствовал и Бюло также не было дома, хозяйка с несколькими женщинами, которые отмечали день ее рождения и выпили при этом слишком много водки, шумно ворвались в мою комнату и потребовали от меня назвать самую красивую из них. Они также просили меня рассказать обо всех своих странствиях. В это время я представил себе ужасную картину — мне виделся преследующий меня портной со своими подмастерьями, подобными кровожадным псам, рвавшим на части Актеона³¹, я увидел свои окровавленные, растерзанные члены — и,

²⁷ По отчету губернатора только в Саратове в 1813 г. «на содержание дома, занимаемого военнопленными..., на [его] отопление, освещение и на доставление воды... на починки и поправки» было израсходовано 455 р. 35 1/2 коп. (РГИА, ф. 1281, оп. 11, д. 120, л. 287 об.).

²⁸ Пленным унтер-офицерам, рядовым и нестроевым положен был солдатский провиант и 5 коп. в сутки, обер-офицерам — 50 коп., майорам — 1 руб., полковникам и подполковникам — 1 руб. 50 коп., генералам — 3 руб. (см.: Тотфалушин В. П. Французы в Саратове: К истории войны 1812 года // Годы и люди. Саратов, 1992. Вып. 6. С. 160).

²⁹ Голландский лейтенант из 9-го артиллерийского полка.

³⁰ Мрачноватая игра слов. Фамилия покойного учителя Пфаникухе в буквальном переводе с немецкого языка — блин, блинчик, оладья.

³¹ Актеон — в греческой мифологии сын Автонои и Аристея, внук Аполлона и Кирены. Страстный охотник, Актеон был превращен Артемидой в оленя за то, что увидел ее купающейся; после этого он стал добычей своих собственных собак.

закрыв глаза, стремглав выбежал вон под громкий хохот женщин, как целомудренный Иосиф от жены Потифара³².

Вскоре было принято окончательное решение о том, что мы останемся в Саратове, после чего нас перевели на другую квартиру. Бюло, далее Кальтенбахер (Kaltenbacher), Каньон (Cagnon)³³ и Руо (Rouot)³⁴ (три кирасирских офицера)³⁵ и я получили в свое распоряжение маленький дом на берегу Волги, в котором кроме нас никто не проживал. Этот дом располагался в большом, обнесенном дощатым забором саду и представлял в плане вытянутый прямоугольник. Посредине дома стояла большая печь. Одна стена, шедшая вдоль здания, и другая, поперечная, делили дом на четыре помещения, каждое из которых представляло собой комнату, из которых две были побольше, а две — поменьше, а громадная печь в центре отапливала все четыре комнаты. Перед входной дверью была сооружена дощатая пристройка, как во многих наших маленьких деревенских домах, так что в зимние морозы воздух с улицы не мог проникнуть непосредственно в дом при открывании входной двери.

[РИСУНОК]

План моего дома в Саратове.

Этот чертеж позволяет составить представление о простом устройстве дома. № 1 — пристройка. № 2 — прихожая. № 3 — кухня. № 4 и № 5 — жилые комнаты. Стены дома были сложены из еловых бревен, проконопачены мхом и обмазаны глиной. Комнаты 4 и 5 были оклеены бумажными обоями, 2 и 3 — побелены. № 1 — имела бревенчатые стены. На чердак вела лестница из комнаты № 2. Погреб находился вне дома, во дворе. Один польский солдат, который хорошо говорил по-французски, стал нашим поваром и слугой. Он проживал в нашем доме и спал в комнате № 3 по русскому обычаю на печке. Его звали Юзеф (Joseph), по специальности он был шляпником, но при этом еще и мастером на все руки, которому удавалось все, за что бы он ни брался. Это был для нас совершенно незамеченный, неутомимый, деятельный человек. В доме не было никакой мебели, исключая стол в комнате 4, несколько деревянных стульев, уставленных вдоль стен лавок, а также нескольких прикрепленных к стенам шкафов. Все остальное мы должны были сделать себе сами; самой первой потребностью были кровати, которые вскоре были готовы. Мое спальное место находилось у стены в углу а. С помощью Юзефа я прибил к стене в углу комнаты прочные планки, затем я проделал в полу дырку и вогнал туда примерно трехдюймовый³⁶ кол. Отпи-

³² Иосиф — старший из двух сыновей библейского патриарха Иакова. Проданный братьями в Египет, стал там рабом Потифара, начальника телохранителей фараона. Красота и молодость Иосифа прельстили сладострастную жену Потифара, но Иосиф не поддался соблазну, был оклеветан отвергнутой супругой египетского царедворца и заключен в темницу.

³³ Может быть, Кайон-Бенедикт, французский поручик (см.: Хованский Н. Ф. Участие Саратовской губернии в Отечественной войне 1812 года. Саратов, 1912. С. 252).

³⁴ Руо (De Rouot) Антуан де, лейтенант 12-го кирасирского полка, был ранен 7 сентября, 18 и 21 ноября 1812 г.

³⁵ Из 12-го кирасирского полка.

³⁶ Дюйм (от голл. duim, букв. — большой палец): 1) дюймовая единица длины в системе английских мер. 1 дюйм=1/12 фута=0, 0254 м; 2) русская дометрическая единица длины. 1 дюйм=1/12 фута=10 линиям=2, 54 см.

лив его на высоте прибитых планок (примерно $1\frac{1}{4}$ фута³⁷), я соединил этот служивший в качестве кровати ножки кол планками с укрепленными на стене планками и затем стянул длинные планки прочной крученой веревкой, таким образом я соорудил каркас своей кровати. Точно таким же образом устроили себе кровати мои товарищи. Хотя это были весьма скверные кровати, мы их нашли тогда превосходными и спали на них крепким сном молодости и здоровья. Иной, страдая от бессонницы в окружении богатства и роскоши, охотно обменял бы свои матрасы и перины из гагачьего пуха, одеяла и шелковые покрывала на наши постели, если бы вместе с ними мог приобрести и наш сон. Сначала мы спали без простыней на грубой серой мешковине, затем купили на собственные сбережения льняное полотно, из которого мы вместо простыней сшили спальные мешки. Теперь каждый из нас имел такой спальный мешок, и если Юзеф — ибо он был и нашей прачкой — стирал мешок, мы спали на голом тюфяке. Постепенно наши постели становились все лучше и лучше: мы собирали перья съдаемых нами кур, гусей, уток, индеек и набили ими новые подушки, довольно жесткие, но все же более удобные, чем набитые соломой. Когда впервые захолодало, мы купили большие войлочные одеяла из грубой шерсти, которыми русские обивают свои сани, и положили их поверх соломенных тюфяков. Поскольку такие войлочные одеяла плохо проводят тепло, мы приобрели гораздо более теплые постели, чем прежде.

Этот вид постели имел и свои достоинства: мы рано вставали, ибо постель не приковывала нас своим удобством и теплом; у нас не было перин, и поэтому у нас не было необходимости вычесывать перья из волос и чистить от них одежду. Счастливы тот, кто *in rebus adversis*³⁸ умеет находить хорошие стороны и утешаться этим.

В квартире поддерживались строжайше-казарменные чистота и порядок, что было совершенно необходимо в небольшом, населенном шестью людьми помещении. Каньон, самый почтенный из нас по возрасту, старый вахмистр³⁹, произведенный в офицеры за отвагу, по нашему настоянию принял на себя общее командование.

Как только мы вставали, каждый из нас был обязан привести в порядок свою кровать. Общими у нас были только умывальник и ночной горшок в комнате № 2. Тот, кто ими пользовался, был обязан немедленно вычистить их после использования и поставить на свое место. Никому не было дозволено плевать в комнате, никто не имел права ничего разбрасывать по комнате. Одежда должна была быть аккуратно сложенной и находиться в настенных шкафах, чистая обувь — стоять в строю под кроватью, где у каждого был свой сундук, где хранилось белье и прочие вещи. Никто не имел права стряхивать на пол табачный пепел. Тот, кто преступал эти или другие законы, был обязан заплатить денежный штраф или вымести все комнаты. Каньон был строгим начальником, и мы беспрекословно повиновались ему. Вахмистр долго вел журнал своего *escouade*⁴⁰. Таким образом, он был хорошим домохозяйником, умел по дешевой цене и вовремя производить необходимые покупки и содержал наше хозяйство в образцовом порядке. Каждую субботу он вместе с Юзефом шел в полицейскую контору и получал там свое и наше денежное довольствие, 17 $\frac{1}{2}$ рублей. Юзеф как солдат получал еженедельно 1 $\frac{3}{4}$ рубля. Из полицейской конторы они шли на рынок и покупали там для нашего стола мясо, рыбу, овощи, крупу, муку, яйца, масло и хлеб. Юзеф привозил все это на тележке, а зимой — на санках в наш дом. В конце каждой недели Каньон

³⁷ Фут (англ. foot, букв. — ступня): 1) единица длины в системе английских мер, обозначается ft. 1 фут = 12 дюймам = 0,3048 м; 2) единица длины в системе русских мер, 1 фут = 1/7 сажени = 12 дюймам = 0,3048 м.

³⁸ В невагодах (лат.).

³⁹ Унтер-офицерское звание в кавалерии и конной артиллерии, соответствующее фельдфебелю.

⁴⁰ Отделения (в кавалерии) (фр.).

дела сэкономленные деньги на 6 частей, так что Юзеф, который вносил меньшую сумму, получал ровно столько же, сколько и мы; это, а иногда — маленький подарок и составляло его единственное жалование. Юзеф вызвался выпекать хлеб, лучший и более дешевый, чем тот, который мы покупали и, к нашему общему удовольствию, ему это удалось. Он также научился готовить для нас наш напиток, подкисленную заквашенной мукой воду, напоминающую по вкусу Covent. Напиток, если к нему есть привычка и когда он готовится и хранится в чистоте, приятен на вкус и к тому же полезен для здоровья, является кровоочистительным средством⁴¹. Все наши кушанья готовились в большой печи. Рано утром мы пили слабый кофе, в 11 часов нас ждал основательный завтрак с мясом и овощами, в 3 часа полудню — наваристый суп-пюре с мясом и обычно жаркое по большей части из баранины, нередко также из индюшатины и гусятины. Вечером мы рано ложились спать и перед сном ели какой-нибудь бутерброд и холодное мясо.

Так мы и жили день за днем; все мы были приветливыми людьми и поддерживали между собой мир и согласие.

Один богатый и знатный русский имел хорошую библиотеку, преимущественно из французских книг. Он сделал одного из офицеров своим библиотекарем, и тот выдавал под расписку книги всем остальным, когда они об этом просили. Мы читали произведения Вольтера — «Генриаду», «Орлеанскую девственницу», «Кандида», «Карла XII»⁴², трагедии Расина⁴³, Корнеля⁴⁴, *les aventures du chevalier de Faublas*⁴⁵, Грекура⁴⁶, Байрона⁴⁷; все, что нам попадалось в руки. Часто мы играли в карты на очень небольшие ставки. Мы также совершали далекие прогулки, поскольку были свободны, как птицы в полете, и могли уходить так далеко, насколько нас могли увести ноги. Надо сказать, что мы не смогли бы отсюда бежать, даже если бы захотели сделать это. Однажды мы переправились через Волгу и добрались до маленького городка Екатеринослава (*Ekatarioslaff*)⁴⁸ к северу от Саратова, желая оказаться в Азии, так как по крайней мере в прежние времена левый берег Волги в Астраханском королевстве относили к Азии; теперь, как я полагаю, проводится другая пограничная линия.

Наряду с чтением, прогулками и игрой в карты у нас оставалось еще некоторое время — для шитья. Кальтенбахер, альзаец, был сыном полкового портного, он освоил ремесло отца и кормился им до поступления на военную службу. Он точно так же проделал карьеру унтер-офицера, был отмечен и произведен в офицеры. Портняжное искусство оказалось теперь весьма кстати. Он сам шил и чинил себе одежду, был всегда хорошо одет и являл собой образец чистоты и порядка. Сначала он по-дружески чинил и нашу одежду; чем чаще ему приходилось заниматься этим и чем более ветхой становилась наша одежда, тем больше труда и времени это требовало. В конце концов он заявил, что впредь не желает мучиться с

⁴¹ Речь идет о квасе.

⁴² Вольтер (1694—1778) — французский писатель, философ и историк.

⁴³ Расин Жан (1639—1699) — французский драматург.

⁴⁴ Корнель Пьер (1606—1684) — французский драматург.

⁴⁵ Роман французского писателя Луве де Кувре (1760—1797) «Похождения шевалье Фобласа». Имя последнего стало нарицательным именем женского соблазнителя (см., напр.,: Пушкин А. С. Евгений Онегин. XII. 10 — «Фобласа давний ученик»).

⁴⁶ Грекур Жан Батист де (1683—1743) — французский поэт, представитель вольнодумной поэзии XVIII в.

⁴⁷ Байрон Джордж Ноэл Гордон (1788—1824) — английский поэт, выдающийся представитель романтизма.

⁴⁸ Очевидно, имеется в виду Екатерининштадт (современный г. Маркс Саратовской области).

починкой, но готов нам преподавать уроки во всем, что касается портняжного искусства. Под его руководством мы шили себе рубашки из четырех кусков (шириной в $\frac{3}{4}$ локтя⁴⁹) русского льняного полотна, которое в России ткнут крестьяне и очень дешево продают его. Затем мы приобрели материю для верхней одежды. Кальтенбахер снимал мерку и занимался раскроем, он был мастером, мы — подмастерьями, каждый из нас старался, как мог, когда шил, сидя с поджатыми ногами на собственной кровати.

Когда пришла зима, каждому офицеру была выплачена сумма в 100 рублей ассигнациями⁵⁰ для приобретения зимней одежды. Этого было вполне достаточно, чтобы при наших очень скромных претензиях на элегантность очень хорошо одеться. Наша квартира на некоторое время превратилась в швейную мастерскую.

Мои сбережения были полностью исчерпаны этими приобретениями. Всякий раз, когда я писал своим родителям, своей тетушке в Валле (Wallö), своему дяде в Эвенбурге (Eveburg), мои письма оставались без ответа. Все мои письма, даже те, которые пересылались через генерала Бенингсена⁵¹, не дошли до моих родственников, как я впоследствии узнал при возвращении на родину.

Среди пленных находился подполковник Рено (Renaud), голландец⁵², который долгое время стоял со своим полком в Леере (in Leere), знал моего отца и всю мою семью и часто пользовался ее гостеприимством в Эвенбурге. Сам я с ним никогда не встречался и познакомился только здесь, в Саратове. Рено, в свою очередь, был знаком с одним купцом по имени Кюль (Kühl)⁵³, меннонитом⁵⁴, который осел в Саратове и занимался здесь кредитными операциями и торговлей en gros⁵⁵. Рено привел меня к Кюлю, своему земляку, и тот выразил готовность ссудить мне 200 рублей, если я выпишу ему вексель на имя Петра Людвиг Мархеса в Эмдене (Peter Ludvig Marches in Emden). Я ответил ему, что знаю дом Мархеса в Эмдене, и хотя никогда лично не встречался с ним, все же не сомневался в том, что вексель будет принят honoris causa⁵⁶. Я вздохнул с облегчением, когда он выразил согласие ограничиться ссылкой на моего дядю в Эвенбурге. «Вы благородный человек, — сказал он, — в противном случае Вы выписали бы здесь вексель на Понтия и Пилата⁵⁷», — и вручил мне 200 рублей ассигнациями. Теперь, по причине моих тогда весьма ограниченных притязаний и

⁴⁹ Древнерусская мера длины (XI—XVI вв.), равная 38—46 см (длина локтевой кости человека).

⁵⁰ Буквально «бумажными рублями» (Rubeln Papier).

⁵¹ Бенингсен Левин Август Теофил (Леонтий Леонтьевич) (10.02.1745 — 3.10.1826), из старинного ганноверского баронского рода, русский генерал от кавалерии (1802), граф (1813). Во время Отечественной войны 1812 г. советник при Главной квартире 1-й Западной армии, в августе — ноябре и. о. начальника Главного штаба русской армии. 16 (28) ноября был удален из армии под благовидным предлогом и 21 ноября (3 декабря) прибыл в Витебск (1812 год... Военные дневники. М., 1990. С. 105—106). Ведель обратился к Бенингсену за содействием и имел с ним встречу.

⁵² Рено Жан (во французском чтении), урожденный голландец, подполковник, шеф 5-го французского гусарского полка (РГИА, ф. 1409, оп. 1, д. 656, ч. 1, л. 190).

⁵³ См. о нем также: *Peszke S. Op. cit. S. 47—48.*

⁵⁴ Меннониты — течение в протестантизме, проповедующее смирение, отказ от насилия, веру во второе пришествие Христа.

⁵⁵ В целом (фр.).

⁵⁶ Буквально «чести ради» (лат.), т. е. из уважения к человеку.

⁵⁷ Понтий Пилат — прокуратор (префект), представитель легата (наместника) римской провинции Сирия в Иудею в 26—36 гг. н. э. Согласно Иосифу Флавия и новозаветной традиции, приговорил к распятию Иисуса из Назарета. В данном случае Кюль имеет в виду возможность выписки векселя под гарантии вымышленных людей.

скромных потребностей, я имел деньги в изобилии и даже мог поддерживать своих товарищей.

Мы поступили очень правильно, должным образом одевшись накануне холодной зимы; ведь при всем том, что Саратов расположен между 51-м и 52-м градусами северной широты и, следовательно, находится на таком же расстоянии от Северного полюса, как и южная часть курфюршества Ганновер, а лето здесь очень жаркое, все же повсеместно по мере продвижения на восток и приближения к высоким азиатским горам зима становится все более суровой по сравнению с Западом. Восточный ветер, неудержимо пронесившийся с Гималаев над гольмами, ледяными степями, наткаясь на высокий правый берег Волги, на котором расположен Саратов, становится острым, как нож, пронизывая тело до мозга костей. Тот, у кого нет неотложных дел, остается в своей теплой комнате, тот же, кого гонят из дома дела, одевает двойной овчинный тулуп и покрывает голову меховой шапкой с ушными клапанами длиной в 2 локтя и шириной в ладонь. Клапаны продеваются под подбородок и затем несколько раз обвязываются вокруг шеи и затылка, так что лица почти не видно, кроме мимолетного проблеска глаз, как у лохматого пуделя из-под густой шерсти, которая свисает у него со лба. Люди тогда также бегают, словно пудели, неуклюжей рысью под тяжестью одежды, чтобы согреться.

Обморожение носов и ушей бывает тогда обычным делом, и часто можно встретить людей с двумя дырками вместо носа, так как отмороженный член отмирает и отпадает от тела.

Представьте себе мой ужас, когда однажды, еще до того, как я приобрел меховую шапку и спокойно шел своей дорогой, ко мне подошел некий русский и сказал: «Господи, Вы отморозили себе нос!». Он тотчас схватил ком снега и стал тереть им мое лицо, затем набрал еще две полные горсти и сказал: «Он опять покраснел, на этот раз все обошлось. Наберите полную горсть снега и трите им свой нос до тех пор, пока он не станет совершенно красным и теплым». Хотя мой нос тогда и уцелел, я не испытывал по этому поводу особого ликования. Если бы этот русский оказался бы близоруким или менее отзывчивым, то я, не осознавая опасности, мог бы отморозить себе нос и имел бы теперь вместо него две дырки; во что бы я превратился? Как все-таки часто судьба человека зависит от, казалось бы, незначительных случайностей!

Среди пленных в Саратове имелся один человек совершенно особого рода, повсеместно известный в ту пору испанец Рохеро (Rogéro), который в свое время в образе «несгораемого» исколесил всю Европу, повергая ее в изумление. К началу войны он находился в России, где заработал своим искусством много денег, но был арестован мнительной полицией как французский шпион, доставлен в Саратов и содержался здесь под надзором полиции. Когда у него закончились деньги, он устроил представление в местном театре. В Саратове таковой имелся, представляя собой хотя и деревянное, но хорошо выстроенное и украшенное здание⁵⁸. К изумлению зрителей, он показал сначала обычные фокусы негораемого: касание раскаленной стали и хождение по ней, вычерпывание расплавленного свинца голый ладонью и разлив этого свинца по тлеющему и дымящемуся деревянному полу, умывание горящим спиртом, и закончил свое представление номером, вызвавшим содрогание.

На сто, где стояли два подсвечника с горящими свечами, он поставил маленькую бутылочку и запечатанную коробку; затем он попросил губернатора Панчулидзева и нескольких

⁵⁸ Это был собственный театр А. Д. Панчулидзева, сооруженный на Хлебной (ныне Театральной) площади в 1810 г. (см. о нем: Дьяконов В. А. Лицедей, певчие, музыканты: Из истории саратовских театров. Саратов, 1991. С. 69 и след.; Манжора Б. Г. Саратовский академический театр оперы и балета: Солидное артистическое дело. Саратов, 1996. С. 21 и след.).

других господ подняться к нему на сцену. Аптекарь, оказавшийся одним из них, по просьбе Рохеро ознакомился с тем, что содержится в бутылочке и коробке. Аптекарь объявил, что в первой находится синильная кислота, в другой — мышьяк; и та и другая были запечатаны тем самым способом, каким запечатывал их сам аптекарь, отпуская эти вещества Рохеро. Бутылочка и коробка были открыты, несколько врачей осмотрели мышьяк и заявили, что такого количества яда достаточно для отравления 100 человек. После этого Рохеро проделала несколько опытов с жидкостью, чтобы присутствующие убедились в том, что это на самом деле была синильная кислота. После того, как врачи подтвердили это, Рохеро объявил, что намерен теперь съесть мышьяк, а затем прополоскать рот синильной кислотой, и яды не окажут на него никакого действия. Он попросил одного офицера взять в руку мышьяк и положить яд ему в рот, взял в руки обе свечи и осветил ими свое лицо. Офицер взял мышьяк; но едва поднял его ко рту Рохера, так сразу бросил на стол — «если Вы желаете отравиться, то делайте это сами», — сказал он. Так как теперь никто другой не соглашался сослужить ему эту службу, Рохеро, не выпуская из рук свечей, наклонился над столом, стиснул мышьяк зубами, задержался, так что стоящие вокруг люди могли убедиться в том, что это тот самый кусок, который изучали врачи, затем несколько мгновений жевал яд, сделал глоток из бутылки и выплюнул содержимое ротовой полости на пол.

Было это только фокусом или нет? Стол был самый обыкновенный, без всяких занавесей, за которыми кто-то мог скрываться, руки Рохеро были обнажены по локти. Он убедил всех присутствующих в том, что на самом деле разжевал мышьяк и прополоскал рот синильной кислотой. И при всем этом на следующее утро я видел его свежим и здоровым, а когда несколько дней спустя он сидел вечером за нашим игровым столом, наблюдая за игрой в карты, кто-то нечаянно уронил ему на палец дымящуюся трубку, он отдернул его, как и любой из нас при соприкосновении с горячим предметом. «Когда я не препарирован, — сказал он при этом, — я такой же сгораемый, как и вы».

Осенью 1813 года я был свидетелем одного очень интересного зрелища. Мы узнали о том, что на левый берег Волги прибыл табул из 350 диких коней, пригнанный дюжиной киргизов из степи, и на следующий день он должен будет переплыть Волгу, чтобы здесь его приняли в качестве ремонта⁵⁹ офицеры различных полков. На следующее утро мы на рассвете отправились за город, где был выстроен вагенбург из соединенных друг с другом вожов. Вскоре мы заметили вдали на левом берегу, значительно выше по течению, как коней загоняют в реку и все они исчезают в воде; был виден только один маленький челн впереди, и некоторое время спустя кое-где позади него стали расплываться темные точки над водой. Когда плывущие приблизились, мы постепенно рассмотрели более отчетливо, что в челне сидят люди, которые с усилием налегали на весла; позади челна плыли кони, а вслед за ними — еще несколько лодок.

В этот момент среди зрителей возникло замешательство, здесь и там резко жестикировали, слышались громкие крики и возгласы. Место переправы, как я теперь понял, было выбрано недостаточно высоко по течению, последнее в этот день было сильнее, чем обычно, и поэтому возникла опасность того, что кони приплывут к правому берегу в таком месте, где они из-за его крутизны не смогут выйти из воды и вскарабкаться вверх. Волга ниже Саратова сразу же поворачивает влево, течение в этом месте ударяется в обрывистый правый берег и размывает его, так что на этой стороне он почти перпендикулярно возвышается над рекой. Гребцы в переднем челне чувствовали опасность и держались больше против течения, благодаря чему им и плывшим следом за ними коням удалось с огромным напряжением всех

⁵⁹ Пополнения убывали лошадей в войсках (устар.).

сил достичь правого берега в хотя и не вполне удобном, но все же не в самом крутом месте. Теперь мы увидели, что киргизы в переднем челне перед переправой привязали к нему своих коней, а люди, находившиеся в других лодках, погоняли табун сзади.

Киргизы из переднего челна быстро оседали своих скакунов, и мы с удивлением увидели, как они, несмотря на утомление после переправы через широкую реку, вскарабкались вместе с седоками на крутой песчаный берег, а за ними то же самое проделали неоседланные кони. Взобравшись на берег, киргизы позволили коням немного передохнуть, а затем загнали их внутрь вагенбурга, причем табуны следовали за передними всадниками и погонялись замыкающими длинными кнутами. После этого вагенбург был закрыт. Мы взобрались на повозки и получили возможность рассмотреть коней с близкого расстояния.

Они были средней величины, с длинными оленьими шеями, большими горящими глазами, широкими ноздрями, тонкими гривами, высоко посаженными хвостами, плоскими косыми лопатками, как правило, с широкими боками, длинными спинами и слегка искривленными задними ногами, узкие, но высокие в груди, с вытянутыми, худыми телами, но с резко выступающими мускулами и сухожилиями. Теперь дело дошло до отлова этих диких, не привычных к людям коней. Отлов и распределение коней между офицерами разных полков происходили следующим образом. По результатам жребия один из офицеров первым выбрал коня и показал его киргизам, которые восседали на конях внутри вагенбурга. У одного из них была прикрепленная к седлу длинная веревка с петлей на конце. Эту веревку он очень искусно набросил на шею выбранного коня. Как только тот почувствовал веревку на своей шее, немедленно бросился бежать. Веревка задержала его, и после нескольких прыжков животное упало на землю. В этот момент к нему подскочило несколько молодых, которые скрутили коня, одели ему на голову крепкий недоуздок, к которому были укреплены две толстые веревки, а затем разрезали петлю. Как только испуганный конь отдышался, он подпрыгнул и попытался освободиться, собрав все свои силы; но с каждой стороны его удерживали трое сильных мужчин, не выпуская из рук веревки, хотя при этом им неоднократно приходилось падать на землю. Через некоторое время конь успокоился и позволил спокойно увести себя. Второй, третий и т. д. офицеры-ремонтники выбирали и уводили своих коней подобным же образом. Отлов и распределение коней продолжались в течение нескольких дней, так как это требовало большого количества людей и было крайне многотрудным и утомительным занятием.

Ремонт оставался в Саратове еще около трех недель после завершения этой работы, так как суть дела состояла не только в отлове как таковом, кони должны были постепенно под действием голода и жажды привыкнуть к людям, после чего их было можно переправлять дальше. Когда они, наконец, отбивались, кони исхудали буквально до скелетов, голод, жажда и мухи изнурили их до крайней степени, сделав послушными.

13 февраля 1814 года по старому стилю на пороге нашей квартиры появился полицейский и сообщил, что губернатор просит меня немедленно явиться к нему. Он принял меня очень радушно и вежливо. Его превосходительство министр юстиции и президент Сената в Санкт-Петербурге князь Лопухин⁶⁰ приказал ему немедленно предоставить мне свободу, выплатить необходимые для возвращения на родину деньги и выдать мне подорожную (т.е. распоряжение, обязывающее все почтовые станции предоставлять мне за счет губернии необходимое количество лошадей для моих саней или экипажа), — сообщил губернатор. Поэтому, добавил он, я могу готовиться к отъезду, покупать зимнюю кибитку (сани) и теплую до-

⁶⁰ Лопухин Петр Васильевич (1753 — 6.04.1827), светлейший князь (1799), в 1803—1810 гг. министр юстиции и по должности генерал-прокурор Сената, с 1812 г. временный председатель в департаментах законов, военном и государственной экономии.

рожную одежду. При этом он передал мне письмо, в почерке которого я сразу же узнал руку своей сестры. «Первое письмо с родины, — воскликнул я, — за 20 месяцев и от моей сестры!» Губернатор позволил мне тут же открыть и прочесть письмо. В первых строках его я прочитал о «нашем покойном отце». Слезы не позволили мне продолжить чтение. Губернатор, увидев мои страдания, растроганно выразил свои соболезнования в связи с печальным сообщением и отпустил меня с просьбой вновь прийти к нему завтра, если для этого найдутся силы.

Дома я дочитал письмо, оно было отправлено из Леера, датировано ноябрем 1813 года и написано очень беглым почерком.

Моя мать вернулась в Леер и чувствовала себя хорошо, о смерти отца письмо не сообщало ничего, кроме слов «покойный отец». Эта неясность вокруг обстоятельств смерти моего старого отца, которого я всем сердцем любил и почитал, была для меня особенно мучительной. Может быть, он уходил из этой жизни в нищете, вдали от своих, может быть, умирая, он был унижен и обобран? Эти мысли ужасно волновали меня, но у меня не было никакой возможности получить более подробные сведения о том, о чем моя сестра, наверное, умышленно умалчивала⁶¹. Но все же мне удалось взять себя в руки до такой степени, что на другой день я смог прийти к губернатору.

На этот раз меня провели в комнату его супруги⁶², которая была очень растрогана моей судьбой. Она выразила свое сердечное участие и упрекнула меня в том, что я не был ей представлен прежде и она не имела удовольствия видеть меня в своем доме. Вскоре речь зашла о предстоящем путешествии, по поводу которого она давала мне всякого рода советы. Из денег, которые предлагал мне князь Лопухин, я не хотел брать ни копейки, так как Кюль также был готов предоставить мне взаимно новую сумму. Но затем вновь пришел губернатор и сказал мне, что князь предлагает деньги не из собственного кошелька, поскольку при заключении мира все расходы на содержание и перемещение пленных будут отписаны на счет французской казны, и я поступлю опрометчиво, если отправлюсь в далекий путь с ограниченными средствами, так как я не могу знать, что придется мне встретить на пути.

После этого я взял половину из предложенных мне 600 рублей. Это было глупо, это была умеренность в совершенно неподходящем месте; я должен был принять все, что мне предлагали.

Я остался по просьбе хозяев за обедом, провожал супругу губернатора к столу и был посажен на почетное место рядом с ней. Остальное русское общество, губернские канцелярские начальники и служащие, сидели отдельно от нас на другом конце стола.

В ближайшие дни я поспешил приготовить все необходимое для моего путешествия. Зимняя кибитка, обитая войлоком и покрытая рогожами, стоила 25 рублей; новый овчинный тулуп, отделанный сукном, пара валенок, подбитых мехом, и другие необходимые вещи вскоре были приобретены. Кибитка была устроена так удобно, что мы с солдатом Фридрихом Веллером (Friedrich Weller), сыном сапожника из Ниенбурга (Nienburg), которого мне разрешили взять с собой, могли в ней лежать, вытянув ноги на матрасе.

Все было готово для отъезда, кроме паспорта и подорожной. Губернатор сказал мне, что они уже готовы и будут присланы мне. Прождав некоторое время, я отправился в здание губернского правления к губернскому секретарю⁶³ г[осподину] д'Эстрэ (d'Estrée), ро-

⁶¹ Отец автора в 1812 г. был последовательно комендантом Позена, Торна, Вильковишек, 15 декабря отступил в Ломжу, умер 8 февраля 1813 г. в Дрездене от брюшного тифа.

⁶² Третьей и последней женой Панчулидзева была дочь коллежского ассессора Екатерина Петровна Демидова, от которой у Алексея Давыдовича были сын и три дочери.

⁶³ Буквально «генеральному секретарю» (Generalsecretair).

дившемуся в России отпрыску французской фамилии, с которым мы виделись за столом у губернатора. Он обещал прислать мне бумаги, но не сдержал слова. Я приходил к нему во второй и третий раз: с тем же успехом. Мне было непонятно это промедление и я поделился своим недоумением с подполковником Рено: «Эй! Вы так долго в России, — сказал он, — и еще не узнали русских? Если Вы не передадите губернскому секретарю 10-рублевой ассигнации, то будете еще долго ждать. Когда на днях отсюда уезжал князь Гогенлоэ (Hohenlohe)⁶⁴, он дал [господину] д'Эстрэ 25 рублей. Вы — не князь, дайте ему 10 рублей». Я ответил на это, что моя душа противится тому, что я, бедный пленный, должен давать деньги губернскому секретарю, с которым я обедал за одним столом у губернатора и который содержит роскошный экипаж, за то, что является его прямой служебной обязанностью. Когда я ставил себя на его место, я чувствовал себя оскорбленным таким подарком. Но Рено убедил меня в том, что в России думают иначе; именно то обстоятельство, что д'Эстрэ содержит экипаж, и доказывает тот факт, что он принимает подарки, ибо его жалование невелико, и кони могут кормиться исключительно за счет подарков. Бедным пленным он меня также не считает, так как я сопровождал к столу супругу губернатора, являюсь графом, ко всему прочему, он знает, что я принял всего лишь 300 рублей, в то время как мог получить 600. Кюль подтвердил справедливость слов Рено. Я положил в карман 10 рублей и опять пошел в контору, где работало множество писарей, д'Эстрэ был чрезвычайно любезен и, как обычно, проводил меня через комнату писарей в маленькую переднюю, где никого не было. Здесь я, стеснясь, достал из кармана свою десятирублевку и попросил передать эту безделушку писарю, который должен позаботиться о выдаче мне моих бумаг, и высказал желание получить их уже сегодня. Д'Эстрэ взяла 10 рублей с благодарностью и, когда после нескольких визитов я вернулся домой, я нашел там полицейского, который вручил мне бумаги.

Полицейский не уходил до тех пор, пока я не вложил ему в руку пару рублей. Кроме паспорта, в качестве приложения к подорожной, я получил также большой кошелек с медными монетами для раздачи чаевых на почтовых станциях. Подорожная действовала только до ближайшего губернского города, и поэтому во время своего путешествия я вынужден был постоянно задерживаться в этих городах до получения новой подорожной; кошелек с медными монетами всякий раз содействовал продвижению дела. Теперь мне стало совершенно ясно, что я поступил бы гораздо лучше, если бы принял все 600 рублей.

25 февраля я провел в обществе своих саратовских друзей, которые собрались у меня. Мы выпили на прощание несколько бутылок красного вина с Каспийского моря, которое напоминало медок (Medoc)⁶⁵ и действительно было хорошим. На рассвете 26 февраля я выехал из Саратова быстрой рысью в своей теплой удобной кибитке, больше лежа, чем сидя, в обществе Фридриха Веллера и сопровождавшего нас русского солдата. Я покидал адептных друзей — ни одного из них я больше никогда не видел — с глубокой печалью; мы многое пережили вместе, поддерживали друг друга в нужде и горе, и все же меня переполняло чувство радости в предвкушении того, что скоро (я надеялся, очень скоро) я вновь увижу мать, сестру и родину.

⁶⁴ Подполковник, командир 2-го эскадрона вюртембергского 3-го полка конных егерей принц Генрих фон Гогенлоэ-Кирхберг (1786—1836) (РГИА, ф. 1409, оп. 1, д. 656, ч. 1, л. 190) был в родстве с российской императорской фамилией. Попал в плен в стычке у с. Даугелишки 23 июня (5 июля) 1812 г. (см.: Попов А. И. Предисловие. С. 6—8). О его пребывании в Саратове см. также: Хованский Н. Ф. Участие... С. 9, 73, 174, 236, 253.

⁶⁵ Сорт вина, разновидность бордо (франц.)

Я возвращался самым неприятнейшим способом на Земле — в собственных саних, с почтовыми лошадьми. Совсем незадолго до этого я не мог даже мечтать о таком, я представляла себе обратный путь похожим на путешествие лета 1813 года до Саратова, наполовину пешее, наполовину проделанное в повозке, и не испытывал по этому поводу особых опасений.

<Факсимиле письма князя Лопухина графине фон Вельдъ>.

Как случилось, что мне было оказано такое предпочтение перед тысячами других? Что могло подвигнуть могущественного князя Лопухина освободить безвестного пленного до заключения мира и предложить ему денег в количестве большем, чем он принял? Губернатор не смог дать на этот счет никаких разъяснений. И лишь впоследствии я узнал, что причиной всего этого были красивые глаза моей сестры. В рядах русских войск, которые в ноябре 1813 года вошли в Восточную Фрисландию⁶⁶, находился один молодой отважный человек, который познакомился в Эвенбурге (где был гостеприимно принят в доме моего дяди) с моей в ту пору очень красивой, но пребывавшей в глубокой печали сестрой и пообещал ей доставить письмо к брату, который, как она говорила, находится в плену в России и от которого больше года она не получала никаких сообщений. Не очень веря в обещание молодого русского офицера, она все же, не желая упустить ни малейшей возможности связаться со мной, и передала ему письмо, которое тот отослал своему отцу, князю Лопухину⁶⁷ и благодаря его вмешательству сделал больше, чем обещал. <...>

Мое путешествие проходило при ясной морозной погоде, превосходной дороге очень быстро. На станциях в мои сани запрягали по большей части трех, гораздо реже — двух лошадей. Коренная лошадь бежала быстрой рысью, две пристяжные по обе стороны от нее — чаще всего галопом. Звучный колокольчик, который по русскому обычаю висел на дуге над коренной лошастью, при хорошей погоде был слышен на далеком расстоянии, возвещая о моем прибытии на станцию, где меня, как правило, уже ожидали запряженные лошади. Вечером мы добрались до маленького местечка Аткарска, где я застал 300 пленных. На второй день мы доехали до Балашова. Когда я узнал, что в доме, где я остановился на ночлег, проживает пленный француз, я попросил позвать его и разделал с ним свой ужин. Он рассказал, что кроме него здесь содержится один офицер и 80 солдат, которые помогают крестьянам в их работах и получают за это от крестьян бесплатное питание. Все они были вполне довольны, питание было достаточно хорошим, только сейчас, во время великого поста, оно было им не очень по вкусу. Поэтому он был очень рад возможности потрапезничать из моих припасов, которые были заготовлены мною в Саратове в изобилии. Великие посты в России очень строги: все, что происходит от живой плоти, следовательно, и молоко, и яйца, и масло — запрещено. Пища готовится исключительно из растительных продуктов, которые приготавливаются с маслом, а это масло — отнюдь не из Прованса; оно имеет у крестьян сильный, неприятный привкус.

28 февраля я миновал города Масарка и Борисоглебск и переночевал в захудалой деревне в очень грязном крестьянском доме. <...> Вечером 1 марта мы остановились у постоялого двора (Творник) в губернском городе Тамбове. <...>

Утром 3 марта ко мне пришел другой русский солдат, мой новый провожатый, вместе с прежним, который возвращался в Саратов и, получив от меня подарки, прощался со мной. <...>

⁶⁶ Местность на северо-западе Германии.

⁶⁷ Это был Павел Петрович Лопухин (30.08.1789 — 23.02.1873), сын П. В. Лопухина от второго брака с Е. Н. Шетневой (см.: Шилов Д. Н. Государственные деятели Российской империи. 1802-1917: Библиографический справочник. СПб., 2001. С. 381).

Е.В. Гусарова

**«АНГЛИЙСКИЙ ШПИОН»
В АСТРАХАНИ
ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVII ВЕКА
(К ВОПРОСУ ОБ ИСТОЧНИКАХ
«СЕВЕРНОЙ И ВОСТОЧНОЙ
ТАРТАРИИ»
НАКОЛААСА ВИТСЕНА)**

Несколько лет назад началась совместная работа российских и голландских специалистов над изданием на русском языке землеведческого труда рубежа XVII–XVIII вв., посвященного азиатской России, Средней Азии, Монголии, Китаю¹. Автор этой книги Николаас Витсен известен у нас как личный друг Петра I, начавший переписку с ним в 1692 г., позже принимавший русского царя в Нидерландах, помогавший ему как в области европейской дипломатии, так и в создании русской регулярной армии, нового флота, снабжении России специалистами. Это был крупный государственный деятель — 13 раз избирался он бургомистром Амстердама, состоял депутатом нидерландского парламента, служил в числе управляющих голландской Ост-Индской компанией². Главной научной страстью Витсена было изучение Востока, собирание всевозможных сведений о нем, начавшееся с поездки 17-летнего Николааса в составе голландской посольской миссии в Московию³. «Северная и Восточная Тартария» стала результатом 35-летней работы автора, который никак не решался считать ее завершенной. Тем не менее книга издавалась трижды — в 1692, 1705 и 1785 гг. (первые два издания — при жизни автора), но только в Голландии. «То обстоятельство, что сочинение Витсена столь важное и любопытное не было переведено ни на один язык, поистине возбуждает удивление и может быть объяснено тем только, что очень велико (объем книги — свыше 100 печатных листов. — Е. Г.) и тем, что писано на голландском языке», — сетовал в свое время академик Фридрих Аделунг⁴. Научное значение этого труда не утрачено по сей день: здесь опубликованы полученные автором разными путями документы — таким образом они сохранились для истории, но до перевода «Северной и Восточной Тартарии» со староголландского языка остаются мало кому известными.

¹ *Witsen N. Noord en Oost Tartaryen behelzende Eene Beschryving van Verscheidene Tartarische en Nabuurige Gewesten in de Noorden en Oostelykste Deelen van Azien en Europa: Amsterdam. MDCCCLXXXV.* Черновой русский перевод со староголландского, выполненный в 1945–1950 гг. В. Г. Трисман, хранится в архиве НИИ Музея антропологии и этнографии РАН (ф.К-У, оп. 1, № 138–140).

² Подробно о Витсене см.: *Полевой Б.П. Николаас Витсен и Россия (из истории русско-голландских отношений XVII–XVIII веков, преимущественно при Петре Великом) // Россия–Голландия. Книжные связи XV–XX вв. СПб., 2000.*

³ О пребывании Витсена в России см.: *Витсен Н. Путешествие в Московию, 1664–1665. Дневник. СПб., 1996; Кирпичников А. Н. Россия XVII века в рисунках и описаниях голландского путешественника Николааса Витсена. СПб., 1995.*

⁴ *Аделунг Ф. П. Критико-литературное обозрение путешественников по России до 1700 г. СПб., 1848. С. 207.*

Определяя жанр книги Витсена, ее называют «гигантской хрестоматией»⁵. Этот корпус материалов действительно поражает обилием и многообразием источников. Причем наряду с «хрестоматийными» авторами: античными — Геродотом, Страбоном, Птолемеем, даже Гомером; средневековыми — арабскими и персидскими географами, «Планокарпусом», «Рубрукисом», Марко Поло; «землеописателями» Нового времени — Герберштейном, Мейербергом, Олеарием и другими, — мы находим здесь и редкие, неожиданные, «экзотические», материалы. Например, сведения из «воспоминаний персидского короля Аббаса Великого»⁶ или описание путешествия 1688 г. в «Мелетию» (Имеретию) немецкого врача Дрешера, которого «взял с собой из Москвы для охранения своего здоровья имеретинский царь Арчил»⁷, или «письмо китайского Будды или Богдыхана Великому господам царям и Великим князьям Иоанну Алексеевичу и Петру Алексеевичу...», «попавшее в руки» составителю хрестоматии⁸, или «инструкция-приказ, данная Томасом Рандолффе от имени Его Британского Величества царю России в 1588 году исследовать расположение берегов к востоку от реки Печоры...»⁹ (в последнем случае, по-видимому, неточность русского перевода или погрешности формулировок самого Витсена).

Здесь много описаний иезуитов-миссионеров: в первую очередь Филиппа Аврия, автора известной книги путешествий, кроме того нидерландского иезуита Франсуа Ружемона, автора Истории Татарии и Китая, отца Мартина («французского землеописателя Мартини»), отца Гримальди из Пекина, иезуита «Афанасиуса Кирхеруса», автора книги «Освещенный Китай» с картой самых известных путешествий в Китай из Европы, нидерландского иезуита Филиппа Куплета, «священника Грубера» и других.

Широко использует Витсен материалы посольств: путевые заметки голландских послов, путешествовавших по Китаю (1663 г.), записки послов «персидского короля Хаакана Саида в Северный Китай (список названий мест, привалов, постоянных дворов между Самаркандом и Хаанбалугом)», описание путешествия из Персии в Астрахань через Каспийское море в 1686 г. «посла Его Величества Польши г-на Константина Гурского» и другие. Особый интерес представляет рассказ голландского переводчика Иоганнеса Меллана, находившегося в Китае в 1656 г., когда там было московское посольство (Ф. И. Байкова).

Есть и любопытнейшие русские источники: в первую очередь информация тобольского воеводы Петра Ивановича Годунова, кроме того сведения «московского военного служащего» Владимира Атласова о путешествии, «которое он совершил от Якутии в Сибири к востоку, северу и югу для собирания дани и изучения неизвестных народов», а также список «Названия мест, по которым русские идут под парусами от Печорского заворота до Мангумся (Мангазеи. — Е. Г.)».

⁵ Полевой Б. П. Указ. соч. С. 210.

⁶ Witsen N. Op. cit. W. 424. Известны и другие подобные случаи, например, «Бабур-Наме» — автобиографические записки султана Мухаммеда Захиреддина Бабура, основателя династии Великих Моголов, — однако нашему европеизированному сознанию мемуары, вышедшие из-под пера восточного владыки, представляются жанром не совсем обычным.

⁷ Witsen N. Op. cit. W. 531—532.

⁸ Ibid. W. 866.

⁹ Ibid. W. 929.

Естественно, присутствуют описания служащих отделений нидерландской Ост-Индской компании, которую много лет возглавлял Витсен, — из Китая, Сиам, Персии, например — сведения о «персидских, узбекских, скифских или татарских странах», собранные в Исфахане «весьма ученым г-ном Гербертом де Иагером, бывшим главой Нидерландского общества (отделения Ост-Индской компании? — Е. Г.) в Персии».

Немало сообщений, адресованных непосредственно Витсену, нередко по его просьбе: «мне пишут из Астрахани» (о рыбах в Каспийском море); «мне написали из Персии» (о путешествии от Каспия в Китай через Туркестан и другие области); о дорогах в Мазандеране «сообщает мне перс Рустембек»; рассказ о грузинах, «присланный мне из Константинополя»; «собственноручно написанное мне по случаю одной услуги, оказанной мною, письмо упомянутого принца» (грузинского царевича Николая или Арчила, чей двойной портрет помещен в книге); письмо «из Индии с транспортного судна «Хет Хайс те Берген» от шкипера»; «письменные сообщения, присланные мне г-ном бароном ван Келлером, послом Их Высочайшего Императорского Величества Штатов Объединенных Нидерландов при Московском Дворе» (в последнем случае это «названия татар, живущих около Каспийского моря — узбекских, бухарских, кабудзинских (кабардинских. — Е. Г.), кайдакских, кумукских, дагестанских или горных, черкасских»).

Есть описания, сделанные самим Витсеном: «одного калмыцкого князя, с которым, — как он пишет, — я беседовал в Москве»; ценившегося за лекарственные свойства ревеня, семена которого он «привез из Москвы 20 лет назад», и другие.

Такое многообразие точек зрения людей разных эпох и стран, сословий и профессий не только дает впечатление грандиозной мозаики, но создает своего рода стереоскопический эффект, при котором разнообразнейшие ландшафты, населяющие их народы, животный и растительный мир огромной территории — Северо-Восточной Евразии воспринимаются «объемно», многозначно. Можно отметить даже своего рода «эффект стереозвука», например, разные авторы совершенно по-разному слышат и описывают язык обитателей «Тартарии». Один: «Их голос исходит как бы из глубины, а когда поют, то воют как волки». Другой: «Их язык звучит, как квохтанье у готтентотов и индийских петухов». Третий: «В их речи есть нечто важное и мужественное».

В книге явственно различаются два отношения многочисленных авторов к жителям азиатских пространств. Одно отрицательное — как к кровожадным дикарям, невежественным варварам. Как правило, это следствие поверхностного знакомства и узости взгляда, «зашоренного» европейскими стереотипами. Несколько подобных примеров: «орда — скопище диких людей» (тогда как «орда» на языке аборигенов означает «порядок», «организация», «государственное образование»); «ведут весьма животный образ жизни ... летом ходят по пояс голые» (что, несомненно, диктуется непривычным для Европы жарким климатом); «очень дики в обращении — тот, кому нечего есть, может свободно идти и садиться за стол там, где таковой находит» (сравним с параграфом из Великой Ясы — свода законов Чингисхана, направленным на консолидацию разрозненных и враждовавших между собой монгольских племен: «Если кто проезжает подле людей, когда они едят, он должен сойти с лошади, есть с ними без их позволения, и никто из них не должен запрещать ему это¹⁰»). Вот еще свидетельство высоко-

¹⁰ Хара-Давак Э. Чингисхан как полководец и его наследие // Пустыня Тартари. М., 1995. С. 182.

мерия заезжего западноевропейца: «К северу живут ... калмыцкие татары (если такой образ жизни можно назвать жизнью). Область, где они располагаются, достойна лучшего народа, т.к. в ней имеется все, что нужно для человека...»¹¹. Не случайно крупнейший французский историк XX в. Фернан Бродель вынужден был признать: «С самого начала путешественники с Запада судили о нравах и обычаях обширного мира только свысока, оценивая их самым скверным образом»¹². Кстати сказать, среди цитируемых Витсеном авторов есть и небезызвестный Антуан де Гуз, которого называют создателем теории татаро-монгольского ига в русской истории, воспринятой нами, как становится все более понятно, у европейских мыслителей эпохи Просвещения¹³.

Но есть в витсеновой хрестоматии описания кочевых народов, увиденных с пониманием и симпатией, как правило, у авторов, проживших среди них долгие годы. Так, в выдержках из испанской книги рассказов М. Де Палафокса, епископа Осмы о татарах говорится с большим уважением: «Они откровеннее, чем китайцы, и не так мстительны и недоверчивы. У них много хороших человеческих черт. Они не обманывают и очень совестливы ... честно ведут дела». О «татарском императоре, победившем Китай около 1643 года» (очевидно, имеется в виду манчжурское завоевание), этот автор говорит: «Он человек вежливый, живой, мягкий в обращении...», а его подданные-татары «не жаждут проливать человеческую кровь для забавы, но стремительны и горячи в сражении...». Особенно поражает европейских миссионеров в азиатских то, что «в делах религии они терпеливы», «не презирают ни одной религии», «не разрушают чужих храмов», «глубоко уважают христианскую церковь» и «не видят ничего плохого в том, что среди их идолов может стоять изображение католических святых». Почти все отмечают, что кочевники — прекрасные воины, «очень хорошо переносят неудобства, холод и жару, с детства приучены упражняться в стрельбе, ездить верхом». Не один из авторов удивляется строжайшей дисциплине в их войске: «Когда татары заняли... город Хоксиу, все происходило в полном порядке, как это редко можно видеть в войсках Европы. Вошедшие в город войска никого не убивали и не приносили зла. Один солдат, отнявший у гражданина вещь стоимостью едва ли больше ручки от ложки, был зарублен шашкой и брошен на дороге напоказ... Войско... в

¹¹ Вспомним, что по одной из версий название «les Tartaries» — «тартары» — обитатели ада (от созвучия слов «та-та-эр» — названия одного из монгольских племен в китайской транскрипции и «тартар» — преисподней, ада в древнегреческой мифологии) возникло из оговорки Людовика XIV, а затем «намеренная насмешка в бальной зале осталась в философских трактатах, перешла в критику чужого опыта, в одну из доминант устойчивой мысли». Отметим, что такое отношение имеет корни в европейской средневековой и, глубже, античной географии и этнологии, согласно которым обитаемый мир имеет «чистый» центр и «нечистую» периферию, населенную дикарями, по Исидору Севильскому, — прямыми потомками фавнов и сатиров, воплощения распутства и низменных страстей (Панченко А. М. О русской истории и культуре. СПб., 2000. С. 125, 131). Следы другой версии происхождения топонима «Тартария» содержатся в книге Витсена — один из приводимых им авторов размышляет: «Все, что лежит между Россией и Америкой, еще неизвестно. Это одно из белых пятен, которое землеписатели не могли заполнить», и «чтобы скрыть свое невежество, грубо изображают на тех частях своих карт дьяволов и призраки».

¹² Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика, капитализм. XV—XVIII. М., 1986. Т. 1. С. 224.

¹³ См.: Гумилев Л. Н. Черная Легенда. М., 1994; Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения / Пер. с англ. М., 2003.

40 тысяч расположено вне города так аккуратно и красиво, как можно видеть в армиях Европы. Отряды различались по цвету палаток, покрытых тонким полотном. По каждой палатке можно было узнать чин воина ...». Другой очевидец вторит: «Палатки этих людей... так умело расставлены в лагере, что он производит впечатление хорошо построенного города». Третий добавляет: «Они не живут в пещерах, как утверждают китайцы, а в хороших палатках из шелка и других тканей, а также из кожи и других шкур... Самые знатные имеют несколько палаток — для своих жен, детей, прислуги... Все с хорошим вкусом расставлено, удобно и ловко, как в лучшем доме». И, наконец, приведенное у Витсена высказывание «одного посланника хана Тартарии», переосмысленное неким европейцем в духе будущих идей Ж. Ж. Руссо о «естественном человеке», — изящно сформулированное, оно звучит как протест против издержек европейской цивилизации: «Иметь под носом вонь кухни или конюшни, а иногда и того, и другого; проживать на одном месте и зимой, и летом; иметь возможность смотреть только в одну сторону, и то только через отверстие — это свойственно переносить только варварам» (цитата из книги, изданной, как говорит Витсен, в 1684 г. в Париже и рекомендованной ему «г-ном Тевено, библиотекарем французского короля»).

В нашей статье мы рассмотрим один из источников «Северной и Восточной Тартарии» — из тех, что представляются не совсем обычными. Во-первых, отметим, что корреспондентом Витсена в прямом смысле автор этого материала, по-видимому, не был — слишком расходятся по времени описанные им события и годы появления «Северной и Восточной Тартарии» (хотя в книге есть и подобные случаи, например, упомянутый рассказ голландского переводчика Иоганнеса Меллана, датированный 1692 г., но описывающий его впечатления о встречах в Китае с русским посольством 1656 г.). Возможно, информация нашего автора попала к Витсену из третьих рук, — подобно тому, как обозначено в следующем случае из «хрестоматии»: «Г-н Виллем Хуссей, председательствующий советник турецкой торговли в Лондоне, а теперь на пути в качестве посла в Константинополь от имени Их Британских Величеств, дал мне, когда я провозжал посольство к королю Виллему и королеве Марии, копию одного письма, которое написал ему из Эрзурума в Персии кавалер Гамалил ...»¹⁴

Во-вторых, остановимся на том, что автор, о котором пойдет речь, описывая «все королевства и области» вокруг Каспийского моря, «начинает с Астрахани», продолжает «оттуда к востоку» и возвращается «туда же с юга»¹⁵.

Астрахани, бывшей в Московии XVII в. административным центром огромной и весьма отдаленной от «коренной Руси» территории — Нижневолжских и Прикаспийских степей, а также восточного Предкавказья, в книге Витсена уделено немало места. Этот город не просто олицетворял «грань Европы и Азии», но, стоящий на пересечении важнейших торговых магистралей, был одним из ключевых пунктов «московского транзита». Как пишет один из корреспондентов Витсена, «Астрахань — широко известный торговый город на Востоке или в Азии, куда многие торговые люди привозят бесчисленные товары водным путем и по суше, которые рассылаются в различные края мира, ибо широкая возможность, которую дает река Волга и другие, и судоходство Каспийского моря открывает всем торговым людям удобный и короткий путь от севера

¹⁴ *Witsen N. Op.cit. W. 537.*

¹⁵ *Ibid. W. 604.*

к востоку, не только в Персию, Бухару и Черкассию, но и в Китай и даже в Ост-Индию, так же как и в Турцию и в другие области»¹⁶. Представитель голландского торгового патрициата, глава нидерландской Ост-Индской компании, Витсен не мог не интересоваться этим городом. В его хрестоматии приведена обширная подборка материалов по истории и географии Астраханского края из традиционных источников. Например, у арабских географов взяты сведения о Хазарском царстве и его столице «Атиле»¹⁷. Не указывая источников, Витсен говорит о Золотой Орде¹⁸, о городах Астраханского ханства¹⁹, о завоевании и переносе Астрахани на другой берег Волги русскими²⁰. Ссылаясь на А. Олеария и «исследования нескольких голландских моряков» (очевидно, Яна Стройса и Давида Бутлера), уточняет координаты русской Астрахани, описывает укрепления города, его окрестности, местных татар, климат, животный и растительный мир здешних мест²¹.

Любопытно, что упоминая о винограде, который «несколько лет назад начали давать в Астрахани» (до присоединения Крыма, ставшего со второй половины XVIII в. главным центром российского виноделия, «красное вино, которое в России употребляют при церковной службе», действительно изготавливали для всей Московии именно в Астрахани), Витсен заявляет, что «эту науку» туда «принес» его соотечественник — «один голландец, рожденный в Оудерватере, как он сам мне рассказал»²². Эти сведения, надо сказать, расходятся с другими версиями происхождения астраханского виноградарства и виноделия. Так, Адам Олеарий рассказывает о монахе одного из здешних монастырей, который, по словам секретаря голштинского посольства, первым начал (за несколько лет до 1613 г.) культивировать виноград в Астрахани (этот почтенный, «имевший от роду 105 лет» старец сам угощал голштинцев своим виноградом и вином, причем, выпив несколько чарок, «начал показывать свою силу и плясать», отбросив посох)²³. Традиционно подчеркивается, что человек этот происходил из пленных австрийцев²⁴, однако нам представляется важным другой приведенный Олеарием факт его биографии: захваченный в плен ребенком (что было, очевидно, во время войны Австрии с Турцией), он, несомненно, попал на Восток и именно оттуда был вывезен в Россию, где принял православие и стал монахом. Такая расстановка акцентов показывает, что культура винограда была почерпнута им не в Европе, откуда его увезли в раннем возрасте, а на Востоке — о том же говорит и яркая сохранившаяся в рассказе о нем подробность: виноградные лозы, посаженные им в Астрахани, были вывезены из Персии. Помимо этих сведений, есть информация из документов Астраханской при-

¹⁶ *Witsen N.* Op. cit. W. 707.

¹⁷ *Ibid.* W.708.

¹⁸ *Ibid.* W. 711; 714—715.

¹⁹ *Ibid.* W. 710.

²⁰ *Ibid.* W. 709.

²¹ *Ibid.* W. 708—711.

²² *Ibid.* W. 710.

²³ *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906. С. 401—402.

²⁴ См., напр.: *Штылько А. Н.* Астраханская летопись историческая: Известия, события, постановления правительственных и других учреждений и факты из общественной жизни Астрахани с 1554 по 1896 гг. включительно. Астрахань, 1897. С. 6.

казной палаты, называющих имена присланных из Москвы в Астрахань «для виноградного строения» в 1652 г. «немецких» виноделов: «мастер Пасказажос Подовинов (Бодвин)» и «толмач Петр Лекорт (Лякурт)»²⁵. Наконец, источники XVIII в. добавляют новые штрихи в многонациональную палитру имен астраханских садоводов и виноделов: в петровскую эпоху местную садовую контору возглавлял француз Петр Посьет²⁶, прослуживший в ней 37 лет, упоминаются также венгерские мастера-виноделы²⁷; в елизаветинское время огромный вклад в развитие этой отрасли внес заведовавший астраханскими садами и виноградниками Андрей Иванович Паробич — «венгр по происхождению, православный по вере» (возможно, судя по фамилии, серб); есть также сведения о служившем здесь тогда по контракту итальянском садовнике Гнацинго Рико²⁸.

Еще любопытный факт из истории Астрахани. Витсен приводит сведения русско-го воеводы (имени которого не называет), рассказавшего ему лично (очевидно, в Москве) о своем руководстве вывозом из остатков золотоордынского Сарая («разрушенного города Охтубы») камня для постройки и ремонта стен астраханской крепости, добавляя: «там можно было найти камни для 10 городов» (отмечается не только изобилие этого экзотического для тех мест материала, но его многообразие и художественная отделка: «мрамор черный, белый и зеленый... красивые пилястры, великолепные полы из камня, блестящие, как железо, очень крепкие, еще и другие камни, теперь неизвестного сорта...»)²⁹. Сведения эти подтверждают информацию других источников о том, что стены астраханского кремля построены из золотоордынского камня, который, в свою очередь, был взят из развалин хазарского Итиля³⁰. В документах Астраханской приказной палаты XVII в. многократно упоминаются «кирпичные татары», жившие у реки Ахтубы и промышленявшие поставками в Астрахань кирпичи и других материалов из остатков древнего города, а также посылавшиеся «за государевым кирпичом на Ахтубу» астраханские стрельцы и каменщики³¹.

Большой раздел об Астрахани приводит Витсен из книги иезуита Филиппа Авриля, побывавшего в этом городе и покинувшего его в октябре 1687 г. на следовавшем в Москву судне с рыбой. Помимо прочего, Авриль обращает внимание на особенности взаимоотношений живших в Астрахани русских и «некоторых народов» — ногайцев, калмыков, армян, индийцев-баньянов, — которые имели в пригородах «собственные мечети и церкви» и с которыми «москвиты» поддерживали хорошие отношения: «Во время войны они оказывают им значительную помощь. Они с ними обращаются скорее как с преданными друзьями, чем с подданными. Они с ними поэтому делают рынок и разрешают устраивать базар утром в их жилище, именуемом юрта, а вечером у русских

²⁵ Архив СПб ИИ РАН, ф. 178, оп. 1, д. 2457, 2458, 2459.

²⁶ Штылько А. Н. Указ. соч. С. 14.

²⁷ Пушкин А. С. История Петра // Полн. собр. соч. М., 1938. Т. 10. С. 269.

²⁸ От Кутума до Казани. К 25-летию Советского района города Астрахани (по материалам ГА-АО). М.: Астрахань, 2000. С. 9.

²⁹ Witsep N. Op. cit. W. 714.

³⁰ Гумилев Л. Н. От Руси до России. М., 1998. С. 206.

³¹ Архив СПб ИИ РАН, ф. 178, оп. 1, д. 1102, 2371, 2517, 2817, 2869, 3027, 3332.

в центре города. Когда им нужно оружие для отражения врага, они одалживают его у Астраханского воеводы и он даже приходит им на помощь»³².

Другой автор — «греческий христианин, долгое время находившийся в Астрахани», по просьбе самого Витсена составил описание Каспийского моря и прилегающих городов, путевой указатель между городами Персии и других государств, начиная с московских границ. Здесь, среди прочего, — перечисление «14 морских гаваней вокруг всего Каспийского моря, кроме гавани города Астрахани», описание дорог в Ост-Индию (через Бухару, Хиву, Кабул, Лахор до Агры и даже до Ормуза), в Китай (через Самарканд) и от Астрахани в Персию — до Исфахана и далее до «залива, где ловят жемчуг»³³.

И, наконец, автор, на котором мы остановимся особо. Он англичанин, хотя само по себе это обстоятельство еще не причина выделять его среди других — в книге Витсена немало английских источников. Среди них, конечно, Антоний Дженкинсон³⁴, кроме него — извлечения из книг «известного Пурхаса» (английского путешественника, побывавшего, в частности в «стране самоедов»)³⁵, некоего «английского писателя, чья рукопись в 1676 году была напечатана в Париже»³⁶, и других.

Наш англичанин не «писатель», не купец, не ученый-путешественник, не дипломат. Как говорится в его сообщении, он служил под началом астраханского воеводы, а это не совсем обычное обстоятельство.

Однако в документах Астраханской приказной палаты и других источниках встречаются сведения о служивших здесь англичанах. В первую очередь это известный инженер-фортификатор Томас Белли, усовершенствовавший в 1660-е гг. укрепления Астрахани, Терской крепости, Яицкого городка³⁷ (из астраханских документов следует, что «полковник Томас Фрянцов сын Белейн» купил в здешнем Белом городе двор³⁸, а после его гибели во время разинского восстания, свидетелем которой был капитан корабля «Орел» Давид Бутлер, из Астрахани в Москву была отпущена его дочь «Лилейка (Бибилея) Томасова Беля»³⁹). Кроме него в астраханских документах фигурирует «полковник солдатского строя» Александр Гамильтон⁴⁰. И все же большинство иноземных офицеров, служивших в Астрахани со второй половины 1650-х гг., имеют скорее немецкие и голландские имена: «солдатского строя полковник Герман Яковлев фан Штаден (Стадин)», «старого московского прибора майор Ульрих фон Ботмар», «гранатные мастера» Павел Рудольф, Готфрид Гербст, прапорщики «Индрик Вернар», «Яган Веберос» и другие⁴¹. Но все это — во второй половине XVII в.

³² *Witsen N.* Op. cit. W. 712.

³³ *Ibid.* W. 703–704.

³⁴ *Ibid.* W. 304.

³⁵ *Ibid.* W. 894.

³⁶ *Ibid.* W. 306.

³⁷ Архив СПб ИИ РАН, ф. 178, оп. 1, д. 5530, 5534, 5592. Ст. 27–29, 30–31; оп. 2, д. 60. Кроме того, о «восстановлении английским полковником Белли города Яика» сообщается и в «Северной и Восточной Тартарии» Витсена (W. 305).

³⁸ Архив СПб ИИ РАН, ф. 178, оп. 1, д. 2730, л. 16.

³⁹ Там же. Оп. 2, д. 59, 61, 153.

⁴⁰ Там же. Оп. 1, д. 8605, 8674.

⁴¹ Архив СПб ИИ РАН, д. 3181, 3217, 3259, 3851, 4989, 5592, 10272.

Витсен же англичанин служил здесь гораздо раньше, как сам он пишет, «около 1620 года», причем весьма продолжительное время. По его словам, он не единожды побывал «в плену у крымских татар»; выражение «когда я последний раз уезжал из Астрахани» свидетельствует, что уезжал и возвращался он туда неоднократно; говоря о «Юргенче», он отмечает: «с этой областью я мало знаком, т. к. бывал там только один раз» — из чего можно заключить, что в других областях «вокруг Каспия», о которых он рассказывает, ему случалось бывать не однажды. Крым, Большие и Малые Ногаи, Калмыкию, «Черкассию», Мингрелию, «Георгию», Дербент он описывает как очевидец, подробно и толково, хотя и не без высокомерия⁴².

Подчеркнем, что у Витсена этот автор фигурирует инкогнито (хотя и в этом наш англичанин не исключение — в книге немало других безымянных корреспондентов: «шведский дворянин из польского посольства», «европейский христианин, долго живший в Грузии», «служащий Ост-Индской компании из Сиам», «купец из бухарских татар», «житель Астрабада» и другие). И все же определение, которое дает ему Витсен, — «некий английский военный чиновник», а также участие его в составе русского войска в походе на Ургенч заставляют связать долгое пребывание этого человека на юго-восточной окраине Московии с пристальным интересом Англии к расширявшимся контактам русских с Востоком. Есть основания полагать, что это был, попросту говоря, английский шпион.

Много внимания уделяет он гидрологии, ландшафтам Нижней Волги и Северного Прикаспия, фарватерам волжской дельты и каспийского побережья, предлагает расчеты приблизительного периметра Каспийского моря (все необходимое, чтобы дать представление о наиболее удобных, коротких и безопасных торговых путях в этом регионе). Приводит множество местных топонимов; рассказывает об устройстве «вершей» (здесь их называли татарским словом «учуги») — промыслов, где ловили большое количество драгоценной «красной» рыбы, подробнейшим образом перечисляет названия этих промыслов, описывает изготовление, упаковку, количество добываемого здесь знаменитого «кавиара» — столь ценившейся гурманами Западной Европы черной икры, вывозившейся из Астрахани в разных направлениях.

Говорит он о расположении и укреплениях этого города и, что особенно важно для архитектурно-градостроительной истории Астрахани, упоминает стоявшую «в середине крепости» знаменитую астраханскую башню Раскат: «снабженная множеством пушек, она охраняет одновременно город, замок и окрестные поля»⁴³. Его свидетельство подтверждает раннюю датировку этого легендарного сооружения, существующую только в местной Ключаревской летописи⁴⁴. Это тем более ценно, что далеко не все сведения ее автора, ключаря астраханского Успенского собора Василия Кириллова (ок. 1770—1837 гг.), вызывают доверие. Если вспомнить, что замечательно точные изображения Астрахани, сделанные Олеарием в 1630-е гг., этой огромной, господствовавшей над городом и окружающим ландшафтом башни не зафиксировали, но, при этом, ее подробно изображают гравюры из книги Яна Стрейса, побывавшего здесь в конце 1660-х

⁴² *Witsen N.* Op. cit. W. 602—612.

⁴³ *Ibid.* W. 604.

⁴⁴ Ключаревская летопись: История о начале и возобновлении Астрахани, случившихся в ней происшествиях, а также о воеводах, градоначальниках и губернаторах. Астрахань, 1887. С. 26—27.

г., то становится ясно: информация о ней английского «информанта» Витсена, датированная 1620 г., добавляет в загадочную историю астраханского Раската дополнительную интригу⁴⁵.

Подлинность некоторых его сведений можно проверить. Например, рассказ о походе на «ногайских татар» в «Юргенскую землю» подтверждается как русскими, так и хивинскими источниками. Англичанин упоминает происходившую тогда междоусобицу, в ходе которой один из сыновей «короля Юргенча» узурпировал власть, ослепив своего отца, и приказал задушить младшего брата, но придворные отослали ребенка «к императору Московии»⁴⁶. История эта известна из книги другого сына свергнутого хана Ургенча Арап-Мухаммеда, хивинского историка Абулгази, автора «Родословия туркмен»⁴⁷. Русские источники, в том числе документы «Дворцового разряда», сообщают об 11-летнем «юргенском царевиче Авгане Арапухове сыне», приславшем «служить Государю Царю и Великому Князю Михаилу Феодоровичу», принятом им 31 декабря 1622 г. «в Золотой Палате» и прожившем с тех пор в России 26 лет до самой своей смерти⁴⁸ («он находился там, когда я последний раз уезжал из Астрахани», — говорит наш автор⁴⁹). П. И. Рычков, К. М. Бэр, Н. И. Веселовский приводят данные о набегах на Ургенч яицких казаков и калмыков (хотя и не «ногайских татар»); один из таких набегов как раз приходился на конец царствования Арап-Мухаммеда — «год курицы», как называет его Абулгази — 1621 год⁵⁰. Рассказ корреспондента Витсена добавляет к нашим представлениям об отношениях Московии с Хивинским ханством сведения о существовании между ними военного соглашения, исполнения которое, как пишет англичанин, астраханский воевода (в то время это был князь Семен Васильевич Прозоровский) направил на помощь Ургенчу своих подчиненных — служилого татарского князя Али-Мурзу с пятью тысячами его людей и пятью сотнями русских всадников (в числе которых был и наш рассказчик). И отправили их туда, чтобы наказать вторгшихся в «области Юргенча» ногайцев, подвластных московскому царю и не имевших права воевать, как формулирует англичанин, «без разрешения московитов»⁵¹.

Кроме совпадения сведений об ургенчских событиях в его записках с данными из русских и хивинских источников приведем еще подтверждение возможности службы нашего персонажа в те годы в Астрахани. Документы здешней приказной палаты 1619 года содержат «Роспись немцам», коим «велено быть в пеших стрельцах» в Астраха-

⁴⁵ Подробнее об астраханской башне Раскат см.: *Гусарова Е. В.* Российские «ворота в Азию» (голландская россика как иконографический источник по архитектурно-градостроительной истории Астрахани) // *Сообщения Российско-Нидерландского научного общества*. СПб., 2003. Вып. 1. С. 264–267.

⁴⁶ *Веселовский Н. И.* Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве от древнейших времен до настоящего. СПб., 1877. С. 130; *Жуковский С. В.* Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие. Пг., 1915. С. 19; *Панков А. В.* К истории торговли Средней Азии с Россией XVI–XVII вв. // В. В. Бартольд. Ташкент, 1927. С. 39.

⁴⁷ *Веселовский Н. И.* Указ. соч. С. 127.

⁴⁸ Там же. С. 131–132.

⁴⁹ *Witsen N.* Op. cit. W. 609.

⁵⁰ *Веселовский Н. И.* Указ. соч. С. 127; 130.

⁵¹ *Witsen N.* Op. cit. W. 609.

ни, а также упоминание об одном из здешних стрельцов — «немчине» Андрее Васильеве (имя, конечно, русифицировано)⁵².

Таким образом, цитировавшийся Витсенем англичанин вполне мог служить тогда в Астрахани и, похоже, действительно участвовал в описанном им походе. Но почему же он все-таки здесь оказался?

Известен интерес Англии к Волго-Каспийскому пути, к «московскому транзиту» в Персию, Индию и Китай, проявившийся с самого начала присоединения Астрахани. Так, Ричард Ченслор, открывший в 1553 г. «Беломорский путь» в Московию, вернувшись, привез известия того времени, когда Астрахань еще не стала окончательно русской (еще предстояло изгнать «изъявившего ложную покорность», а затем изменившего «царя Ямгурчя», посадить на его место также обещавшего верность «царя Дербьша» и лишь после его измен взять Астрахань «под высокую руку царя Московского», что свершилось в 1557), но уже в 1554 г. Ченслор счел нужным сообщить в Англии, что «великий князь Джон Васильевич ... покори всех татар ... даже до великого и торгового города Астрахани и Каспийского моря»⁵³. Не менее известны экспедиции через Астрахань прибывшего сюда в первый же год строительства русского города Антония Дженкинсона и других агентов Английской московской компании. Однако заполучить «московский транзит» («сделать русскую Волгу английским путем в Азию»⁵⁴) английским купцам никак не удавалось — учредить в Астрахани торговую факторию им не разрешили: «настойчивые домогательства Англии открыть для нее через Россию путь в Китай и Индию настораживали Ивана IV»⁵⁵.

После Смутного времени торговля Московии с Востоком через Астрахань возобновилась, и в годы, предшествовавшие появлению нашего англичанина на берегах Каспия, наблюдается активизация русско-азиатских контактов. В 1616 г. в Москву прибыл хивинский посол Ходжа Юсуф «с благодарностью за прежние грамоты» и предложением продолжать торговлю, на что правительство Михаила Федоровича обещало по-прежнему посылать «государевы бусы» (казенные морские суда) в Караганские пристани (на Мангышлаке) для перевозки среднеазиатских купцов с товарами в Астрахань⁵⁶. В том же году в Астрахани появилась большая группа армянских и индийских купцов, возобновивших древний караванный путь по западному побережью Каспия (так как в начале XVII в. Турция, пытавшаяся на протяжении предыдущего столетия расстроить русско-персидскую торговлю, была вытеснена с Кавказа)⁵⁷. Тогда же «для проведывания пути в Китай» из Москвы были направлены экспедиции Василия Тюменца и Ивана Петрова, из Тобольска — Томила Петрова и Ивана Куницына (последние стали первыми русскими, попробовавшими китайский чай; они привезли его в

⁵² Архив СПб ИИ РАН, ф. 178, оп. 1, л. 515, 543.

⁵³ Гамель И. Х. Англичане в России в XVI и XVII столетиях // Записки императорской Академии наук. СПб., 1865. Т. 8, кн. 1. С. 46.

⁵⁴ Загоскин Н. П. Русские водные пути и судовое дело в до-Петровской России. Казань, 1910. С. 280.

⁵⁵ Сладковский М. И. История торговых отношений народов России с Китаем. М., 1974. С. 44.

⁵⁶ См.: Панков А. В. Указ. соч. С. 38; Жуковский С. В. Указ. соч. С. 13.

⁵⁷ Фехнер М. В. Торговля Русского государства со странами Востока в XVI веке // Труды Государственного исторического музея. М., 1952. Вып. 21. С. 39.

Москву в подарок царю от правителя Западной Монголии)⁵⁸. В 1620 г. в Москву прибыло монгольское посольство во главе с ламой Тарханом; в том же году Иван Хохлов был отправлен посланцем в Бухару⁵⁹. В 1618–1619 гг. состоялась знаменитая миссия в Китай Ивана Петлина, который привез грамоту к русскому царю от китайского императора с предложением контактов: «Чтоб меж нами дорога была чиста ... ездите...»⁶⁰ (и это — из «Срединной империи» с ее традиционной политикой самоизоляции).

За успешным развитием русско-азиатских связей ревниво следили англичане. Напомним, что им удалось наладить торговые контакты с Китаем не скоро и совсем не просто: учредить первую постоянную факторию — только в 1715 г.; даже во второй половине XVIII в. китайцы разрешали торговать европейским купцам лишь в порту Гуанчжоу; существовали запреты на поселение их в городской черте, на изучение китайского языка и т. д. Возвращаясь к Московии, где в 1614 г. англичане добились подтверждения своих торговых привилегий, подчеркнем, что представитель английской Московской компании Джон Мерик, в 1590-е торговавший в волжских городах, а с 1616 г. ставший послом Англии в Москве, «активно собирал» сведения о набиравших силу русско-азиатских контактах и сообщал эту информацию в Лондон, где она «вызывала большой резонанс»⁶¹. Англия снова обратилась к русским с предложением пропускать ее купцов через Россию на Восток и даже готова была взять на себя расходы по освоению путей в Китай⁶². Московиты опять не соглашались. Более того, они тщательно охраняли Северный путь — известно, например, что в 1620-е гг. царь Михаил Федорович приказал воеводе Тобольска построить на пути в Мангазею острог, чтобы не пропустить туда англичан из Архангельска или «из своих земель». Однако прямо отказать в ответ на предложения Англии не представлялось возможным: Россия рассчитывала на английскую поддержку в Европе (известно о подготовке «в царствование первых Романовых» англо-русского политического союза⁶³), а главное — остро нуждалась в английских кредитах. В 1617 г. с этой целью к королю Яакову 1 был послан воевода Степан Иванович Вольнский с дьяком Марком Поздеевым. В ответ на следующий год из Англии с денежным займом отправили посла «сэра Додлея Дитса», с которым на корабле «Диана» в Московию прибыло еще полтора десятка англичан, чьи имена перечисляет академик Гамель⁶⁴. Хорошо известно, что посол, прибыв в Архангельск, вскоре повернул обратно, не выполнив своей миссии, однако часть его спутников в Московии задержалась. Не было ли среди них и нашего будущего «астраханца»? Жаль, что у Витсена он инкогнито. Кстати сказать, известно точно, что в составе этой миссии был человек, стремившийся на Волгу и Каспий: «вместе в Додлеем Дитсом прибыл из Англии назначенный в Персию вестник Джильс Обс (Giles Hobbes)», для

⁵⁸ Сладковский М. И. Указ. соч. С. 64.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Там же. С. 68.

⁶¹ Петров А. М. Запад — Восток. Из истории идей и вещей. М., 1996. С. 43.

⁶² См.: Сладковский М. И. Указ. соч. С. 64; Петров А. М. Указ. соч. С. 42–43.

⁶³ Любименко И. И. Проекты англо-русского союза в XVI и XVII вв. // Исторические известия, изданные историческим обществом при Московском университете. 1916. № 3–4.

⁶⁴ Гамель И. Х. Указ. соч. С. 129.

которого Дитс письмом от 23 июля 1618 г. из Архангельска «испросил у Михаила Федоровича разрешения ехать туда через Астрахань»⁶⁵.

Не исключено, что в этом городе, вокруг Каспия, в хивинском походе под видом военной службы царю московскому «информант» Витсена «военный английский чиновник»⁶⁶ выполнял секретную миссию: исследовал возможности британской коммерции. Пускаться на подобные ухищрения Лондон могли заставить как упорное нежелание москвитов пропускать в эти места официальных английских торговых представителей, так и жесточайшая конкуренция с голландцами, успешно вытеснявшими англичан с российского рынка (например, в 1618 г. голландским коммерсантам Ионасу и Яну Витсенам — родственникам, кстати сказать, автора «Северной и Восточной Тартарии» — удалось получить жалованную грамоту на право проезда через Россию к Каспийскому морю⁶⁷). Новый этап интереса к Астрахани, откуда начиналось несколько маршрутов на Восток, популярных у азиатских купцов, мог быть связан и с появившимся в это время стремлением европейцев не только заниматься азиатско-европейской торговлей, выкачивавшей золото из Европы, но и внедриться в торговлю межазиатскую, что позволило бы снизить европейский торговый дефицит. Известно, что в 1614 г. коммерческий директор голландской Ост-Индской компании Ян Кун рассчитал колоссальные прибыли, ожидавшиеся от посреднических операций в связях между странами Востока, и англичане не могли оставаться в стороне⁶⁸.

Маршруты нашего безымянного автора, загадочного, но реального исторического персонажа удивительно напоминают историю другого англичанина, действовавшего на Каспии столетие спустя Джона Эльтона. В последнем случае хорошо известно не только имя, не подлежит сомнению и миссия агента — продвижение в этом регионе английских коммерческих интересов⁶⁹. Пребывание английского «информанта» Витсена

⁶⁵ Гамель И. Х. Указ. соч. С. 240.

⁶⁶ Означает ли определение «английский военный чиновник», что, находясь под началом астраханского воеводы, а следовательно, на московской службе, наш герой одновременно служил и Англии, что именно в этом качестве он был автором попавших в «Северную и Восточную Тартарию» записок? (Кстати сказать, из текста Витсена следует, что до Московии этот англичанин «много лет жил» в Турции, области которой также подробно описал). Окончательный ответ на этот вопрос требует дополнительных исследований.

⁶⁷ Полевой Б. П. Указ. соч. С. 197.

⁶⁸ Петров А. М. Указ. соч. С. 28–29.

⁶⁹ В 1732 г. «морской капитан» Джон Эльтон обратился к русскому послу в Лондоне с предложением «об изыскании корабельного ходу от Архангельска мимо Новой Земли в Японию, Китай, Индию, Америку и прочая» и был принят на российскую службу. В 1734 г. он оказывается в составе Оренбургской экспедиции, созданной по замыслу И. К. Кириллова и указу императрицы Анны Иоанновны для освоения территорий Южного Урала и установления торговых связей со Средней Азией; после 4-х лет знакомства с этим регионом он «понял, что наиболее удобный путь для торговли с Азией лежит через Каспийское море». В 1738 г. Эльтон в Петербурге, где сумел получить разрешение на торговлю через Россию с Персией (чего европейцам не удавалось со времен Голштинского посольства 1630-х гг.); в 1739 — с английскими товарами в Астрахани, откуда на русском казенном судне попадает в Персию. Здесь он получает обещание покровительства английской торговле как в самой Персии, так и через нее с другими странами Востока до Индии, после чего представляет премьер-министру Англии Записку о возможностях англо-персидской торговли. В 1740 г. по инициативе Эльтона создана «Русско-английская компания», в Казани для нее построено судно «Empress of Russia». В это время Россия, зная о «неприятных замыслах» Надир-шаха, готовилась к «угрожающей вой-

на юго-востоке России четко вписывается в единую линию поведения «туманного Альбиона» в Московии, в Западной и Центральной Азии - линию, идущую от Дженкинсона в XVI в. к Эльтону в XVIII в., и заполняет, возможно, лауну в наших знаниях об этом предмете на XVII столетие. Кроме того, его информация определенным образом характеризуют как место Астрахани в европейско-азиатской торговле, так и «хрестоматию» Витсена и ее источники.

не» с Персией: в Казани строились военные суда, на Каспии шла концентрация флота в руках казны, Астрахань «из опасения приступа Надир-шаха» укреплялась множеством выдвинутых в степь батарей, в городе сосредоточили «6 лучших в России полков». Эльтон тем временем, сумев войти в доверие к Надир-шаху, убедил его завести свой флот на Каспии и начал строить для Персии корабли европейского образца, а также «по приказу шаха» обследовать юго-восточный берег Каспийского моря, «используя русскую карту петровских времен». В результате персы стали вызывающе вести себя на Каспии, запрещая российским судам совершать рейсы до Баку и Сальян. Астраханский губернатор получил распоряжение императрицы изловить и арестовать Эльтона, однако история последнего закончилась иначе - он был убит персами в ходе беспорядков, последовавших за смертью Надир-шаха. Размышляя о его миссии, о поведении англичан на Каспии в XVIII в., историограф русского флота А. П. Соколов резюмировал: «Все та же система завоеваний ослаблением дружественной нации посредством услуг, оказываемых слабейшим врагам ее...» (Соколов А. Плаванья по Каспийскому морю Генве, Ельтона и Вудруфа в 1742—1744 гг. // Морской сборник. 1855. Т. 19, № 12; см. также: Алиев А. Ф. Русско-английское соперничество за каспийскую торговлю и Азербайджан в 40-х гг. XVIII в. // Материалы по истории Азербайджана. М., 1963. Т. 6. С. 69—84).

Д.А. Кубанкин

НЕОПУБЛИКОВАННАЯ РУКОПИСЬ А. А. КРОТКОВА «УВЕК-САРАТОВСКИЙ ПО ДАННЫМ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ»

История золотоордынских городов, в том числе и Увека (Увека), привлекает внимание ученых уже не одно столетие. Увекское городище на южной окраине современного Саратова начали изучать еще в первой половине XIX в.¹ Однако до сих пор не опубликовано ни одной крупной работы, посвященной исторической топографии Увека, за исключением статьи обзорного характера Н. М. Малова². Специальное изучение этой актуальной проблемы позволит реконструировать планиграфию данного золотоордынского города в связи с этноконфессиональным составом и видами хозяйственно-ремесленной деятельности населения. Отметим, что первые попытки в этом направлении были предприняты еще в начале XX в. членом СУАК А. А. Кротковым.

Александр Августинович подготовил, но не опубликовал довольно объемную статью «Увек-Саратовский по данным истории и археологии». Она была прочитана на заседании СУАК 5 февраля 1916 г.³, после чего, вероятно, была сдана в архив или редакционный совет общества. Сейчас она хранится в 407-м фонде ГАСО под названием «Рукопись неизвестного автора по истории Увека»⁴. Рукописный текст представлен на 30 разлинованных листах тетрадного формата. Почерк на них схож с почерком в архиве А. А. Кроткова и, вероятно, принадлежит одному и тому же исследователю. Кроме того, из текста видно, что она принадлежит Александру Августиновичу: «Эта раскопка описана автором этой статьи. Труды Саратовской Архивной Комиссии, вып. 32»⁵. Здесь имеется в виду статья А. А. Кроткова «Раскопки на Увек в 1913 году»⁶. Еще один пример из текста: «В приволжской стороне ... мы с С. А. Щегловым встретили горны для обжига посуды»⁷. Известно, что раскопки горна в этой части городища совместно с С. А. Щегловым проводил А. А. Кротков⁸. Наконец, в личном фонде автора, хранящемся в Саратовском музее краеведения, имеются черновики данной статьи, а также некоторые фотографии и план к ней⁹. Окончательная дата напи-

¹ Френ Х. М. О бывшем монгольском городе Увек в южной стороне от Саратова в переводе Д. Языкова // Труды Императорской Российской академии. 1840. Ч. III. С. 103–125.

² Малов Н. М. Археологические объекты и историческая топография золотоордынского города Увек // Золотоордынскому городу Увеку семь с половиной столетий: Материалы науч.-практ. конф. Саратов, 2003. С. 27–42.

³ СОМК. Фонд А. А. Кроткова, оп. 1, д. 8, л. 172; Краткий отчет о деятельности Отдела Археологии Саратовского общества истории археологии и этнографии за 1916–1922г. // Труды Общества Ист. Арх. Эт. 1923. Вып. 34, ч. 1. С. 1.

⁴ ГАСО, ф. 407, оп. 2, д. 2341, л. 2–30об.

⁵ Там же. Л. 6об.

⁶ Кротков А. А. Раскопки на Увек в 1913 году // Труды СУАК. 1915. Вып. 32. С. 111–133.

⁷ ГАСО, ф. 407, оп. 2, д. 2341, л. 23–23об.

⁸ Там же. Д. 188, л. 11об-12; СОМК, фонд А. А. Кроткова, оп. 1, д. 14, л. 4–8.

⁹ СОМК, фонд А. А. Кроткова, оп. 1, д. 69.

сания работы стоит в конце рукописи — 1915 год. Однако в дальнейшем, на основе уже описанного материала планировались новая статья «Укък Саратовский».

Этот неопубликованный труд упоминается в историографической части дипломной работы студентки исторического факультета СГУ И. В. Семеновы «Золотоордынские памятники Саратовского Поволжья» (Саратов, 1984), а также в дипломной работе студента СГУ В. К. Болотникова «Золотоордынский город Укек (Письменные источники, история изучения и историография вопроса)» (Саратов, 1997). Номер архивного дела, где содержится интересующая нас рукопись, приведен в монографии Л. Ф. Недашковского¹⁰. Н. М. Малов перечислил основные темы вышеназванной рукописи и опубликовал схематический план Увекского городища.¹¹

В публикуемой статье А. А. Кроткова нами были сделаны исправления только там, где этого требовала современная грамматика и орфография, а также дополнены и уточнены ссылки. Текст рукописи печатается в полном объеме без купюр, так, как он представлен в ГАСО.

Кротков А. А.
УВЕК-САРАТОВСКИЙ
ПО ДАННЫМ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ

Увек — это позднейшее название этого городища. В XIII и XIV столетиях, во времена господства здесь «справедливых и высокочтимых ханов» Золотой орды, этот город носил иное название: Укак или Укък, что значит, согласно толкованию Френа, «ящик для хранения посуды» или «плотина из фашина и земли»¹². Думается, что правильнее будет это слово производить не из монгольского языка, как это делает Френ, а от азербейджанского «укак», что значит — покатошь¹³. Это толкование более соответствует местности, где был расположен Увек, так как и теперь еще, если глядеть со стороны, мы видим на месте Увека покатошь к Волге. Название местности затем перешло и на город. Надо полагать также, что теперешнее хаотическое состояние данной местности произошло уже после разгрома Увека Тамерланом, вследствие происходящих здесь периодических оползней, обычных явлений на правом берегу Волги. Увек прежнего времени был расположен на более ровной и более высокой местности, восточная часть которой теперь лежит уже под Волгой. В этом пришлось нам убедиться не так давно. 14 июля 1912 г. в Архивную Комиссию было дано знать, что из-под Волги показалась какая-то каменная стена. В то время уровень Волги почему то был очень низок, так что все ледорезы общества Рязано-Уральской железной дороги оказались на суше. В конце ледорезов, на обнажившемся берегу Волги, за каменными укреплениями берега, обнажилась упавшая стена в кусках довольно значительных размеров, сложенная из квадратного золотоордынского кирпича с

¹⁰ Недашковский Л. Ф. Золотоордынский город Укек и его округа. М., 2000. С. 203.

¹¹ Малов Н. М. Указа. соч. С. 35, 40.

¹² Fraehn Ch. Uber die ehemalige mongolische Stadt Ukek...//Memoires de l'academi Imperial Sciences de St. Petersburg. 1835 / Пер. А. Гераклитова. Ставрополь, 1911. [«Вал или плотина, сделанная из фашичника и земли»: Френ X. О бывшем о монгольском городе Укеке в южной стороне от Саратова в переводе Д. Языкова // Труды Императорской Российской академии. 1840. Ч. III. С. 115. — Д. К.].

¹³ Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий. Т. 1, ч. 1. СПб., 1893. С. 69. [В словаре В. В. Радлова фигурирует слово «аукак». — Д. К.].

характерной для того времени кладкой. По очистке одного из кусков стены, лежавшей торцевой стороной кверху, были обнаружены заложенные в ней глиняные водопроводные трубы, насколько помнится 4 или 5 колен, соединенные в стыке и спаянные известкой. Трубы эти можно обозреть в музее СУАК. Эта стена, несомненно, составляла часть какого-то жилого и притом значительного здания, которое, надо полагать, стояло когда-то на берегу и только впоследствии, вместе с берегом оползло в Волгу.

Кроме остатков зданий, о существовании Увека свидетельствуют нам и другие памятники: письменные документы, монеты, находимые на этом городище с именем города Увек, и другие бытовые предметы татарской эпохи XIII и XIV века.

Письменные источники об Уваке, за период его жизни, весьма кратки; они принадлежат арабским писателям и главным образом только констатируют, что в данном месте существовал городок Увек. Этого рода документы почти все исчерпаны в обстоятельной статье академика Х. Френа¹⁴, на которой в дальнейшем изложении я и буду базироваться. Первое свидетельство о существовании Увека Френ приводит из сочинения Марко Поло. Отец этого Марко, Николай Поло, с братом Матвеем Поло в 1264 году были у хана Берке с торговыми делами. В то время Берке хан кочевал в Булгаре или около него. Берке был первый из ханов Золотой Орды, принявший ислам. Двоюродный брат его, Гулагу, царствовавший в это время в Персии, склонился более к христианству. Берке, как неопит, не мог простить этого Гулагу. Возникло недружелюбие между родственниками — владельцами соседних государств. К этому еще примешались семейные счеты из-за ткацких родовых фабрик, расположенных в Закавказье. Началась война¹⁵. Гулагу, а впоследствии сын его, Абаг хан, был наступающей стороной, Берке — обороняющейся. Благодаря войне, торговые южные пути Кипчака или Золотой Орды сделались не безопасными для торговых людей, и потому купцам Поло ехать южными границами золотоордынского ханства было нельзя. Они свой путь направили на город Осаса (Укак), который был пограничным городом владыки Запада, то есть монголов улуса Джучиева. «Город этот маленький», по словам арабского географа Абульфеды, писавшего в 1321 году, «лежит на берегу Итилии, то есть по нашему Волги, почти на середине пути между Сараем и Булгаром, от каждого из этих городов в расстоянии 15 дневных переходов. До Увека, но не дальше его простирается орда повелителя татар в странах Берке». «Город этот (Укак) посредственной величины, но красивой постройки, с обильными благами и сильной стужей», добавляет Ибн-Батута, арабский путешественник, проезжавший через Увек в июне 1334 года. «На один день пути от этого города находятся горы Русских; последние — христиане, красноволосые, голубоглазые, безобразной наружности, народ плутовской»¹⁶. Последним о живом Увеке говорит Шереф-ад-дин, автор истории Тимур-Ленка (Тамерлана). Он упоминает, что военные отряды, пришедшие с Тимуром на Волгу и занятые преследованием Тохтамыша, в 1395 году явились также и в Увек, который разделил участь стольких других народов в Кипчаке, был разграблен и обращен в пепел победителем¹⁷. Этим кончается история Саратовского Укака, если не считать некоторых арабских авторов, упоминающих лишь имя Увека, как пограничного татарского городка.

Последующие авторы описывают только уже развалины Увека и находки с этого городища, причем и имя Укак исчезает, заменяясь именами то Овик, то Увиек, Уфеак, Увешенское городище и, наконец, нынешним официальным именем Увек. В 1579 г. проезжавший по Волге английский торговый агент Барроу приставал к Увеку и нашел здесь «прекрасный каменный замок, по имени Овик, а к нему прилегал город, который, по сло-

¹⁴ Френ Х. Монгольский Увек на Волге / Пер. А. Гераклитова. Ставрополь, 1911.

¹⁵ Тизенгаузен. Сборник материалов по истории Золотой Орды. СПб., 1884. Т. 1. С. 239–240.

¹⁶ Он же. Указ. соч. С. 303.

¹⁷ Френ Х. Монгольский Увек на Волге / Пер. А. Гераклитова. Ставрополь, 1911. [Френ Х. О бывшем о монгольском городе Увеке в южной стороне от Саратова в переводе Д. Языкова // Труды Императорской Российской академии. 1840. Ч. III. С. 110.]

вам русских, за грехи и нечестие жителей его, был поглощен землею с частью цитадели». Еще до сего дня, пишет Барроу, можно видеть часть развалин цитадели и некоторые гробницы, которые, по-видимому, предназначались для важных особ, т. к. на одной из этих гробниц можно еще видеть фигуру человека на лошади с луком в руках и колчаном со стрелами на боку. На одном из этих камней можно также разобрать гербовый щит с высеченными и частью разрушенными буквами, которые мы сочли за армянские. Надпись на другом камне вырезана другим алфавитом¹⁸.

Последующие авторы, посещавшие Увек, не нашли уже и этих остатков, а встречали только сохранившиеся в земле могилы, случайно разрытые, массу битой посуды и рассыпанных в земле медных и серебряных денег и других бытовых мелких вещей. Всего этого и до сих пор на Увек находят еще много. Рассматривая погребения, в бытность свою на Увек, в 1841 г., Саблуков пришел к заключению, что Увек был не только татарским городом, но также и местом, привлекавшим внимание людей, живших здесь до татар.¹⁹ Некоторые авторы²⁰ пытались даже населить Увек будинами и гелонами и сделать из Увека греческий город Гелон, а затем здесь же ставили буртаский город Буртас, но до сих пор находки на Увек не дали каких-либо фактических подтверждений догадкам этих авторов. Вся масса предметов бытовой старины с Увека, за исключением некоторых единичных находок, собранные в музее СУАК, раскопки некоторых погребений, произведенные как в 1913 году П. Н. Шишкиным²¹, так и после, все говорит пока только о татарском Увек XIII—XIV века. Поэтому и в дальнейшем изложении речь пойдет только об Увек татарской эпохи.

Раньше было сказано, что, согласно Френу, первое свидетельство об Увек принадлежит М. Поло и относится к 1264 году²². Но Увек, несомненно, был основан раньше. Подтверждение этому можно найти в записках посланника французского короля, Вильгельма де-Рубрука²³, проежавшего через Саратовскую губернию в 1253 году. Вот что он пишет: «мы ехали от становища к становищу» (поднимаясь к северу от Азовского моря), «пока 31 июля не добрались до местопребывания Сартака²⁴. Эта страна за Танаидом (Доном), очень красивая и имеет реки и леса, к северу находятся огромные леса, в которых живут два рода людей, а именно Максель (то есть мокша), саади них живут другие, именуемые Мерас (мордва). Итак мы нашли Сартака близ Итили (Волги), в трех днях пути от нее». Если трехдневный путь равен приблизительно 90—100 верстам и провести

¹⁸ «Еще и теперь есть там часть развалин замка, и несколько гробов, кои, по-видимому, были назначены для знатных людей; ибо на одном из надгробных камней можно было еще рассмотреть образ человека, сидящего на коне, держащего в руке лук, и имеющего при боку колчан с стрелами. Также на одном из сих камней, замечен был герб с вырезанными, но уже отчасти попортившимися буквами, кои мы сочли за армянские. На другом камне была вырезана на другом каком-то языке надпись» (Френ Х. О бывшем о монгольском городе Увек в южной стороне от Саратова в переводе Д. Языкова // Труды Императорской Российской академии. 1840. Ч. III. С. 115. — [Д. К.]); Васильчиков А. Материалы для истории Увека // Труды СУАК. 1893. Т. IV, вып. 1. С. 31.

¹⁹ Саблуков Г. С. Остатки древностей в с. Усть-Набережном Увек // ИОАИЭ. 1880—1882. Т. 3. С. 321.

²⁰ Голицын Л. Л., Краснодубровский С. С. Увек, доклады и исследования по археологии и истории Увека. Саратов, 1890.

²¹ Эта раскопка описана автором этой статьи [Кротков А. А. Раскопки на Увек в 1913 году // Труды СУАК. 1915. Вып. 32. — [Д. К.], другие раскопки Шишкина еще не опубликованы.

²² Френ Х. Монгольский город Увек / Пер. А. Гераклитова. Ставрополь, 1911. С. 7 [Френ Х. О бывшем о монгольском городе Увек в южной стороне от Саратова в переводе Д. Языкова // Труды императорской Российской академии. 1840. Ч. III. С. 105 — Д. К.].

²³ Иоанн де Плано Карпини. История монгалов; Вильгельм де Рубрук. Путешествие в восточные страны / Пер. А. И. Малеина. СПб., 1911. С. 88, 99.

²⁴ Сартак — сын Бату-хана, имевший кочевье на правом берегу Волги.

таковую линию в трехдневном расстоянии от Волги параллельно последней, мы хотя бы приблизительно наметим район от села Березовки Аткарского уезда до реки Баланды, по ту или другую сторону реки Медведицы. Вот места кочевий Сартака, которые находились в июле 1253 года по меридиану города Аткарска к северу или югу от последнего. Отправляясь от Сартака на восток, в ставку Батия, Рубрук через 3 дня пути мог прибыть куда-либо в недалекие поволожские окрестности нынешнего Саратова. Этим пунктом и можно считать Увек. Он показан и на карте, приложенной к сочинению Рубрука в переводе Малеина. О тогдашнем Увеке, но не называя его еще этим именем, Рубрук говорит следующее: «в том месте, где мы остановились на берегу Итилии (Волги) есть новый поселок, который татары устроили попеременно из русских и сарацинов, перевозивших послов, как направляющихся ко двору Батия, так и возвращающихся оттуда ... и от этого места до городов Великой Булгарии, к северу, считается 5 дней пути». Это свидетельство Рубрука весьма важно, ибо, благодаря ему, мы можем подойти с большей вероятностью к годам основания Увека. В 1253 году это был только еще новый поселок. Согласно нашим летописям,²⁵ хождение князей русских началось в Орду в 1243 году, а под 6754 годом (1246) что в этом году к Батю приходили послы от папы Иннокентия. Путь послов, как ханских в другие страны, так равно и других посланников других государей, в Золотой Орде старались обставить по возможности всеми удобствами. Та же забота проявлялась, по всей вероятности, и по отношению к князьям русским, ездившим в Орду на поклон, конечно, не с пустыми руками, а с «посулами» и «поминками». В первую голову государи кипчакские должны были постараться сделать удобными переправы через большие реки Дон, Днепр и Волгу. Поэтому, если в 1255 году увекский поселок, по словам Рубрука, был новый, то нельзя сказать, что он только в этом году возник. К 1243 году Батий уже заканчивал свои завоевания, и после того началась созидательная работа Золотой Орды — обустройства Юго-Восточного Поволжья, поэтому и возникновение Увекского поселка можно без большой натяжки отнести к концу 40-х годов XIII столетия. Существование Увека во времена Батия подтверждается и находками на нем медных монет с особой тамгой или родовой печатью, которую нумизматика приписывает Батю. Те же нумизматические данные говорят нам, что увекский поселок начинает быстро расти и развиваться, т.к. если монеты Батия попадают в развалинах Увека, как редкие монеты, то монеты Тула Менгу, Менгу Тимура и последующих царей уже обычны для этого городка. Мало того, во времена Токтогу хана, к концу XIII века, т.е. спустя почти 50 лет после своего основания, Увек достиг по своему значению такого положения, что Токтогу нашел возможным чеканить на Увек монету с именем этого города. Если проследить по монетам золотоордынские города, в которых производилась чеканка монеты, то окажется, что привилегия давалась лишь крупным и значительным городам Золотой Орды (таким — Д. К.), как Сарай, Гулистан, Азак, Крым, Маджар, Мухши; в том числе должен быть помещен и Увек. Следовательно, достаточно было пройти полстолетия, чтобы этот, незначительный вначале, поселок вырос в небольшой, может быть, по размерам, но важный по значению город. П. Савельев допускает даже, что при хане Токтогу Увек мог быть временной резиденцией этого хана, а богатые женские погребения на Увеке особ, несомненно, принадлежащих к ханскому роду, как бы подтверждают данное предположение²⁶. Необходимо заметить, что монеты с именем г. Ук[а] чеканились только при Токтогу хане, так как на монетах последующих ханов имени этого города не встречается²⁷. Это явление может быть объяснено тем, что до конца XIII века Увек играл не только торговую роль и как

²⁵ Лаврентьевская и Троицкая летопись // ПСРЛ. СПб., 1846. Т. 1. С. 201, 225.

²⁶ Кротков А. Раскопки на Увек в 1913 году // Труды СУАК. 1915. Вып. 32.

²⁷ В каталоге мусульманских монет императорского Эрмитажа, издания А. Марковского, показана одна монета с именем города Увека, принадлежащая астраханскому хану Махмутубек Мухаммеубек Тимуру, царствовавшему в конце XV века, когда Увек уже не существовал. Монета эта не датирована и не есть ли она надчеканка на монете Токтогу?

транспортный пункт, но, быть может, и административную и политическую во взаимных отношениях между Русью и Ордой, с одной стороны, между Ордой и мордовскими погурскими землями — с другой. Начиная же с Узбек-хана, т. е. с 1313 года, внимание ханов Золотой Орды отвлекается более всего к югу, где развивается торговый путь из Крыма через Сарай в Индию и обратно, благодаря проникновению в Орду венецианцев и генуэзцев, на северо-западной же окраине возникает какой-то новый центр, пока нам неизвестный. По крайней мере, при Узбеке и последующих ханах появляется на монетах взамен Укека или нового города — Мохши, причем монеты отличаются от прежних золотоордынских монет своей грубой, неизящной чеканкой. Этой грубости, примитивности не видно на монетах южных городов Орды. Но и Увек не захудал, он продолжал расти, хотя не с такой быстротой, как раньше, и играл важную роль при переправе через Волгу и, кроме того, судя по находкам бытовых вещей, развивал свою местную промышленность, приспособившуюся к потребностям недалеко живущей по верховьям Суры и ее притокам Кадады и Усть-Узы мордвы. Этот вывод можно строить на основании каменных и глиняных некоторых бытовых памятников, между прочим, и на формовках (литейных формочках. — Д. К.), которые в значительном числе находят на развалинах городка. На них, кроме изображений предметов часто восточных: татарских и даже китайских (дракон) вкусах, встречаются и формы для отливки подвесок, которые употреблялись прежде у мордвы. Нельзя не обратить внимания и на производство посуды на Увек. Можно сказать, что Увек засыпан крупными и мелкими осколками глиняной посуды. Недаром Френ применил к Увеку объяснение — «ящик для хранения посуды». Несмотря на то, что вот уже около 6 столетий Увек так или иначе расхищается, почва его перерывается то для селитряного завода, существовавшего здесь в XVIII столетии, то для надобности железной дороги, а часть городища слыбла в Волгу, все же масса фрагментированной посуды, да и в целом виде поражает. На Увек в 1910 г. С. А. Щегловым и А. А. Кротковым были обнаружены горы для обжига посуды, из коих один они успели вскрыть, тогда как другие погибли при выемке земли для надобности железной дороги. Вскрытый горн был наполнен большими кувшинами до одного аршина высоты, не вполне еще обожженными, видимо, что горн был брошен в производстве²⁸. Сейчас рисунки на этих кувшинах и других фрагментах и материал изготовления их с таковыми черепками, находимыми на некоторых стоянках или поселках того времени, как например в Курдюме и Чардыме Саратовского уезда, Елани Сердобского уезда, на Некалюдовском городке Наскафтымовской волости Кузнецкого уезда, поражает их полнейшему сходству, как будто один мастер делал эту посуду. Отсюда можно предполагать, что Увек действительно был посудной мастерской, откуда путем развозного торга, или путем ярмарок увекская посуда распространялась широким радиусом, конца которого определить пока нельзя, за отсутствием обследования в этом направлении. Помимо простой глиняной посуды на Увек производилась особого сорта обливная узорчатая посуда, желтого цвета или зеленоватая, которую мы раньше называли «херсонесской», полагая, что она шла из Крыма, подобно тому, как обливная синяя и голубая посуда шла из Персии и Аравии. Но одно обстоятельство заставляет отнести эту желтую посуду к местному производству. На Увек была найдена масса глиняных плоских треножничков на низеньких острых ножках. Эти треножники суть не что иное, как изоляторы желтообливной (и вообще поливной. — Д. К.) посуды во времена ее обжига. Так как этот сорт посуды представляет из себя большей частью плоские чашки, то во время обжига, для сохранения места, чашку вкладывали в чашку, и, чтобы они не слепились, их отделяли друг от друга названными треножничками. Наблюдая донца этой посуды, можно заметить часто на обливной внутренней поверхности, три точки, лишенные поливы, а на некоторых треножничках, на концах острых ножек — следы поливы. Если такой треножничек или изолятор приложить к доньшку, то три оголенные точки как раз совпадут с концами ножек. Думается, что этот аргумент сильно гово-

²⁸ Сосуды лежали во фрагментах.

рит в пользу местного производства желто- и зелено-обливной посуды. Кроме гончарного производства, некоторые находки на Увекe заставляют предполагать здесь существование производства разноцветных бус из непрозрачного стекла. Бусы в готовом виде здесь находят в неисчислимом количестве. Но помимо сего, здесь же бывают находимы куски разноцветной смальты, еще не переделанной в бусы. Куски эти встречаются черного (все-го более), синего и желтого цвета, а один кусок был найден красноватого цвета, как краснобурый сургуч. Производство бус предполагает развитие высокой техники, так как приходится иметь дело с материалом, плавление которого требует температуру не менее 800–1200 градусов по Цельсию, и, кроме того, требуется особая сноровка в комбинации тонких рисунков на мозаичных бусинах.

Помимо этих промыслов, поддерживавших жизнь и значение Увекa, нельзя не обратить внимание на особого рода формовки (литейные формы. — Д. К.), на которых имеются продолговатые, плоские, языкообразные углубления с пуговчатыми на конце придатками. Эти углубления на своей поверхности несут весьма разнообразный орнамент, иногда весьма тонкий и напоминающий арабеску и персидский бордюр. Такие формовки могли служить для отливки металлических украшений на поясные или сбруйные ремни или, как полагают иные, для отливки наконечников ножен. В данном случае важно констатировать на Увекe наличие металлического производства и, главным образом, орнаментационного характера. Между прочим, на Увекe почти не известно случаев находок боевого оружия, если не считать двух или трех лопатчатотреугольных стрелок, которые могли служить увековцам и для охоты. Бросается также в глаза значительное число найденных здесь глиняных пряслиц разнообразных форм, употребляемых обыкновенно как веретенные маховики при прядении. В связи с наличием на развалинах Увекa произрастания конопли, ныне в диком состоянии, хотя рост ее достигает иногда одной сажени высоты, можно думать, что и ткацкое производство было здесь развито. Если продукты последнего утилизировались исключительно для местных нужд, то производство посуды, металлических украшений и бус не могло поглощаться жителями Увекa, и должно было идти на сторону.

Более значительное влияние на рост и развитие Увекa оказывало, как упомянуто выше, его положение как конечного пункта на транзитном пути из мордовских земель и Рязанского княжества в Сарай. Столица Золотой Орды была огромным городом не только для того времени, но если к нему приложить масштаб и нашего времени. Ибн Батута объехал его кругом, верхом на лошади, почти в сутки. Он пишет: «Жили мы в одном конце его и выехали оттуда утром, а доехали до другого конца после полудня, совершили (там) молитву полуденную, поели и добрали до (нашего) жилища не раньше как при закате²⁹. Чтобы пройти поперек требовалось не менее 6 часов. И все это сплошной ряд домов, где нет ни пустопорожных мест, ни садов»³⁰. Столь обширный город, который, если представить его в виде квадрата, имеет каждую сторону не менее 21 версты, заключая в себе по всей вероятности миллионное население, и должен был поглощать громадное количество продуктов. Если хлеб в Сарай шел из Булгарской земли Волгой, если он шел в Сарай из Юго-Западной Руси³¹, то не мало должно было его направляться гужевым путем от сурской мокшанской мордвы, а также Рязанского пограничного княжества. Этот путь, как кратчайший к Сарая, приводил на Увек, где хлеб или грузили на суда и сплавляли в Сарай по Волге, или перевозили на другой берег и шел гужом дальше. Напротив Увекa, около Квасниковки, сохранились до сего времени следы татарского поселка и, судя по находкам, современного Увеку³², который по отношению к этому городу был то же, что и Покровская слобода по отношению к Саратову. Помимо хлеба рязанцы могли гнать

²⁹ Тизенгаузен. Указ. соч. С. 306.

³⁰ Там же.

³¹ Карамзин Н.М. История государства Российского. СПб., 1889. Т. 4. С. 13.

³² Кротков А.А., Шишкин П.Н. Городища и курганы близ села Квасниковки // Труды СВАК. 1916. Вып. 26. С. 101–105.

в Увек и Сарай еще мед, воск, дичь, грубый холст, мордва — те же продукты и меха. По степным высоким местам, между водоразделами рек и речек, тянулись «сакмы» или тракты, главный из которых можно провести между бассейнами Медведицы, Хопра и Вороны, с одной стороны, Пензы, Мокши, Цны — с другой. Этот путь мог объединяться с ордыбазарной дорогой³³ и выводил на Калмиусскую сакму, а частью сивался с большим рязанским трактом, ведущим из Руси через нынешний Тамбов в Золотую Орду. «На большом рязанском тракте (из Рязани на Тамбов. — Д. К.) ...», говорит Макаров, есть село Якимцы, где бывает препорядочная ярмарка... Тут же прежде бывали, как говорит предание, еженедельные воскресные торги с татарами ...»³⁴.

Соединяя прямой точки нахождения остатков татарской бытовой старины, обнаруженные пока на территории Саратовской губернии к северо-западу от Саратова: Увек — Курдюм — Аткарк — Елань Сердобской — Якимцы Рязанской губернии, мы хотя бы в грубых чертах намечаем и увекско-рязанский торговый путь. Другой путь к северу из Увека на Суру и может быть по Мокше на Муром намечается через один из этапов на этом пути. Неклюдовское городище в Кузнецком уезде Наскафтымовской волости, где, как упоминалось выше, находят остатки татарщины.

Если намечаемые торговые пути могли возникнуть помимо предприимчивости населения Увека, а благодаря лишь исключительному требованию Сарайского рынка, то развитие местных промыслов, удовлетворяющих запросы ближайшего мордовского населения по Суру и частью Рязанского княжества: лигейное дело, бусяное, гончарное — зависело вполне от развития и способности местного населения Увека. И нужно полагать, судя по указанным остаткам древности, что население его было вполне подготовлено к этому. Возникает вопрос — что же это было за население? Весьма трудно предположить, чтобы это были монголы. Монголы, как народ кочевой, оставались таковыми и во времена своего владычества над Русью: они постепенно передвигались с места на место, окружая ставки ханов или их братьев и сыновей. На монетах мы весьма часто встречаем надпись: «чекан Урду». Урду не был городом в нашем значении слова, т. е. неподвижным, занимающим раз определенное место; это и был город кибиточный, подвижный, идущий за ставкой хана. Где останавливалась палатка хана, там моментально и вырастал город с известным порядком домов-палаток, торговыми и примитивными промышленными заведениями, улицами и переулками. Здесь же хан в случае нужды чеканил свою монету с именем «Урду», здесь же давали они свои ярлыки с данью³⁵. Только зимой цари золотоордынские селились в Сарае, почему арабский писатель Эль Омари и говорит: «Зимовье царей этого государства — Сарай»³⁶.

В постоянных городах Золотой Орды были поселены оседлые народы. Рубрук, проезжая через поселок Увек, говорит, что он был населен сарацинами и русскими. Сарацинами путешественники того времени называли народы тюркского племени, а таковыми могли быть те жители, которые пришли с монгольской Ордой из-за Каспия и Кавказа. Когда старший сын Чингизхана, Саин хан, получил по старшинству дальний удел, т. е. Поволжье, то он вместе с монголами привел (с собой) сюда из завоеванных городов Хо-

³³ Минх А. Н. Историко-географический словарь Саратовской губернии. Саратов, 1901. Т. 1, вып. 3. С. 720 (у А. А. Кроткова нет ссылки на следующий фрагмент, однако он важен в данном контексте: Минх А. Н. Историко-географическое описание Саратовской губернии. Саратов, 1898. Т. 1, вып. 1. С. 38–40. — Д. К.); Чекалин Ф. Ф. Саратовское Поволжье с древнейших времен до конца XVII века. Саратов, 1892. С. 67 (в рукописи А. А. Кроткова дано как «Саратовское Поволжье с основания Саратова до конца XVII столетия»). Это ошибка. — Д. К.)

³⁴ Макаров. Опыт русского простонародного словотолкования // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1847. № 1. С. 2.

³⁵ Григорьев В. О достоверности ярлыков, данных ханами Золотой Орды русскому духовенству // Россия и Азия. СПб., 1876.

³⁶ Тизенгаузен. Указ. соч. С. 243.

резама много пленников, обладающих в то же время высокой культурой и весьма искусных в разных промыслах: делании посуды (увекская простая посуда по характеру и способу выделки весьма схожа с закаспийской), бус, в литые металлических украшений. Эти жители, как народ оседлый, не способный к той подвижной, кочевой жизни, какую вели монголы, и были поселены в разных поселках по берегам р. Волги, значение которой монгольские ханы оценили весьма рано. К хорезмийцам были присоединены пленные русские, увезенные в Орду, причем монголы увозили с собой в плен главным образом людей ремесленных. Не исключается, конечно, прибавление на Увек и монгольских семейств. Об этом можно заключить из находок на этом городище особого рода домашних божков, сделанных из листовой меди, несколько экземпляров которых хранится в нашем музее³⁷. Некоторые божки носят фаллический характер. Монголы, до принятия ислама, были шаманисты и в силу этого должны были иметь семейных, домашних божков, которые, по сказанию Рубрука, делались из войлока, но таковые могли делаться из меди в более позднее время, когда, с принятием ислама, вера в домового бога осталась как пережиток. Свидетельство о пребывании русских на Увек подтверждается многократными находками в культурном слое его каменных образков и медных крестиков, относящихся к XIII и XIV веку. Если проследить, где эти священные для русского человека вещи были найдены на городище Увек, то открывается любопытное явление, что они почти все собраны в одной части Увека, а именно в северной части городища. Проводя с вершины «Каланчи» прямую линию АВ на железнодорожную станцию, (см. план) к северу от нее, вплоть до остатков северного вала, мы получим именно ту местность, где находимся бываю эти священные предметы. Эту местность я называю «Русским концом Увека». Но имеющиеся в музее нашей Саратовской Архивной Комиссии образки и крестики не единственные находки христианских древностей на Увек; в списке Императорской Археологической Комиссии, любезно присланном по нашей просьбе в нашу Комиссию, среди вещей, отправленных Духовниковым, в количестве 21 пуда в Петроград, найденных при проведении железной дороги первоначально разрабатывали именно эту северную часть городища, мы без большой натяжки и вещи Археологической Комиссии можем привлечь в качестве доказательства существования «русского конца». К этому еще одно не лишнее интереса соображение. В этой части городища мы не находим ни одного каменного здания, а если обратим внимание на почву, то заметим, что она имеет в некоторых местах особый цвет — коричневато-желтоватый, указывающий на большое количество примесей сгнившего дерева в почве. Это тоже не подлежащий игнорированию указатель, что эта часть была застроена исключительно деревянными зданиями, столь свойственными русскому человеку того времени.

Еще Краснодарубровский, описывавший Увек, заметил разницу в черепках посуды этой части городища от таковых же черепков другой части Увека³⁸. Черепки посуды этой части из серой глины, грубо-примитивной работы. Не то встретим мы в части городища, лежащей к югу от линии АВ. Между ней и второй линией (АС), проведенной от «Каланчи» через южный вал и Мамайский курган по направлению к Волге (смотри план — промежуток между линиями АВ и АС). Здесь по некоторым продольным направлениям, как надо полагать, одному — параллельному Волге, находящимися под строениями увекских жителей, а другому — перпендикулярному к Волге, проходящему вдоль северного склона Мамайского бугра, где ныне расположены огуречные багчи, встречаются находки другого рода. Первое, на что должно обратить внимание, это массовые находки медной и

³⁷ Такие же божки были отправлены в Санкт-Петербург Духовниковым.

³⁸ Краснодарубровский С. С. Увек // Саратовский дневник. 1890. № 131, 134.

серебряной джучидской монеты, второе — большое количество не только простой, но и майоликовой посуды — синего и белого цвета с белыми арабскими надписями, зеленого цвета с черными рисунками и арабской скорописью, третье — желтой узорчатой обливной посуды, потом массовых находок разноцветных бус, металлических зеркал, поделок из меди и кости, изображений идольчиков, о которых я уже говорил³⁹. В этой же части сконцентрированы и остатки каменных строений, развалины которых тянутся от самой Волги (стена обнаруженная в 1912 году) и вдоль северного склона Мамайского кургана до подножия гор. Здесь, в западной части этой полосы городища, Барроу видел остатки цитадели, которую окончательно порушил барон де Бай, выломав стены этого здания из земли, здесь еще в 1890-х годах хотя и изредка, но встречались отесанные белые огромные камни известняка с типическим татарским орнаментом⁴⁰. Эти белые, орнаментированные камни говорят за то, что в этой части городища могли быть построены здания жилищно-классового населения, здания административных учреждений и мечети. Помимо кирпича и камней нам здесь же, в интервалах между каменными руинами, попадался и саман, а также обгорелое дерево-бревно. Все перечисленные бытовые остатки показывают, что в этой части городища сосредоточено было именно иное население — именно административно-торговое, каковым могли быть хорезмийцы, быть может персы, армяне⁴¹, монголы⁴². Это была центральная, лучшая часть Увека. Благодаря ситуации остатков каменных зданий, как будто намечается даже расположение главной увекской улицы — от Волги вдоль Мамайского кургана, которая выводила на дорогу, ведущую ныне на Ивановский Увек, а прежде выводящую на Увекско-Рязанский путь. Эта дорога пролегает в разрыве южного вала, отделявшего центральную часть Увека от его 3-ей южной части.

Всматриваясь и изучая остатки этой последней части Увека, мы заметим особый ее характер и назначение. Начиная от Волги и до баков Нобея, всюду здесь попадаются могилы с погребениями. Могилы встречаются простые, небогатых обитателей Увека, а также лиц знатного происхождения, похороненных в каменных склепах, отличных крашеных гробах, и в особо устроенных для них мавзолеях или турбах⁴³. Мавзолеи эти отстоят в большей дали от Увека, чем простые погребения. В приволжской стороне этого некрополя, почти спустившейся к Волге, мы с С. А. Щегловым встретили горы для обжига посуды, здесь находят железную окалину, а равно те треножнички-изоляторы, о которых я уже говорил выше, в этой же местности, по рассказам увековцев, был найден клад конических сосудов (до 30 экземпляров одного типа), о назначении которых до сих пор еще спорят археологи. Вся прибрежная местность этой части Увека носила промысловый характер: здесь были расположены гончарные заводы, кузницы и другие промышленные заведения Увека. Выше этой полосы, параллельно Волге, то есть по направлению на юго-запад шла полоса настоящего некрополя Увека с более новыми и более богатыми погребениями, а над ней, поднимаясь в гору, между двумя увалами, шедшими также параллельно Волге и замыкавшимися с севера Мамайским обделанным в четырехгранную пирамиду бутром, лежал увекский водоем, откуда жители Увека получали воду, которая шла в дома по глиняным трубам, многочисленные образцы которых разного диаметра и с разными приспособлениями хранятся в музее СУАК. По-видимому, на Увек существовала не только водопроводная система, но было и известное обустройство для распределения во-

³⁹ В этой части был найден идольчик, литой из меди, в виде обезьянки, держащей в лапках какой-то сосуд.

⁴⁰ Краснодубровский С. С. Увек // Саратовский дневник. 1890. № 181.

⁴¹ Френ Х. О бытшем о монгольском городе Увек в южной стороне от Саратова в переводе Д. Языкова // Труды Императорской Российской академии. 1840. Ч. III. С. 115.

⁴² В описании Сарая Ибн-Батута также говорит: «В нем (живут) разные народы, как-то: монголы...; асы...; кипчаки; черкесы; русские и византийцы», каждый народ в своем участке отдельно; там и базары их (Тивенгаузен. Указ. соч. С. 306).

⁴³ Кротков А. Раскопки на Увек в 1913 году // Труды СУАК. 1915. Вып. 32.

ды. У северной границы владений Нобеля, под обрывом, в том месте, где из восточного угла водоема мог быть выход для воды, стояло какое-то здание вроде башни со множеством отверстий из глиняных труб, а также свободной кирпичной шахтой. Кирпичи от остатка этого здания были разобраны жителями Увека на погребя (см. план). Говорят, что Краснодубровский, работавший на Увеке в 1890-х годах, видел это здание, но он не оставил ни плана его, ни описания.⁴⁴ В целом все Увекское городище со всеми своими хотя бы схематически намеченными концами и торгово-промышленными частями занимает по течению Волги до 2 верст длины, а в поперечник саженей 300⁴⁵. Как с севера, так и с юга центральная часть и русский конец Увека замыкались двумя валами-околицами, спускающимися с горы к Волге. Благодаря присутствию валов, Краснодубровский и другие лица, посещавшие Увек, полагают что он был укрепленным пунктом. Едва ли это так. Если северный и южный вал и могли служить защитой для него, то с восточной стороны, то есть с Волги, и с западной, где идет кряж, у подножия которого город расположен, оставался совсем незащищенным и легко доступным для неприятеля, если бы таковой где и был поблизости. Но ближе Рязанского княжества к западу от Увека никакого неприятеля не было и не со стороны Рязани было ожидать нападения. Поэтому думается, что земляные увекские валы играли скорее роль заставы или околицы, а не укрепления. Предметы древностей с Увека дают нам возможность несколько ознакомиться с внутренней обстановкой жилищ мусульман того времени. Музей СУАК хранит из этого рода древностей так называемый кусок мозаичного пола из разноцветных камней, составляющих растительную арабеску, найденный здесь печной кафель с китайским рисунком⁴⁶, обмазку тех печей, вероятно круглой формы, в которых местные хозяйки особого рода мастера могли печь свои чуречки. В большинстве случаев эти обломки имеют на себе рисунок в виде волнистых линий, идущих в несколько рядов. Из архитектурных украшений внешних стен имеется несколько образцов фризовых кирпичиков с разнообразным выпуклым орнаментом⁴⁷, внутри же зданий стены могли выкладываться из синего, голубого и разноцветного кирпича, весьма красивого и свежего рисунка — кирпич сделан как бы сейчас. В полу жилищ помимо майоликовых плит находят особого рода разноцветные пятиконечные звездочки с отверстием в центре и общим наклоном к нему. Под этими звездочками находятся в подполье обычно кувшины или обложенные кирпичом круглые пустоты для стока воды. Над этими звездочками мусульмане производили омовение перед намазом. Из стальных украшений сохранились круглые или плоские кувшины, сделанные из белой глины, с отпечатками на стенках тонких и изящных украшений, хитросплетенной арабески или каких-либо животных. Ибн-Батута при посещении Хорезма в 1334 году посетил дом хорезмийского кадия (судьи) Омара и видел таковые сосуды. Он пишет: «я входил с ним в его приемную, (одну) из чудеснейших зал, в которой (разостланы) роскошные ковры, стены обиты сукном и со множеством углублений, а в каждом углублении серебряные позолоченные сосуды и иракские кувшины»⁴⁸. Увекские белые кувшины — 2 экземпляра, а также большое количество черепков с лепными орнаментами суть не что иное, как эти иракские сосуды, предмет стальных украшений. Из других предметов бытовой обстановки нельзя не упомянуть своеобразных низких и широких корчаг, без отверстий, кроме одной дудочки. Хранили в таких корчагах масло или какие-либо иные моющие продукты, слу-

⁴⁴ В бумагах Комиссии хранится карандашный рисунок одной части этого сооружения, срисованный Б. В. Зайковским с рисунка И. Ф. Котова, составленного в начале 1880 годов. Котов был учителем в Слободе Покровской.

⁴⁵ С. С. Краснодубровский общие размеры Увека показал 22-3 вв. х 12 в. (*Краснодубровский С. С. Увек // Саратовский дневник. 1890. № 131-134.*)

⁴⁶ В музее хранится имитация. Подлинник в Рыбинском музее покойного Покровского.

⁴⁷ См.: Кротков А. А. Раскопки на Увеке в 1913 году // Труды СУАК. 1915. Вып. 32. Табл. 26.

⁴⁸ *Тивенгаузен. Указ. соч. С. 310.*

жили ли они для воды или чего еще либо — остается пока невыясненным. Интересны также особые глиняные, толстостенные полые шары в 6–7 дюймов в диаметре с отверстием в ½ дюйма, доходящим до внутренней пустоты или несколькими отверстиями в 3–5 миллиметров. Назначение их также загадочно. Находят здесь и серебряные позолоченные чашки с рисунками и медные роскошные ковши с серебряной полудой и арабскими надписями. Вообще Увек до сего времени продолжает дарить многими произведениями, над некоторыми придется будущим археологам немало поработать, чтобы при посредстве их детально и всесторонне осветить жизнь поселенцев, как Увека, так и других городов Золотой Орды. Конечно, это легче было бы сделать, если бы мы имели в руках записки, заметки кого-либо из жителей Золотой Орды, а не азиатских арабов, касавшихся бытовой жизни лишь поверхностно. Но, к сожалению, таковых записок до сего времени еще не находили. Трудно помириться с мыслью, что таких записок не осталось где-либо. Письменность в Орде существовала и были люди и грамотные и даже ученые, как свидетельствуют о том нам арабские писатели, должны бы эти люди кое-что и записывать; существовал в Орде и немалый штат писцов, раз татары по покорению Руси ввели кадастровые книги, то есть учет имущественного состояния покоренного населения для сбора с него гупчура, каллана, тагора и других видов дани. Если сам Чингизхан придавал большое значение архивам, назначив своего младшего сына Туухана государственным архивариусом, то последующие потомки его ценили значение архивов не менее: вопрос только в том, где эти архивы сохранились. Думается, что они живы до сего времени где-либо в недрах развалин старого или нового Сарая, но только мы не умеем, или скорее не хотим, за отсутствием ли на это средств, или по другим причинам приложить к этому рук и отыскать их. Примером тому, как ценили и бережно относились к своим бумагам люди XIII–XIV века, жившие в Золотой Орде, может служить находка, которая сыграв в нашем Археологическом Музее под именем «бочонок». Это действительно небольшой бочонок из красной, хорошо обожженной глины. Он был найден случайно рабочими в 1910 или 1911 году при рытье ям в Цареве, на развалинах Сарая. Нашедшие его рабочие подумали, что в нем золото, так он тщательно был замазан и закупорен. У него сейчас же выбили дно с обеих сторон. Оказалось, что бочонок был набит какими-то бумагами, исписанными татарскими буквами. Раздраженные неудачным содержанием, рабочие изорвали бумагу в мелкие клочки и пустили по степи, а бочонок бросили. Он и служит нам свидетельством бережного и серьезного отношения людей XIII века к сохранению документов!

В заключение коснусь пищевого довольства увекских жителей. При случайных раскопках и разведках в недрах культурного слоя на Увеке находят много костей крупных животных — коров, лошадей и овец и коз. Кости иногда бывают раздроблены или перерублены. Эти кости свидетельствуют нам о мясном составе пищи увекцев. Помимо сего, среди костей животных попадаются иногда кости крупных рыб, осетровых пород. С Увека в музей Комиссии хранится целый клад крупных рыболовных крючков, найденных в корнях дерева. В связи с находками крупных осетровых костей, этот клад дает повод к заключению, что на Увеке могло быть развито рыболовство и стол увекских жителей не был однообразен.

Из растительных пищевых продуктов были найдены — просо, к слову сказать, мельче нашего, зерна горелой пшеницы и еще один род зерна, вроде льняного семени. Без сомнения употреблялись также и молочные продукты, в изготовлении которых монголы были очень искусны: они могли приготовить впрок и соленое масло и делали из молока черный кумыс, подававшийся к столу ханов, напиток не только вкусный, но и пьяный.

Подводя итоги сказанному об Увеке, мы имеем:

1. Татарский Увек был основан в конце 40-х годов XIII столетия ханом Батыем, как перевозочный пункт для послов.
2. Благодаря удобному своему положению, он быстро начал развиваться и через 50 лет уже достиг авания города, где Токтогу хан бил свою монету с именем «Укк».

3. Существование Увека продолжалось до 1395 года, то есть около полутора столетий, когда он был разрушен и сожжен Тамерланом.

4. Так как на Увеке были поселены люди, привыкшие явным образом к оседлой и культурной жизни, люди способные к ремеслам (хорезмийцы, персы, русские), то здесь быстро развивались местные промыслы, которые сделали Увек городом «обильным благами».

5. Богатство жителей Увека подтверждается массовыми находками монет, дорогой посуды, богатыми погребениями, а также остатками пищевых продуктов.

6. Полное знакомство с жизнью Увека может быть лишь при условии отыскания каких-либо письменных памятников — архивов Золотой Орды XIII—XIV века.

Саратов.
1915-й год.

Условные сокращения

АВЕС	Археология Восточно-Европейской степи
Архив СПб ИИ РАН	Архив Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук
ГААО	Государственный архив Астраханской области
ГАВО	Государственный архив Воронежской области
ГАИМК	Государственная академия истории материальной культуры
ГАПО	Государственный архив Пензенской области
ГАСО	Государственный архив Саратовской области
ГАРФ	Государственный архив Российской Федерации
ГАСамО	Государственный архив Самарской области
ГАУО	Государственный архив Ульяновской области
ИОИАИЭ	Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете
Общество ИстАрхЭт	Общество истории, археологии и этнографии при Саратовском университете
ПСЗ	Полное собрание законов Российской империи
ПСРЛ	Полное собрание русских летописей
РГАДА	Российский государственный архив древних актов
РГАСПИ	Российский государственный архив социально-политической истории
РГАЭ	Российский государственный архив экономики
РГИА	Российский государственный исторический архив
РГВИА	Российский государственный военно-исторический архив
САИ	Саратовские археологические исследования
СОМК	Саратовский областной музей краеведения
СУАК	Саратовская ученая архивная комиссия
СУ	Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства
ЦДНИАО	Центр документации новейшей истории Астраханской области
ЦДНИВО	Центр документации новейшей истории Волгоградской области
ЦДНИСО	Центр документации новейшей истории Саратовской области

Научное издание

ПОВОЛЖСКИЙ КРАЙ

Межвузовский сборник научных трудов
Основан в 1972 году

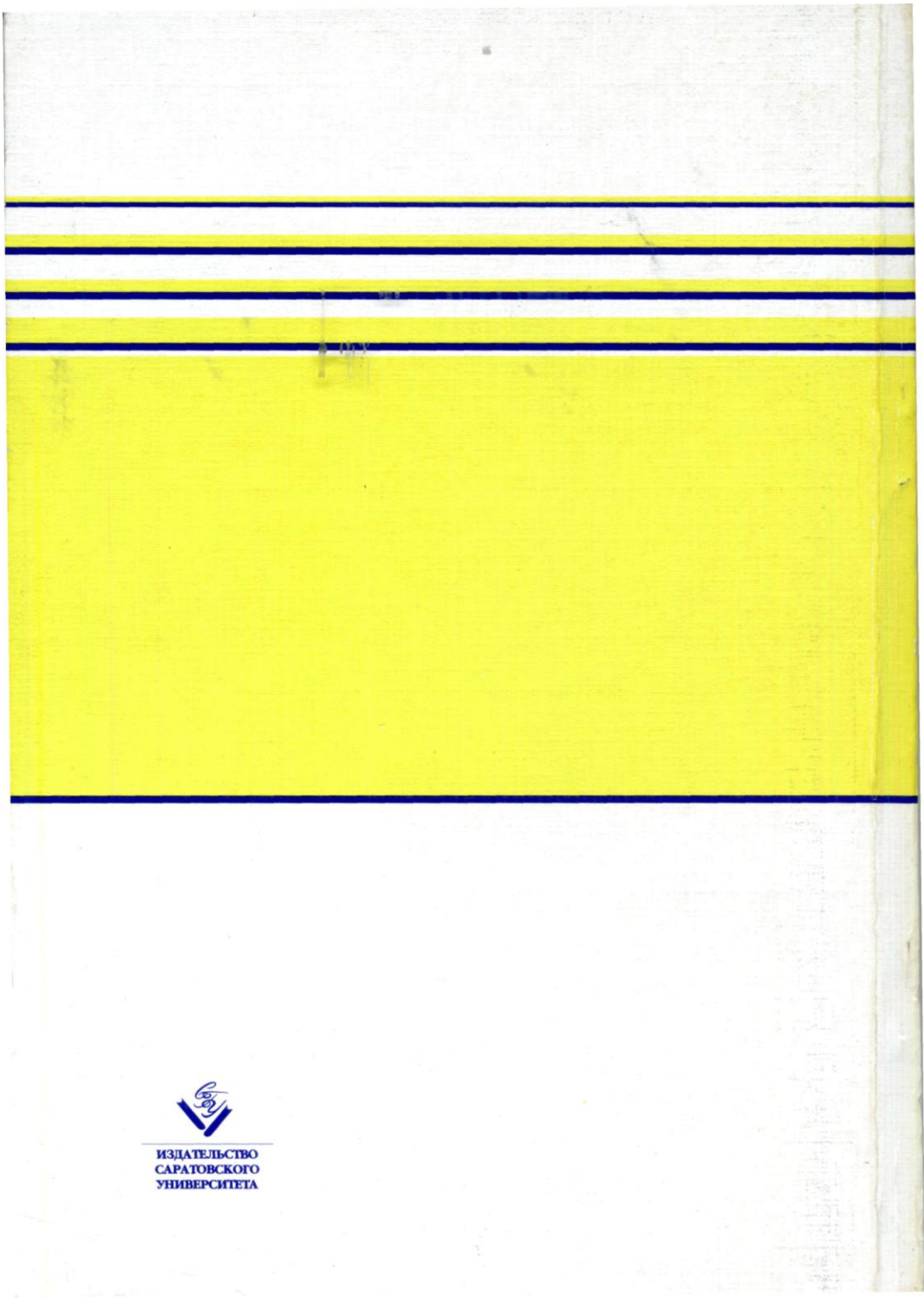
Выпуск 12

ИСТОРИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И АРХЕОЛОГИЯ ПОВОЛЖЬЯ

Ответственный за выпуск *В. Н. Данилов*
Редактор *А. И. Яровинская*
Технический редактор *Л. В. Азальцова*
Корректор *Е. А. Митенева*
Оригинал-макет подготовил *С. Н. Берданов*

Подписано в печать 23.05.2005. Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная.
Гарнитура Академия. Печать офсетная. Усл. печ. л. 12,55 (13,5).
Уч.-изд. л. 13,24. Тираж 150.

Издательство Саратовского университета.
410012, Саратов, Астраханская, 83.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
САРАТОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА